W 50/125

W 50/125

ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ.

W 50/125

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ 1877—78.

ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ.

КН. Л. В. ШАХОВСКАГО.

XXH-113/4
Библиотека Румянцевского Музея

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1878.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Первый походъ за Балканы.

Стр.

Въ погонѣ за генераломъ Гурко. — Отрядъ корреспондентовъ въ горахъ.......... 1
На Шипкѣ.......... 22
Разказъ очевидцевъ о переходѣ Балканъ.......... 25
Походъ за Малые Балканы: Ени-Загра.......... 32
Джуранлы.......... 38
Изъ воспоминаній о первомъ походѣ за Балканы.......... 46

II.

Подъ Плевной.

Встрѣча съ Гурко на осадной батареѣ.—Ночное путешествіе.......... 69
Въ селеніи Трестеникъ.......... 78
Императорская гвардія подъ Плевной.—День генерала Гурко.......... 86
Горній Дубникъ.......... 93
Подробности дѣла при с. Горній Дубникъ.......... 104
Телишъ.......... 119
Похороны офицеровъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.—Посѣщеніе перевязочнаго пункта.......... 128
Отступленіе Турокъ изъ Дольняго Дубника въ Плевну.—Окончательное обложеніе Плевны.......... 135
Обѣдня въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. — Посѣщеніе гвардіи Государемъ Императоромъ.......... 138

III.

Гвардія въ Балканахъ.

Стр.

Выступленіе изъ Дольняго Дубника... 147

Въ Балканахъ.............................. 153

Дѣло у селенія Правцы................................. 160

Занятіе Этрополя... 168

Наши позиціи въ Балканахъ: Златицкій перевалъ............ 180

Позиціи генерала Рауха и генерала Дандевиля............ 191

Позиція графа Шувалова.—Московская и Павловская гора.... 207

IV.

Переходъ черезъ Балканы.

Положеніе солдатъ въ горахъ наканунѣ перехода.......... 223

Стратегическій планъ перехода черезъ Балканы.— Маневры въ горахъ.— Диспозиція перехода................................ 227

Перевалъ черезъ хребетъ авангардной колонны.—Гурко и штабъ на перевалѣ.. 233

Подробности перехода черезъ Балканы.................... 247

Выходъ въ долину Софіи.—Дѣло у Ташкисена.—Бѣгство Турокъ изъ Араба-Конака.—Дѣло у сел. Горный Бугаровъ.—Стычка на мосту черезъ р. Искеръ.—Вступленіе въ Софію............ 250

Турецкіе военные госпитали въ Софіи.................... 264

V.

Въ равнинѣ Марицы.

Отъ Софіи до Филиппополя.— Преслѣдованіе Турокъ.— Ихъ отступленіе изъ Татаръ-Базарджика.............................. 269

Погоня за Самоковскимъ отрядомъ.—День на берегу Марицы.— Занятіе Филиппополя.—Трехдневный бой въ его окрестностяхъ 281

Подробности движенія отъ Софіи къ Филиппополю........... 292

От Филиппополя до Адріанополя.— Переселеніе мусульманъ.— Вступленіе въ Адріанополь Великаго Князя Главнокомандующаго.............. 300

Предлагаемое сочиненіе есть сборъ корреспонденцій, писанныхъ мною съ театра войны въ Московскія Вѣдомости. Пусть читатель не ищетъ въ нихъ ни полноты, ни точности, ни послѣдовательнаго изложенія военныхъ событій, которыхъ я былъ очевидцемъ. Это — просто рядъ впечатлѣній, записанныхъ мною во время моего пребыванія въ отрядахъ генерала Гурко, во время его перваго похода за Балканы, его дѣятельности подъ Плевной и втораго похода за Балканы. Я ихъ предлагаю публикѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они были записаны на походѣ и въ какомъ печатались своевременно въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Москва,
Мая 9-го 1878 г.

I.

ПЕРВЫЙ ПОХОДЪ ЗА БАЛКАНЫ.

Въ погонѣ за генераломъ Гурко.—Отрядъ корреспондентовъ въ горахъ.

Какъ только сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ что нашъ передовой отрядъ перешелъ Балканы, я рѣшился нагнать его по той дорогѣ по которой онъ прошелъ, надѣясь собрать обильный матеріалъ для корреспонденцій. Меня увѣряли что дорога до отряда вполнѣ безопасна, совѣтовали спѣшить и подбить ѣхать съ собой нѣсколькихъ другихъ корреспондентовъ, такъ какъ въ компаніи ѣхать сподручнѣе, да и слѣдовало иностраннымъ корреспондентамъ проѣхать по новой, проложенной русскими войсками черезъ Балканы дорогѣ. Разрѣшеніе Великаго Князя на мою поѣздку было немедленно дано; въ тотъ же вечеръ было написано официальное отношеніе къ генералу Гурко о томъ что я прикомандировываюсь къ его отряду, а я, чтобы не терять времени, въ ту же ночь изъ нашего лагеря отправился верхомъ въ Тырново (версты за три), чтобы найти себѣ компаніоновъ для дороги. Разыскалъ я ночью

г. И., корреспондента *Новаго Времени*, Mr de La Motte— корреспондента журнала *Temps*, Dick Lonlay—корреспондента *Monde Illustré* и Pellicer — корреспондента одного испанскаго журнала. Разбудивъ ихъ ночью и скрывая (какъ мнѣ было приказано) отъ нихъ мѣсто поѣздки, я уговорилъ ихъ слѣдовать за мной, обѣщая при этомъ много интереснаго. Корреспонденты согласились. Отъѣздъ былъ назначенъ на утро 4-го іюля, но кончилось тѣмъ что со сборами мы выѣхали изъ Тырнова только въ шесть часовъ вечера. Маленькій отрядъ нашъ при выѣздѣ изъ Тырнова былъ составленъ слѣдующимъ образомъ. Въ мою телѣжку я положилъ свои вещи: маленькій чемоданчикъ, палатку, постель съ одѣяломъ и пледомъ. Сюда же положилъ свои вещи г. И., предложившій пару своихъ лошадей. Такимъ образомъ дышловая телѣжка съ вещами и съ кучеромъ Антономъ шла впереди, запряженная четверней (парой моихъ и парой лошадей И.). Я ѣхалъ верхомъ, И. также; трое же иностранныхъ корреспондентовъ помѣстились въ свою громоздкую, отличной работы коляску, запряженную четверней, привязавъ верховыхъ лошадей сзади коляски. Маршрутъ нашъ, намѣченный по картѣ съ названіями деревень, на которыя мы должны были ѣхать, хранился у меня въ карманѣ и составлялъ пока тайну для другихъ моихъ спутниковъ. Въ то время въ Главной Квартирѣ хранили въ тайнѣ переходъ нашего отряда черезъ Балканы вслѣдствіе военныхъ соображеній. Мы взяли проводника Болгарина до ближайшей деревни и въ шесть часовъ вечера выѣхали изъ Тырнова, узкимъ ущельемъ сразу вступивъ въ горную мѣстность. Вечеръ былъ дивный и виды великолѣпны. Чрезъ полчаса ѣзды мы очутились совершенно въ горахъ: цѣлое море холмовъ, вершинъ, высокихъ и низкихъ горъ составляли нашъ горизонтъ; и очер-

танія ихъ были самыя разнообразныя. Я въ первый разъ увидалъ настоящую горную мѣстность и, несмотря на усталость, отъ хлопотъ цѣлаго дня, былъ очень доволенъ, почти въ восторгѣ. Вокругъ насъ вся почва была покрыта голубыми цвѣтами, отчего горы получали при заходящемъ солнцѣ нѣжно-голубой отливъ. Я сравнивалъ нашу дорогу по горамъ съ плаваніемъ по морю: кромѣ неба да горъ ничего не видно; а постоянные подъемы и спуски—словно медленная качка на морѣ. Проводникъ нашъ, какъ оказалось вскорѣ, не зналъ вовсе дороги и мы подвигались впередъ, разспрашивая про дорогу у встрѣчныхъ крестьянъ. Первая остановка наша должна была быть въ деревнѣ Плаково, гдѣ мы предполагали заночевать и до которой думали добраться засвѣтло. Добрались на самомъ дѣлѣ только въ одиннадцать часовъ вечера, при совершенной темнотѣ и успѣвшихъ нависнуть тучахъ. Въ деревушкѣ нашли казачій постъ, оставленный нашимъ передовымъ отрядомъ, и при помощи казаковъ быстро отыскали себѣ ночлегъ. Это былъ благоустроенный домъ, гдѣ оказались диваны, свѣчи, отличный ужинъ, вино и даже чистыя простыни. Увидавъ такую роскошь, а главное, выпивъ мѣстнаго вина, спутники мои пришли въ веселое расположеніе духа. Французы стали сыпать остроты и я, взявъ съ нихъ слово что они не возвратятся уже назадъ въ Тырново и не покинутъ меня, сообщилъ имъ цѣль нашего путешествія, чѣмъ они остались весьма довольны. Хорошо выспавшись, въ пять часовъ утра слѣдующаго дня мы снова пустились въ путь. Въ этотъ день холмистый характеръ горъ смѣнился болѣе конусообразными очертаніями и горы были покрыты лѣсомъ. Подъемы стали круче, чувствовалось что мы взбираемся все выше и выше; сотни ручейковъ, ручьевъ и фонтанчиковъ текли и

бились между разсѣлинами горъ и въ глубинѣ узкихъ долинъ. Вода въ нихъ была чистая, холодная и очень вкусная, а день же кстати былъ весьма жаркій. Безъ особыхъ приключеній мы добрались до состоящаго изъ трехъ домовъ селенія Баніулъ къ двѣнадцати часамъ дня, нашли тамъ второй казачій постъ и напоили лошадей. Проводникъ, взятый нами изъ Плакова (тырновскаго проводника мы прогнали), объявилъ намъ въ Баніулѣ что вести насъ впередъ не можетъ, ибо не знаетъ дальше дороги, а казаки стали увѣрять что дорога дальше непроходима для коляски и телѣжки и что слѣдуетъ бросить экипажи. Такъ какъ въ Баніулѣ мы не нашли проводника изъ Болгаръ, то я, пользуясь тѣмъ что былъ одѣтъ въ свой походный мундиръ, приказалъ одному изъ казаковъ сѣсть верхомъ и вести насъ до слѣдующаго казачьяго поста. Казаки кинули жребій, кому изъ нихъ быть нашимъ проводникомъ, выбрали одного и мы, предводимые казакомъ, двинулись въ дальнѣйшій путь въ первомъ часу дня. Переѣздъ отъ Баніула до слѣдующей деревушки Войнешти былъ очень тяжелый, такъ какъ горы становились все круче и круче, а дорога все каменистѣе и у́же. Четыремъ лошадямъ въ рядъ было идти невозможно, ибо съ одной стороны мы постоянно находились на краю обрыва, а съ другой—у стѣны высокой горы; и на этой узкой тропинкѣ лежали на самой дорогѣ огромные камни. Кое-какъ добрались до Войнешти часовъ около трехъ дня. Тамъ расположились отдохнуть и, къ прискорбію своему, увидали что въ Войнештахъ нельзя найти никакой пищи, кромѣ персиковъ, сливъ и хлѣба. Закусивъ этимъ скуднымъ провіантомъ, взяли новаго казака изъ Войнешти, переложили лошадей, такъ что пара шла въ дышлѣ, а другая пара впереди, какъ ѣздятъ съ форейторомъ. Утомленные

отъ жаркаго дня и медленнаго пути, почти голодные, мы двинулись дальше, въ шесть часовъ вечера, не въ веселомъ расположенiи духа. Лошади не привыкшiя къ новой запряжкѣ путались, сбивались въ сторону, натаскивали телѣжку и коляску на камни. Каждую минуту приходилось останавливаться и поправлять лошадей. Въ довершенiе всего люди наши начали громко браниться и отказываться ѣхать далѣе, такъ что кучера Французовъ пришлось угрозами заставить молчать и слушаться приказанiй. Не знаю ужь какъ далеко успѣли бы мы уѣхать при такихъ условiяхъ, но неожиданный случай явился къ намъ на помощь и вразумилъ насъ. На одномъ изъ крутыхъ подъемовъ колесо коляски попало между двухъ камней, и когда лошади стали дергать впередъ, ось застрявшаго колеса сломалась; я приказалъ своей телѣжкѣ объѣхать коляску по покатому мѣсту горы, но телѣжка моя, едва сдвинулась съ мѣста, очутилась внезапно всего на двухъ переднихъ колесахъ; заднiя колеса и кузовъ ея оторвались отъ передка. За цѣлый день у насъ столько накопилось желчи и столько мы внутренно уже сердились, что это внезапное приключенiе подѣйствовало на насъ отрезвляющимъ образомъ и всѣ мы единодушно расхохотались. Однако медлить было нельзя. Быстро сообразили какъ быть и что̀ дѣлать. Послали нашего казака въ Войнешти привести другихъ казаковъ на помощь. Тѣ скоро прискакали и мы, сложивъ всѣ не крайне необходимыя вещи въ коляску Французовъ и поручивъ казакамъ починить коляску и доставить ее съ вещами назадъ въ Тырново, двинулись далѣе. Кузовъ своей телѣжки я бросилъ въ горахъ, а изъ передка И. устроилъ весьма остроумную повозку на двухъ колесахъ. Конечно, на передкѣ нельзя было уложить много вещей и было постановлено

въ принципѣ что каждый изъ насъ положитъ на передокъ только по одному маленькому чемоданчику. Шествіе наше получило слѣдующій порядокъ: въ передокъ были запряжены лошади И., которыя тянулъ подъ уздцы Антонъ, сидя впереди на моей лошади (выпряженной изъ сломанной телѣжки); на другой моей лошади ѣхалъ нашъ общій лакей—Болгаринъ и, наконецъ, мы всѣ верхами, съ казакомъ впереди. Небольшой багажъ нашъ прикрутили веревками къ передку, чтобъ онъ не сползалъ на землю. Часовъ въ девять вечера поѣхали дальше, и ужъ не умѣю сказать по какой дорогѣ доѣхали до перевала къ двумъ часамъ ночи. Была темнота; луна на нѣсколько минутъ показывалась изъ-за тучъ и снова скрывалась. Мы видѣли только смутно темныя массы горъ, тѣснившихся вокругъ нашей дороги, слышали шумъ ручья, бурлившаго гдѣ-то глубоко внизу обрыва. Передокъ нашъ стучалъ по камнямъ, взбираясь на глыбы и со звономъ падая на слѣдующіе острые торчащіе по дорогѣ камни. Лошади Богъ знаетъ какъ и почему ступали своими ногами. Мы то спускались въ ущелье, ѣхали по водѣ, по руслу ручья, то взбирались на страшную высоту. Въ темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть. Отъ длиннаго, полнаго впечатлѣній дня мы были утомлены до нельзя и ѣхали всю дорогу молча. Около двухъ часовъ ночи изъ-за кустовъ заблисталъ костеръ и мы очутились на вершинѣ горы, представлявшей собою круглую площадь. Кругомъ высоко и мрачно торчали пики Балканъ, но на плоскости, куда мы въѣхали, ярко горѣлъ огонь. Казаки спали вокругъ костра, лошади ихъ стояли, пережевывая сѣно, а горѣвшее пламя освѣщало высокій деревянный столбъ на каменномъ пьедесталѣ съ высоко развѣвающимся бѣлымъ флагомъ. Мы первымъ дѣломъ бросились къ столбу и, при

помощи свѣта костра и спичекъ, прочли слѣдующую, вырѣзанную на столбѣ надпись: «30-го іюня 1877 г. Переходъ генерала Рауха съ коннопіонернымъ дивизіономъ черезъ Балканы. 4 тыс. фут. н. п. м.» Далѣе слѣдовали фамиліи офицеровъ, перешедшихъ Балканы съ генераломъ Раухомъ. Мы были на перевалѣ. По шуму и направленію ручьевъ, текущихъ по обѣимъ сторонамъ горы, на которой мы находились, мы догадались что тутъ мѣсторазделеніе горныхъ потоковъ, изъ которыхъ одна часть течетъ на южную сторону Балканъ, другая на сѣверную. Измучившись сами порядкомъ въ этотъ день, усталые и голодные, мы особенно чутко почувствовали въ этомъ столбѣ нѣчто родное, какъ будто и мы были участниками побѣды, одержанной надъ Балканами, въ память которой стояла тутъ простая, полуотесанная деревянная колонна съ развѣвающимся бѣлымъ флагомъ. Это чувство, чувство какого-то довольства, радости, скажу, гордости пріободрило насъ до того что Pellicer, который едва шевелилъ языкомъ отъ утомленія, смогъ высказать глубокомысленное замѣчаніе, что въ этой колоннѣ для него заключается «весь синтезъ настоящей кампаніи». Казаки, при нашемъ приближеніи, повскакали на ноги, угостили насъ хлѣбомъ. У Ла-Мотта отыскалась внезапно коробка сардинъ; мы заварили чай и такимъ образомъ поужинавъ, рѣшили скорѣе спать. Но спать вообще, не только скорѣе, было весьма трудно. На вершинѣ горы дулъ рѣзкій ночной вѣтеръ; ни домика, ни хижинки не было кругомъ на десять верстъ разстоянія; приходилось мастерить себѣ постель на открытомъ воздухѣ и при весьма скромныхъ постельныхъ принадлежностяхъ. Я положилъ на голую землю кожанъ, подъ голову сѣдло, укутался въ свое форменное пальто и расположился заснуть à la belle étoile. Спутники мои сдѣ-

лали то же самое. Съ непривычки спать на открытомъ воздухѣ только дремалось, а не спалось, и мы всѣ поднялись въ пять часовъ утра со своихъ неудобныхъ постелей. Заварили снова чай; Dick Lonlay срисовалъ колонну, а часовъ въ семь мы уже осѣдлали лошадей, запрягли нашъ передокъ и готовы были снова двинуться въ путь. Въ семь же часовъ прискакалъ казакъ изъ Тырнова и объявилъ казачьему посту на перевалѣ что по всей дорогѣ приказано снять посты и казакамъ вернуться въ Тырново. Тутъ же мы узнали что отъ перевала и вплоть до передоваго отряда сторожевыхъ постовъ уже болѣе нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки на перевалѣ не сумѣли объяснить намъ, какъ далеко находится передовой отрядъ: быть-можетъ онъ находится верстъ за сорокъ, быть-можетъ еще дальше. Я и И. поняли тутъ что съ этого момента и до неизвѣстнаго мѣста, гдѣ находится передовой отрядъ, дорога наша ничѣмъ не обезпечена. Положеніе могло сдѣлаться весьма непріятнымъ. Но дѣлать было нечего, нельзя же было ворочаться назадъ и сознаться въ трусости, въ особенности послѣ полуторадневнаго тяжелаго путешествія. Я и И. рѣшили скрыть отъ нашихъ спутниковъ-иностранцевъ настоящее положеніе дѣла изъ боязни чтобы тѣ не вздумали вернуться назадъ въ Тырново вмѣстѣ съ послѣдними уходящими съ перевала казаками. Сѣли снова на лошадей и я взялъ на свою отвѣтственность казака съ перевала съ тѣмъ чтобъ онъ не разлучался съ нами до тѣхъ поръ пока мы не отыщемъ передоваго отряда генерала Гурко, гдѣ бы этотъ отрядъ ни находился.

Мы выѣхали съ перевала въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра, на южную сторону Балканскихъ горъ, по крутому каменистому спуску, ведущему къ руслу неглубокаго ручья, по дну котораго проходила дальнѣйшая дорога. По бокамъ стояв-

шія горы сдвигались все ближе къ дорогѣ, становились угрюмѣе и казались дикими; густой лѣсъ покрывалъ ихъ отъ подошвы до верха. Мы двигались по дну довольно широкаго, но не глубокаго ручья, по берегамъ котораго стѣной разрослись кусты и деревья, такъ что путь нашъ представлялъ безконечно суживающуюся аллею. Въ 10 часовъ солнце стало уже порядкомъ припекать, и прохлада ручья, и тѣнь нависшихъ кустовъ и деревьевъ были какъ нельзя болѣе кстати. Лошади то и дѣло наклоняли головы, втягивая въ себя холодную воду горной рѣчки; всадники часто слѣзали съ коней, чтобъ утолить жажду, такъ какъ въ узкой, сжатой горами дорогѣ по ручью становилось душно. Меня и И. ни на минуту не покидала смутная тревога и безпокойный вопросъ: гдѣ нашъ отрядъ и когда мы его догонимъ? Гдѣ только позволяла дорога, мы погоняли лошадей и ѣхали крупною рысью, стремясь поскорѣе выбраться изъ горъ. Несчастный Ла-Моттъ, который кажется первый разъ въ жизни ѣхалъ верхомъ, представлялъ печальную фигуру на англійскомъ сѣдлѣ и безпрестанно бранился и извергалъ безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ французскихъ jurons, не понимая куда мы спѣшимъ по такой палящей жарѣ и по такой несносной дорогѣ. Часовъ около 12 дня мы свернули изъ ручья въ сторону и стали подниматься по крутому подъему; ручей глубже и глубже уходилъ внизъ, а горы сдвигались все ближе. Мы были у входа въ Хаинкіойское ущелье. Ущелье это—страшно; на пугливомъ конѣ опасно по немъ ѣхать; дорога такъ узка что два всадника едва-едва могутъ проѣхать рядомъ: нашъ передокъ занималъ какъ разъ всю дорогу.

Справа у насъ была пропасть, на днѣ которой широкій ручей казался узкою струйкой; за пропастью вздыма-

лись высочайшія горы; слѣва стѣной стояли неприступныя каменистыя глыбы, высоко поднимавшіяся подъ самое небо. Ущелье было узко, дико и какъ-то подавляло насъ, стѣсняя дыханіе. Нѣсколько человѣкъ Болгаръ попалось намъ на встрѣчу съ навьюченными лошадьми, и на нашъ вопросъ «гдѣ находится генералъ Гурко?» объяснили, что Гурко ушелъ очень далеко, что Казанлыкъ взятъ нашими войсками и что до Казанлыка остается еще верстъ 40—50. При выходѣ изъ ущелья мы встрѣтили еще болѣе многочисленную партію Болгаръ, человѣкъ въ тридцать съ женщинами и дѣтьми, которые только и дѣлали что повторяли: «Турци, Турци, много Турци!» Въ эти минуту мы выѣзжали изъ Балканскихъ горъ въ Казанлыкскую долину. Послѣ узкаго ущелья, стѣснявшаго дыханіе и кругозоръ, предъ нами развернулась просторная картина: широкою лентой лежала предъ нами зеленая равнина, окаймленная вдали горами, тонувшими въ голубоватомъ освѣщеніи. Столбы дыма тамъ и сямъ по равнинѣ обозначали горящія турецкія деревни, а налѣво отъ насъ изъ-за зелени деревьевъ выглядывала красиво расположенная деревня Хаинкіой; къ этой деревнѣ мы и повернули нашихъ коней. Отъ Хаинкіойскаго ущелья до деревни оставалось всего версты четыре и мы поѣхали шагомъ подъ лучами сильнѣйшаго солнца. По дорогѣ то и дѣло встрѣчались Болгары, которые снимали шапки и кланялись въ поясъ и до земли, умоляя, какъ мы могли понять, защитить ихъ отъ Турокъ. Въ особенности меня поразила фигура одного священника, который выбирался изъ Хаинкіойя въ горы вмѣстѣ со своими прихожанами: онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, а рядомъ съ нимъ, низко намъ кланяясь и снявъ шапку, старикъ Болгаринъ показывалъ намъ еще свѣжую рану на головѣ, говоря что

эта рана сегодня нанесена ему Турками. Изъ разспросовъ этихъ спасающихся въ горы отъ страха предъ Турками Болгаръ мы могли понять что отрядъ генерала Гурко ушелъ изъ Хаинкіойя два дня тому назадъ, что въ горахъ теперь показались баши-бузуки и угрожаютъ жителямъ Хаинкіойя; жители въ страхѣ бѣгутъ въ горы по направленію къ Тырнову, забирая съ собою только ручной багажъ. Положеніе наше становилось критическимъ. До отряда Гурко оставалось сутки, а можетъ-быть и болѣе пути. Баши-бузуки могли появиться каждую минуту, и что̀ могъ бы сдѣлать противъ нихъ нашъ маленькій отрядъ въ семь человѣкъ, вооруженныхъ только пистолетами, да еще одинъ казакъ, вооруженный какъ слѣдуетъ? Лошади наши утомились и мы не могли бы даже ускакать отъ конныхъ баши-бузуковъ, наконецъ Турки могли подсторожить насъ изъ-за какого-нибудь куста. Хорошо еще, думалось мнѣ, если убьютъ моментально, а то попадешься къ нимъ въ руки, они начнутъ мучить и еще наругаются надъ нами, отсѣкая по частямъ руки, ноги, уши, какъ они дѣлаютъ съ плѣнными. Придется, думалось мнѣ, самому пустить себѣ пулю въ голову, какъ скоро положеніе сдѣлается безысходнымъ. Я взглянулъ на роскошную долину Казанлыка, освѣщенную яркимъ солнцемъ; столбы дыма тамъ и сямъ стояли по ней густыми облаками, и чудная картина долины показалась мнѣ зловѣщею и мрачною. На минуту мною овладѣла внутренняя тревога и я силился ничѣмъ не выдать своего внутренняго состоянія товарищамъ. Но спутники мои, Французы, уже догадались въ чемъ дѣло по выраженію лицъ бѣгущихъ Болгаръ и по ихъ смущенному виду. Ла-Моттъ и Dick Lonlay стали приставать ко мнѣ съ сотней вопросовъ, упрековъ, атакуя меня съ двухъ сторонъ, не давая сосредоточиться

и обдумать о томъ что̀ надо дѣлать. Ла-Моттъ настаивалъ чтобы не медля вернуться въ Тырново. Dick Lonlay просто бранился; одинъ Испанецъ Pellicer сохранялъ философское спокойствіе и ѣхалъ молча, угрюмо насупившись. Я и И. порѣшили прежде всего что въ подобномъ положеніи слѣдуетъ сохранять строжайшее кладнокровіе и импонировать на Французовъ выраженіемъ спокойствія. Между тѣмъ мы шагомъ подымались къ деревнѣ по широкой равнинѣ, и еслибы гдѣ-нибудь въ окрестныхъ горахъ находились баши-бузуки, они могли бы видѣть нашъ маленькій отрядъ какъ на ладони. Я подозвалъ къ себѣ казака и, принявъ видъ спокойной беззаботности, спросилъ его: «можешь, братъ, уложить человѣкъ десять Турокъ?»—«А Богъ е знаетъ, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ,—какъ придется.»—«А человѣка четыре уложишь?» настаивалъ я дальше.—«Четырехъ-то какъ не уложить, а только тутъ никто какъ Богъ. Богъ не поможетъ и съ однимъ не справишься, а поможетъ, такъ и десять Турокъ не страшны.» Отвѣтъ былъ успокоительный. Мы были уже у самой деревни, полагая не найти въ ней ни одного Болгарина, такъ какъ много Болгаръ встрѣтили по дорогѣ; мы подвигались съ осторожностью, изъ опасенія вмѣсто Болгаръ застать въ деревнѣ Турокъ; но къ удивленію нашему мы встрѣтили въ деревнѣ много не ушедшихъ еще жителей. Мущины всѣ были вооружены ружьями и сидѣли кучками у ручья, протекавшаго по срединѣ деревни; женщины, дѣвушки и дѣти жались другъ ко другу не вдалекѣ отъ мущинъ. Безпокойство и смятеніе было ярко написано на всѣхъ лицахъ. При нашемъ приближеніи крестьяне и крестьянки встали, подошли къ намъ на встрѣчу, низко кланяясь, и повторяя: «Турки, баши-бузуки идутъ! защити насъ!» Мы показали имъ на

ихъ ружья и дали имъ понять что они сами должны защищаться и что Турки не страшны. Въ отвѣтъ на это жители стали спрашивать насъ, когда придетъ къ нимъ русское войско и показывали на горы, говоря что тамъ все Турки, которые придутъ и перерѣжутъ ихъ. Мы слѣзли съ лошадей, привязали ихъ и прежде всего попросили хлѣба, молока и всего что̀ найдется для обѣда. Нашлось весьма не многое: хлѣбъ и плоды. Пообѣдавъ, я порѣшилъ что прежде всего надо отдохнуть отъ усталости и волненія и постараться уснуть хотя на полчаса. Я отошелъ отъ товарищей въ тѣнь огромнаго орѣховаго дерева, положилъ себѣ сѣдло подъ голову и успѣлъ подремать около часа. Французы не ѣли и не спали, находясь въ сильнѣйшей тревогѣ. Сквозь сонъ я слышалъ какъ Ла-Моттъ громко жаловался на то что поѣхалъ со мною, Dick Lonlay кричалъ что онъ пріѣхалъ на войну чтобы быть корреспондентомъ, а не воевать. Мы рѣшили остаться еще одинъ часъ въ Хаинкіойѣ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ и послѣ этого ѣхать дальше, стараясь скорѣе нагнать отрядъ генерала Гурко. Кстати, мы нашли трехъ солдатъ Болгарской дружины, отставшихъ отъ отряда по болѣзни и собиравшихся такъ же какъ и мы нагонять отрядъ. Это было намъ на руку. Распрощавшись съ жителями, въ три часа дня мы снова сѣли на своихъ лошадей и двинулись въ путь въ сопровожденіи болѣе многочисленной свиты. У насъ была пѣхота въ количествѣ трехъ Болгаръ, кавалерія въ образѣ казака и артиллерія въ формѣ нашихъ пистолетовъ. Бѣгство жителей изъ Хаинкіойя, попавшихся намъ еще въ горахъ, паническій страхъ и смятеніе людей, которыхъ мы застали въ самой деревнѣ, ихъ увѣренія что идутъ баши-бузуки рѣзать ихъ, наконецъ нѣсколько выстрѣловъ, о которыхъ я забылъ упомянуть

выше и которые мы слышали въ направленіи Хаинкіойя при нашемъ выѣздѣ изъ деревни,—все это повергло насъ въ тревогу и представило нашему воображенію весь рискъ предстоящаго намъ пути до передоваго отряда генерала Гурко. На чемъ основывался паническій страхъ жителей, на одномъ ли предположеніи что баши-бузуки могли придти или же баши-бузуки въ дѣйствительности были близко и показывались у деревни? Объясненія этому мы никакъ не могли добиться у жителей, по незнанію ихъ языка и трудности объясняться съ ними. Какъ бы то ни было мы выѣхали не въ покойномъ состояніи духа. Спускаясь къ ручью въ верстѣ отъ деревни, лошадь Ла-Мотта у самаго ручья шарахнулась въ сторону и самъ Ла-Моттъ испустилъ крикъ: «Глядите, глядите!» Я подскакалъ и глазамъ моимъ представилось слѣдующее зрѣлище. Въ ручьѣ лежалъ на боку скорчившись Турокъ; онъ былъ страшно худъ, лицо его было желто и на щекѣ зіяла большая рана, изъ которой струилась кровь и окрашивала вокругъ него воду. На спинѣ виднѣлся длинный поперечный разрѣзъ; стая мухъ шумѣла около ранъ. Раненый былъ еще живъ, тяжело открывалъ глаза и какъ-то безсмысленно проводилъ мокрою рукой по груди и по боку, упорно повторяя одно и то же движеніе руки. Одинъ изъ пѣхотинцевъ нашихъ Болгаръ, знавшій по-турецки, обратился къ раненому съ вопросомъ: кто онъ такой и какъ попалъ сюда. Но Турокъ не далъ отвѣта, а можетъ-быть и не слыхалъ и не видалъ насъ. Онъ съ трудомъ приподнялся на одной рукѣ, повернулся на другой бокъ и тяжело опустилъ голову въ воду раненою стороной лица. Несмотря на то что мы сами спѣшили и не могли терять времени, надѣясь до ночи добраться въ болѣе безопасное мѣсто, мы единогласно рѣшили оказать раненому по-

мощь; послали тотчасъ же нашего казака въ Хаинкіой, съ тѣмъ чтобъ онъ привелъ къ намъ поскорѣе изъ деревни нѣсколько человѣкъ Болгаръ. Казакъ ускакалъ, а мы попытались еще нѣсколько разъ вызвать раненаго на отвѣтъ; но кромѣ глухихъ стоновъ ничего не добились отъ него.

Четыре Болгарина, приведенные изъ деревни нашимъ казакомъ, ничего намъ не объяснили. Они испуганно смотрѣли на раненаго Турка, и на наши приказанія вытащить его изъ воды и снести въ деревню, жались другъ ко другу, повторяя въ страхѣ: «это Турокъ, Турокъ!» И только наши угрозы заставили ихъ, вытащивъ раненаго, понести его въ деревню. Чтó было дальше съ несчастнымъ, мы не знаемъ, такъ какъ мы поспѣшили тронуться въ дальнѣйшій путь.

Дорога наша лежала вдоль Казанлыкской долины; на глазомѣръ ширина долины, вытянувшейся между цѣпями горъ, показалась мнѣ версты въ 4 или 5. Богатство долины бросалось въ глаза и радовало взоръ. Густые виноградники, сжатыя и несжатыя поля, орѣховыя деревья, и на лугахъ густая и сочная трава. Долина представляла предъ нами богатый, роскошно одаренный природой оазисъ среди дикихъ и сумрачныхъ горъ; то былъ словно лучъ солнца между грозными тучами. Хотѣлось насладиться природой и прекраснымъ видомъ, но мысль что изъ каждаго куста, изъ-за каждой виноградной плантаціи могли появиться баши-бузуки, отравляла впечатлѣніе, и долина являлась въ нашихъ глазахъ розовымъ кустомъ въ которомъ скрывается ядовитая змѣя. Ла-Моттъ высказалъ замѣчаніе что баши-бузуки непремѣнно должны рыскать въ хвостѣ передоваго отряда, убивая и обкрадывая отставшихъ солдатъ. Все это было весьма возможно,

и И. дошелъ до того что составилъ даже цѣлый планъ обороны въ случаѣ нападенія на насъ баши-бузуковъ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ чтобы при открытомъ на насъ нападеніи не медля слѣзть съ сѣделъ, стать за лошадьми и отстрѣливаться изъ пистолетовъ до послѣдней возможности; въ случаѣ же стрѣльбы въ насъ изъ-за кустовъ, ринуться на непріятеля въ кусты верхомъ на лошадяхъ съ громкими криками *ура*. Отъѣхавъ еще верстъ пять или шесть, мы встрѣтили партію Болгаръ, мущинъ и женщинъ, человѣкъ въ пятнадцать или двадцать. Всѣ они, не исключая и женщинъ, были вооружены кто палками, кто ружьями и каждый тащилъ, кромѣ того, въ рукахъ какое-нибудь добро—кто узелокъ, кто ведро, а кто ящикъ. За толпой Болгаръ ѣхали три телѣжки, до верху набитыя разнаго рода скарбомъ, перинами, подушками и т. д. Мы остановились и остановили Болгаръ. Начались разспросы съ помощію мимики.

Отъ Болгаръ мы узнали что Казанлыкъ дѣйствительно взятъ отрядомъ генерала Гурко, и что самъ генералъ и весь его отрядъ находится въ настоящую минуту въ Казанлыкѣ. До Казанлыка оставалось еще верстъ сорокъ, а было уже шесть часовъ вечера. Мы рѣшили ѣхать скорѣе и постараться къ полночи добраться до Казанлыка. Наша пѣхота не позволяла намъ ѣхать рысью, и мы уже подумывали какъ бы отъ нея отдѣлаться, какъ на наше счастье попались намъ на встрѣчу еще человѣкъ пять Болгаръ, которые вели съ собою трехъ лошадей. Мы остановили партію, приказали нашимъ пѣхотинцамъ разсѣсться на трехъ свободныхъ лошадей, а одному Болгарину ѣхать съ нами до Казанлыка, чтобъ отвести взятыхъ у партіи лошадей обратно. Болгары остались недовольны такимъ распоряженіемъ и начали было шумѣть,

но мы прикрикнули на нихъ, и они покорились. Обративъ пѣхоту въ кавалерію, мы поѣхали крупною рысью и галопомъ, но не надолго. При спускѣ въ небольшой ручеекъ пара лошадей, тащившая нашу двуколеску—знаменитый передокъ, испугалась чего-то, вырвалась изъ рукъ Антона и понесла; одна изъ лошадей запуталась въ постромки, лошади начали бить, мы не могли ихъ догнать: а онѣ несли и били до тѣхъ поръ пока не сломали дышла и не остановились какъ вкопанныя, но увы! уже на развалинахъ нашего передка. Приходилось остановиться и помочь какъ-нибудь горю; придумали вырубить новое дышло и привязать его веревками къ передку; къ счастію же у насъ оказались и топоръ, и веревки. Казакъ слѣзъ съ лошади, снялъ съ себя винтовку, положилъ пику на землю и съ топоромъ отправился въ ближайшіе кусты вырубать дышло. Мы стояли довольно близко къ горамъ; съ правой стороны отъ дороги и до этихъ горъ мѣстность была покрыта кустами и деревьями, а по лѣвую отъ насъ сторону тянулась равнина, заканчивавшаяся также горами, но эти горы казались намъ на разстояніи шести или семи верстъ. У подошвы этихъ дальнихъ горъ и слѣва же отъ насъ лежала турецкая деревушка Уфлани. Она представляла въ ту минуту облако дыма, среди котораго прорѣзывался яркій красный столбъ пламени. Кѣмъ подожжена была эта деревня—было намъ неизвѣстно. Мы стояли среди поля и безъ одной человѣческой души вокругъ. Минутъ чрезъ пять казакъ воротился изъ кустовъ съ топоромъ, но безъ дышла.

— Что жь ты дышла не принесъ? обратились мы къ нему.

— Винтовку надо взять, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ нѣсколько угрюмо.

— Зачѣмъ винтовку?

— Да тамъ, въ канавѣ, въ кустахъ пять человѣкъ Турокъ лежатъ въ красныхъ шапочкахъ. Не разобралъ—спятъ они что ли, живые ли, либо мертвые.

— Возьми винтовку, да ступай рубить дышло въ другое мѣсто и не очень шуми топоромъ.

Казакъ снова отправился въ кусты, а мы остались дожидаться его среди поля, не вдалекѣ отъ дороги, тамъ гдѣ сломалась наша телѣжка. Вновь какая-то смутная тревога и вмѣстѣ непобѣдимое любопытство начинало овладѣвать мною. Мнѣ хотѣлось пойти въ кусты и посмотрѣть на лежавшихъ тамъ Турокъ. Но внезапно нѣсколько раздавшихся въ сторонѣ деревни глухихъ выстрѣловъ отвлекли наше вниманіе въ ту сторону. Раздались ли эти выстрѣлы въ самой горящей деревнѣ или за нею въ горахъ—мы не могли различить хорошенько. Да и были ли то выстрѣлы? Быть-можетъ то былъ трескъ обвалившихся отъ огня зданій. Какъ бы то ни было, но сильнѣйшее любопытство овладѣло мной: меня интересовала горящая не вдалекѣ деревня, и я объявилъ товарищамъ что пойду туда и посмотрю что̀ тамъ дѣлается, пока чинятъ нашъ экипажъ. И. и Французы протестовали противъ этого, но я настоялъ на своемъ и пошелъ по направленію къ деревнѣ съ Pellicer, вызвавшимся идти вмѣстѣ со мной. Держа пистолетъ въ рукахъ наготовѣ, мы подошли къ деревнѣ Уфлани. Красный столбъ пламени сталъ принимать, по мѣрѣ нашего приближенія, болѣе неправильныя очертанія пылавшаго огня: то горѣлъ высокій плетень, обнесенный вокругъ до тла уже сгорѣвшаго дома; тянуло смрадомъ; деревья у плетня обуглились и висѣвшіе на нихъ плоды съежились и приняли коричневый цвѣтъ. Мы пошли дальше. Полная картина разрушенія глянула на

насъ изъ-за деревьевъ. Деревня вся уже выгорѣла, кое-гдѣ еще торчали полуобрушенныя стѣны жилищъ; изъ-подъ нихъ струился дымокъ, и почва вся была покрыта тлѣющимъ углемъ и усыпана сѣроватою золой. Но внутри огромныхъ садовъ въ Уфлани уцѣлѣли садовыя деревья; вѣтви ихъ ломились отъ вкусныхъ и зрѣлыхъ сливъ, бѣлыхъ и синихъ, абрикосовъ, незрѣлыхъ еще грушъ и яблоковъ. Мы стали трясти деревья, и плоды градомъ посыпались на землю. Наѣвшись вкусныхъ плодовъ, мы направились къ единственному не сгорѣвшему зданію—мечети. Она уцѣлѣла вѣроятно потому что была обнесена плотною стѣной деревьевъ; деревья обуглились, но защитили святыню мусульманъ отъ огня. Мы вошли въ мечеть: тамъ не было замѣтно никакихъ признаковъ грабежа. Плохонькіе, протертые ковры лежали на немытомъ полу; деревянныя люстры низко спускались надъ самою головой, а въ нихъ торчали шкалики, наполненные масломъ. Листы бумаги съ изреченіями изъ Корана были приклеены ко внутреннимъ стѣнамъ мечети. Обстановка была бѣдная, даже нищенская; и пусто было въ самой мечети, пусто было и въ деревнѣ. Только собака залаяла, выползши откуда-то при нашемъ выходѣ изъ мечети. Мы поспѣшили назадъ съ пожарища къ нашимъ спутникамъ. Передокъ былъ уже починенъ и лошади запряжены. Былъ 9-й часъ вечера; до ближайшаго большаго селенія оставалось около 18 верстъ и мы спѣшили добраться до него поскорѣе, чтобы въ немъ заночевать, не думая уже доѣхать въ тотъ день до Казанлыка. Мы поѣхали крупною рысью и галопомъ; передокъ нашъ мчался за нами. Ярче и ярче выдѣлялась на небѣ луна, сообщая фантастическій видъ картинѣ. Горы казались окрашенными легкимъ красноватымъ свѣтомъ; сильный вѣтеръ внезапно поднялся по

долинѣ и ярко доносилъ до насъ звуки гдѣ-то вдалекѣ раздававшихся пушечныхъ выстрѣловъ, словно ударовъ отдаленнаго грома. Такого вѣтра я не испытывалъ въ своей жизни. Надо было усиливаться чтобы сидѣть прямо на сѣдлѣ. Пламя горящихъ деревень стало совсѣмъ краснымъ при наступавшей ночи. Мы быстро скакали, шпоря коней и нанося имъ удары плетьми, такъ какъ лошади устали отъ длиннаго дня и долгой дороги, и къ 12 часамъ ночи прибыли благополучно въ Маглишъ. Опередивъ нашъ отрядъ, Ла-Моттъ въѣхалъ первымъ въ деревню и съ нимъ произошла тутъ комическая сцена. Нѣсколько человѣкъ солдатъ изъ Болгарской дружины, оставленныхъ въ Маглишѣ на посту, или просто отставшихъ отъ своего отряда, увидавъ скачущаго по деревнѣ всадника, окружили Ла-Мотта, остановили его коня и угрожающимъ тономъ требовали чтобъ онъ сошелъ съ лошади и шелъ за ними подъ арестъ. Ла-Моттъ нашелъ наилучшимъ въ такомъ положенiи увѣрять Болгаръ на французскомъ языкѣ что онъ русскiй князь и что поэтому его не слѣдуетъ трогать. Мы подскакали на эту сцену, прикрикнули на Болгаръ и все обошлось благополучно. Отлично поспавъ въ Маглишѣ и хорошо поужинавъ, рано утромъ на слѣдующiй день мы поѣхали въ Казанлыкъ, отстоящiй отъ Маглиша на двѣнадцать верстъ. Дорога шла сквозь густыя розовыя плантацiи, но розы уже отцвѣли и мы видѣли одни только зеленые кусты. Между ними часто попадались на глаза валяющiеся и неприбранные еще трупы турецкихъ солдатъ. По срединѣ дороги часто встрѣчалась гнiющая падаль замореннаго въ дорогѣ или убитаго въ сраженiи коня. По направленiю къ Казанлыку доносился трескъ рѣдкихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Въ 10 часовъ утра крыши и минареты Казанлыка выглянули изъ-за де-

ревьевъ и мы благополучно въѣхали въ городъ, отыскивая штабъ генерала Гурко. То былъ знаменитый день бѣгства Турокъ изъ укрѣпленій Шипки и занятія Шипки русскими войсками. То былъ день завершившій блистательно переходъ отряда генерала Гурко черезъ Балканы по тому пути который мы только-что сдѣлали, нагоняя нашъ славный передовой отрядъ. Генерала Гурко не было въ городѣ; онъ уѣхалъ въ Шипку осматривать турецкія батареи, доставшіяся въ руки Русскихъ. Мы застали въ городѣ генерала Рауха, садившагося уже на коня чтобъ ѣхать вслѣдъ за генераломъ Гурко на шипкинскія укрѣпленія. Онъ любезно предложилъ намъ ѣхать съ нимъ за 12 верстъ въ Шипку и, несмотря на утомленіе послѣ совершенной нами дороги, мы поспѣшили принять любезное предложеніе генерала и двинулись вмѣстѣ съ нимъ и съ частью штаба къ Шипкѣ. Дорогой генералъ Раухъ и адъютанты Гурко удивлялись тому, какъ мы могли такъ счастливо проскочить между Хаинкіойемъ и Казанлыкомъ не наткнувшись на баши-бузуковъ. Баши-бузуки, говорили они, бродятъ вездѣ въ горахъ и въ Казанлыкской долинѣ они скрываются въ поляхъ, въ кустахъ и въ виноградникахъ, у самыхъ стѣнъ Казанлыка, стрѣляя изъ засады въ одиночныхъ всадниковъ; такимъ образомъ былъ убитъ на этихъ дняхъ изъ-за куста полковникъ Роникеръ, отважившійся въѣхать одинъ съ небольшою свитой, и убитъ былъ всего въ какихъ-нибудь трехъ верстахъ отъ города. Но мы были уже при отрядѣ, мы скакали теперь съ генераломъ Раухомъ, въ сопровожденіи конвоя казаковъ, и только-что перенесенное нами путешествіе отъ Тырнова до Казанлыка казалось намъ интересною и полною впечатлѣній картиной.

Казанлыкъ
13-го іюля 1877 г.

На Шипкѣ.

Знаменитый Шипкинскій проходъ черезъ Балканы—въ рукахъ Русскихъ со вчерашняго дня! Угрожаемые съ двухъ сторонъ русскими силами, Турки покинули неприступныя высоты, защищающія выходъ изъ Балканъ въ Казанлыкскую долину, и втихомолку ушли въ горы, оставивъ въ рукахъ Русскихъ всѣ грозныя батареи съ орудіями и снарядами и весь лагерь на горахъ съ палатками и запасами. Этотъ великій успѣхъ русскаго оружія былъ достигнутъ передовымъ отрядомъ генерала Гурко и отрядами подошедшими съ противоположной стороны изъ Габрова. Душой славнаго дѣла обхода Шипки съ юга и замѣчательнымъ его исполнителемъ былъ генералъ Гурко. Быстрымъ движеніемъ въ послѣднихъ числахъ іюня онъ перешелъ Балканы по несуществовавшей доселѣ дорогѣ, по дорогѣ проложенной въ три дня русскими піонерами черезъ дебри и кручи Балканскихъ горъ, перешелъ съ артиллеріей въ 16 орудій, и спустившись у деревни Хаинкіой въ Казанлыкскую долину, неожиданно для Турокъ напалъ на нихъ съ тылу. Непрерывнымъ боемъ въ теченіе 2, 3, 4, 5 и 6 іюля подвигался генералъ Гурко по Казанлыкской долинѣ, сражаясь у каждой деревушки по дорогѣ, занялъ Казанлыкъ и оттуда повелъ свой отрядъ противъ засѣвшихъ въ неприступныхъ высотахъ Шипки турецкихъ войскъ. Угрюмая и дикая природа Балканъ у Шипки, въ соединеніи съ воздвигнутыми на вершинахъ обрывистыхъ горъ непріятельскими батареями, представляла поистинѣ страшную крѣпость для нападающихъ. 4 и 6 іюля были горячіе дни для передоваго отряда гене-

рала Гурко. Стрѣлки отряда, взобравшись между кустами довольно близко къ турецкимъ укрѣпленіямъ, уложили много Турокъ въ эти дни своими мѣткими выстрѣлами. Турки, видя возрастающую убыль въ своихъ рядахъ и угрожаемые съ другой стороны русскими отрядами, подошедшими черезъ Балканы изъ Габрова, почувствовали себя между двухъ огней и пустились на хитрость. Они отправили въ лагерь генерала Гурко парламентера для переговоровъ о сдачѣ укрѣпленій, и пока въ нашемъ лагерѣ парламентера встрѣчали съ почетомъ и угощали какъ дорогаго гостя, все турецкое войско бѣжало по лѣснымъ тропинкамъ въ горы, бросивъ все на мѣстѣ, и орудія, и военные припасы.

Я только-что воротился съ покинутыхъ Турками батарей и съ горъ гдѣ происходили ежедневныя битвы съ 4 по 6 іюля. Страшныя, возмутительныя картины представляются тамъ для зрителя. Свѣжо еще поле сраженія, еще дышетъ оно всѣми ужасами битвы; еще неприбранныя тѣла убитыхъ турецкихъ солдатъ валяются тамъ и сямъ въ безпорядкѣ, по дорогѣ и въ кустахъ. (На взглядъ, убитыхъ Турокъ очень много.) Но вотъ на одной изъ площадокъ горы открывается зрѣлище отъ котораго больно становится внутри. Турки, прежде чѣмъ покинули высоты Шипки, успѣли захватить въ плѣнъ нѣсколько раненыхъ русскихъ солдатъ и офицеровъ и звѣрски, дико изувѣчили ихъ. Въ одномъ мѣстѣ кучкой сложено 18 отрѣзанныхъ головъ русскихъ воиновъ, и между ними голова одного полковника, начальника отряда пластуновъ; на перерубленной шеѣ у него виднѣлась красная ленточка съ крестомъ, приставшая къ запекшейся крови. Въ другомъ мѣстѣ лежатъ два-три десятка голыхъ труповъ русскихъ же солдатъ и офицеровъ (у которыхъ головы не отрѣзаны),

надъ которыми Турки совершили всевозможныя жестокости. Все это трупы нашихъ раненыхъ, попавшихся въ руки Турокъ еще живыми. Именно, 6 іюля 14-й и 15-й стрѣлковые баталіоны и 200 человѣкъ пластуновъ подошли близко къ турецкому лагерю, обстрѣливая и лагерь и укрѣпленія. Видя себя въ опасности, Турки пустились на гнусную хитрость: они послали на встрѣчу нашимъ стрѣлкамъ парламентера, какъ будто бы для переговоровъ; завидя бѣлый флагъ, стрѣлки и пластуны прекратили огонь, опустили ружья и послали своего парламентера; этою-то минутой воспользовались Турки; они съ горы ринулись внезапно на наши баталіоны и заставили ихъ податься назадъ. Отступая, наши солдаты не успѣли забрать съ собою раненыхъ, которыми не медля завладѣли Турки и учинили надъ ними кровавый пиръ, безчеловѣчную мѣсть за понесенныя пораженія. Турки замучили нашихъ раненыхъ живыми, отрубали имъ руки, ноги, разрубали ихъ на части, наносили имъ удары ножами и штыками въ грудь, животъ и спину. Одинъ изъ этихъ мучениковъ—солдатъ лежитъ на спинѣ съ отрубленною головой, съ застывшею поднятою вверхъ рукой и съ пальцами сложенными для крестнаго знаменія; другой застылъ скорченнымъ въ предсмертныхъ судорогахъ съ перерѣзанными на рукахъ и ногахъ жилами. Тутъ же валяется рука въ рукавѣ повязанномъ повязкой Краснаго Креста. Врачъ сопровождающій насъ констатировалъ тотъ фактъ что всѣ эти мученики были замучены живыми и умерли не отъ ранъ полученныхъ ими на полѣ битвы, а отъ турецкихъ истязаній.

Въ числѣ зрителей, между нами находилось нѣсолько французскихъ корреспондентовъ и между прочимъ корреспондентъ *Times*. Пусть оповѣстятъ они всѣму міру о

томъ какъ обращаются уже не баши-бузуки, а императорская турецкая армія, низамъ, съ ранеными и плѣнными Русскими! Художникъ Dick Lonlay (корреспондентъ *Monde Illistré*) и испанскій художникъ Pellicer сняли рисунки съ этого дикаго зрѣлища.

На Шипкѣ отряды наши нашли брошенныя турецкими войсками четыре крупповскія орудія и два горныя дальнаго метанія, огромные военные запасы, запасы хлѣба и всякаго продовольствія. Взятіемъ деревни Шипки отрядъ генерала Гурко отрѣзалъ находящіися въ Балканахъ войска отъ всякаго сообщенія съ остальною турецкою арміей и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ возможность атаковать ихъ съ тылу, что̀ и вызвало ихъ поспѣшное отступленіе.

Казанлыкъ.
8 іюля 1877 г.

Разказъ очевидцевъ о переходѣ Балканъ.

Въ прошломъ письмѣ моемъ къ вамъ я упомянулъ въ короткихъ словахъ о движеніи передоваго отряда генерала Гурко и о бѣгствѣ Турокъ изъ укрѣпленій Шипки. Возвращаюсь сегодня снова къ этому славному дѣлу, въ которомъ безспорно на первомъ планѣ выдается переходъ нашего передоваго отряда черезъ Балканы, такъ какъ благодаря только этому переходу турецкій гарнизонъ Шипки былъ отрѣзанъ отъ сообщенія со своимъ операціоннымъ базисомъ—Филиппополи, принужденъ былъ бросить свои позиціи и очистить старую, торную дорогу для войскъ черезъ Балканы—изъ Габрова въ Казанлыкскую долину. Укрѣпленія Шипки сторожатъ на южномъ склонѣ Бал-

канскихъ горъ Шипкинскій проходъ и представляютъ по своему положенію позиціи которыя нельзя взять приступомъ, а развѣ одною блокадой, т.-е. принудивъ къ сдачѣ голодомъ, для чего необходимо отрѣзать предварительно гарнизонъ Шипки отъ всякаго сообщенія съ главнымъ операціоннымъ базисомъ турецкой арміи — Филиппополемъ. Поэтому главная задача передоваго отряда генерала Гурко состояла именно въ томъ чтобы пробраться въ Шипку какою-нибудь неизвѣстною Туркамъ дорогой черезъ Балканы, напасть на нихъ съ тылу врасплохъ и окуржить Шипку съ юга, со стороны Казанлыка. При этомъ предполагалось что другой отрядъ русскаго войска долженъ былъ двинуться съ сѣвера отъ Габрова по Шипкинскому проходу черезъ Балканы, и что гарнизонъ Шипки очутится такимъ образомъ окруженнымъ русскими войсками съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Безспорно, самою серіозною частью этого смѣлаго предпріятія было найти новую дорогу черезъ Балканы, притомъ такую, по которой могли бы пройти войска съ артиллеріей изъ Тырнова въ Казанлыкскую долину. Генералъ Гурко, по занятіи Тырнова, направилъ всѣ свои старанія къ изысканію подобнаго пути черезъ Балканы и прибѣгъ для этой цѣли къ разспросамъ въ Тырновѣ мѣстныхъ жителей—Болгаръ, знакомыхъ съ краемъ. Изъ этихъ разспросовъ оказалось что изъ Тырнова въ Казанлыкскую долину существуетъ мало извѣстная тропа, годная только для вьюка, проходящая черезъ Балканы на деревушки: Плаково, Присово, Средне-Колибе, Войнешти, Райковцы и Паровцы. Тропа эта узкимъ ущельемъ выходитъ въ Казанлыкскую долину у деревни Хаинкіой. При этомъ одинъ Болгаринъ, Ходжи Стоя, увѣрялъ что онъ проѣхалъ по сказанной тропѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

на колесаркѣ, двуколесномъ экипажѣ, провозя вино изъ Тырнова въ Хаинкіой, но что онъ не ручается чтобы съ тѣхъ поръ не произошло какихъ-либо обваловъ, которые могли сдѣлать тропу вовсе непроходимою. Какъ бы то ни было, передовому отряду генерала Гурко не приходилось долго медлить въ Тырновѣ, и рѣшено было пуститься въ рискованное, опасное предпріятіе — прохода черезъ Балканы по неизвѣстному дотолѣ пути съ войсками и артиллеріей. Не медля былъ организованъ для этого особый передовой отрядъ піонеровъ, составленныхъ изъ одной сотни уральскихъ казаковъ и конно-саперной команды, собранной изъ разныхъ казачьихъ сотенъ, отрядъ совершенно не подготовленный къ дѣлу, состоящій изъ казаковъ и солдатъ мало обученныхъ саперному дѣлу. Но за то командованіе этимъ отрядомъ было поручено опытному и свѣдущему офицеру генеральнаго штаба, генералу Рауху, который и выступилъ 28 іюня изъ Тырнова во главѣ своей небольшой колонны въ Балканскія горы. Задача генерала Рауха состояла въ томъ чтобъ изслѣдовать и быстро обратить упомянутую тропу на Хаинкіой въ проходимую для артиллеріи и войскъ дорогу, соблюдая при этомъ строжайшую тайну своего присутствія въ Балканахъ, дабы не выдать ея Туркамъ, зорко сторожившимъ всѣ выходы изъ Балканъ въ Казанлыкскую долину. Отрядъ выступилъ налегкѣ; офицерамъ запрещено было взять съ собою обозъ съ вещами; слѣдовали за отрядомъ всего нѣсколько повозокъ съ динамитомъ и шанцовыми инструментами. Отрядъ генерала Гурко долженъ былъ выступить вслѣдъ за передовымъ отрядомъ піонеровъ, но только двумя днями позже. Чтобы сохранить вполнѣ секретъ предпріятія, генералъ Раухъ, при выступленіи изъ Тырнова, объявлялъ всѣмъ и каждому что от-

рядъ его направляется въ Елену, куда дорога совпадала съ дорогой на Хаинкіой до деревушки Средне-Колибе.

Выступивъ изъ Тырнова 28 іюня, въ 5 часовъ вечера, отрядъ піонеровъ остановился на ночевку въ дер. Плаковѣ, гдѣ принужденъ былъ оставить фуры и громоздкія вещи, затруднявшія быстроту движенія отрядовъ въ горахъ. На другой день изъ Плакова выступили въ 8 часовъ утра, непрерывно пролагая и поправляя дорогу смѣнными командами, спѣшивавшимися и догонявшими всадниковъ ѣхавшихъ въ головѣ колонны. Къ ночи этого дня отрядъ дошелъ до деревни Райковцы, встрѣтивъ самыя большія трудности близъ селенія Войнешти. Тамъ крутой, обрывистый подъемъ въ гору былъ весь загроможденъ огромными каменьями и каменными глыбами, которыя приходилось дробить кирками и сдвигать съ мѣста руками, такъ какъ генералъ Раухъ, опасаясь выдать Туркамъ присутствіе своего малаго отряда въ горахъ, рѣшилъ воздержаться отъ употребленія динамита для взрыва камней. День былъ жаркій; накаленный и спертый въ горахъ воздухъ затруднялъ дыханіе работавшихъ, въ пищѣ сказывался недостатокъ, ибо кромѣ небольшаго запаса сухарей не было ничего другаго, и фуры съ провіантомъ были брошены еще вчера на дорогѣ. Солдаты изнемогали отъ жары и усталости. Но генералъ Раухъ и капитанъ Сахаровъ, снявъ мундиры, съ кирками и ломомъ въ рукахъ пошли впереди отряда и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ работали сами, примѣромъ ободряя солдатъ. Для подъема на эту гору шестнадцати четырехфунтовыхъ орудій, слѣдовавшихъ позади, съ отрядомъ генерала Гурко, были заказаны въ селеніи Войнешти буйволы и волы.

Изъ Райковцевъ отрядъ піонеровъ рано утромъ двинулся далѣе и дошелъ въ тотъ день до перевала близъ

селенія Паровцы, гдѣ, въ память проложеннаго русскими войсками новаго пути черезъ Балканы, было рѣшено воздвигнуть, по предложенію полковника графа Роникера, колонну. Къ несчастію, самого автора этого памятника, графа Роникера, уже нѣтъ болѣе въ живыхъ; онъ погибъ на дняхъ, и не на полѣ сраженія, а на дорогѣ, убитый изъ-за куста, невдалекѣ отъ Шипки, пулей баши-бузука. Но возвращаюсь къ отряду. Отъ перевала работа шла круглый день на южной сторонѣ хребта, по спуску къ руслу горной рѣчки, текущей черезъ Хаинкіойское ущелье. Въ этотъ день отрядъ піонеровъ не пошелъ далѣе, ибо слишкомъ отошли отъ главнаго отряда генерала Гурко, и представлялась опасность быть отрѣзанными непріятелемъ, находившимся всего въ пятнадцати верстахъ разстоянія отъ отряда. Насколько критическимъ могло стать ежеминутно положеніе этой горсти людей, заночевавшихъ на узкой тропинкѣ среди горъ, можно судить уже по тому что въ это самое время, въ 15 верстахъ разстоянія отъ отряда, проходили черезъ Хаинкіой, направляясь въ Сливно, три баталіона турецкой пѣхоты. Отрядъ генерала Рауха стоялъ въ ту минуту какъ разъ у входа въ узкое, дикое ущелье, на краю пропасти, стѣсненной высокими горами, и догадайся Турки о такомъ близкомъ сосѣдствѣ русскихъ войскъ, отступленіе отряда по горному ущелью было бы невозможно, и весь отрядъ долженъ бы былъ погибнуть на мѣстѣ до послѣдняго человѣка. Но Турки не предполагали у Русскихъ такой смѣлости и риска какъ переходъ съ артиллеріей черезъ Хаинкіойское ущелье. Это ущелье, по-турецки Хаинъ-Боазъ, пользуется у Турокъ страшною извѣстностью: ни птица туда не залетаетъ, ни звѣрь туда не заходитъ, скрываются тамъ одни только разбойники, да иногда отчаянный всадникъ заѣдетъ въ

это ущелье и торопится въ страхѣ повернуть назадъ своего коня. Поэтому-то Турки, занявъ своими войсками всѣ малѣйшіе выходы изъ Балканъ въ Казанлыкскую долину, не сочли нужнымъ занимать Хаинкіойское ущелье, какъ слишкомъ хорошо защищенное самою природой дикихъ горъ.

Получивъ извѣстіе что генералъ Гурко находится уже съ казачьею бригадой на перевалѣ, генералъ Раухъ дозволилъ сдѣлать развѣдку всего ущелья, а также и обходной дороги на западъ отъ ущелья, по которой отправился самъ съ капитаномъ Сахаровымъ и по которой должна была пройти въ послѣдствіи конница параллельною колонной. По самому же ущелью, чтобы преждевременно не открыть Туркамъ присутствія нашихъ войскъ, генералъ Раухъ отправилъ урядника князя Церетелева, переодѣтаго Болгариномъ и въ сопровожденіи трехъ настоящихъ Болгаръ. Пройдя все ущелье до конца, вплоть до мельницы, принадлежащей Туркамъ, князь Церетелевъ вернулся благополучно къ отряду, убѣдившись что дорога по ущелью проходима безъ поправокъ для горной артиллеріи, а для конной—съ небольшими исправленіями. На другой день весь отрядъ генерала Гурко находился уже на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ, и поредовыя его части бивакировали въ 10 верстахъ отъ непріятеля. Тишина соблюдалась самая строгая, запрещено было громко разговаривать, зажигать спички и закуривать папиросы, не говоря уже о кострахъ, хотя ночь была сырая и холодная. 2 іюля, утромъ, отрядъ генерала Гурко вышелъ изъ ущелья, имѣя впереди себя пластуновъ и баталіонъ стрѣлковъ. Они наткнулись при выходѣ на четверыхъ конныхъ башибузуковъ, которые, завидѣвъ Русскихъ, быстро ускакали, поднявъ тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ и въ сосѣднихъ селахъ.

Баталіонъ нашихъ стрѣлковъ и отрядъ пластуновъ завязали тотчасъ же перестрѣлку съ двумя ротами Турокъ, расположенныхъ въ деревнѣ Хаинкіой и заставили ихъ отступить. Турки бросили лагерь, а стрѣлки и пластуны дошли до селенія Конары, гдѣ взяли другой турецкій лагерь, разогнавъ цѣлый баталіонъ турецкой пѣхоты. 2 іюля весь отрядъ генерала Гурко находился уже въ Казанлыкской долинѣ, благополучно совершивъ переходъ черезъ Балканы, не потерявъ ни одного человѣка, даже ни одной лошади изъ тащившихъ въ горы тяжелыя орудія. Энергіей и неутомимою дѣятельностью нашихъ піонеровъ, и въ особенности присутствіемъ духа и смѣлостью командира ихъ, генерала Рауха, былъ проложенъ путь по которому безпрепятственно прошелъ передовой отрядъ генералъ-лейтенанта Гурко. Нравственное впечатлѣніе, произведенное на Турокъ отважнымъ переходомъ передоваго отряда чрезъ Балканы, было громовое. Они отступили предъ нашимъ отрядомъ вдоль всей Казанлыкской долины, и хотя крѣпко держались нѣсколько часовъ въ деревнѣ Уфлани, но въ концѣ-концовъ очистили и Казанлыкъ предъ отрядомъ генерала Гурко. Вмѣстѣ съ тѣмъ, растерявшись отъ такого неожиданнаго появленія Русскихъ въ Казанлыкской долинѣ, и атакованные съ сѣвера отрядомъ Орловскаго полка съ казаками, Турки упали духомъ и не рѣшились держаться долѣе въ укрѣпленіяхъ Шипки, убѣжавъ оттуда въ горы и бросивъ неприступную позицію почти безъ боя. Окружные села и города, какъ Ески-Загра и Калоферъ, поспѣшили прислать генералу Гурко депутаціи съ изъявленіемъ покорности и съ извѣстіемъ что Турки сложили въ этихъ городахъ оружіе, моля о пощадѣ.

Казанлыкъ.
9 іюля 1877 г.

Походъ за Малые Балканы: Ени-Загра.

Занявъ Шипку и обезпечивъ русской арміи второй свободный путь через Балканы, генералъ Гурко основалъ главную квартиру передоваго отряда въ городѣ Казанлыкѣ. Но по свойству и задачамъ этого отряда, носящаго названіе летучаго и передоваго, генералъ Гурко не долго оставался въ Казанлыкѣ безъ дѣла. Въ теченіе 10 дней стоянки главной квартиры отряда въ Казанлыкѣ было предпринято генераломъ Гурко нѣсколько кавалерійскихъ рекогносцировокъ по направленію къ югу, къ Филиппополю, причемъ сотня казаковъ доходила до узла Филиппопольской и Ямбольской желѣзныхъ дорогъ и успѣла испортить желѣзный путь у станціи Каяджикъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Въ городѣ Ески-Загра, по занятіи Шипки покинутомъ турецкими войсками, генералъ Гурко поставилъ 3 кавалерійскіе полка (два драгунскіе, Казанскій и Астраханскій и Кіевскій гусарскій) подъ начальствомъ Николая Максимиліановича Герцога Лейхтенберскаго и 1½ бригады Болгарскаго ополченія. Изъ предпринятыхъ рекогносцировокъ, между прочимъ, оказалось что армія Сулейманъ-паши, прибывшаго изъ Черногоріи во главѣ 45 баталіоновъ турецкаго войска, подвигается къ сѣверу отъ Адріанополя, и что одинъ изъ ея отрядовъ занялъ на дняхъ городъ Ени-Загру, а бо́льшая часть новоприбывшей арміи находится на пути къ Ески-Загрѣ. Получивъ это извѣстіе 16 іюля, генералъ Гурко рѣшилъ, не теряя времени, воспрепятствовать дальнѣйшему движенію арміи Сулейманъ-паши и вмѣстѣ съ тѣмъ попытаться разбить эту армію по частямъ. Въ виду этого рѣшено было атаковать

сначала тѣ баталіоны турецкаго войска которые заняли Ени-Загру, а затѣмъ уже двинуться соединенными силами отряда на встрѣчу остальныхъ баталіоновъ арміи Сулеймана. Нападеніе на Ени-Загру было назначено на 18 іюля, причемъ планъ нападенія былъ задуманъ въ слѣдующемъ порядкѣ: къ 8 часамъ утра, 18 іюля, рѣшено было собраться у Ени-Загры всѣмъ отдѣльнымъ частямъ передоваго отряда, расположеннымъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ въ селеніи Хаинкіой стояли Сѣвскій и Елецкій полки при двухъ пѣшихъ батареяхъ, подъ начальствомъ генерала Борейши. Имъ приказано было въ назначенный день и часъ появиться подъ Ени-Загрой съ лѣваго фланга. Николаю Максиміліановичу было поручено въ тотъ же день и часъ изъ Ески-Загры подойти къ Ени-Загрѣ съ правой стороны, самъ же генералъ Гурко со стрѣлковою бригадой, конною батареей, пластунами и четырьмя сотнями казаковъ, расположенными у Казанлыка, долженъ былъ появиться непосредственно насупротивъ Ени-Загры. Въ 9 часовъ утра, 18 іюля, назначено было всѣмъ тремъ сошедшимся частямъ открыть сраженіе, атакуя Ени-Загру съ трехъ сторонъ соединенными силами отряда.

Сдѣлавъ соотвѣтствующія сказанному плану распоряженія, генералъ Гурко выступилъ изъ Казанлыка 17 іюля, рано утромъ, направляясь по Казанлыкской долинѣ чрезъ деревни Суфуларъ, Кишла̀, Елгово и Балабанли къ Малымъ Балканамъ, отдѣляющимъ Казанлыкскую долину отъ долины рѣки Марицы, въ которой расположена Ени-Загра. Часовъ въ 12 дня, генералъ Гурко съ сопровождавшими его частями отряда сдѣлалъ большой привалъ у деревни Кишла̀, и къ вечеру того же дня выступилъ дальше. Впереди, медленно и тяжело ступая, двигалась пѣхота, за нею ѣхалъ самъ начальникъ отряда со штабомъ и конвоемъ,

шествіе замыкали артиллерія, казаки, пластуны. Казачьи разъѣзды по сторонамъ и впереди отряда сторожили и высматривали, нѣтъ ли гдѣ по дорогѣ Черкесовъ и башибузуковъ. Наступила ночь. Луна одѣла долину и горы матовымъ цвѣтомъ; сѣроватыя днемъ облачка дыма отъ тлѣющихъ тамъ и сямъ болгарскихъ селеній приняли ночью видъ красноватаго зарева; отрядъ медленно и почти беззвучно подвигался впередъ въ ночной тишинѣ. Генералъ Гурко—большой любитель ночныхъ передвиженій: особую прелесть для него составляетъ скрывать въ темнотѣ ночи путь своего отряда, подкрадываться неслышно и незамѣтно къ непріятелю и поражать его неожиданнымъ нападеніемъ. Въ первомъ часу ночи генералъ Гурко заночевалъ въ горахъ подъ открытымъ небомъ, не вдалекѣ отъ перевала черезъ Малый Балканъ. На пути отъ Казанлыка, по Казанлыкской долинѣ до перевала, отряду часто попадались на встрѣчу болгарскія семейства, бѣжавшія изъ различныхъ деревень, спаленныхъ наканунѣ Черкесами, и принужденныя искать убѣжища въ горахъ, въ частомъ кустарникѣ, безъ надежды найти себѣ на другой день пропитаніе.

Часовъ въ 6 утра, 18 іюля, генералъ Гурко двинулся дальше, и часа чрезъ два пути по горамъ находился уже въ назначенномъ мѣстѣ, насупротивъ Ени-Загры. Расположивъ свой отрядъ въ ущельѣ позади себя, генералъ выѣхалъ въ сопровожденіи штаба на вершину горы, выдавшейся въ долину, и тутъ предъ нимъ открылась широкая и ровная мѣстность, на которой прямо напротивъ лежала у подошвы противоположныхъ горъ, верстахъ въ 5 разстоянія, Ени-Загра. Направо широко и безконечно тянулась долина рѣки Марицы; налѣво долина суживалась и переходила въ горы. Съ этихъ горъ уже спускался мед-

ленно отрядъ, долженствовавшій прибыть изъ Хаинкіойя. Но за то справа, по дорогѣ къ Ески-Загрѣ, на всемъ пространствѣ доступномъ для глаза не было замѣтно никакого движенія русскаго войска; только столбы дыма обозначали горящія по равнинѣ болгарскія села, да между этими столбами, вдалекѣ, еле замѣтная въ бинокль пыль и то исчезавшіе, то появлявшіеся дымочки заставляли предполагать что тамъ, гдѣ-то вдали, должно происходить сраженіе. Очевидно было что отрядъ Николая Максиміліановича встрѣтилъ на пути своемъ къ Ени-Загрѣ турецкія войска и принужденъ былъ вступить съ ними въ бой. Нельзя было объяснить иначе неприбытіе вовремя Ески-Заргской части передоваго отряда. Между тѣмъ, въ 9½ часовъ утра, двѣ пѣшія батареи прибывшія изъ Хаинкіойя подъѣхали на близкое разстояніе къ Ени-Загрѣ и открыли съ лѣваго фланга огонь по городу. Турецкая батарея тотчасъ же стала отвѣчать на выстрѣлы, и гранаты ея, перелетая черезъ наши батареи, ложились за версту и далѣе позади нашей артиллеріи, не причиняя ей никакого вреда. Пока длился артиллерійскій огонь, Сѣвскій полкъ обходилъ городъ, направляясь къ лѣвому его флангу, и зайдя съ боку города, открылъ ружейный огонь по турецкимъ баталіонамъ, засѣвшимъ въ ложементахъ, вырытыхъ между городомъ и станціей желѣзной дороги, расположенной позади города. Первымъ результатомъ этого двойнаго огня, артиллерійскаго и ружейнаго, было бѣгство изъ Ени-Загры конныхъ Черкесовъ и баши-бузуковъ, а также мирнаго турецкаго населенія, въ сосѣднія горы. Сквозь бинокль, на 5-ти верстномъ разстояніи было ясно для глаза какъ нестройными массами бѣжала въ гору конная и пѣшая толпа; но регулярное турецкое войско держалось крѣпко и ожесточенно отстрѣливалось изъ сво-

ихъ ложементовъ. Лѣвая часть города была объята пламенемъ, загорѣвшись не отъ нашихъ выстрѣловъ, а подожженная убѣжавшими Черкесами. Вскорѣ запылала и станція желѣзной дороги. Часъ спустя послѣ того какъ началось сраженіе, генералъ Гурко двинулъ на городъ пришедшую съ нимъ стрѣлковую бригаду и приказалъ конной батареѣ заѣхать къ непріятелю съ праваго фланга. Битва продолжалась всего-навсе около 5 часовъ, причемъ конная батарея и стрѣлковая бригада рѣшили дѣло тѣмъ что первая заѣхала почти въ тылъ непріятелю, а вторая бросилась на *ура* въ турецкіе ложементы. Вообще Турки, по сказамъ русскихъ офицеровъ и солдатъ, не выдерживаютъ вовсе нашего *ура*, обозначающаго атаку въ штыки. Они встрѣчаютъ обыкновенно наши войска убійственнымъ ружейнымъ огнемъ, выпуская вдесятеро разъ болѣе снарядовъ чѣмъ наши стрѣлки, но разъ русскій стрѣлокъ выдержалъ огонь непріятеля и приблизился къ нему на столько чтобъ идти на *ура*, турецкій солдатъ падаетъ духомъ, покидаетъ позицію и спасается бѣгствомъ. Такъ это случилось и въ дѣлѣ подъ Ени-Загрой. Пораженіе Турокъ тутъ было полное; у нихъ отбили два орудія, и они бѣжали, побросавъ все на мѣстѣ, ружья, снаряды, продовольственные запасы и пр. Чтобъ облегчить бѣгство, они поснимали съ себя куртки, панталоны и даже рубашки, разбросавъ ихъ на дорогѣ. Еслибъ Эски-Загрскіе кавалерійскіе полки находились въ назначенномъ мѣстѣ, то ни одинъ турецкій солдатъ не успѣлъ бы убѣжать изъ Ени-Загры въ горы; кавалерія переловила бы ихъ всѣхъ на мѣстѣ; но Эски-Загрскій отрядъ не показывался.

Едва стала смолкать перестрѣлка, генералъ Гурко на полныхъ рысяхъ отправился съ горы, откуда наблюдалъ

за ходомъ сраженія, въ городъ, на поле битвы. Я не стану описывать вамъ видъ этого поля; этотъ видъ всегда возмутителенъ для чувства. Какъ завлекательно и полно напряженнаго интереса самое дѣло, такъ печально и больно зрѣлище раненыхъ, убитыхъ и обезображенныхъ дѣятелей послѣ сраженія. Скажу только что въ Ени-Загрѣ, по предположеніямъ штаба, участвовавшихъ въ дѣлѣ Турокъ было около шести тысячъ регулярнаго войска при шести крупповскихъ орудіяхъ большаго калибра. Убитые въ ложементахъ турецкіе солдаты лежали кучами по 6 и 7 тѣлъ, одно на другомъ. Между прочимъ, на станціи желѣзной дороги стоялъ длинный поѣздъ, пришедшій изъ Адріанополя съ боевыми припасами; поѣздъ этотъ загорѣлся отъ пожара станціи, и вагоны съ трескомъ взлетали на воздухъ то отъ взрывавшагося динамита, то отъ разрыва снарядовъ.

Генералъ Гурко, прибывъ въ городъ, засталъ отрядъ уже наскоро выстроившимся. На привѣтствіе генерала: «Здорово молодцы, благодарю васъ за ваше молодецкое дѣло!» солдаты радостно и возбужденно отвѣчали долго неумолкавшимъ крикомъ. Сѣвскій полкъ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ и держалъ себя необыкновенно стойко, ни разу не дрогнувъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Генералъ поздравилъ Сѣвцевъ съ первымъ дѣломъ и съ побѣдой. Объѣхавъ войска, генералъ Гурко приказалъ имъ не медля собираться въ путь чтобы поспѣть на помощь и на соединеніе къ Ески-Загрскому отряду, судьба котораго сильно тревожила генерала и его штабъ.

Часа чрезъ два по окончаніи сраженія, отрядъ уже двигался по шоссе по направленію къ Ески-Загрѣ.

Хаинкіой.
22 іюля.

Джураны.

Въ прошломъ письмѣ я изложилъ вамъ движеніе передоваго отряда черезъ Малые Балканы въ долину рѣки Марицы на встрѣчу арміи Сулейманъ-паши, подвигавшагося изъ Адріанополя къ сѣверу. Въ планъ этого движенія входило нападеніе на Ени-Загру занятую Турками, и дѣло подъ Ени-Загрой окончилось 18 іюля полнымъ пораженіемъ Турокъ и бѣгствомъ ихъ изъ города. При этомъ часть нашего передоваго отряда, находившаяся подъ начальствомъ Его Высочества Николая Максиміліановича въ другомъ городѣ—Эски-Загрѣ и долженствовавшая прибыть 18 іюля подъ Ени-Загру для соединенія съ остальными частями отряда генерала Гурко, не явилась вовсе въ назначенный часъ на поле сраженія. Отсутствіе этой части сильно волновало и заботило всѣхъ въ штабѣ Гурко, и безъ сомнѣнія болѣе всѣхъ заботило самого начальника отряда. Онъ рѣшился не оставаться ни минуты лишней подъ Ени-Загрой, и давъ около двухъ часовъ времени вздохнуть войску, утомленному послѣ дѣла, двинулъ затѣмъ колонны своего отряда по дорогѣ къ Эски-Загрѣ на соединеніе и, буде нужно, на помощь отряду Его Высочества Николая Максиміліановича.

Колонны задвигались по шоссе вдоль широкой долины, богатой природою, но печальной на видъ. По сторонамъ дороги лежали роскошныя по растительности поляны, одѣтыя зеленью высоко поднявшейся кукурузы, золотистыми стеблями и колосьями несжатой пшеницы, груп-

пами разбросанныхъ тамъ и сямъ фруктовыхъ деревьевъ. Но въ этой зелени долины и вблизи, и вдали дымились подожженныя Черкесами болгарскія селенія, виднѣлись обгорѣлыя, почернѣвшія стѣны. Роскошная долина носила видъ богатаго сада, въ которомъ только-что сгорѣлъ старинный барскій домъ, ничто не уцѣлѣло отъ огня, и Богъ вѣдаетъ куда дѣвался гостепріимный, бывало, и радушный хозяинъ усадьбы. У самой дороги, по которой тянулся отрядъ, попадались отъ времени до времени валявшіеся трупы убитыхъ Турокъ и Болгаръ, причемъ у Болгаръ были отрѣзаны головы, и самые трупы ихъ сильно обезображены; попались также два трупа русскихъ драгунъ; лица ихъ носили слѣды сабельныхъ ударовъ и продольныхъ и поперечныхъ. Эти драгуны, быть-можетъ, были гонцами съ извѣстіями изъ Еска-Загрскаго отряда къ генералу Гурко, но смерть отъ руки Черкесовъ или баши-бузуковъ застигла ихъ на полудорогѣ. Какъ бы то ни было, но видъ валявшихся у самаго шоссе искалѣченныхъ труповъ заставлялъ невольно устремлять тревожный и пытливый взоръ въ высокую кукурузу, въ золотистыя поля и въ даль, какъ бы стараясь угадать присутствіе гдѣ-нибудь вблизи незримаго и притаившагося врага.

Въ тотъ же день отрядъ заночевалъ въ болгарскомъ селеніи Карабунаръ, отъ котораго, впрочемъ, уцѣлѣло одно развѣ имя, если не ставить на счетъ нѣсколькихъ глиняныхъ почернѣвшихъ стѣнъ, да медленно тлѣвшихъ на огнѣ столбовъ. Въ Карабунарѣ были приняты отрядомъ всѣ мѣры противъ неожиданнаго ночнаго нападенія. Такое нападеніе было весьма возможно, такъ какъ неприбытіе Ески-Загрскаго отряда ясно свидѣтельствовало о близкомъ присутствіи непріятеля. Прибывъ на ноч-

легъ въ Карабунаръ, отрядъ легъ спать подъ смутнымъ предчувствіемъ возможной ночной тревоги; кавалерія не разсѣдлывала лошадей; штабъ размѣстился на соломѣ, гдѣ пришлось, подъ открытымъ небомъ; каждый постарался привязать поближе къ себѣ своего коня. Но ночь прошла спокойно и благополучно. На утро слѣдующаго дня отрядъ рано поднялся съ сырой и холодной ночевки, а часовъ въ шесть уже снова двигался по шоссе по направленію къ Ески-Загрѣ.

Утро было солнечное и яркое; мягкій, золотистый блескъ лежалъ на всемъ пространствѣ долины доступномъ для взора, но люди, утомленные отъ тревожно проведенной ночи, медленно и вяло подвигались по пыльному шоссе, всадники распустили поводья коней и какъ-то лѣниво и сонно покачивались на своихъ сѣдлахъ; пѣхота тяжело и словно нехотя переставляла ноги. День, между тѣмъ, наступалъ томительный и жаркій. У каждаго попадавшагося на пути колодца собиралась тотчасъ же тѣсная кучка людей, жадно глотавшая воду; у каждаго ручейка выстраивались въ рядъ всадники и подолгу поили коней. Два часа сряду продолжалось это лѣнивое, утомительное шествіе, въ которомъ каждый, повидимому, забылъ и думать о непріятелѣ. Но вотъ, часовъ въ 8 утра, нѣсколько казаковъ прискакали съ какимъ-то донесеніемъ къ генералу Гурко, и вдругъ что-то внезапное произошло въ отрядѣ, словно какая молнія пролетѣла изъ конца въ конецъ по двигавшемуся войску: все во мгновеніе встрепенулось и оживилось; всадники вдругъ озабоченно стали править поводьями коней, пѣхота пріободрилась и стройно зашагала въ ногу; у всѣхъ лица приняли внезапно серіозное и строгое выраженіе. Казаки привезли извѣстіе что непріятель показался впереди отряда, что

казачій разъѣздъ наткнулся на турецкій авангардъ, а подоспѣвшія четыре сотни казаковъ завязали уже перестрѣлку съ непріятелемъ. При этой вѣсти, все что̀ принадлежало въ отрядѣ къ высшему начальству засуетилось и двинулось впередъ. Ординарцы Гурко заскакали въ разныя стороны, разнося приказанія начальника отряда. Самъ генералъ Гурко, обгоняя пѣхоту на полныхъ рысяхъ, помчался со штабомъ и конвоемъ впередъ, чтобъ окинуть взоромъ непріятельскія позиціи; наконецъ, весь отрядъ сталъ круто сворачивать съ шоссе влѣво, въ кукурузу, въ ячменныя поля и колючій кустарникъ. Генералъ Гурко, между тѣмъ, подскакалъ къ выдавшемуся среди поляны высокому кургану, слѣзъ съ лошади, быстро взбѣжалъ на курганъ и сталъ наблюдать въ бинокль за виднѣвшимся непріятелемъ. На разстояніи полуторы версты отъ кургана, въ прямомъ направленіи, непріятель хорошо былъ виденъ простымъ глазомъ. Онъ занималъ великолѣпную позицію въ лѣсу проходившемъ перпендикулярно шоссе. Лѣсъ этотъ, говоря строго, состоялъ изъ трехъ въ рядъ расположенныхъ рощъ, причемъ пересѣки между рощами покрыты густымъ кустарникомъ, вышиною въ человѣческій ростъ, а между лѣсомъ и нашими войсками лежала поляна, вся поросшая бурьяномъ, колючимъ кустарникомъ, кукурузой и нескошеннымъ хлѣбомъ. Съ кургана ясно видны были простымъ глазомъ колонны турецкой пѣхоты, стоявшей цѣпью у опушки рощи; колонны эти постоянно перемѣняли мѣста, передвигаясь то вправо, то влѣво. Всадникъ на бѣломъ конѣ скакалъ взадъ и впередъ по цѣпи, останавливаясь на минуту, размахивая руками, очевидно отдавая приказанія. За цѣпью глазъ различалъ во глубинѣ рощи турецкую кавалерію. Не было видно только мѣста гдѣ по-

мѣщалась непріятельская артиллерія; но она сама скоро дала о себѣ знать. Едва пѣшая наша батарея, заѣхавъ влѣво отъ кургана, гдѣ находился генералъ Гурко, и въ правый флангъ непріятелю, открыла огонь по лѣсу, турецкія батареи загремѣли, посылая отъ себя гранаты по всѣмъ направленіямъ въ сторону отряда. Первые турецкіе снаряды пришлись на долю генерала Гурко и его штаба. Замѣтивъ вѣроятно блестящіе мундиры и бѣлыя фуражки на вершинѣ кургана, Турки направили туда свою первую гранату, которая, не долетѣвъ до назначенія, разорвалась шагахъ въ пятидесяти отъ кургана. Вслѣдъ за первою гранатой, вторая понеслась по направленію къ кургану: рѣзкій не то свистъ, не то шипъ непріятно зазвучалъ надъ головами штаба; позади кургана что́-то тяжелое глухо ударило въ землю, высоко взвился густой столбъ пыли, и какъ-то тонко завизжали въ воздухѣ разлетѣвшіеся осколки лопнувшей гранаты. Третья граната упала уже очень близко отъ кургана, шагахъ въ десяти, но, по счастію, не разорвалась. Турки, оказывалось, не въ шутку обстрѣливали беззащитный курганъ. Приказано было всѣмъ стоявшимъ на курганѣ садиться на землю чтобы не слишкомъ привлекать вниманіе непріятеля; конвою, расположенному у подошвы кургана, велѣно было перейти въ другое мѣсто. Впрочемъ, Турки стрѣляли по всѣмъ направленіямъ, всюду гдѣ только замѣчали малѣйшее движеніе нашего отряда: пыль на дорогѣ, пѣшихъ и конныхъ людей, стрѣляли даже по отдѣльнымъ казакамъ проѣзжавшимъ по шоссе. Артиллерійскій огонь разгорался больше и больше. Съ правой стороны кургана заѣхала наша конная батарея, и выстрѣлы ея были до того мѣтки что каждый разъ попадали то въ турецкую пѣхоту, то въ турецкую кавалерію, производя въ нихъ минутный

безпорядокъ. Турки принуждены были нѣсколько разъ передвигать свою цѣпь, спасаясь отъ дѣйствія нашей конной батареи. Вскорѣ пороховой дымъ сталъ затягивать сѣроватымъ облачкомъ опушку лѣса, и сквозь этотъ дымъ промелькивали въ глазахъ красные огоньки отдѣльныхъ выстрѣловъ. Между тѣмъ наша пѣхота подвинулась близко къ непріятельской цѣпи, и вотъ, ко грому пушекъ, шипѣнію и свисту гранатъ присоединился новый непрерывный звукъ отъ ружейной стрѣльбы; казалось будто въ лѣсу ломаютъ въ щепки толстыя доски, и щепки эти съ трескомъ, визгомъ и воемъ взлетаютъ на воздухъ. Къ адскому огню присоединились еще палящіе лучи солнца. Не прошло и двухъ часовъ съ минуты начала сраженія, а полковые санитары уже заработали вблизи кургана: то и дѣло мимо штаба проносили раненыхъ, помѣщая ихъ въ небольшомъ лѣску позади кургана. Турецкая пѣхота, между тѣмъ, подвинулась отъ опушки лѣса впередъ, повидимому пореходя въ наступленіе, и турецкія пули завизжали надъ головами генерала Гурко и штаба. Напрасно окружающіе уговаривали генерала сойти съ кургана въ болѣе безопасное мѣсто, начальникъ отряда съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, полулежа на кучкѣ подостланной соломы, принималъ донесенія, раздавалъ приказанія и отправлялъ въ самый огонь ординарцевъ и вѣстовыхъ. На многократныя предостереженія штаба генералъ Гурко всего одинъ разъ замѣтилъ суровымъ голосомъ что отъ судьбы своей никуда не уйдешь.

Битва продолжалась въ теченіе 8 часовъ сряду, причемъ ни лѣвый нашъ флангъ, ни центръ не въ состояніи были выбить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи. И лѣвый флангъ, и центръ переходили нѣсколько разъ въ наступленіе, но безуспѣшно, благодаря тому что Турки

были скрыты кустами и деревьями, выпуская изъ-за кустовъ и деревьевъ неимовѣрное количество ружейныхъ снарядовъ. Вообще говоря, турецкій солдатъ снабженъ огромнымъ запасомъ патроновъ для своего ружья. Онъ носитъ эти патроны и въ сумкѣ на груди, и въ фескѣ, и въ карманахъ; кромѣ того, цѣлые ящики съ патронами располагаются позади турецкихъ стрѣлковъ, которые стрѣляютъ по большей части не цѣлясь и заняты только стараніемъ выпустить какъ можно болѣе снарядовъ на встрѣчу непріятеля. Когда же Турки занимаютъ позиціи въ лѣсу, какъ это было въ настоящемъ случаѣ, то обыкновенно нѣсколько турецкихъ солдатъ влѣзаютъ на деревья и оттуда, наблюдая за движеніемъ нашего отряда, сообщаютъ своимъ товарищамъ направленіе по которому имъ слѣдуетъ стрѣлять. Вотъ почему и въ дѣлѣ 19 іюля Сѣвскій и Елецкій полки, составлявшіе нашъ лѣвый флангъ и центръ, были осыпаемы градомъ пуль, не видя непріятеля, скрытаго лѣсомъ и кустами. Дѣло это, названное, по имени близь лежащей деревни, дѣломъ подъ Джуранлы, рѣшено было 13-мъ и 15-мъ баталіонами стрѣлковой бригады, которые, зайдя къ непріятелю слѣва со стороны лѣса, пошли прямо на атаку по мѣстности менѣе поросшей кустарникомъ и бурьяномъ. Вообще говоря, обстрѣленные и великолѣпно дисциплинованные солдаты стрѣлковой бригады отряда сильно импонируютъ Туркамъ тѣмъ что идутъ хладнокровно подъ далеко хватающимъ огнемъ непріятеля, сами не выпуская ни одного патрона пока не подойдутъ къ Туркамъ на половину разстоянія своего ружейнаго выстрѣла; тогда они начинаютъ цѣлиться сознательно и разчетливо какъ на ученьи и, стрѣляя, подвигаются впередъ. Очутившись такимъ образомъ на разстояніи 20 — 30 шаговъ отъ непріятеля, стрѣлки

опускаютъ ружья и съ крикомъ *ура* бросаются въ штыки. Такъ это было наканунѣ, подъ Ени-Загрой, такъ это случилось и 19 іюля подъ Джуранлы, гдѣ Турки не выдержали атаки нашей стрѣлковой бригады и бросились бѣжать изъ лѣса, побросавъ все на мѣстѣ: раненыхъ, убитыхъ, весь лагерь и даже куртки и панталоны. Въ дѣлѣ подъ Джуранлы, по приблизительному разчету, турецкаго войска, не считая Черкесовъ и баши-бузуковъ, было числомъ до 12.000; въ отрядѣ же генерала Гурко было всего 7.000 человѣкъ. Обращенные въ бѣгство подъ Джуранлы Турки составляли правое крыло арміи Сулейманъ-паши, который въ это время находился подъ Ески-Загрой и атаковалъ отрядъ Его Высочества Николая Максимиліановича. Еще во время боя прискакалъ изъ Ески-Загры Кіевскій гусарскій полкъ и привезъ генералу Гурко извѣстія изъ Ески-Загрскаго отряда. Небольшой отрядъ Его Высочества былъ окруженъ наканунѣ 30-тысячною арміей Сулейманъ-паши и послѣ непродолжительной защиты принужденъ былъ отступить 19 іюля на Казанлыкъ. При этомъ необыкновенную энергію въ бою съ Турками проявили 4 болгарскія дружины, входившія въ составъ отряда которымъ командовалъ Его Высочество.

Тырново.
29 іюля 1877 г.

Изъ воспоминаній о первомъ походѣ за Балканы *).

Послѣ дѣла подъ Джуранлы. — Видъ поля сраженія.—Насупротивъ Эски-Загры. — Ночлегъ у подошвы Малыхъ Балканъ. — День на солнечномъ припекѣ. — Отступленіе въ долину Тунджи.—Бивуакъ у Хаинкіойя.—Возвращеніе въ Тырново.

18-го іюля 1877 года генералъ Гурко, разбивъ Турокъ подъ Ени-Загрой, двинулся къ Эски-Загрѣ на соединеніе съ находившимся тамъ отрядомъ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго; но на пути своемъ встрѣченъ былъ близь селенія Джуранлы непріятелемъ, преградившимъ намъ дальнѣйшую дорогу на Эски-Загру. Непріятель занималъ выгодную позицію въ лѣсу, у самаго шоссе и, какъ оказалось въ послѣдствіи, составлялъ, подъ начальствомъ Реуфъ-паши, правое крыло арміи Сулеймана. 19-го іюля разыгралось подъ Джуранлы горячее дѣло, длившееся съ перемѣннымъ счастіемъ съ 8 часовъ утра до 3 дня; Турки превосходили насъ числомъ и выгодами боевой позиціи, но дѣло кончилось полнѣйшимъ пораженіемъ Турокъ. Они бѣжали, едва успѣвъ увезти орудія и бросивъ на мѣстѣ весь лагерь съ боевыми запасами и продовольствіемъ. Побѣда была полная, но вмѣстѣ съ этою побѣдой наступали для отряда новыя трудности и трудности болѣе тяжкія чѣмъ наканунѣ въ

*) Настоящее письмо было написано въ Тырновѣ въ прошломъ году и своевременно отправлено въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*, но по неаккуратности почты не дошло до редакціи. Не имѣя копіи, я принужденъ возстановлять его по памяти и въ отрывкахъ.

дѣлѣ подъ Ени-Загрой и сегодня въ дѣлѣ подъ Джуранлы. Въ теченіе цѣлаго дня горячаго боя подъ Джуранлы ни на минуту не покидала насъ тревога о судьбѣ Ески-Загрскаго отряда. Съ курганчика, съ котораго Гурко наблюдалъ за ходомъ сраженія, мы видѣли вдалекѣ у Ески-Загры поминутно вспыхивавшіе клубочки дыму и заключали по этимъ клубочкамъ что подъ Ески-Загрой происходитъ тоже сраженіе, что небольшой отрядъ Николая Максимиліановича (всего четыре баталіона Болгарской дружины и три полка кавалеріи) атакованъ въ свою очередь непріятелемъ. Но подать этому отряду руку помощи мы не могли, ибо сами дрались въ эту минуту съ превосходными силами Турокъ и ждали поэтому съ тревогой въ душѣ развязки обѣихъ, разыгравшихся не вдалекѣ другъ отъ друга, битвъ. Въ 11 часовъ утра пришло изъ-подъ Ески-Загры первое извѣстіе къ Гурко, гласившее что отрядъ Николая Максимиліановича окруженъ громадными силами Турокъ, что Болгарская дружина дерется мужественно и стойко, но что держаться долѣе она не можетъ. Наконецъ въ 12 часовъ прискакалъ къ намъ изъ Ески-Загры Кіевскій гусарскій полкъ и донесъ генералу Гурко что четыре баталіона Болгарской дружины разбиты, разсѣяны и въ безпорядкѣ партіями и одиночными людьми отступаютъ на Казанлыкъ; Турки ихъ преслѣдуютъ; Турокъ массы; 20—30,000 турецкаго войска находится у стѣнъ Ески-Загры. Какъ быть и что́ дѣлать?

Въ 3 часа дня замолкли послѣдніе выстрѣлы подъ Джуранлы, и вотъ сейчасъ послѣ дѣла нашъ небольшой отрядъ (всего около 7,000 человѣкъ) очутился вновь лицомъ къ лицу съ громадными силами Турокъ. Сулейманъ-паша находился отъ насъ въ какихъ-нибудь 6—7 верстахъ разстоянія (отъ Джуранлы до Ески-Загры) и разбивъ Бол-

гарскія дружины стоялъ теперь противъ насъ во всеоружіи всей своей арміи. Медлить было нельзя; требовалось какое бы то ни было скорое и энергичное рѣшеніе. Но какое? Отступить назадъ, къ Ени-Загрѣ? Но это значило бы бросить на произволъ судьбы остаткиЕски-Загрскаго отряда, отступавшаго на Казанлыкъ, отдать ихъ окончательно Туркамъ. Да и не поздно ли ужь было отступать? Сразиться съ арміей Сулеймана, пойти ему на встрѣчу, принять бой съ противникомъ вчетверо сильнѣйшимъ?... Между тѣмъ начальники частей явились къ генералу Гурко съ донесеніями что люди измучены отъ длинныхъ переходовъ, изморены отъ двухъ сряду дѣлъ, вчерашняго и сегодняшняго, что они не въ состояніи двигаться дальше и, что́ всего важнѣе, въ боевыхъ припасахъ ощущается полнѣйшій недостатокъ: патроны разстрѣляны, на орудіе остается среднимъ числомъ всего по три снаряда, патроновъ и снарядовъ достать не откуда. Положеніе обрисовалось вполнѣ. Оно было критическое.

Былъ четвертый часъ дня. Солнце безжалостно палило и жгло тотъ курганчикъ на которомъ сидѣли въ эту минуту генералъ Гурко, его штабъ и свита. Турки только-что бѣжали изъ-подъ Джуранлы, отброшенные къ Карабунару; Елецкій, Сѣвскій полки и одинъ баталіонъ стрѣлковой бригады, участвовавшіе въ дѣлѣ, завлеклись преслѣдованіемъ непріятеля и скрылись куда-то изъ глазъ за лѣсомъ и кустарникомъ. У курганчика оставались только другой баталіонъ стрѣлковой бригады, находившійся во время боя въ резервѣ, и Кіевскій гусарскій полкъ. Казаки были отправлены слѣдить за направленіемъ какое приняли отступавшіе изъ-подъ Джуранлы Турки. Всѣхъ на курганчикѣ мучительно осаждала мысль: «Что теперь будетъ? что должно призойти теперь?» Всѣ мы и безъ

того были сильно утомлены отъ двухъ дней полныхъ подавляющихъ впечатлѣній, длинныхъ переходовъ и сраженій. Вчера было дѣло подъ Ени-Загрой, тревожный ночлегъ въ Карабунарѣ, сегодня—восемь часовъ боя подъ палящими лучами солнца. Усталость, жажда, голодъ. Какое новое испытаніе еще ожидало насъ? Гурко все продолжалъ сидѣть на курганчикѣ и бесѣдовать вполголоса со своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Нагловскимъ. Вокругъ кургана попрежнему стояли верховыя лошади, понуривъ головы отъ жару. Конвойные казаки и вѣстовые полулежали и дремали на землѣ, намотавъ поводья коней себѣ на руки. А Сулейманъ-паша все продолжалъ находиться отъ насъ въ шести, семи верстахъ съ 20-ю, 30-ю тысячами войска и быть-можетъ уже принялъ какое-нибудь грозное рѣшеніе... Гурко всталъ наконецъ съ мѣста на курганѣ и громко отдалъ приказаніе: одному баталіону стрѣлковой бригады и Кіевскому гусарскому полку выйти на шоссе, остановиться тамъ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Гусары не медля потянулись вправо, къ шоссе, находившемуся въ полверстѣ отъ кургана; за гусарами двинулись стрѣлки, а за стрѣлками поѣхала на шоссе батарея полковника Ореуса. Окончательное рѣшеніе Гурко оставалось еще неизвѣстнымъ.

Меня сильно тянуло взглянуть на поле сраженія подъ Джуранлы и я, разчитавъ что всегда успѣю нагнать генерала Гурко, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ направленіи лѣса, гдѣ за полчаса предъ тѣмъ происходило дѣло. Мѣстность была неровная: кустарникъ, овражки, уступавшіе мѣсто кукурузному полю; снова кустарникъ; за нимъ лужайка, поросшая высокой и частой травой. Тамъ и сямъ валялись трупы убитыхъ солдатъ. Между кустами мелькали санитары, разыскивая раненыхъ. У опушки лѣса ко-

лодезь. Этотъ колодезь игралъ большую роль въ сегодняшнемъ дѣлѣ. День былъ невыносимо жаркій; воды по близости не было и наши солдаты кидались къ этому колодезю, чтобъ утолить несносную жажду. Турки изъ лѣсу учащали огонь, переходили въ наступленіе, чтобы не дать нашимъ солдатамъ воды. У колодца видимо происходила ожесточенная драка. Труповъ тутъ валяется много; наши въ перемежку съ Турками. Одинъ изъ нашихъ такъ и закоченѣлъ съ манеркой въ рукахъ, другой свѣсился черезъ край колодца съ пробитою головой, третій лежитъ на спинѣ, широко раскидавшись руками и ногами... Я невольно сталъ вглядываться въ лица этихъ убитыхъ, усиливаясь уловить въ нихъ послѣднее застывшее выраженіе. Между тѣмъ не вдалекѣ отъ колодца по проселочной дорогѣ медленно тащилась съ позиціи одна изъ нашихъ батарей, направляясь вѣроятно къ шоссе. Переднее орудіе везли четыре лошади, изъ которыхъ одна сильно хромала; она высоко задирала голову къ верху и затѣмъ вся низко присѣдала. Нижняя часть ея ноги была окровавлена и на пыльной дорогѣ тянулись за ней кровяныя пятна; у другой лошади вся морда была въ крови. Орудіе двигалось медленно.

— Всѣхъ лошадей у насъ перебили и переранили, обратился ко мнѣ офицеръ, сопровождавшій орудіе.—Насилу выбираемся съ позиціи. Вонъ, заднее орудіе, такъ просто веземъ на солдатахъ. Наткнись теперь на Турокъ, прибавилъ онъ,—живьемъ отдадимъ всю артиллерію: ни снарядовъ, ни лошадей.

Я свернулъ съ дороги въ лѣсъ и очутился среди высокихъ деревьевъ. Тутъ было тѣнисто и прохладно, но картина смерти тутъ была полная. Труповъ валялось тутъ множество, преимущественно турецкихъ. Земля была усѣ-

яна всевозможными предметами: тряпье, куски одеждъ, куртки, панталоны, фески, все это валялось вмѣстѣ съ неподобранными еще ружьями, патронными ящиками и сумками, манерками, ременными поясами. Близь опушки лѣса, въ продолговатомъ ложементѣ, турецкія тѣла были навалены кучей, одно на другомъ. Лужи крови у ложемента. Обезображенныя лица Турокъ. Скорченныя позы. Какъ-то страшно было смотрѣть на это и находиться тутъ. Казалось что эти свѣжіе, окровавленные трупы проснутся вдругъ и страшно отмстятъ за себя; казалось что изъ-за деревьевъ сторожатъ отовсюду другіе, живые Турки, готовые разразиться огнемъ и смертью, отъ которыхъ некуда уйти. Мнѣ сильно захотѣлось вернуться назадъ, я чувствовалъ что съ непривычки и утомленія теряю хладнокровіе. Стонъ раненаго не вдалекѣ привлекъ мое вниманіе; я углубился далѣе въ лѣсъ; невзрачный, небольшой солдатъ сидѣлъ на землѣ, прислонясь спиной къ дереву и опустивъ голову.

— О-о-хъ, о-о-хъ, батюшки родные, стоналъ онъ громко,—бросили меня, забыли. О-о-охъ, о-о-охъ!

— Куда тебя ранило? спросилъ я, подъѣхавъ къ солдату.

— Въ плечо, вона—насквозь прошибло; а еще вонъ въ ногу укусила подлая, заговорилъ солдатъ вдругъ серіознымъ голосомъ, стараясь шевельнуть раненою ногой и внимательно вглядываясь въ нее.

— Санитары! закричалъ я громко, замѣтивъ санитаровъ между деревьями.—Раненый тутъ, гей! подберите.

— Нехай подождетъ, крикливо отвѣтилъ одинъ изъ санитаровъ съ малороссійскимъ акцентомъ.

— О-о-охъ, о-о-охъ! опять застоналъ раненый.

— Вода у тебя есть? спросилъ я его снова. — Пить хочешь?

— Ничего нѣтъ воды. Смерть — жажда. Глотку всю обожгло какъ есть, заговорилъ раненый опять серіознымъ голосомъ, чавкая ртомъ и губами.

Я слѣзъ съ лошади и направился къ валявшемуся вблизи трупу турецкаго солдата, у котораго на ременномъ поясѣ была пристегнута манерка. Вынувъ перочинный ножикъ я долго пилилъ имъ ремень, пока успѣлъ наконецъ разрѣзать его. Манерка была обыкновенно турецкая, изъ бѣлой жести. Горлышко было заткнуто грязною тряпкой. Но едва я ототкнулъ тряпку какъ запахъ луку и прокисшаго раки ударилъ мнѣ въ носъ. На днѣ манерки плескалась какая-то жидкость. Я поднесъ манерку солдату. Онъ было жадно схватился за нее руками, но понюхавъ тотчасъ же отпихнулъ ее отъ себя.

— Турецкая вода, проговорилъ онъ какъ-то безнадежно.

— Что жь, братъ, дѣлать. Нѣтъ другой воды. Хлебни хоть этой. Все легче будетъ.

— О-о-охъ, о-о-охъ, опять застоналъ солдатъ, не слушая и не отвѣчая на мои заботы,—о-о-охъ бросили меня, забыли, смерть моя!

— Ну, не кричи, подберутъ сейчасъ, сказалъ я ему, садясь на лошадь и увидавъ санитаровъ, направлявшихся въ нашу сторону.

Время было вернуться назадъ и я сталъ разчитывать какъ бы покороче проѣхать на шоссе, гдѣ въ ту минуту долженъ былъ находиться Гурко. Соображая что батарея, которую я недавно встрѣтилъ, двигалась тоже на шоссе, по проселочной дорогѣ, я рѣшилъ что это путь самый кратчайшій. Дорога эта, какъ я помнилъ, входила въ лѣсъ и забирала вправо; слѣдовательно, вмѣсто того чтобы возвращаться назадъ къ опушкѣ лѣса, стоитъ только поѣхать впередъ по лѣсу—непремѣнно наткнешься на до-

рогу гдѣ-нибудь по близости. Я поѣхалъ крупною рысью по лѣсу, стараясь поскорѣй выбраться изъ области подавляющихъ душу картинъ смерти и разрушенія. Десять минутъ я ѣхалъ по лѣсу, погоняя лошадь; дороги не оказывалось. Но она должна быть тутъ гдѣ-нибудь очень близко и въ этомъ направленіи. Деревья рѣдѣли, смѣняясь высокимъ кустарникомъ. Вотъ небольшая полянка, обрамленная кустами. Я остановился, раздумывая куда повернуть лошадь и начиная тревожиться. Вдругъ двѣ красныя фески промелькнули между кустами: выглянули снова и остановились. Сердце у меня захолонуло. «Турки!» промелькнуло у меня въ головѣ. Я дернулъ за поводья и не успѣлъ еще повернуть коня какъ позади меня раздался выстрѣлъ, за нимъ другой. Я началъ бить свою лошадь и ногами и плетью и помчался во весь духъ по лѣсу, охваченный однимъ ощущеніемъ: «вотъ, вотъ, покажется сейчасъ гдѣ-нибудь Турокъ и застрѣлитъ». По счастью я скоро наткнулся на солдата, пробиравшагося по лѣсу съ ружьемъ на плечѣ.

— Куда ты одинъ, отъ своей части отбиваешься, закричалъ я ему,—тутъ вонъ въ лѣсу Турки. Слышалъ выстрѣлы? Гдѣ дорога?

— Не могу знать, остановился солдатъ.

— Какого полка?

— Сѣвскаго.

— Куда жь ты идешь?

— Сюда, сказывали, наши прошли, махнулъ онъ рукой впередъ.

Я поѣхалъ по указанному направленію; направленіе было вѣрное; я выбрался наконецъ на дорогу, которая вскорѣ вывела меня изъ лѣсу на широкую поляну. На полянѣ влѣво отъ дороги лежала деревушка Джуранлы;

вправо, на лугу, Сѣвскій полкъ выстраивался въ порядокъ. Раздѣльно стояли роты, баталіоны; гулъ разносился въ воздухѣ отъ громкаго солдатскаго говора. Офицеры ходили въ промежуткахъ между ротами, командовали солдатамъ: «смирно!» Говоръ стихалъ на минуту и затѣмъ поднимался еще громче прежняго. Мнѣ невольно вспомнился недавно слышанный мной разговоръ генерала Гурко съ майоромъ Лигницемъ, прусскимъ военнымъ агентомъ. Лигницъ выражалъ мнѣніе что русскіе солдаты вообще мало говорятъ между собой; въ дѣло идутъ молча. Наоборотъ, у прусскихъ солдатъ всегда слышится оживленная бесѣда. «Послушайте нашихъ солдатъ послѣ дѣла,» возражалъ на это Гурко. «Я помню какъ подъ Уфланлы проходилъ мимо меня стрѣлковый баталіонъ, возвращавшійся съ поля сраженія. За версту было слышно что идутъ солдаты. Всѣ говорили громко, наперерывъ»... И въ самомъ дѣлѣ, тутъ было то же самое. Всѣ говорили хоромъ, быстро, не слушая одинъ другаго, увлекаясь собственнымъ разказомъ. Гулъ стоялъ въ воздухѣ отъ солдатскаго говора. Мнѣ хотѣлось послушать солдатскихъ разказовъ, но времени у меня не было. Я боялся не застать Гурко на шоссе и потому, объѣхавъ Сѣвскій полкъ, направился дальше. По дорогѣ мнѣ попался на встрѣчу ординарецъ Гурко.

— Не встрѣчали ли Сѣвскаго полка? закричалъ онъ мнѣ издали.

— Вонъ тамъ. А Гурко гдѣ?

— На шоссе. Я ѣду съ приказаніемъ Сѣвскому полку собраться и стянуться поскорѣй къ шоссе.

— А что̀? Сулейманъ-паша наступаетъ?

— Нѣтъ, наоборотъ, мы наступаемъ.

— Какъ мы наступаемъ!? Постойте, разкажите.

— Некогда. Поѣзжайте, сами узнаете, прибавилъ ординарецъ, направляясь карьеромъ.

Слѣдовательно мы атакуемъ тридцатитысячную свѣжую армію, атакуемъ безъ патроновъ, снарядовъ, съ измученнымъ семитысячнымъ отрядомъ! Я ничего не понималъ.

Между тѣмъ по шоссе тянулась артиллерія, сворачивая въ сторону и въѣзжая на холмъ для занятія позиціи насупротивъ Эски-Загры. Кіевскій гусарскій полкъ рысью ѣхалъ по шоссе чтобы разсыпаться цѣпью противъ кавалерійской цѣпи непріятеля. Одинъ и единственный баталіонъ стрѣлковъ двигался впередъ къ Эски-Загрѣ. Сомнѣній не было. Мы наступали на Эски-Загру. Гурко стоялъ на батареѣ полковника Ореуса и съ биноклемъ въ рукахъ смотрѣлъ въ сторону непріятеля. Мы были въ трехъ верстахъ отъ Эски-Загры. Надъ городомъ поднимались столбы чернаго дыма. Въ верстѣ отъ насъ была разсыпана цѣпь Черкесовъ, а за цѣпью виднѣлись темныя массы турецкаго войска. Онѣ расположились вокругъ города, заняли окрестные холмы; широко растянулись кругомъ. Вся эта громадная сила могла ежеминутно ринуться на насъ неудержимо какъ лавина и задушить въ нѣсколько мгновеній. Мы съ трепетомъ поглядывали на непріятеля. Восемь нашихъ орудій вызывающе глядѣли на него съ холма, позади котораго стояли одни лишь пустые зарядные ящики; впереди холма—одинъ баталіонъ стрѣлковъ съ восемью, десятью, патронами на человѣка; еще дальше впереди—одинъ Кіевскій гусарскій полкъ. Это было все наше войско въ ту минуту и всѣ наши боевыя средства. Сѣвскій полкъ еще не подошелъ, Елецкій еще не успѣлъ собраться послѣ дѣла подъ Джуранлы и построиться въ порядокъ; отправились отыскивать его и собирать. Между

тѣмъ на непріятельской сторонѣ происходило какое-то движеніе; очевидно было что Сулейманъ-паша собирался предпринять что-то противъ насъ. Солдаты на нашей батареѣ стояли при орудіяхъ въ боевомъ порядкѣ—одинъ съ банникомъ въ рукахъ, два у заряжающаго механизма, другіе вытянувшись какъ на парадѣ, ожидая одного мановенія, знака чтобы въ ту же секунду открыть огонь по Туркамъ; но цѣлый долгій часъ Гурко стоялъ не отводя бинокля отъ глазъ и не отдавая никакихъ приказаній.

«Пусть бы ужъ скорѣй, думалось невольно, хоть какое-нибудь рѣшеніе!» Сердце тревожно замирало и ныло. Солнце же опускалось все ниже и ниже.

Длинныя тѣни вытянулись по равнинѣ Марицы отъ холмовъ и деревьевъ. То и дѣло подъѣзжали казаки съ донесеніями къ Гурко: они гласили что у стѣнъ города идетъ усиленная работа: партіи Болгаръ выведены будто бы изъ города и подъ присмотромъ и понуканьемъ Турокъ роютъ укрѣпленія вокругъ Ески-Загры. Минута за минутой проходила въ тревожномъ ожиданіи; вотъ и Елецкій и Сѣвскій полки показались наконецъ въ отдаленіи и стали подтягиваться медленно къ шоссе. Темнѣло быстро. Окружающіе предметы блѣднѣли и тонули въ смутномъ освѣщеніи вечера. Гурко видимо ожидалъ наступленія совершенной темноты. Она не замедлила наступить. Тогда, приказавъ одному баталіону стрѣлковъ, гусарскому полку и батареѣ Ореуса оставаться на прежнихъ позиціяхъ, Гурко велѣлъ остальному отряду двигаться подъ покровомъ темноты къ селенію Далбока, расположенному у подошвы Малыхъ Балканъ, верстахъ въ шести, семи вправо отъ шоссе. Затѣмъ, потребовавъ себѣ лошадь, Гурко поѣхалъ впереди частей въ ту же сторону въ сопровожденіи свиты и конвоя. Ночь была темная, черная. Мы вскорѣ пе-

рестали различать дорогу по которой ѣхали и окружающіе предметы. Что-то зловѣщее, мрачное лежало въ этой черной темнотѣ. Ноги лошадей поминутно оступались въ канавки, проходившія по сторонамъ дороги; нависшіе надъ дорогой кусты задѣвали насъ своими хлесткими вѣтвями. Ески-Загра горѣла. Широкое красное зарево разстилалось на небѣ и до чуткаго уха доносился словно неясный гулъ со стороны пожара. Казаки пріѣзжавшіе отъ времени до времени къ Гурко разказывали между прочимъ что имъ удалось въ темнотѣ пробраться близко къ Ески-Загрѣ, что тамъ попрежнему при свѣтѣ факеловъ Болгары роютъ укрѣпленія вокругъ города, но что самый городъ отданъ во власть Черкесовъ и баши-бузуковъ; изъ города слышатся будто бы крики, стоны и вопли о помощи. Невольно ночное воображеніе усиливалось нарисовать картину того что̀ дѣлалось въ эту минуту въ Ески-Загрѣ: быть-можетъ женщины, влекомыя по улицамъ, дѣти разрѣзываемыя на куски, въ госпиталѣ наши раненые изуродованные и замученные живыми, среди пламени пожара, кровавый пиръ разсвирѣпѣвшихъ дикарей!..

Проѣхавъ около двухъ часовъ мы наткнулись, наконецъ въ темнотѣ на какіе-то заборы и слѣзли съ лошадей. Гурко приказалъ не разводить костровъ до тѣхъ поръ пока не подойдетъ пѣхота, и пришлось поэтому расположиться въ темнотѣ ощупью и гдѣ попало. Кто-то отыскалъ не вдалекѣ стогъ сноповъ, и мы, привязавъ своихъ лошадей къ колючему плетню, отправились за снопами для корма лошадямъ и устройства себѣ постелей. Часа чрезъ два подошли солдаты и вскорѣ нѣсколько костровъ яркимъ блескомъ прорѣзали ночную темноту. Ихъ пламя освѣтило нашу стоянку,—это было небольшое пространство между заборами, на которомъ тѣсно скучились люди и лошади.

Ни повернуться, ни расположиться какъ слѣдуетъ не было мѣста; спать приходилось между лошадьми. Но спать хотѣлось невыносимо; къ чрезмѣрной усталости присоединился также и голодъ. Два дня какъ наши вьюки были отправлены по распоряженію Гурко въ Хаинкіой и мы сряду два дня питались одними турецкими галетами да сливами, подобранными съ деревьевъ на дорогѣ; здѣсь же ни галетъ, ни сливъ съ собой не было и цѣлый день мы ничего не ѣли. Дѣлать было нечего; надо было удовлетвориться тѣмъ что̀ находилось въ нашемъ распоряженіи, т.-е. сномъ. Гурко спалъ уже у своего костра, завернувшись въ свою мохнатую бурку. Нагловскій, лежа на животѣ, писалъ при свѣтѣ костра карандашомъ на лоскуткѣ бумаги донесеніе въ Главную Квартиру. Я, набросавъ соломы у плетня, бросился въ нее и въ секунду сталъ забываться. Сквозь сонъ я почувствовалъ что кто-то треплетъ меня за плечо; я съ трудомъ открылъ глаза и увидалъ нагнувшагося ко мнѣ нашего милаго майора Лигница.

— Хотите чаю, говорилъ майоръ,—пойдемте ко мнѣ; у меня есть немного чаю.

— Чаю, съ восторгомъ! проговорилъ я, вскакивая съ соломы.

У костра собралось человѣкъ пять приглашенныхъ Лигницемъ на чашку чаю. Чай оказался въ дѣйствительности, но не было ни сахару, ни посуды, ни ложекъ, ничего.

— Какъ же вы хотите напоить насъ? обратились мы къ Лигницу, поглядывая съ чувствами Тантала на воду кипятившуюся въ полуразбитомъ горшкѣ.

Лигницъ, не пускаясь въ объясненія, подалъ намъ нѣсколько соломинокъ и пригласилъ всѣхъ лечь на животы. Горшокъ былъ поставленъ между нами и мы принялись тянуть въ себя чудную освѣжающую струю.

— Но только уговоръ, господа, острилъ князь В.,—кто пуститъ пузырь тотъ отъ горшка долой!

Послѣ горячаго чаю заснуть было наслажденіе и мы поспѣшили улечься на свои соломенныя постели и вступить въ область сновидѣній съ какими-то смутными обрывками впечатлѣній въ головѣ. Но спать было неудобно. Лошади привязанныя къ забору то и дѣло что фыркали надъ самымъ ухомъ, вытаскивали солому изъ-подъ головы, толкали ногами. Князь В., устроившій себѣ постель съ комфортомъ изъ кучи сноповъ, высоко положенныхъ другъ на друга, проснулся на другой день съ головой лежащею на землѣ и ногами поднятыми къ верху; за ночь лошади повытаскали всѣ снопы изъ-подъ его головы.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня 20-го іюля мы были уже на ногахъ. Ночь прошла благополучно, если не считать нѣсколькихъ выстрѣловъ, прозвучавшихъ около полуночи въ горахъ и заставившихъ на минуту предполагать о ночномъ нападеніи Сулеймана или же Черкесовъ, рыскавшихъ вездѣ по сторонамъ большими партіями. Я не слыхалъ этихъ выстрѣловъ, я спалъ какъ убитый и мнѣ разказывали только на другой день о происшедшей ночью минутной тревогѣ. Но пробужденіе наше было не веселое. Мысль что Сулейманъ-паша сейчасъ нагрянетъ сюда изъ Ески-Загры возникла въ душѣ съ первыми полосками свѣта; блеснувшими на горизонтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вчера онъ не рѣшился атаковать насъ быть-можетъ обманутый насчетъ нашихъ силъ, но сегодня чрезъ лазутчиковъ онъ легко могъ узнать о нашемъ дѣйствительномъ положеніи и поспѣшить исправить вчерашнюю свою ошибку. Гурко проснулся раньше всѣхъ. Онъ отдалъ приказаніе отряду немедленно подниматься въ гору, у подошвы которой мы провели ночь. Гора эта была высокая, кру-

тая и каменистая; по ней проходила вверхъ неразработанная тропа, извивавшаяся по краю обрыва; правѣе тропы на склонѣ горы раскинулось большое и красивое селеніе Далбока, покинутое жителями. Движеніе отряда въ гору началось до восхода солнца. Задвигались въ горы солдаты, заскрипѣли телѣги, арбы, скучилась артиллерія, ожидая своей очереди втягиваться въ гору. Прежде всего озаботились о раненыхъ, которыхъ было много послѣ дѣла подъ Джуранлы, и ихъ слѣдовало раньше другихъ переправить въ безопасное мѣсто. Всѣ телѣги, какія только были въ отрядѣ, какія нашлись въ Далбокѣ, были отданы подъ раненыхъ; но телѣгъ этихъ оказалось недостаточно. Въ нихъ помѣстились тяжело раненые: раненые же легко въ руки и ноги и способные еще двигаться отправились пѣшкомъ въ гору. Они тащились прихрамывая, поминутно присаживаясь на землю или на лафеты орудій, возмущая душу своимъ страдальческимъ видомъ. Капитанъ Сахаровъ нашелся помочь горю; онъ приказалъ устроить носилки изъ полотна палатокъ, древесной коры и сучьевъ и нести въ этихъ носилкахъ раненыхъ Туркамъ, взятымъ въ плѣнъ подъ Джуранлы. Такое распоряженіе не понравилось было раненымъ: «Пѣшкомъ куда лучше дойдемъ», протестовали они. «Турокъ вѣдь нехристь, сброситъ на камни. Разрѣшите пѣшкомъ дойти, ваше благородіе», умоляли они Сахарова; но Сахаровъ былъ неумолимъ и раненые кончили тѣмъ что двинулись въ гору на рукахъ Турокъ. За ранеными стала подниматься въ гору артиллерія. Но тутъ же съ первымъ орудіемъ двинувшимся по крутой и каменистой тропѣ стало ясно что подъемъ отряда въ гору будетъ крайне медленный. Лошади отказывались везти орудія на крутизну; измученные и полуголодные солдаты, взявшіеся за колеса вмѣсто лошадей, только кричали и суе-

тились у орудій и не въ силахъ были внести на себѣ вверхъ огромныя тяжести. Офицеры торопили и понукали солдатъ на горѣ, бранились, перекрикивали солдатъ; но все это мало помогало дѣлу. Гурко межъ тѣмъ сидѣлъ молчаливый, недовольный, на пригоркѣ, съ биноклемъ въ рукахъ и со взоромъ устремленнымъ въ широко развернувшуюся предъ нимъ даль равнины Марицы. Ески-Загры, скрытой за ближайшими холмами, не было видно намъ, но въ этой дали ежеминутно могли показаться темныя полчища Сулеймана. Ему легко было бы отдѣлить часть своихъ огромныхъ силъ, чтобы зайти намъ въ тылъ по окрестнымъ горамъ и отрѣзать намъ путь отступленія, другою же частью атаковать насъ съ фронта. Тогда мы были бы окружены со всѣхъ сторонъ, заперты какъ въ клѣткѣ, и безъ снарядовъ и патроновъ должны были полечь всѣ на мѣстѣ. Возлѣ Гурко сидѣли на землѣ черногорскій воевода Станко Радоничъ, полковникъ Нагловскій и майоръ Лигницъ. Радоничъ не переставалъ увѣрять окружающихъ что Сулейманъ-паша, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло въ Черногоріи, энергичный и предпріимчивый полководецъ, его войско привыкло въ Черногоріи къ тяжелымъ горнымъ переходамъ и что слѣдуетъ поэтому ожидать сюда Сулеймана съ минуты на минуту. Майоръ Лигницъ стоялъ возлѣ Гурко не отводя бинокля отъ глазъ. Онъ внимательно слѣдилъ за столбами пыли поднимавшимися вдалекѣ и заключалъ по нимъ о движеніи колоннъ Сулеймана. Солнце невыносимо пекло и палило; тѣни по близости не было. Въ природѣ царилъ отъ солнечныхъ лучей блестяще-желтоватый оттѣнокъ.

Движеніе отряда въ гору въ особенности затрудняли два громоздкія орудія, отбитыя нами у Турокъ подъ Ени-Загрой. Эти орудія были первыми направлены въ гору и

задерживали движеніе остальной артиллеріи. Гурко приказалъ сбросить ихъ въ пропасть. Приказаніе было исполнено въ точности, но солдаты не охотно разставались съ трофеями битвы подъ Ени-Загрой. «На что кидать-то, говорили они,—дотощили бъ на рукахъ, полегоньку....»

Перевалъ отряда черезъ Малые Балканы въ долину Тунджи былъ крайне тяжелый. Необходимость заставила выбрать ближайшую дорогу, чтобы возможно скорѣй уйти отъ арміи Сулеймана и занять выгодныя позиціи на высотахъ Большихъ Балканъ. Но за то эта ближайшая дорога оказалась на дѣлѣ не дорогой, а совершеннымъ бездорожьемъ. Еле замѣтная тропа близь селенія Далбока вела на высокую и крутую гору, на которую взбирался отрядъ въ теченіе цѣлаго дня 20-го іюля, начавъ подъемъ съ 5 часовъ утра и окончивъ его къ 8 часамъ вечера. Спускъ съ горъ въ долину Тунджи былъ не лучше подъема. Тутъ дорога проходила по ложу горныхъ потоковъ, прорывшихъ себѣ путь между каменистыми глыбами, поросшими мхомъ и кустами. Этотъ путь, сдавленный съ двухъ сторонъ скалами, былъ мѣстами до того тѣсенъ и узокъ что телѣги и артиллерія еле-еле умѣщались на немъ; кромѣ того онъ весь былъ заваленъ крупными каменьями, отъ которыхъ жестоко страдали наши раненые. Раненыхъ везли въ телѣгахъ подъ шатромъ сплетенныхъ надъ телѣгами древесныхъ сучьевъ. Телѣги были длинныя, неуклюжія. Поминутно ихъ огромныя колеса взбирались на большіе камни и съ однихъ камней срывались на другіе. Раздирающій душу вопль раздавался при каждомъ толчкѣ телѣги и стонъ раненыхъ не умолкалъ ни на минуту на всемъ протяженіи спуска. Раненые страдали невыносимо. Цѣлый день имъ приходилось тащиться по этой адской

дорогѣ, такъ какъ движеніе съ горы внизъ совершалось съ тою же медленностью что̀ и подъемъ наканунѣ. Телѣги то и дѣло застрѣвали между камней или же не могли двигаться дальше вслѣдствіе тѣсноты пути. Надо было расширять дорогу и разрабатывать ее кирками и лопатами, что̀ постоянно задерживало движеніе отряда. Ко всему этому присоединялась еще палящая жара: жгучимъ огнемъ дышали вокругъ раскаленныя скалы. Напрасно солдаты нѣжно заботились о раненыхъ, поддерживали телѣги на рукахъ, дѣлились съ ранеными послѣдними каплями воды въ манеркахъ: до десяти человѣкъ раненыхъ не вынесли этой дороги и умерли на пути.

Гурко слѣдовалъ весь день въ хвостѣ отряда и только къ вечеру сталъ обгонять колонны, разчитывая остановиться на ночлегъ въ тотъ день въ долинѣ Тунджи. Она развернулась предъ нами снова эта роскошная долина, при послѣднихъ лучахъ солнца, спрятавшагося за грандіозныя цѣпи Большихъ Балканъ. Ея журчащіе ручьи, богатства зелени и деревьевъ усыпанныхъ сочными плодами, нѣжное синеватое освѣщеніе привѣтствовали насъ, измученныхъ палящимъ зноемъ, воплями и стонами раненыхъ. Какъ будто эта чудная долина манила насъ къ себѣ на покой и на отдыхъ! Авангардъ отряда уже спустился въ долину. Мы обогнали его. Солдаты шли въ ногу, бодро, распѣвая пѣсни. Знакомая имъ долина видимо вливала и въ нихъ свѣжія силы. Такъ недавно еще они побѣдоносно проходили по ней отъ Хаинкіойя до Казанлыка, отъ Казанлыка на Шипку.... Они шли теперь хоромъ распѣвая пѣсню, не знаю когда и кѣмъ сочиненную, очевидно для Болгарской дружины. Напѣвъ ея былъ заунывный, слова ея были грустныя, хотя солдаты переводили ее поминутно на веселый ладъ:

. . . А вотъ Тунджи долина
Гдѣ кровь лилась рѣкой,
Гдѣ храбрая дружина
Дралась за край родной.
Но горныя вершины
Я васъ увижу ль вновь
Балканскія долины—
Кладбище удальцовъ... и т. д.

Мы остановились близъ селенія Балабанли, у ручья, подъ сѣнью огромныхъ деревьевъ. Здѣсь и расположились на ночлегъ. Взошла луна надъ долиной. Долго не спалось никому. Что-то невыразимо волшебное, нѣжное, царило въ эту ночь въ чарующей «долинѣ розъ».

Слѣдующій день 22-го іюля былъ весь посвященъ на осмотръ окрестныхъ горъ и холмовъ для занятія на нихъ оборонительныхъ позицій. Цѣлый день мы слѣдовали за Гурко и Нагловскимъ, взбиравшимися съ одной высоты на другую, оглядывавшими и опредѣлявшими мѣстность. Тамъ слѣдовало поставить роту, здѣсь баталіонъ, въ третьемъ мѣстѣ расположить батарею, въ четвертомъ построить редутъ, въ пятомъ образовать рядъ траншей и т. д. Мы находились у выхода Хаинкіойскаго ущелья Балканъ въ долину Тунджи и должны были у этого выхода занять оборонительное положеніе. Распредѣливъ гдѣ кому стать и гдѣ какъ окопаться, Гурко вечеромъ того же дня переѣхалъ къ селенію Хаинкіой, гдѣ и расположился со своимъ штабомъ и свитой. Это селеніе лежало въ лощинѣ, образованной послѣдними отрогами Балканъ, сбѣгавшими въ долину Тунджи. Лощина вся поросла большими, густолиственными деревьями, между которыми, шумя, протекалъ прозрачный горный ручей. Въ жаркій

день тутъ было тѣнисто и прохладно. На одной изъ сторонъ ручья лежало селеніе Хаинкіой, но Гурко помѣстился на другой сторонѣ ручья, строго запретивъ никому не помѣщаться въ деревнѣ и даже не входить въ нее, во избѣжаніе поборовъ съ жителей и грабежей солдатъ. Селеніе было оцѣплено кругомъ солдатами и никто изъ военныхъ не смѣлъ переступить за эту цѣпь. Нечего и говорить до чего были благодарны Гурко жители-Болгары за подобное распоряженіе.

Жаркіе лѣтніе дни потекли одинъ за другимъ, смѣняясь прохладными ночами, освѣщенными серебряною луной. Мы жили тутъ у ручья, въ лощинѣ, подъ открытымъ небомъ, словно въ какомъ-то блаженномъ забытьи на лонѣ природы. То было наслажденіе отдыхомъ послѣ суровыхъ дней проведенныхъ за Малыми Балканами. Изъ Тырнова намъ привезли провизію и все необходимое. Мы спали въ волю, ѣли вдоволь, писали длиннѣйшія письма на родину, бродили по горамъ, собирались по вечерамъ у костровъ и беззаботно острили и смѣялись, лежа на землѣ вокругъ пылающаго огня. Мы жили такъ, поджидая со дня на день появленія Сулейманъ-паши и готовые его встрѣтить патронами и снарядами, уже доставленными намъ въ изобиліи изъ Тырнова. Почти каждый день казаки тревожили насъ донесеніями что Турки показались въ долинѣ Тунджи, что они быстро наступаютъ на насъ, но каждый разъ оказывалось что принятые казаками за Турокъ были партіи Болгаръ, переселявшихся изъ-за Малыхъ Балканъ въ долину Казанлыка. Сулейманъ-паша не показывался вовсе, напротивъ, по послѣднимъ извѣстіямъ онъ отступилъ изъ Ески-Загры на югъ *).

*) Въ послѣдствіи выяснилось что Сулейманъ-паша дѣйствительно

Солдатамъ, расположеннымъ на высотахъ, жилось такъ же хорошо какъ и намъ въ лощинѣ. Благодаря огромнымъ гуртамъ скота, согнаннымъ Болгарами въ горы отъ хищничества Турокъ, мяса у солдатъ всегда было вдоволь, хлѣба тоже въ изобиліи, хотя почему-то въ соли ощущался полнѣйшій недостатокъ. Подвозъ ея ожидали со дня на день изъ Тырнова, но соли такъ и не подвезли солдатамъ. Мнѣ вспоминается какъ въ одну изъ моихъ прогулокъ по горамъ я встрѣтился съ милѣйшимъ генераломъ Ц—мъ и поѣхалъ съ нимъ рядомъ. Мы проѣзжали мимо стрѣлковой бригады, расположившейся вокругъ шипѣвшихъ котловъ на обѣдъ. Солдаты хлебали какую-то похлебку, доставая ее изъ котловъ длиннѣйшими деревянными ложками.

— Хлѣбъ да соль, ребята! восклицаетъ Ц—ій, обращаясь къ солдатамъ.

отступилъ изъ Эски-Загры на другой же день нашего боя подъ Джуранлы и демонстраціи произведенной Гурко подъ Эски-Загрой. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ нашихъ послѣдовательныхъ побѣдъ у Ени-Загры, Джуранлы и наконецъ того вызывающе-смѣлаго вида какой принялъ Гурко въ виду турецкихъ полчищъ подъ Эски-Загрой, Сулейманъ-паша вообразилъ что онъ имѣетъ дѣло не съ какимъ-нибудь ничтожнымъ отрядомъ въ семь тысячъ человѣкъ, отрядомъ усталымъ, лишеннымъ боевыхъ припасовъ, но что предъ нимъ стоитъ авангардъ большой русской арміи, перешедшей Балканы, которой численность должна быть громадна, если судить о ней по смѣлости и рѣшительнымъ дѣйствіямъ ея авангарда. Поэтому Сулейманъ-паша счелъ за лучшее отступить назадъ къ Турну-Сейменли, оставивъ въ Эски-Загрѣ небольшой заслонъ изъ пѣхоты для прикрытія своего отступленія. Позднѣе, узнавъ о томъ какъ жестоко онъ былъ обманутъ ловкими маневрами Гурко, Сулейманъ-паша вернулся въ долину Казанлыка и приступилъ къ своимъ отчаянно-раздраженнымъ атакамъ на Шипку.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!

— А соли-то и нѣтъ! продолжаетъ Ц—ій.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Какъ же вы безъ соли-то?

— Обходимся, ваше превосходительство.

— Молодцы ребята! выкрикиваетъ неожиданно Ц—ій.

— Ради стараться, ваше превосходительство!

— Истинно молодцы! герои! обращается Ц—ій.—Представьте себѣ, во время боя подъ Джуранлы ѣду я верхомъ за цѣпью, вижу несутъ раненаго стрѣлка; я остановился, спрашиваю: куда тебя ранило? а онъ привсталъ на носилкахъ да и говоритъ мнѣ: «Слава тебѣ Господи, ваше превосходительство, привелось пострадать за Царя и вѣру противъ супостата.» А другой еще лучше. Шевельнутся не можетъ на носилкахъ; увидалъ меня и кричитъ громкимъ голосомъ: «*ура!* ваше превосходительство, наши одолѣваютъ!» Истинные герои! прибавляетъ Ц—ій, вдругъ разчувствовавшись и со слезами на глазахъ.

«Этакій славный и добрый генералъ,» думается мнѣ и я припоминаю какъ недавно еще слышалъ въ отрядѣ отзывъ объ этомъ худенькомъ генералѣ, какъ о храбрѣйшемъ человѣкѣ, хладнокровномъ и распорядительномъ въ огнѣ.

— А все-таки скажу, обращается ко мнѣ Ц—ій снова, какъ бы отвѣчая на свою какую-то мысль,—не слѣдуетъ презирать врага; бить врага слѣдуетъ, но всегда надо уважать врага.

Такъ дней пять или шесть мы простояли безмятежно у Хаинкіойя. На утро одного изъ дней послѣднихъ чиселъ іюля или же первыхъ августа Гурко объявилъ внезапно что мы выступаемъ. Куда? Зачѣмъ? Изъ Главной

5*

Квартиры получено приказаніе отряду немедленно возвратиться въ Тырново.

Къ вечеру того же дня мы потянулись назадъ по Хаинкіойскому ущелью; сдѣлали два привала въ горахъ, оба среди картинной обстановки горъ, при нѣжномъ лунномъ освѣщеніи, подъ сводомъ неба горѣвшаго большими яркими звѣздами. Но чувствовалось уже иное. На душѣ было невесело. Нашъ забалканскій походъ былъ оконченъ и что-то новое, неизвѣстное ожидало насъ впереди. На сѣверѣ Болгаріи выросла Плевна во всемъ ея грозномъ значеніи. Она потребовала напряженія всѣхъ боевыхъ силъ русской арміи; она не допустила присылки подкрѣпленія Гурко для продолженія похода за Балканы, веденнаго съ такою смѣлостью и такимъ успѣхомъ. Главная Квартира переѣхала изъ Тырнова въ Горній Студень. Изъ Россіи двигалась Императорская гвардія....

Возвратившись въ Тырново, Гурко вскорѣ уѣхалъ въ Россію; какъ начальникъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, онъ отправился на встрѣчу своей части чтобы во главѣ ея вернуться вновь на театръ военныхъ дѣйствій.

Санъ-Стефано,
15-го марта 1878 года.

II.

ПОДЪ ПЛЕВНОЙ.

Встрѣча съ Гурко на осадной батареѣ. — Ночное путешествіе.

Условившись въ Дольнемъ Липникѣ *) съ генераломъ Гурко въ томъ что мы найдемъ его 21 сентября подъ Плевной, на курганѣ гдѣ помѣщалась (недѣли двѣ тому назадъ) осадная батарея, я и кн. Ц. поспѣшили въ Систово чтобы тамъ запастись тулупами на зимнее время; лошадей же своихъ, верховыхъ и вьючныхъ, мы отправили впередъ изъ Горнаго Студня въ Порадимъ, съ тѣмъ чтобъ онѣ дожидались тамъ нашего возвращенія изъ Систова. Въ Систово мы пріѣхади 20 сентября и остановились у систовскаго губернатора Герова; чрезъ его посредство скоро нашли тулупы; но за то съ отысканіемъ лошадей для доставленія насъ подъ Плевну мы возились долго и весь день безуспѣшно: только къ утру 21-го привели намъ какой-то невозможный экипажъ—родъ фургона въ которомъ возятъ кладь, но никакъ не пассажировъ. Кучеръ

*) Въ началѣ сентября мѣсяца Гурко возвратился на театръ военныхъ дѣйствій во главѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и расположился съ своей частью въ с. Дольнемъ Липникѣ (верстахъ въ 15-ти отъ Горняго Студня) въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій В. К. Главнокомандующаго.

оказался прогорѣвшимъ маркитантомъ, а фургонъ—экипажемъ для перевозки провизіи; въ фургонѣ этомъ не было ни оконъ, ни дверей и влѣзать въ него приходилось черезъ кучерское сидѣнье. Съ трудомъ мы проникли чрезъ единственное отверстіе внутрь фургона; усѣвшійся затѣмъ кучеръ заслонилъ намъ своею спиною дневной свѣтъ, и мы очутились словно въ узкой, длинной и темной комнатѣ. Правда, въ фургонѣ было просторно, но когда эта махина задвигалась по мостовой Систова и мы стали подскакивать вверхъ при малѣйшемъ толчкѣ, то перспектива пятидесятиверстнаго пути въ такомъ экипажѣ показалась мнѣ плачевною. Выѣхали мы изъ Систова въ 8 часовъ утра, пробираясь сквозь волны непрогляднаго тумана, за которымъ скрывались ближайшіе предметы; сквозь просвѣтъ образовавшійся впереди насъ между спиной кучера и стѣнками фургона мы видѣли только спины лошадей да бѣлую пелену тумана, иногда неясную фигуру дерева, или же фигуру Болгарина верхомъ на ослѣ. Было холодно, сыро и неуютно. Кн. Ц., въ качествѣ казака, отнесся съ презрѣніемъ къ неудобствамъ экипажа и едва мы выѣхали изъ города, растянулся и захрапѣлъ несмотря на продолжавшіеся толчки и подбрасыванья. Я никакъ не могъ принудить себя заснуть и очень скучалъ; попробовалъ было вступить въ бесѣду съ кучеромъ, но тотъ, въ качествѣ прогорѣвшаго маркитанта, былъ уже пьянъ съ ранняго утра и на мои вопросы понесъ такую чушь что я болѣе не безпокоилъ его никакими вопросами... Потянулся путь однообразный, скучный, съ холма на холмъ. Обгоняли мы войска, артиллерійскіе парки, попадались намъ на встрѣчу казаки, стройными сотнями возвращавшіеся изъ-подъ Плевны въ Зимницу на отдыхъ и на ремонтировку. Встрѣтили мы дорогой злополучнаго корре-

спондента *Daily News*, г. Макъ-Гэна, ѣхавшаго также изъ-подъ Плевны въ Букурештъ лѣчиться. Вообще всѣмъ корреспондентамъ какъ-то не везетъ въ послѣднее время. Большинство ихъ заболѣли лихорадками съ наступленіемъ осенняго сыраго времени и они уѣхали кто въ Букурештъ лѣчиться, а кто назадъ на родину. Форбсъ, другой корреспондентъ *Daily News*, также боленъ въ Букурештѣ. Бойля, корреспондента *Standard*, офиціально выслали изъ Главной Квартиры за границу Румыніи въ сопровожденіи румынскаго жандарма, за то что онъ, обязавшись честнымъ словомъ не печатать никакихъ свѣдѣній касающихся расположенія нашихъ войскъ, помѣстилъ тѣмъ не менѣе въ *Standard* (отъ 24 августа) подробное описаніе русскихъ позицій подъ Плевной, съ указаніемъ слабыхъ сторонъ этихъ позицій. Многіе изъ иностранныхъ корреспондентовъ возвратились на родину. Также человѣкъ до пяти русскихъ корреспондентовъ покинули лагерь. Словомъ, станъ корреспондентовъ значительно порѣдѣлъ.

Часовъ около двухъ дня мы дотащились до Булгарени и накормили лошадей вблизи деревни. Тутъ нашъ кучеръ, прогорѣвшій маркитантъ, встрѣтился съ другимъ маркитантомъ, настоящимъ и не прогорѣвшимъ. Между ними завязался разговоръ, причемъ настоящій маркитантъ убѣждалъ нашего кучера уступить ему фургонъ и лошадей и вступить съ нимъ въ часть. «Деньги лопатами загребай, говорилъ онъ;—подъ Плевну привезъ я двѣ бочки водки, самъ платилъ за водку по 1½ франка око (око— турецкая мѣра), а продавалъ по 13 франковъ и вотъ теперь отъ души жалѣю, глупъ былъ, совсѣмъ значитъ дуракъ! могъ бы двадцать франковъ брать; платили бы, да благодарили. Знаешь Мосюкина? Чтò онъ? мѣсяца нѣтъ какъ подъ Плевну поѣхалъ; и товара-то у него было по-

чти что ничего, чай, сахаръ, водка, и все тутъ! А позавчера женѣ 600 рублей послалъ, да 500 рублей золотыми у себя въ сундукѣ отложилъ; пару воловъ купилъ еще; по три рубля штука. Какіе волищи! у насъ въ Одессѣ 100 рублей этакій волъ стоитъ! Ну, по рукамъ что ли?» Кучеръ нашъ, уставивъ въ землю мутный взоръ, молча слушалъ эти соблазнительныя рѣчи, но, какъ видно, разочарованіе въ прежнемъ ремеслѣ пустило уже глубокіе корни въ его душу. «Жиды, братъ», проговорилъ онъ наконецъ,—«жиды совсѣмъ доканали! Чего ужь тутъ соваться.» Затѣмъ, махнувъ рукой, онъ досталъ изъ фургона большую бутылку съ водкой и опорожнилъ ее сразу до половины. Тутъ мнѣ и кн. Ц. невольно пришелъ въ голову одинъ и тотъ же вопросъ: «Свалитъ онъ насъ на какомъ нибудь косогорѣ, или Богъ пронесетъ благополучно?—Оказалось что, благодаря только Богу, кучеръ нашъ не свалилъ насъ нигдѣ, и мы часовъ въ 6 вечера пріѣхали въ Порадимъ, заблудившись у самаго Порадима на дорогѣ и часа два проплутавъ по какимъ-то полямъ и болотамъ.

Въ Порадимѣ мы сейчасъ пересѣли на верховыхъ лошадей и поскакали подъ Плевну на курганъ, гдѣ долженъ былъ находиться Великій Князь Главнокомандующій, и гдѣ мы должны были найти генерала Гурко. Отъ Порадима до этого кургана было верстъ 15; мы подъѣхали къ кургану при совершенной темнотѣ и ѣхали почти на удачу, руководствуясь свѣтившимися на вершинѣ кургана огнями. Мы миновали обозъ Великаго Князя; на курганѣ хоръ музыкантовъ доигрывалъ какой-то военный маршъ. Посрединѣ кургана стояла палатка Главнокомандующаго, и въ ней свѣтился огонь; шагахъ въ десяти отъ палатки былъ разставленъ длинный столъ, на которомъ

горѣли шесть свѣчъ поставленныхъ въ рядъ, подъ стеклянными колпаками. Обѣдъ былъ уже конченъ, и за столомъ сидѣло, разговаривая, большое общество военныхъ. Великаго Князя за столомъ не было, онъ, отобѣдавъ, ушелъ въ свою палатку. За столомъ сидѣло нѣсколько генераловъ, адъютантовъ Великаго Князя, нѣсколько человѣкъ изъ казачьяго конвоя и ординарцы генерала Гурко. Тутъ былъ и генералъ Криденеръ. Съ сильно загорѣвшимъ лицомъ, сѣдою рѣдкою бородой, генералъ Криденеръ сидѣлъ сгорбившись на концѣ стола и слушалъ чтеніе списка лицъ представляемыхъ къ наградамъ въ его корпусѣ. Нѣсколько поодаль бросалось въ глаза красивое, полное лицо генерала Скобелева 1-го, бесѣдовавшаго съ княземъ Имеретинскимъ. Штабъ Великаго Князя не былъ въ полномъ составѣ, такъ какъ Его Высочество пріѣхалъ изъ Горнаго Студня подъ Плевну всего на два или на три дня, чтобъ осмотрѣть позиціи съ генераломъ Тотлебеномъ. Генерала Гурко не было за столомъ; онъ уѣхалъ на лѣвый флангъ къ генералу Лошкареву и еще не возвращался. Несмотря на то что обѣдъ уже былъ конченъ и со стола убраны приборы; намъ любезно предложили пообѣдать, отъ чего мы, конечно, не отказались. За столомъ въ тотъ вечеръ центръ интереса представлялъ драгоманъ Великаго Князя, г. Мокѣевъ, который только что возвратился изъ турецкаго лагеря, куда былъ отправленъ Главнокомандующимъ въ качествѣ парламентера для переговоровъ объ уборкѣ труповъ убитыхъ 30 августа русскихъ солдатъ, остававшихся доселѣ не прибранными вблизи турецкой позиціи. Г. Мокѣевъ разказывалъ подробности своего свиданія съ адъютантами Османъ-паши и переговоровъ въ турецкомъ лагерѣ. Согласившись на принятіе русскаго парламентера, Турки раскинули у самой своей цѣпи палатку, въ которой и

ожидали прибытія г. Мокѣева. Обмѣнявшись съ нашимъ драгоманомъ взаимными любезностями, Турки ввели г. Мокѣева въ палатку и спросили его, чѣмъ они могутъ ему служить. Г. Мокѣевъ сказалъ на это что Великій Князь приказалъ ему вести переговоры съ самимъ Османъ-пашой, и потому онъ настоятельно проситъ у Османъ-паши ауедіенціи. Одинъ изъ находившихся въ палаткѣ адъютантовъ Османа попросилъ Мокѣева подождать немного времени, а самъ, сѣвъ верхомъ на лошадь, поѣхалъ къ Осману чтобы передать ему желаніе нашего драгомана.

Нѣсколько человѣкъ турецкихъ офицеровъ, оставшихся въ палаткѣ съ г. Мокѣевымъ, начали разспрашивать его о томъ какъ ему живется и вообще какъ живется всѣмъ Русскимъ въ Болгаріи въ такую сырую и холодную пору.

— Намъ-то ничего, отвѣчалъ Мокѣевъ,—мы въ Россіи такъ привыкли къ холоду что только теперь въ холодъ и оживаемъ. А вамъ каково? переспросилъ онъ Турокъ.

— Намъ очень сыро, отвѣчали простодушно турецкіе офицеры.—А какъ вы обѣдаете и гдѣ достаете хорошую пищу? продолжали спрашивать офицеры.

— Я обѣдаю за столомъ Великаго Князя.—А вы гдѣ?

— Мы каждый у себя.

— Отчего же вы не обѣдаете у Османъ-паши?

— Да онъ не приглашаетъ къ своему столу; съ нимъ обѣдаютъ всего двое его адъютантовъ и больше никого. А у вашего Великаго Князя много человѣкъ садится за столъ?

— Человѣкъ если не полтораста, то сто шестьдесятъ или сто восемьдесятъ, отвѣчалъ не задумавшись г. Мокѣевъ.

— А много въ Россіи нашихъ плѣнныхъ?

— Тысячъ пятнадцать человѣкъ будетъ, пожалуй больше. А у васъ много нашихъ?

— Нѣтъ не много.

— Ну, а сколько? Человѣкъ сорокъ есть?

— Нѣтъ, и того нѣтъ.

Между тѣмъ пріѣзжаетъ адъютантъ Османъ-паши и передаетъ г. Мокѣеву что паша извиняется что не можетъ его принять, такъ какъ чувствуетъ себя нездоровымъ, и проситъ передать содержаніе порученія г. Мокѣева ему, адъютанту. Г. Мокѣевъ передаетъ. Адъютантъ уѣзжаетъ снова, и г. Мокѣевъ остается снова въ палаткѣ съ прежними турецкими офицерами.

— Къ намъ пріѣзжали какіе-то Молдаване и Валахи съ переговорами объ уборкѣ труповъ, продолжали турецкіе офицеры прерванный разговоръ: — разказывали что они пріѣхали изъ Румынскаго лагеря, а мы никакихъ Румынъ не знаемъ; слышали, правда, что къ Русскимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ Валаховъ, но намъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

— Однако, замѣтилъ на это г. Мокѣевъ,—на вашемъ лѣвомъ флангѣ Румыны дали вамъ почувствовать свое присутствіе.

Турецкіе офицеры промолчали на это замѣчаніе г. Мокѣева.

Возвратившійся вскорѣ адъютантъ Османъ-паши передалъ г. Мокѣеву что паша согласенъ на русское предложеніе, но съ тѣмъ что на правомъ русскомъ флангѣ Турки не могутъ допустить Русскихъ собирать трупы.

— Трупы вашихъ солдатъ лежатъ за Гривицкимъ редутомъ такъ близко къ нашимъ позиціямъ, сказалъ адъютантъ,—что ваши санитары легко увидятъ расположеніе нашихъ позицій. Лучше мы сами похоронимъ тамъ ва-

шихъ убитыхъ. А если вы желаете совершить надъ ними погребальный обрядъ, то мы позовемъ болгарскаго священника.

Что же касается лѣваго фланга, то Османъ-паша предлагаетъ провесть тамъ среднюю черту между русскою и турецкою, цѣпью, и всѣ трупы лежащіе до этой черты пусть хоронятъ Русскіе, а за чертой—Турки.

Все это разказывалъ г. Мокѣевъ за столомъ, за которымъ сидѣли и мы въ ожиданіи пріѣзда генерала Гурко. Небольшое пространство занимаемое столомъ было ярко освѣщено шестью горѣвшими свѣчами; но за то вокругъ, при нависшихъ низко тучахъ, царствовала непроглядная, черная темнота. Изъ нея доносился изъ-подъ кургана говоръ людей при обозѣ Великаго Князя, ржаніе лошадей; а съ другой стороны, по направленію къ турецкимъ позиціямъ, чрезъ каждыя 5—10 минутъ словно молнія прорѣзывало тьму, раздавался звукъ выстрѣла, и въ холодномъ ночномъ воздухѣ шипѣла и свистѣла граната. Я и кн. Ц. порядкомъ утомились отъ пути изъ Систова на курганъ и съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда генерала Гурко. Адъютанты Великаго Князя увѣряли насъ что Гурко останется ночевать у генерала Лошкарева и не рискнетъ ѣхать по бездорожью въ такую кромѣшную тьму. Но мы, бывъ съ Гурко за Балканами, успѣли достаточно изучить нравъ генерала и знали хорошо что для него темнота и ночь суть соображенія несуществующія. Поэтому мы остались дожидаться. Между тѣмъ, часу въ десятомъ вечера, подали чай, и Великій Князь вышелъ на нѣсколько минутъ изъ своей палатки.

Внизу кургана раздались полные, чудные аккорды: *Коль Славенъ Нашъ Господь въ Сіонѣ...* Затѣмъ музыканты про-

играли *Боже Царя храни*, и наконецъ сигнальный рожокъ сталъ тонко выводить зарю.

Между тѣмъ звуки колеснаго экипажа раздались на курганѣ не вдалекѣ отъ стола за которымъ сидѣлъ Великій Князь. Кто-то сказалъ что это пріѣхалъ генералъ Гурко, но въ темнотѣ ничего нельзя было разглядѣть.

Черезъ минуту на освѣщенномъ полѣ обрисовалась невысокая, но мощная и крѣпко сложенная фигура генерала.

Гурко сталъ разказывать и называть тѣ русскія позиціи которыя онъ объѣзжалъ въ этотъ день и сказалъ между прочимъ, что видѣлъ какъ по Софійской дорогѣ прошли два турецкіе табора вышедшіе изъ Плевны и конвоировавшіе нѣсколько телѣгъ которыя показались ему пустыми и шедшими вѣроятно за провіантомъ въ одну изъ ближайшихъ болгарскихъ деревень.

Великій Князь скоро ушелъ обратно въ свою палатку, но свита его осталась еще сидѣть за столомъ. Генералъ Гурко досидѣлъ до перваго часу ночи, бесѣдуя съ генераломъ Тотлебеномъ и Имеретинскимъ. Около полуночи пошелъ дождь, и всѣ поспѣшили разойтись по палаткамъ. Тогда и генералъ Гурко началъ собираться ѣхать въ деревню Пелишатъ, гдѣ онъ временно остановился, въ ожиданіи окончательныхъ приказаній Великаго Князя.

Четыре ординарца и я подошли къ генералу когда онъ всталъ изъ-за стола. Онъ любезно пожалъ намъ руки и проговорилъ шутя: «Ну, поѣдемте плутать вмѣстѣ.» Мы всѣ взобрались на своихъ коней и изъ освѣщеннаго пространства въѣхали въ черную, кромѣшную тьму. Ничего нигдѣ не было видно, никакого предмета нельзя было отличить; было предъ глазами только одно черное. Нельзя было разглядѣть гривы своей лошади; другъ друга мы

не видали, только по стуку копытъ да по звуку своихъ голосовъ слѣдовали другъ за другомъ, напрягая все вниманіе чтобы какъ-нибудь не отстать и не потеряться въ этой темнотѣ. Дождь между тѣмъ началъ лить какъ изъ ведра, и дорогу быстро разгрязнило до того что наши лошади, подкованныя турецкими подковами, стали скользить всѣми четырьмя ногами. До деревни куда мы ѣхали было 9 верстъ, но мы сбивались разъ пять съ дороги, и наконецъ проводникъ нашъ, Болгаринъ Рановъ, служащій у генерала Гурко также и переводчикомъ, внезапно испустилъ громкій крикъ: «стой, стой!» Мы остановились. «Гдѣ вы! Рановъ?» стали мы кричать проводнику.— «Въ канавѣ»,—послышался отвѣтъ изъ темноты. Мы разсмѣялись. Да, мы, несмотря на непріятное путешествіе ночью и подъ дождемъ, были въ веселомъ и бодромъ настроеніи. Мы снова были съ генераломъ Гурко, и это маленькое ночное путешествіе напоминало намъ смѣлый и веселый походъ за Балканами. Между тѣмъ Рановъ вылѣзъ изъ канавы и наткнулся на плетень. Оказалось что мы у нашей деревни, къ которой подъѣхали какъ-то нечаянно. Вызвали тотчасъ же Болгаръ съ фонарями и благополучно заночевали въ Пелишатѣ.

С. Пелишатъ,
22 сентября 1877 года.

Въ с. Трестеникъ.

Генералъ Гурко назначенный на дняхъ начальникомъ всей кавалеріи (какъ русской, такъ и румынской), расположенной въ окрестностяхъ Плевны, обратилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на Софійское шоссе, которое

можетъ по истинѣ назваться единственною и самою важною жизненною артеріей Плевны. Черезъ Софію сообщаясь съ Константинополемъ, турецкая армія сосредоточенная въ Плевнѣ можетъ получать изъ самой столицы Османлисовъ жизненные и боевые припасы, подкрѣпленія войсками, вывозить раненыхъ и больныхъ и, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ отступить изъ Плевны за Балканы. Благодаря такому важному значенію Софійскаго шоссе для Плевненской арміи, Турки употребляютъ всѣ старанія чтобы укрѣпить и обезпечить для себя этотъ единственный спасительный для нихъ путь. Окруженный со всѣхъ сторонъ русскими и румынскими силами, Османъ-паша держитъ еще въ своихъ рукахъ этотъ послѣдній ключъ въ Плевнѣ—дорогу въ Софію. Укрѣпленія возведенныя Турками для защиты Софійскаго шоссе начинаются у самаго города Плевны, именно у каменнаго моста ведущаго черезъ рѣку Видъ. Этотъ мостъ защищается такъ-называемыми предмостными укрѣпленіями (têtes de pont) расположенными на окрестныхъ къ мосту высотахъ; изъ этихъ укрѣпленій самое значительное находится на возвышенности близъ деревни Опанецъ сѣвернѣе Плевны. Затѣмъ, всѣ селенія вдоль Софійскаго шоссе заняты турецкими войсками всѣхъ трехъ родовъ оружія; въ селеніяхъ Дольнемъ и Горнемъ Дубникахъ, Телишѣ, Луковцахъ, Брестеницѣ, Яблоницѣ и др., воздвигнуты редуты для артиллеріи, накопаны ложементы и ровики для пѣхоты. Турецкіе транспорты, двигающіеся по шоссе отъ селенія къ селенію, прикрываются обыкновенно густыми колоннами кавалеріи и пѣхоты при орудіяхъ, причемъ кавалерія держитъ по сторонамъ дороги разъѣзды для предупрежденія неожиданнаго нападенія. Едва показывается гдѣ-нибудь вблизи шоссе русская или румынская кавалерія, пѣхотный кон-

вой турецкаго транспорта немедля сходитъ съ шоссе въ сторону вмѣстѣ съ орудіями и выстраивается въ боевой порядокъ на двойное и тройное разстояніе ружейнаго выстрѣла этого транспорта; посылаютъ тотчасъ же въ сосѣднюю деревню гонца за подкрѣпленіями, а изъ деревни посредствомъ условныхъ знаковъ, флаговъ или зажженныхъ пучковъ соломы, даютъ знать въ Плевну что непріятель приближается къ шоссе, и изъ Плевны выходятъ войска на помощь къ транспорту. Такимъ образомъ каждое селеніе на Софійскомъ шоссе грозитъ ежеминутно обратиться въ крѣпость и каждый пунктъ на шоссе, во время движенія турецкаго транспорта, стать мѣстомъ продолжительнаго и ожесточеннаго боя. Но не всегда удается Туркамъ привести въ дѣйствіе эту хитро задуманную организацію защиты Софійскаго шоссе. Вчера, 3 октября, сотня казаковъ, завидя изъ селенія Митрополь вереницу подводъ выходящихъ изъ Плевны, прорвалась сквозь цѣпь турецкихъ аванпостовъ и подъ выстрѣлами Опанца и предмостныхъ укрѣпленій достигла турецкаго транспорта, не потерявъ при этомъ ни одного человѣка убитымъ или раненымъ. Турецкія пѣхота и кавалерія, конвоировавшія транспортъ, ошеломленныя такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, кинулись назадъ въ Плевну, не сдѣлавъ по казакамъ ни одного выстрѣла, а турецкія батареи принуждены были замолчать, такъ какъ иначе имъ пришлось бы стрѣлять по собственному же транспорту. Транспортъ этотъ шелъ въ Орханіе съ больными и ранеными, и казаки ограничились тѣмъ что выпрягли воловъ изъ телѣгъ, самыя телѣги испортили, и угнали вмѣстѣ съ волами гуртъ барановъ въ количествѣ 300 штукъ.

Сегодня у насъ первый теплый и ясный осенній день; до сихъ поръ сѣялъ тонкій и безпрерывный дождь на по-

ловину съ снѣгомъ; было невыносимо сыро и холодно. Отъ холода много Турокъ бѣжало изъ Плевны; много ихъ было поймано казаками на нашихъ аванпостахъ. Которыхъ приводили къ генералу Гурко для допроса, всѣ имѣли жалкій и несчастный видъ, жаловались на голодъ и сырость и прежде чѣмъ отвѣчать на вопросы просились отогрѣться. Въ теченіе двухъ послѣднихъ дней было приведено до 25 человѣкъ турецкихъ бѣглыхъ солдатъ, съ посинѣлыми губами, съ желтыми худыми лицами, съ воспаленнымъ взоромъ, одѣтые легко; они, входя въ избу генерала, тянулись всѣ руками къ топившейся печкѣ, и когда генералъ давалъ имъ хлѣба и чаю, они съ жадностью поглощали и то и другое, повторяя: «Аллахъ наградитъ тебя за твою доброту.» На вопросы они отвѣчали односложно, не пускаясь въ объясненія и ограничиваясь только необходимымъ отвѣтомъ. Ихъ показанія рисовали положеніе турецкой арміи въ Плевнѣ въ плачевномъ свѣтѣ и во многомъ были согласны между собой. Между прочимъ эти дезертиры показывали что съ наступленіемъ дождливой и холодной поры десятки турецкихъ солдатъ оставляютъ свои посты и по ночамъ уходятъ изъ Плевны. Больныхъ много, преимущественно лихорадками, такъ какъ теплой одежды у солдатъ нѣтъ вовсе, и съ перемѣной погоды одежда солдатъ осталась все тою же. Обыкновенно больныхъ этихъ и раненыхъ помѣщаютъ въ самомъ городѣ въ болгарскихъ домахъ, изъ которыхъ выгнали хозяевъ на улицу; болгарскіе дома остались единственными уцѣлѣвшими отъ бомбардировки въ Плевнѣ; турецкая же часть города вся разрушена русскими снарядами. Раненыхъ и больныхъ вывозятъ изъ Плевны небольшими партіями (повозокъ во сто и полтораста) въ Орханіе (на Софійскомъ шоссе) гдѣ находится турецкій госпиталь, и оттуда въ Софію. Между прочимъ, въ Плевнѣ уцѣлѣли

отъ бомбардировки всѣ болгарскія церкви въ которыхъ, по показаніямъ спрошенныхъ дезертировъ, хранятся склады пороху и боевыхъ припасовъ, и входъ въ эти церкви охраняется часовыми. Число турецкаго войска въ Плевнѣ простирается до 50 тысячъ низама который за потерями пополняется редифомъ и мустегафизомъ изъ Софіи. Продовольствіе войска весьма скудное, состоящее обыкновенно изъ отпускаемаго на каждаго солдата въ день $^3/_4$ фунта хлѣба, испеченнаго изъ смѣси кукурузы и ячменной муки, и, кромѣ того, полфунта мяса выдаваемаго на два дня. Въ настоящее время запасы муки и мяса доставляются въ Плевну изъ отдаленныхъ мѣстъ, такъ какъ окрестныя деревни до чиста обобраны Турками, и находившіеся въ нихъ болгарскіе склады хлѣба, такъ же какъ и стада барановъ, съѣдены плевненскою арміей. Османъ-паша живетъ въ палаткѣ за городомъ, въ лощинѣ, близь дороги ведущей въ Гривицу; онъ каждый день объѣзжаетъ нѣкоторыя изъ позицій Плевны и посѣщаетъ въ городѣ больныхъ и раненыхъ. Въ боевыхъ припасахъ оказывается также недостатокъ; прежде, по показанію бѣглыхъ солдатъ, отпускали до 300 ружейныхъ патроновъ на человѣка, а теперь выдаютъ всего по 60 или 80 патроновъ. Свое бѣгство изъ Плевны дезертиры объясняютъ голодомъ и сыростью. По большей части дезертиры эти страдаютъ отъ лихорадки, и показанія ихъ сводятся къ изображенію такого печальнаго существованія въ Плевнѣ при которомъ имъ жить больше не въ моготу. Этимъ печальнымъ положеніемъ дѣлъ они объясняютъ и оправдываютъ свое бѣгство.

Къ генералу Гурко приводятъ также ежедневно по нѣскольку человѣкъ Болгаръ, жителей Плевны. Изгнанные изъ своихъ домовъ на улицу Турками Болгары, несмотря на запрещеніе подъ страхомъ смертной казни ухо-

дить изъ Плевны, бѣгутъ оттуда цѣлыми семьями къ линіи нашихъ аванпостовъ, обыкновенно по ночамъ; но показанія этихъ бѣглецовъ ничтожны. Они сами говорятъ что Турки скрываютъ отъ нихъ все и такъ презираютъ ихъ что не только не сообщаютъ имъ ни слова о своихъ нуждахъ, но ни съ чѣмъ, кромѣ приказаній, не обращаются къ нимъ. Болгары эти только и дѣлаютъ что жалуются на свою несчастную долю и на то что Турки ихъ окончательно обобрали.

Совершенно противное показали два солдата захваченные вчера въ плѣнъ казаками при нападеніи на турецкій транспортъ (больныхъ и раненыхъ). Солдаты эти имѣли бодрый и здоровый видъ и на всѣ вопросы отвѣчали что положеніе турецкой арміи въ Плевнѣ блестящее, что плевненская армія ни въ чемъ не нуждается, имѣетъ теплыя одежды, получаетъ достаточное количество продовольствія, а именно по $2^1/_2$ фунта въ день хлѣба и по 2 фунта мяса на человѣка, и что бѣгаютъ изъ Плевны одни только трусы и негодяи, словомъ, которымъ довѣрять никакъ не слѣдуетъ.

Генералъ Гурко, перейдя рѣку Видъ, расположилъ временно свой штабъ въ селеніи Трестеникъ сѣверо-западнѣе Плевны. Это бѣдная, печальная деревушка, выглядѣвшая еще печальнѣе сквозь сѣтку мелкаго дождя, не перестававшаго идти двѣ недѣли сряду. Домики врыты въ землю, крыши покрыты землей, и вся деревня имѣетъ видъ сотни разбросанныхъ на большомъ пространствѣ землянокъ. Подъѣзжая къ этой деревушкѣ въ сырую погоду не различишь даже вблизи домовъ; дымъ выходящій изъ крышъ стелется низко по землѣ и видишь только будто сама земля дымится и курится. На улицѣ деревни— невылазная грязь, глубокая, липкая въ которой уходятъ

и вязнутъ ноги лошадей. А подъ земляными крышами, въ какой домикъ ни заглянешь, царитъ одна и та же невеселая картина. Внутренность землянки безъ оконъ; въ углахъ темно; свѣтъ проходитъ черезъ единственное отверстіе, пробитое гдѣ-нибудь съ боку въ крышѣ. Это отверстіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трубой для выхода дыма. Подъ этою дырой на полу горитъ цѣлый день огонь которому въ пищу отдаются высохшіе стебли кукурузы. Пламя мгновенно вспыхиваетъ ярко и сильно и на минуту освѣщаетъ темные углы землянки красноватымъ отблескомъ; огонь ослабѣваетъ, и густой дымъ поднимается въ отверстіе и борется тамъ со снѣжинками и каплями мелкаго дождя. Въ углахъ землянки сыро и холодно; просачивающійся сквозь крышу дождь формируется въ большія капли, и капли эти глухо падаютъ на полъ. Въ одномъ изъ угловъ охаетъ и стонетъ Болгаринъ въ лихорадкѣ, накрытый разнаго рода тряпьемъ, женскимъ платьемъ, полушубками, а вокругъ огня десятокъ ребятишекъ протягиваютъ свои захолодѣвшія ручонки къ пламени на которомъ варится тутъ же ихъ незатѣйливый обѣдъ, по большей части — кукуруза въ разныхъ видахъ: вареная, печеная, хлѣбъ изъ кукурузной муки... Женщины то и дѣло снуютъ по избѣ, кто съ ведромъ воды, кто съ дровами; другія сидятъ съ работой — прядутъ нитки и прикрикиваютъ на дѣтей. На вопросы: кто они, откуда? звучитъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «бѣглые изъ селеній Ракиты или изъ селенія Яблонь; пришли къ нимъ Турки, взяли у нихъ все: телѣги, быковъ, овецъ, ячмень, одежду и повыгнали ихъ изъ домовъ; едва сами успѣли спастись бѣгствомъ.» Женщины Болгарки безропотно переносятъ суровую долю и, принужденныя пріютиться въ чужомъ домѣ, цѣлый день работаютъ на себя и на семью хозяина. Наоборотъ, мущины-Болгары только и видишь что

сидятъ безъ дѣла у огня, глядятъ тупо въ одну точку и на вопросы отвѣчаютъ односложно и неохотно.

Между тѣмъ по улицамъ этой бѣдной деревушки, по невылазной грязи проѣзжаютъ ежеминутно блестящіе рошіоры (регулярная румынская кавалерія), на высокихъ и красивыхъ коняхъ, офицеры элегантно сидящіе верхомъ; на головѣ маленькая шапочка, кокетливо накинутая на бекрень. Тутъ же, сторонкой, плетется невзрачный Кубанецъ и тащитъ за собой десятокъ лошадей къ ручью, протекающему черезъ деревню; проѣдетъ партія Осетинъ. Послѣднихъ сразу не отличишь отъ Черкесовъ. Та же маленькая лошадка, порыжѣвшая бурка небрежно накинутая на плечо, мохнатая папаха и восточный типъ лица. Но за то эта невзрачная на видъ кавалерія навела паническій страхъ на всѣ роды турецкой кавалеріи съ тѣхъ поръ какъ появилась за р. Видомъ. Послѣ двухъ-трехъ стычекъ съ Черкесами и регулярною турецкою кавалеріей она достигла того что ни одинъ Черкесъ и ни одинъ турецкій всадникъ не осмѣливаются отъѣхать за версту въ сторону Софійскаго шоссе. Турецкія пули Кубанцы и Владикавказцы презираютъ, говоря что Турки стрѣляютъ не цѣлясь, да и вообще ружейную перестрѣлку считаютъ ни къ чему не ведущею забавой въ которой и время тратишь и людей губишь. «Настоящее сраженіе, объясняютъ они, состоитъ въ томъ чтобы съ гикомъ кинуться на Турокъ и рубить ихъ шашками; кто больше зарубилъ Турокъ, тотъ и герой»; при этомъ они указываютъ на одного Осетина, коренастаго, невысокаго роста, который подъ Ловчей зарубилъ 18 человѣкъ Турокъ и больше бы зарубилъ, прибавляетъ разкащикъ, да на 18-мъ ударъ пришелся по затылку, а всякій дуракъ знаетъ что эту кость хоть топоромъ руби, только топоръ сломаешь; на 18-мъ у него и выскочилъ клинокъ изъ рукоятки.

Третьяго дня у Владикавказцевъ было большее празднество по случаю раздачи Георгіевскихъ крестовъ за дѣло подъ Ловчей. Много было по этому случаю изжарено и съѣдено шашлыка, не мало выпито вина; празднество окончилось танцами, лезгинкой и заключилось комическою сценой. Между Владикавказцами есть нѣсколько мусульманъ которые получили орденскіе знаки Св. Георгія, установленные для не-христіанъ, то-есть съ изображеніемъ на крестѣ орла, а не Георгія скачущаго на конѣ. Послѣ вина и танцевъ мусульмане обозрѣвали кресты товарищей и замѣтивъ разницу между ними пришли къ своему полковому командиру жалуясь на то что ихъ обидѣли. «Не хочу птица, говорили они, давай джигита!» Командиръ отправилъ ихъ спать, и. они успокоились.

Подъ Плевной всѣ эти дни не умолкаетъ канонада. Турки рѣдко отвѣчаютъ на наши выстрѣлы.

Трестеникъ,
4 октября 1877 г.

Императорская гвардія подъ Плевной. — День генерала Гурко.

Генералъ Гурко, получивъ новое назначеніе командующаго всѣми войсками которыя будутъ переправлены за рѣку Видъ, избралъ своимъ временнымъ мѣстопребываніемъ селеніе Іени-Беркачъ, на юго-востокѣ отъ Плевны. Это селеніе лежитъ въ мѣстности пересѣченной холмами, на склонѣ возвышенности и представляетъ то удобство что отсюда открывается обширный кругозоръ на линію Софійскаго шоссе, начиная отъ селенія Дольній Дыбникъ, подъ самою Плевной, и до селенія Телишъ. Въ ясные, осенніе дни, какіе стоятъ теперь у насъ, невооруженнымъ

даже глазомъ видно изъ Іени-Беркача, сквозь прозрачный воздухъ, ряды турецкихъ транспортовъ двигающихся по шоссе взадъ и впередъ изъ Плевны и обратно, а по вечерамъ и ночью линія шоссе усѣивается свѣтящимися точками отъ огней турецкихъ биваковъ. Видимо Турки зорко стерегутъ и внимательно блюдутъ свой единственный путь въ Плевну и, слѣдуя своему военному правилу вростать въ землю, окружили себя и здѣсь ровиками, ложементами, редутами, словомъ по линіи шоссе вросли въ землю, озаботившись изъ каждой возвышенности у шоссе образовать новую маленькую Плевну.

Въ настоящую минуту, какъ оказывается изъ наблюденій и разспросовъ плѣнныхъ или бѣглыхъ изъ Плевны турецкихъ солдатъ, на Софійскомъ шоссе царитъ особенно оживленное движеніе. Что касается транспортовъ, идущихъ по направленію къ Плевнѣ съ продовольственными и боевыми запасами, то транспорты эти всегда часты и многочисленны, такъ какъ въ самой Плевнѣ и тѣ и другіе запасы истощились, между тѣмъ какъ для прокормленія 50—60 тысячной арміи въ Плевнѣ требуется огромный, ежедневный подвозъ провіанта. Но на встрѣчу этихъ транспортовъ выходятъ въ настоящую минуту не менѣе многочисленные транспорты изъ Плевны направляясь въ Орханіе и Софію. Эти послѣдніе транспорты наполнены больными и ранеными солдатами которыхъ Турки, по послѣднимъ извѣстіямъ, вывозятъ всѣхъ изъ Плевны, до послѣдняго раненаго или больнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Османъ-паша распорядился немедленною высылкою изъ Плевны всего какъ болгарскаго, такъ и турецкаго населенія города, отобравъ уцѣлѣвшія отъ бомбардировки зданія подъ зимнія квартиры для солдатъ. Жители Плевны, какъ разказываютъ, воспротивились было такому распоряженію Османъ-паши, но турецкій начальникъ объявилъ имъ что

ѳни могутъ пожалуй оставаться въ городѣ подъ условіемъ не выходить за черту города за добываніемъ себѣ пищи. Этого было достаточно чтобы населеніе потянулось на другой же день по Софійскому шоссе уходя въ Орханіе и Софію. Подобныя мѣры принятыя Османъ-пашой показываютъ только что Турки, удаливъ отъ себя лишній балластъ и укрѣпивъ дорогу въ Софію, намѣреваются держаться въ Плевнѣ до послѣдней возможности. Наши орудія продолжаютъ напоминать имъ о себѣ. Но система пальбы съ нашей стороны нѣсколько измѣнилась въ послѣднее время. Отдѣльныхъ выстрѣловъ не слыхать вовсе; одни лишь глухіе звуки залповъ изъ многихъ орудій разносятся въ окрестностяхъ Плевны. Принято теперь направлять орудія многихъ батарей въ одну точку, представляющую почему-либо наибольшую важность, чтобы сосредоточеннымъ такимъ образомъ огнемъ наносить въ данной точкѣ наибольшее количество вреда Туркамъ.

Возвращаюсь къ селенію Іени-Беркачъ, въ которомъ находится въ настоящую минуту генералъ Гурко и его штабъ. Оно совершенно покинуто жителями. Турецкое населеніе бѣжало отъ страха быть застигнутымъ русскими войсками, болгарское — въ страхѣ отъ возможности турецкаго занятія; при этомъ турецкое населеніе, уходя изъ Іени-Беркача, ограбило и сожгло многіе болгарскіе дома, а болгарское, въ свою очередь, излило свое чувство мести на покинутыхъ Турками жилищахъ. Полуразрушенные домики Іени-Беркача печально выглядываютъ изъ-за густой, разноцвѣтной, осенней листвы деревьевъ; нѣсколько уцѣлѣвшихъ въ селеніи хатъ заняты Болгарами, да и то не настоящими хозяевами, а пришельцами, бѣглыми изъ Плевны или съ Софійскаго шоссе — изъ деревень Яблони и Ракитъ. Самъ генералъ Гурко и штабъ отряда помѣщаются на краю деревни въ сторонѣ ея, обращенной

къ Софійскому шоссе и къ линіи турецкихъ аваппостовъ; генералъ и штабъ занимаютъ пять турецкихъ домиковъ, потерпѣвшихъ значительное крушеніе: печи въ нихъ всѣ сломаны, окна выбиты, а въ иныхъ не хватаетъ порядочной части стѣны. Готовить кушанье и грѣться приходится на воздухѣ у костровъ, даже спать на воздухѣ пріятнѣе, ибо внутри этихъ домиковъ къ ночному холоду присоединяется сырость, гнѣздящаяся на полу и въ углахъ. Но за то съ мѣста занимаемаго штабомъ отряда хорошо виденъ въ бинокль непріятель расположенный вдоль шоссе, видны также и наши аванпосты, стоящіе съ версту впереди по линіи рѣки Видъ, протекающей здѣсь параллельно шоссе. Впрочемъ, для наблюденій за тѣмъ что̀ дѣлаетъ непріятель, генералъ Гурко приказалъ утвердить на одномъ изъ сосѣднихъ кургановъ длинную подзорную трубу, при которой дежурятъ ординарцы и ведутъ журналъ всего что̀ въ теченіе дня замѣчаютъ сквозь эту трубу на непріятельской линіи.

Позади селенія Іени-Беркачъ, съ его стороны не обращенной къ непріятелю — стоитъ только спуститься съ возвышенности — въ лощинахъ стелется и облаками поднимается дымъ костровъ, сливаясь въ холодномъ воздухѣ съ паромъ шипящихъ котловъ; шумъ и говоръ стоятъ надъ лощиной; тамъ готовятъ себѣ обѣдъ и располагаются бивакомъ только-что пришедшія части гвардіи. Какое чудное, великолѣпное войско! Рослые, здоровые, крѣпкіе мышцами солдаты; красивые и чистые мундиры, вся одежда, дышащая опрятностью; видъ импонирующій бодростью. Во всемъ замѣтна какая-то отчетливость и чистота отдѣлки: и въ стройности и порядкѣ расположенія бивака, и въ маршировкѣ какой-нибудь группы солдатъ, отправляющихся на смѣну поста, наконецъ, даже въ той строгой и внимательной манерѣ съ какою стоитъ гвардеецъ-солдатъ на часахъ.

Генералъ Гурко, объѣзжая третьяго дня нѣкоторыя изъ прибывшихъ подъ его команду частей гвардіи, здороваясь съ офицерами и солдатами и сказавъ что для него большое счастье и честь стать начальникомъ лучшаго въ Россіи войска, выразился между прочимъ обращаясь къ офицерамъ:

«Господа! я обращаюсь къ вамъ и долженъ вамъ сказать что люблю страстно военное дѣло, на мою долю выпала такая честь и такое счастіе о которомъ я никогда и не смѣлъ мечтать—вести гвардію, это отборное войско, въ бой. Для военнаго человѣка не можетъ быть большаго счастія какъ вести въ бой войско съ увѣренностію въ побѣдѣ, а гвардія по своему составу, по обученію, можно сказать, лучшее войско въ мірѣ. Помните, господа, вамъ придется вступить въ бой и на васъ будетъ смотрѣть не только вся Россія, но весь свѣтъ, и отъ успѣховъ вашихъ будетъ зависѣть исходъ дѣла.

«Бой при правильномъ обученіи не представляетъ ничего особеннаго, это тоже что ученіе съ боевыми патронами, только требуетъ еще большаго спокойствія, еще большаго порядка. Влейте, если такъ можно сказать, въ солдата что его священная обязанность *беречь въ бою патронъ, а сухарь на бивакѣ*,—и помните что вы ведете въ бой русскаго солдата который никогда отъ своего офицера не отставалъ.»

Обращаясь къ солдатамъ, генералъ Гурко сказалъ:

«Помните, ребята, что вы гвардія Русскаго Царя, и что на васъ смотритъ весь крещеный міръ. Турки, стрѣляютъ издалека и стрѣляютъ много, это ихъ дѣло, а вы стрѣляйте какъ васъ учили *умною пулей, рѣдко, но мѣтко*, а когда придется до дѣла въ штыки, то *продырявь его*. «Нашего *ура!* врагъ не выноситъ». О васъ, гвардейцы, заботятся больше чѣмъ объ остальной арміи, у васъ луч-

шія казармы, вы лучше одѣты, накормлены, обучены, вотъ вамъ минута доказать что вы достойны этихъ заботъ.»

Сегодня, четвертый день какъ генералъ Гурко находится въ Іени-Беркачѣ, дожидаясь сбора всего ввѣреннаго его командованію отряда. Части отряда ежедневно подходятъ и собираются; когда и въ какое дѣло поведетъ ихъ генералъ Гурко извѣстно ему одному; но сомнѣнія нѣтъ что Императорская гвардія въ соединеніи съ именемъ Гурко, прозвучавшимъ уже для Турокъ за Балканами, не долго останется безъ дѣла. Между тѣмъ, въ ожиданіи сбора всего отряда, генералъ Гурко проводитъ здѣсь свой день по одному и тому же образцу. Едва начинаетъ свѣтать по утру, изъ турецкой хаты, гдѣ проводитъ генералъ свою ночь, раздается его глухой, но далеко слышный голосъ: «Соболевъ! сѣдлать коня!» Въ седьмомъ часу утра, съ восходомъ солнца, Гурко уже сидитъ верхомъ и выѣзжаетъ въ сопровожденіи дежурнаго ординарца, переводчика Хранова, деньщика Соболева и конвоя изъ десяти казаковъ; онъ ѣдетъ на аванпосты, выѣзжаетъ далеко за цѣпь, взбирается на холмы и возвышенности, съ которыхъ съ биноклемъ въ рукахъ высматриваетъ турецкія позиціи, изучаетъ мѣстность; у мѣстныхъ Болгаръ по деревнямъ, по которымъ проѣзжаетъ, постоянно разспрашиваетъ о разстояніяхъ, о расположеніи селенія занятаго непріятелемъ; затѣмъ генералъ ѣдетъ осматривать войска, появляется неожиданно на самыхъ отдаленныхъ аванпостахъ и глядитъ все ли въ порядкѣ. Онъ не пропуститъ мимо себя ни одного солдата попавшагося ему на встрѣчу чтобы не поздороваться съ нимъ; то и дѣло слышишь, когда ѣдешь съ генераломъ Гурко, его суровыя восклицанія: «здорово, уланъ!» «здорово, гусаръ!» «здорово, стрѣлки!» Солдатамъ это очевидно нравится. Но за то Гурко очень строгъ ко всему что касается нарушенія дисциплины. Въ

особенности преслѣдуетъ онъ въ своихъ прогулкахъ фуражировки солдатъ въ болгарскихъ домахъ, если они дѣлаются безъ разрѣшенія. Объѣхавъ всѣ войска, генералъ Гурко въ концѣ дня возвращается въ Іени-Беркачъ. Луна покажется на небѣ, зажгутъ уже костры на нашемъ бивакѣ когда раздадутся въ темнотѣ звуки копытъ и снова глухой голосъ генерала: «Соболевъ! принять коня!» Прикомандированные къ генералу Гурко адъютанты князя Карла, Румыны, не могутъ скрыть своего удивленія постоянно спрашивая: «когда же генералъ спитъ?» такъ какъ пріѣхавъ вечеромъ Гурко садится за работу со своимъ начальникомъ штаба, «когда генералъ обѣдаетъ?» ибо съ собой въ прогулки онъ не беретъ никакой ѣды; и наконецъ «что за странность, что генералъ, начальникъ гвардіи, не дозволяетъ себѣ имѣть никакого экипажа за исключеніемъ верховыхъ лошадей?»

Вообще, на Румынъ спартанская суровость жизни генерала Гурко производитъ сильное впечатлѣніе.

Въ штабѣ генерала Гурко находится большинство тѣхъ кто съ нимъ дѣлали Забалканскій походъ, и генералъ, по своей русской натурѣ нѣсколько суевѣрный, съ особымъ удовольствіемъ видитъ въ своей свитѣ сотоварищей по походу за Балканы, усматривая въ ихъ присутствіи при себѣ залогъ успѣха. Начальникъ штаба у генерала Гурко тотъ же что былъ и за Балканами полковникъ, а нынѣ генералъ Нагловскій, человѣкъ невозмутимо хладнокровный, не теряющій присутствія духа въ самыя критическія минуты.

С. Іени-Беркачъ,
9 октября 1877 года.

Горній Дубникъ.

Вчера, 12 октября, генералъ Гурко сдѣлалъ наступленіе на Софійское шоссе и атаковалъ войсками Императорской гвардіи турецкія укрѣпленія близъ селеній Горній Дубникъ и Телишъ. Въ предыдущихъ письмахъ я сообщалъ уже значеніе дороги въ Софію для Плевнинской арміи, какъ единственной жизненной артеріи Плевны, грозно укрѣпленной Турками и зорко оберегаемой ими. Главнѣйшія позиціи Турокъ на шоссе, начинаясь у Плевны, идутъ вдоль дороги на югъ и сосредоточены на высотахъ близъ селеній Дольній Дубникъ (верстахъ въ 15 отъ Плевны), Горній Дубникъ (верстъ на 6 южнѣе), Телишъ, Луковцы, и т. д., причемъ въ промежуткѣ между этими укрѣпленіями дорога защищена нарытыми по сторонамъ ея ложементами, или окопами для пѣхоты, и засѣками. Занять поэтому шоссе было дѣломъ не легкимъ. Рѣшено былъ занять его близъ селенія Горній Дубникъ, поведя атаку на турецкія укрѣпленія охраняющія шоссе въ этомъ мѣстѣ. Одновременно съ атакой на укрѣпленія Горняго Дубника, чтобы воспрепятствовать Османъ-пашѣ выслать изъ Плевны войска къ своимъ на выручку, рѣшено было сдѣлать у Плевны и у Дольняго Дубника демонстрацію; самъ же генералъ Гурко сосредоточилъ все свое вниманіе на атаку у Горняго Дубника. Здѣсь, на двухъ высотахъ, Турки возвели сильнѣйшія укрѣпленія и образовали новую маленькую Плевну. Все что только могло придумать искусство окапываться, все кажется здѣсь было приложено Турками къ дѣлу. Вершины занятыхъ ими позицій на высотахъ были обнесены круглымъ рвомъ глубиной въ сажень слишкомъ; за этимъ рвомъ поднимался земляной валъ вышиной также въ сажень; за валомъ, внутри укрѣпленія, были рядами накопаны рвы съ насы-

пями впереди и, наконецъ, въ самомъ центрѣ укрѣпленія изъ необожженнаго кирпича устроено возвышеніе сажени въ три вышиной на которомъ помѣщались батареи. Таковы были вершины высотъ или центра турецкой позиціи. Отъ нихъ внизъ, начиная отъ круглаго рва, вѣеромъ шли распространяясь во всѣ стороны по увеличивающейся окружности новыя укрѣпленія въ видѣ рвовъ съ насыпями впереди, различной длины, разчитанныя, повидимому, на разное количество людей, отъ двухъ солдатъ и до сотни. Въ построенныхъ такимъ образомъ укрѣпленіяхъ помѣщалось семь турецкихъ баталіоновъ пѣхоты, то-есть семь тысячъ человѣкъ стрѣлковъ, скрытыхъ за насыпями во рвахъ, и при нихъ одинъ полкъ кавалеріи. Вообще турецкую позицію при Горнемъ Дубникѣ можно сравнить съ выгнутою вверхъ круглою сѣткой паутины, въ которой центръ, занимаемый паукомъ, представлялъ бы высокую насыпь на которой помѣщалась турецкая батарея, доминирующая всю окрестность, а сотни сплетенныхъ нитей паутины изображали бы расходящіеся въ разныя стороны отъ этой насыпи ровики для стрѣлковъ. Порѣшивъ заранѣе взять эту позицію приступомъ, генералъ Гурко опредѣлилъ для этого направить на турецкія укрѣпленія всю 2-ю гвардейскую дивизію, гвардейскій саперный баталіонъ и стрѣлковую гвардейскую бригаду, причемъ атаку повести съ трехъ сторонъ; съ четвертой же стороны, на югъ отъ Горняго Дубника, поставить гвардейскую кавалерійскую бригаду для пресѣченія Туркамъ пути къ отступленію на Телишъ. Вмѣстѣ съ этимъ первой гвардейской дивизіи во время атаки опредѣлено было сторожить шоссе со стороны Дольняго Дубника чтобы задержать непріятеля въ случаѣ его движенія изъ Плевны на помощь къ осаждаемымъ. Лейбъ-гвардіи Егерскому полку (первой гвардейской дивизіи) предписано было про-

извести демонстрацію на Телишъ чтобъ отвлечь вниманіе и задержать движеніе сосредоточенныхъ въ Телишѣ турецкихъ войскъ.

Раздавъ послѣднія приказанія, генералъ Гурко, 11 октября, вечеромъ, переѣхалъ со своимъ штабомъ изъ селенія Іени-Беркачъ въ селеніе Чуриково ближайшее къ мѣсту предполагаемой атаки; ночью же съ 11 на 12 число подошли къ Чурикову и расположились впереди селенія войска, долженствовавшія на утро вступить въ дѣло. Всѣ провели эту ночь подъ открытымъ небомъ; дулъ холодный и рѣзкій вѣтеръ, яркая луна придавала фантастическій видъ изрѣзанной холмами мѣстности по которой располагались группами подходившія колонны войскъ. Ночь была ясная, но сырая и холодная, позволено было развести только весьма ограниченное число костровъ, и у нихъ всю ночь грѣлись ординарцы Гурко, конвойные казаки, да мимоходомъ забѣгавшіе солдаты. У каждаго въ эту ночь въ глубинѣ души гнѣздилось одно невольное чувство: «что-то будетъ завтра?» и «какъ все это будетъ?» Вниманіе на минуту развлекалось посторонними, ближайшими предметами, и снова предчувствіе чего-то важнаго, огромнаго, имѣющаго произойти черезъ нѣсколько часовъ близко за этими холмами, снова выплывало наружу. Едва первыя полоски зари забѣлѣли на горизонтѣ, часовъ въ шесть утра, по бивaку разнесся громкій голосъ генерала Гурко: «сѣдлать коней! черезъ четверть часа—выступленіе!» Еще была ночь, а генералъ Гурко уже ѣхалъ верхомъ по направленію къ шоссе гдѣ въ кустахъ была разсыпана цѣпь турецкихъ аванпостовъ. Позади медленно подвигались колонны пѣхоты, расходясь по двумъ направленіямъ: стрѣлковая бригада забирала вправо, въ обходъ непріятельской позиціи, а лейбъ-гвардіи Московскій и Гренадерскій полки и гвардейскіе саперы шли прямо на турецкія укрѣпленія

еще скрытыя за ближайшимъ холмомъ; артиллерія взбиралась на возвышенности для занятія тамъ позицій. Дѣло началось съ мелкой аванпостной перестрѣлки открытой Турками по казачьему разъѣзду посланному впередъ для порчи на шоссе телеграфной проволоки соединяющей Горній Дубникъ съ Плевной. Замѣтивъ генерала Гурко и его многочисленную свиту выѣхавшихъ слишкомъ впередъ войска, цѣпь турецкихъ аванпостовъ открыла изъ кустовъ по насъ частый ружейный огонь; но едва стала надвигаться пѣхота, турецкая цѣпь быстро отступила на шоссе и оттуда къ укрѣпленіямъ. Съ турецкой вышки также ранѣе всего замѣтили блестящую группу всадниковъ и пустили по генералу и его свитѣ три гранаты которыя, перелетѣвъ надъ нашими головами, не причинили никому вреда. Въ 8 ч. ровно, батарея, помѣстившаяся на востокъ отъ шоссе съ нашего лѣваго фланга, первая открыла частый огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ. Вслѣдъ за нею, другая батарея, выѣхавшая на шоссе и помѣстившаяся у самой дороги на маленькомъ курганчикѣ, начала со своей стороны обстрѣливать турецкія высоты. Оттуда не замедлили посыпаться отвѣты: гранаты загудѣли и зашипѣли по разнымъ направленіямъ, и сраженіе открылось.

Генералъ Гурко съ нетерпѣніемъ выжидалъ минуты когда наша пѣхота приблизится къ турецкимъ укрѣпленіямъ и перейдетъ въ наступленіе. Въ 10 часу утра затрещали первые ружейные выстрѣлы съ турецкой позиціи, и генералъ Гурко выѣхалъ на шоссе, на нашу батарею, помѣщавшуюся на курганчикѣ. Отсюда вся картина боя была видна и открыта какъ на ладони. Съ версту впереди насъ, очерченная ясно, высоко поднималась круглая турецкая позиція обнесенная рвомъ и валомъ; она вся дымилась отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня; къ

ней, подъ выстрѣлами Турокъ, подходили также стрѣляя наши колонны; онѣ были къ позиціи и съ правой, и съ лѣвой стороны, и съ фронта. На нашемъ правомъ флангѣ показалась изъ лѣсу кавалерія: то была пришедшая во время изъ Трестеника Кавказская бригада, подъ начальствомъ полковника Черевина которая подала руку Павловскому и Финляндскому полкамъ, наступавшимъ на Турокъ съ тылу. Съ лѣваго фланга, отъ селенія Чурикова, наступали Московскій и Гренадерскій полки; а съ фронта шла гвардейская стрѣлковая бригада. Турки были окружены со всѣхъ сторонъ; планъ обложенія былъ исполненъ какъ нельзя болѣе удачно. Казалось, непріятелю не было болѣе выбора какъ только сдаться или умереть въ собственныхъ ложементахъ. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ производила въ ту минуту картина боя, ярко облитая солнечнымъ блескомъ. Съ лѣваго фланга нѣсколько ротъ Гренадерскаго полка пустились бѣгомъ на турецкую возвышенность и успѣли занять нѣсколько непріятельскихъ ложементовъ; спрятанные въ нихъ Турки быстро побѣжали вверхъ къ центру своихъ укрѣпленій. Но за то главная и самая высокая позиція Турокъ, съ крутымъ подъемомъ къ ней, оставалась еще всецѣло въ рукахъ непріятеля, и чѣмъ ближе подходили къ ней наши колонны тѣмъ сильнѣе учащался изъ нея ружейный огонь. Эта позиція, обнесенная рвомъ и состоящая вся изъ глубокихъ, ярусами вверхъ идущихъ рвовъ, въ которыхъ за насыпями не видать было непріятеля, походила на какую-то адскую машину, митральезу извергавшую неимовѣрное количество пуль. Пули давно уже летѣли и черезъ курганчикъ гдѣ на батареѣ стоялъ генералъ Гурко со своимъ штабомъ. Батарея на этомъ курганчикѣ стрѣляла часто и мѣтко, причемъ каждое орудіе, подпрыгнувъ по-

слѣ выстрѣла, скатывалось съ курганчика внизъ. Солдаты хватали орудіе за колеса и съ трудомъ втаскивали его снова вверхъ на курганчикъ. Одинъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ каждый разъ торопилъ солдатъ: «голубчики, родные, повторялъ онъ, тащите скорѣй, минута дорога!... Минута дорога!» повторялъ онъ. Турецкіе снаряды то и дѣло падали около батареи, нѣкоторые изъ нихъ звонко и гулко разрывались; пули цѣлымъ роемъ проносились между нами; онѣ шумѣли, звякали, шипѣли, гудѣли на всевозможные тоны и лады; но на курганчикѣ и около него, кромѣ одного конвойнаго гусара и нѣсколькихъ раненыхъ лошадей, никто не былъ задѣтъ пулями или осколками гранатъ. Долгій томительный часъ прошелъ подъ этимъ огнемъ, а турецкій редутъ все продолжалъ трещать какъ митральеза; атака очевидно затягивалась и шла неуспѣшно. Наконецъ генералъ Гурко, не вытерпѣвъ долѣе, скомандовалъ суровымъ голосомъ: «Батарея! впередъ! Подъѣхать къ непріятелю на триста саженъ и катать въ него шрапнелями.» Повинуясь командѣ, восемь орудій стрѣлявшихъ на курганчикѣ быстро взяли на передки, и карьеромъ вынеслись впередъ. Въ эту минуту подскакалъ къ генералу Гурко ординарецъ съ донесеніемъ что наше наступленіе на главный редутъ задерживается сильнымъ огнемъ непріятеля, что нѣсколько ложементовъ на лѣвомъ склонѣ турецкихъ позицій заняты Гренадерскимъ полкомъ, но что при этомъ генералъ Зедлеръ, командиръ бригады, тяжело раненъ пулей въ животъ, и проситъ подкрѣпленія у полковника Скалона, который едва успѣлъ развернуть своихъ саперъ и выѣхать впередъ какъ тоже былъ раненъ въ животъ; раненъ также Любавицкій, командиръ Гренадерскаго полка, пулей въ плечо на вылетъ, но остался въ строю. Генералъ Гурко потребовалъ коня

и съ курганчика поѣхалъ впередъ въ сопровожденіи начальника штаба генерала Нагловскаго и двухъ ординарцевъ. Не прошло и получаса какъ онъ прислалъ назадъ одного изъ ординарцевъ съ приказаніемъ генералу Рауху, командиру 1-й гвардейской дивизіи, выслать немедля впередъ подкрѣпленіе изъ частей первой дивизіи. Раухъ скомандовалъ Измайловскому полку выступить въ дѣло. Поротно двинулись Измайловцы мимо курганчика, подъ градомъ пуль, стройными, красивыми колоннами, баталіонный командиръ подскакалъ къ нимъ: «Измайловцы!» говорилъ онъ звучнымъ голосомъ,—«помните вашихъ дѣдовъ, помните героевъ Бородина, они смотрятъ на васъ теперь.» Измайловцы на ходу сняли шапки и крестились. «Равненіе направо!» командовалъ между тѣмъ офицеръ шедшій впереди роты съ саблей наголо; «въ ногу! лѣвой! лѣвой!» командовалъ онъ. Снова прошелъ долгій, томительный расъ, въ теченіе котораго то усиливалась, то затихала перестрѣлка. Наконецъ вернулся генералъ Гурко и направился шагомъ на лѣвый флангъ, отыскивая графа Шувалова, командира 2-й гвардейской дивизіи, около котораго ранили въ бедро его начальника штаба, полковника Скалона, и трехъ ординарцевъ. Второе наступленіе на редутъ было также неудачно, много выбыло у насъ изъ строя; солдаты во время атаки бодро шли впередъ до глубокаго рва и вала редута, но попытки перешагнуть этотъ ровъ кончались сотнями геройскихъ смертей — и только. Глубина этого рва, высота вала и сильный непріятельскій огонь дѣлали редутъ неприступною крѣпостью. Генералъ Гурко, встрѣтившись съ графомъ Шуваловымъ на нашей батареѣ лѣваго фланга, условился съ нимъ произвести новую атаку редута одновременно со всѣхъ сторонъ; начать ее въ пять часовъ вечера и сиг-

наломъ къ ней считать три залпа выпущенные съ батареи лѣваго фланга. Было три часа дня. Ружейная пальба значительно стихла, но нашъ артиллерійскій огонь не умолкалъ ни на минуту, поражая непріятеля шрапнелями и нанося ему видимый вредъ. Наша артиллерія заставила совершенно замолчать турецкія орудія, перебивъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, всѣхъ турецкихъ артиллеристовъ какъ офицеровъ, такъ и прислугу при орудіяхъ. Генералъ Гурко между тѣмъ остался ожидать общую атаку на батареѣ лѣваго фланга. Батарея эта помѣщалась близко къ турецкой позиціи, и пули непрерывно гудѣли здѣсь. Въ теченіе двухъ часовъ проведенныхъ генераломъ на батареѣ было переранено много лошадей, нѣсколько человѣкъ конвоя и прислуги при орудіяхъ. То были два тяжелые часа. Турки, замѣтивъ со своей высоты большую группу людей и лошадей собравшуюся около генерала Гурко на батареѣ, обстрѣливали эту группу ружейнымъ огнемъ. Отъ гудѣвшихъ пуль негдѣ было укрыться, и только благодаря непонятному счастію въ штабѣ генерала не было раненыхъ, хотя много было контузій, прострѣленныхъ шинелей, и т. п.; у адъютанта Беккера вышибло пулей бинокль изъ рукъ, у генерала Леонова было въ трехъ мѣстахъ прострѣлено пальто, и т. д. Съ нашей батареи мы видѣли только одинъ Финляндскій полкъ, прилегшій въ лощинѣ у подошвы турецкой высоты и частями засѣвшій также по склону высоты въ ложементахъ захваченныхъ поутру Гренадерскимъ полкомъ. Въ 5 часовъ условленный залпъ оповѣстилъ войска о наступившей минутѣ новаго штурма редута. Вокругъ турецкихъ позицій всѣ полки лежавшіе до той минуты въ кустахъ, въ ложементахъ, за буграми, повсюду гдѣ только было малѣйшее прикрытіе отъ турецкихъ пуль,

всѣ полки поднялись разомъ со своихъ мѣстъ и бросились въ атаку. Долгое то усиливающееся, то затихающее *ура* разнеслось вокругъ редута, и въ ту же минуту снова заработала и затрещала адская митральеза. Поднявшійся внезапно турецкій огонь производилъ впечатлѣніе огромной, неимовѣрныхъ размѣровъ дѣйствующей съ оглушительнымъ трескомъ машины. Финляндскій полкъ поднялся съ мѣста на нашихъ глазахъ. Раздалось *ура!* Кто-то впереди поскакалъ на высоту верхомъ на лошади махая саблей, за нимъ Финляндцы цѣпь за цѣпью пустились бѣгомъ наверхъ. Въ ту же секунду внизъ поползли въ лощину раненые... Новое *ура* раздалось въ лощинѣ, и новыя цѣпи Финляндцевъ побѣжали вверхъ въ слѣдъ за взошедшими уже цѣпями. Всѣ турецкіе ложементы вокругъ главнаго редута были заняты нашими; въ нихъ засѣли наши солдаты, стрѣляя по редуту со всѣхъ сторонъ осыпая его пулями, но адская машина продолжала трещать попрежнему; приблизившіеся къ ней наши солдаты дошли до той черты въ которой, какъ говорится, нельзя двинуться ни взадъ ни впередъ. Залегши въ отбитыхъ ложементахъ, они продолжали стрѣлять изъ ровиковъ по редуту; но стоило высунуть только голову изъ ровика—голова была прострѣлена, стоило поднять слишкомъ руку державшую ружье —пальцы были отстрѣлены. Два непріятеля сошлись на разстояніе нѣсколькихъ саженъ другъ отъ друга и изъ прикрытій осыпали другъ друга тучами пуль; но перешагнуть глубокій и узкій ровъ, высокій валъ, за которымъ скучились осажденные, было невозможно. Главный турецкій редутъ все еще оставался въ рукахъ непріятеля. Уже стемнѣло: было 6 часовъ вечера. Сѣвъ на коня, генералъ Гурко медленнымъ шагомъ поѣхалъ съ батареи снова на тотъ курганчикъ гдѣ

поутру наблюдалъ за ходомъ сраженія. Перестрѣлка то стихала, то усиливалась снова. Пули попрежнему звякали, гудѣли, шипѣли, роемъ проносились около насъ. Большая красная луна уже выплыла на горизонтѣ когда мы слѣзли съ коней у курганчика и съ тяжелымъ чувствомъ прилегли на землю вокругъ генерала Гурко. Въ ту минуту у курганчика собралось много народу: пріѣхали начальники частей за новыми распоряженіями, откуда-то собрались казаки; группа была многочисленная, но въ этой группѣ не слышно было шуму: всѣ полулежали и сидѣли на землѣ молча подавленные впечатлѣніями цѣлаго дня, шопотомъ передавая другъ другу свои ощущенія. Десять часовъ сряду продолжался бой. Подъ Телишемъ Егерскій полкъ цѣлый день геройски задерживалъ турецкія войска отъ соединенія ихъ съ осаждаемыми въ Горнемъ Дубникѣ. Но они могли прорваться и подойти ночью; могъ, наконецъ, и Османъ-паша сдѣлать вылазку изъ Плевны. Такъ или иначе необходимо было быстрое рѣшеніе. При свѣтѣ фонарика, генералъ Гурко и генералъ Нагловскій составляли новую диспозицію на ночь. Генералъ Гурко рѣшилъ провести ночь на курганчикѣ. Между тѣмъ было уже совсѣмъ темно; на турецкомъ редутѣ горѣлъ большой пожаръ; тамъ пылали подожженные нашимъ артиллерійскимъ огнемъ турецкіе палатки и шалаши; трескъ ружейной пальбы не умолкалъ ни на минуту. У насъ на курганчикѣ всѣ приготовлялись къ тревожной, безсонной ночи; у всѣхъ на сердцѣ лежалъ тяжелый камень. Вдругъ фигура всадника летящаго отъ редута къ курганчику во весь опоръ привлекла всеобщее вниманіе. Еще генералъ Нагловскій не докончилъ писать своей диспозиціи какъ подскакавшій всадникъ осадилъ коня противъ генерала Гурко, то былъ ординарецъ генерала, ротмистръ Скалонъ.

«Редутъ въ нашихъ рукахъ», доложилъ онъ генералу взволнованнымъ голосомъ. «Что?» переспросилъ генералъ: «нашъ? редутъ нашъ?» «Сію минуту войска ворвались и заняли редутъ; оставшіеся Турки сдались.» *Ура!!* вырвалось у генерала. *Ура!* подхватили всѣ на курганчикѣ. Всѣ, какъ ошеломленные, повскакали со своихъ мѣстъ. «Коня!» закричалъ генералъ. За генераломъ всѣ въ секунду были на коняхъ. «А что же значитъ неумолкающіе частые ружейные выстрѣлы на редутѣ?» «Это лопаются съ трескомъ въ огнѣ разбросанные Турками патроны.» Мы всѣ неслись во весь опоръ за генераломъ отъ курганчика къ редуту, какъ опьянѣлые, крича *ура*, перескакивая черезъ ровики, черезъ кучи мертвыхъ тѣлъ. Редутъ былъ озаренъ краснымъ широкимъ заревомъ на которомъ рисовались темные силуэты нашихъ солдатъ. Собравшись кучами на редутѣ и вокругъ него, солдаты подхватили *ура!* мчавшагося къ нимъ генерала Гурко. Шапки полетѣли вверхъ; другіе надѣвали шапки на штыки. Оглушительное опьяняющее *ура!* стояло въ воздухѣ. Солдаты кинулись на встрѣчу генерала; словно живое море окружило генерала и его свиту со всѣхъ сторонъ. «Молодцы — дѣти!» проговорилъ генералъ взволнованно; «спасибо, молодцы!» И въ суровомъ голосѣ генерала зазвучала трогательная нота. *Ура! ура!* повторялось и разносилось вдаль. Вся картина была овсѣщена однимъ яркимъ, краснымъ заревомъ пожара, въ которомъ трещали, какъ въ сильной перестрѣлкѣ, лопавшіеся патроны. Плѣнные, положившіе оружіе на редутѣ, были уже выведены и стояли кучей оцѣпленные нашими солдатами. Плѣнныхъ было до двухъ тысячъ человѣкъ: остальные Турки всѣ полегли на мѣстѣ во время сраженія. Къ генералу Гурко подвели взятаго въ плѣнъ турецкаго генерала Ахмедъ-Февзи-пашу.

Лицо паши было грустно и убито. Онъ низко поклонился генералу Гурко и сталъ опустивъ голову. Генералъ Гурко протянулъ ему руку и сказалъ: «уважаю въ васъ храбраго противника!...»

Надо было видѣть на другой день картину поля сраженія, позы валявшихся труповъ, число убитыхъ, чтобы понять какую трудность одолѣла наша гвардія... Подробности я оставляю до слѣдующаго письма: скажу только что день 12 октября имѣлъ своимъ результатомъ завладѣніе шоссейною дорогой, взятіе одной изъ наиболѣе укрѣпленныхъ на этой дорогѣ позицій которая нынѣ обратится противъ самихъ же Турокъ. Дѣломъ у Горняго Дубника Османъ-паша окончательно запертъ въ Плевнѣ, и всякій подвозъ къ нему какихъ бы то ни было припасовъ прекращенъ отнынѣ вовсе. Въ ту же ночь войска наши прикрылись рядомъ укрѣпленій противъ Плевны и Телиша.

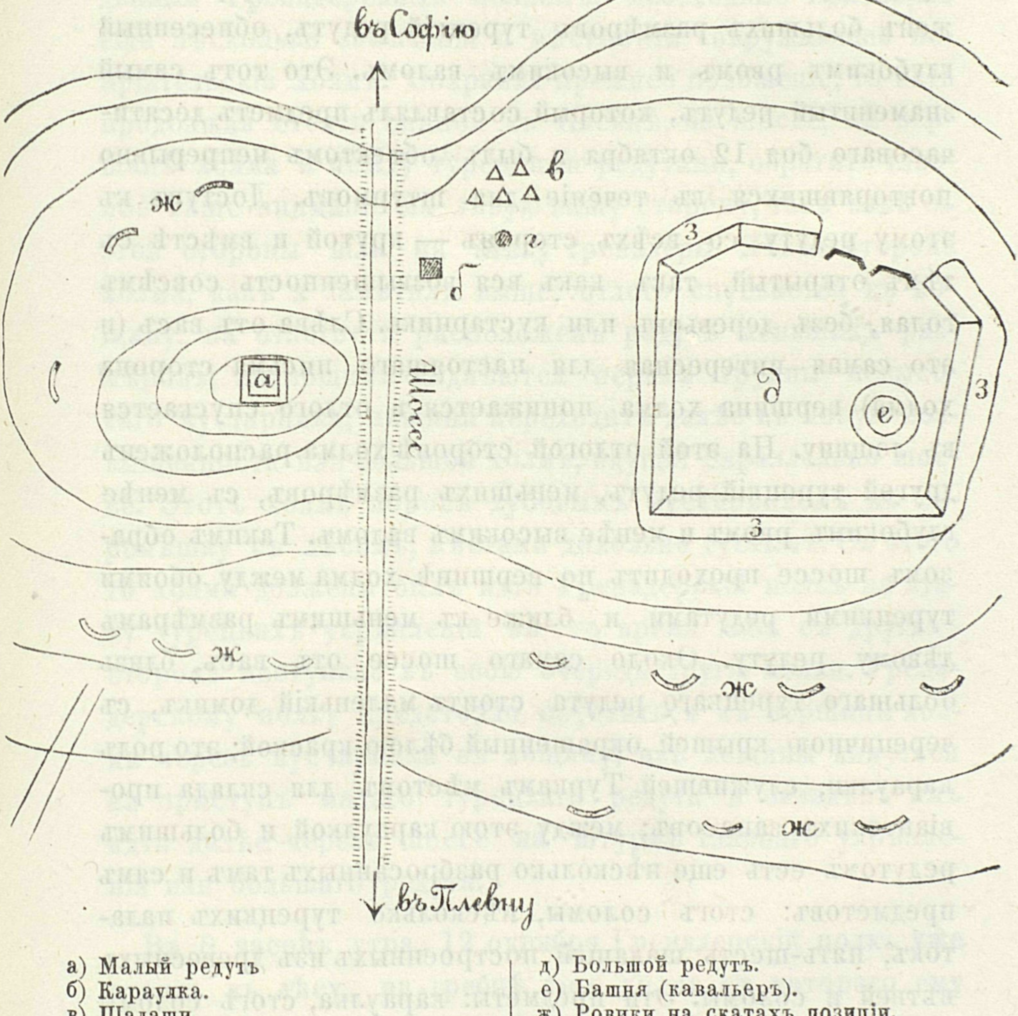
Горній Дубникъ,
13 октября 1877 года.

Подробности дѣла при с. Горній Дубникъ.

Въ настоящемъ письмѣ возвращаюсь снова къ дѣлу 12 октября подъ Горнимъ Дубникомъ, чтобы сообщить нѣсколько подробностей этого достопамятнаго дня, именно— о штурмѣ турецкаго редута произведенномъ со стороны лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Чтобы нагляднѣе представить это дѣло, позволю себѣ еще разъ напомнить о расположеніи турецкихъ укрѣпленій у Горняго Дубника.

Если вы станете на Софійскомъ шоссе *) обратясь спиной къ Плевнѣ и Дольнему Дубнику, а лицомъ—къ югу, то близь селенія Горній Дубникъ вы замѣтите значительную возвышенность, холмъ, ставшій вамъ поперекъ до-

*) Для наглядности прилагаю чертежъ мѣстности:

а) Малый редутъ	д) Большой редутъ.
б) Караулка.	е) Башня (кавальеръ).
в) Шалаши.	ж) Ровики на скатахъ позицій.
г) Стогъ сѣна.	з) Ровъ вокругъ редута.

роги. Шоссе проходитъ почти что посрединѣ этого холма ближе къ лѣвому его склону. Взобравшись по шоссе на холмъ, на самую возвышенную точку шоссе, и сохраняя прежнее положеніе—спиной къ Плевнѣ, вы увидите что справа отъ васъ вершина холма поднимается еще выше, что тутъ, справа отъ васъ,—самая высокая точка холма. Тутъ же, на этомъ высочайшемъ мѣстѣ холма, расположенъ большихъ размѣровъ турецкій редутъ, обнесенный глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Это тотъ самый знаменитый редутъ, который составлялъ предметъ десятичасоваго боя 12 октября и былъ объектомъ непрерывно повторявшихся въ теченіе дня штурмовъ. Доступъ къ этому редуту со всѣхъ сторонъ — крутой и вмѣстѣ съ тѣмъ открытый, такъ какъ вся возвышенность совсѣмъ голая, безъ деревьевъ или кустарника. Слѣва отъ васъ (и это самая интересная для настоящаго письма сторона холма) вершина холма понижается и отлого спускается въ лощину. На этой отлогой сторонѣ холма расположенъ другой турецкій редутъ, меньшихъ размѣровъ, съ менѣе глубокимъ рвомъ и менѣе высокимъ валомъ. Такимъ образомъ шоссе проходитъ по вершинѣ холма между обоими турецкими редутами и ближе къ меньшимъ размѣрамъ лѣвому редуту. Около самаго шоссе отъ васъ, близь большаго турецкаго редута стоитъ маленькій домикъ, съ черепичною крышей окрашенный бѣлою краской; это родъ караулки, служившей Туркамъ мѣстомъ для склада провіантскихъ запасовъ; между этою караулкой и большимъ редутомъ есть еще нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ предметовъ: стогъ соломы, нѣсколько турецкихъ палатокъ, пять-шесть шалашей построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей и соломы. Эти предметы: караулка, стогъ соломы

и шалаши, играли между прочимъ огромную роль при штурмѣ главнаго редута.

Итакъ, описанный холмъ съ двумя редутами на немъ и съ шоссе проходящимъ между редутами—таковъ общій видъ главныхъ укрѣпленій Турокъ близь селенія Горній Дубникъ. Но чтобы сдѣлать понятнѣе штурмъ произведенный Гренадерскимъ полкомъ, необходимо прибавить еще нѣсколько замѣчаній о мѣстности окружающей непріятельскій холмъ. Сохраняя прежнее положеніе, то-есть продолжая стоять спиной къ Плевнѣ, на шоссе, на вершинѣ холма и между турецкими редутами, обратите главное ваше вниманіе на лѣвую вашу сторону, такъ какъ съ этой стороны шли на атаку гренадеры. Лѣвая сторона холма, какъ я замѣтилъ выше, отлого спускается въ лощину: на отлогости расположенъ редутъ меньшихъ размѣровъ; въ лощинѣ виднѣются первыя группы невысокаго кустарника; лощина переходитъ далѣе въ новую возвышенность или большой холмъ, идущій параллельно шоссе. Этотъ холмъ поросъ дубовымъ кустарникомъ въ перемѣшку съ лѣсомъ, мѣстами довольно густымъ. Съ этого-то холма долженъ былъ идти Гренадерскій полкъ на атаку турецкихъ укрѣпленій въ то время какъ съ другихъ сторонъ наступали въ свою очередь другіе полки. Гренадерскому полку предстояло спуститься съ вершины холма черезъ кустарники въ лощину; изъ лощины кинуться на приступъ малаго турецкаго редута и овладѣвъ имъ идти далѣе черезъ шоссе на штурмъ главнаго укрѣпленія или большаго редута.

Въ 8 часовъ утра, 12 окрября Гренадерскій полкъ уже стоялъ въ лѣсу, на гребнѣ того холма съ котораго ему приходилось вступить въ дѣло.

Пули уже роемъ жужжали въ лѣсу и шурша проносились сквозь листья и вѣтви деревьевъ; но раненыхъ пока еще не было. Стрѣлковый баталіонъ Гренадерскаго полка началъ приближаться къ опушкѣ лѣса спускаясь въ лощину; за нимъ двигался 2-й баталіонъ Гренадерскаго полка; изъ остальныхъ двухъ баталіоновъ, одинъ оставался въ резервѣ, другой уклонился нѣсколько влѣво для обхода турецкой позиціи. Командиръ Гренадерскаго полка, полковникъ Любовицкій, находился въ то время около 2-го баталіона и предполагалъ двинуть этотъ баталіонъ первымъ на атаку малаго редута. Спускаясь по холму въ лощину, баталіонъ сквозь частый лѣсъ не могъ видѣть редутовъ и легко могъ бы уклониться въ сторону отъ прямаго направленія еслибы турецкіе сигналы, раздававшіеся поминутно въ редутахъ, не обнаруживали мѣстонахожденія Турокъ. Чѣмъ далѣе подвигался баталіонъ, тѣмъ рѣже становился лѣсъ переходя въ высокій кустарникъ, и тѣмъ сильнѣе жужжали турецкія пули. Тутъ, на опушкѣ лѣса, въ высокомъ кустарникѣ, у гренадеръ появились первые раненые; однимъ изъ первыхъ былъ раненъ въ ногу полковникъ Любовицкій, который однако не покинулъ своего поста и продолжалъ командованіе. Еще не было видно редутовъ непріятеля какъ ежеминутно кто-нибудь выбывалъ изъ строя: «ай! охъ! ой!» раздавались кругомъ восклицанія; кто хватался рукой за щеку, кто за ногу, кто просто безмолвно валился на землю.

То были первыя тяжелыя минуты, первое крещеніе кровью Гренадерскаго полка; первыя раны и смерти нанесенныя въ лѣсу невидимымъ врагомъ. Баталіонъ подвинулся еще впередъ и вышелъ совсѣмъ изъ опушки лѣса въ мелкій и рѣдкій дубовый кустарникъ. Тутъ гренадеры увидали передъ собой поднимающуюся отлогость непрія-

тельскаго холма; на ней—малый редутъ, а за нимъ подальше насыпи доминирующаго большаго редута.

Былъ десятый часъ утра, и оба редута стрѣляли по направленію шедшихъ уже на штурмъ съ разныхъ сторонъ русскихъ полковъ. Непріятеля за насыпями не было видно; были видны только насыпи редутовъ, надъ ними вдоль насыпей, ряды сливавшихся въ одну черту бѣлыхъ дымковъ; слышался оглушающій трескъ, и густой градъ свинцу летѣлъ на встрѣчу гренадерамъ. Въ мелкомъ кустарникѣ, куда вышелъ 2-й баталіонъ Гренадерскаго полка, проносилась такая туча ружейныхъ снарядовъ что медлить нельзя было ни на минуту; приходилось или отойти куда-нибудь въ сторону, за какое-нибудь прикрытіе, или же идти скорѣе на штурмъ; каждая минута стоила нѣсколькихъ жизней. Полковникъ Любовицкій скомандовалъ бить атаку и съ обнаженною саблей вышелъ впереди баталіона хромая на раненую ногу, и лично проведя свой баталіонъ нѣсколько шаговъ впередъ, крикнулъ затѣмъ *ура!* Гренадеры, развернувшись въ линію, кинулись бѣгомъ вверхъ по склону непріятельскаго холма къ малому редуту и, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, вскочили въ ровъ редута и полѣзли на насыпь. Турки въ редутѣ засуетились; часть изъ нихъ обратилась въ бѣгство, спасаясь въ большой редутъ; другая часть осталась на мѣстѣ стрѣляя въ упоръ лѣзущимъ на насыпь гренадерамъ. Одинъ изъ турецкихъ офицеровъ вскочивъ на насыпь сталъ махать высоко надъ собой саблей въ направленіи къ главному редуту; призывая вѣроятно оттуда къ себѣ на помощь; но изъ главнаго редута никто ни вышелъ на помощь къ осажденному Русскими малому редуту. Первыми вскочившими въ редутъ были одновременно два поручика Шейдеманъ и Мачеваріановъ, причемъ Шейдеманъ вы-

стрѣлилъ въ упоръ изъ пистолета въ бросившагося на него съ саблей турецкаго офицера и убилъ его наповалъ. За Шейдеманомъ и Мачеваріановымъ, изъ которыхъ первый былъ тутъ же раненъ, ворвались въ редутъ солдаты и приняли Турокъ въ штыки. Не долго продолжалась борьба. Всѣ неуспѣвшіе спастись бѣгствомъ Турки полегли на мѣстѣ. Малый редутъ былъ весь въ нашихъ рукахъ.

Полковникъ Любовицкій между тѣмъ отправилъ полковаго адъютанта Павловскаго на нашу батарею, расположенную въ томъ направленіи откуда вышли гренадеры на атаку и обстрѣливавшую большой и малый редуты, предупредить батарейнаго командира чтобъ онъ былъ остороженъ въ виду занятія Гренадерскимъ полкомъ малаго редута, такъ какъ артиллерійскіе снаряды, направляемые съ этой батареи даже въ большой редутъ, при недолетѣ, могли бы падать въ малый и наносить вредъ собственнымъ солдатамъ. Вообще говоря, занятіе Гренадерскимъ полкомъ малаго турецкаго редута парализовало дѣйствіе сказанной батареи, но за то облегчило значительно штурмъ главнаго редута. Отъ Гренадерскаго полка этотъ большой редутъ лежалъ на разстояніи 80 — 100 саженъ и обсыпалъ малый редутъ градомъ свинца. Солдаты Гренадерскаго полка прикрывались отъ пуль за насыпями, во рву и вообще въ мертвыхъ пространствахъ внутри редута и внѣ его, т.-е. въ тѣхъ мѣстамъ внутри редута и около него гдѣ перелетали пули (исключая конечно шальныхъ залетающихъ случайно повсюду). Лежа за этими прикрытіями солдаты стрѣляли въ большой редутъ на удачу, не видя непріятеля скрытаго за валомъ. Между прочимъ, среди солдатъ всеобщее вниманіе привлекалъ унтеръ-офицеръ Ильченко, который, получивъ сквозныя раны въ обѣ ноги, продолжалъ лежа стрѣлять изъ-за насыпи, бранить Турокъ и

увѣрять окружающихъ сослуживцевъ въ томъ что быть раненымъ вовсе не страшно и нисколько не больно.

Узнавъ о завладѣніи малаго редута Гренадерскимъ полкомъ, генералъ Гурко отправилъ тотчасъ же роту саперпаго баталіона къ малому редуту, чтобы сдѣлать новые окопы и вырыть нѣсколько ложементовъ для лучшаго прикрытія Гренадерскаго полка. Рота саперовъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля изумительно быстро и съ незначительными потерями исполнила приказаніе генерала. Между тѣмъ главное дѣло и труднѣйшая задача—взятіе штурмомъ главнаго турецкаго укрѣпленія оставалась еще впереди, и полковникъ Любовицкій видя что другіе полки вступили въ дѣло отправился за 1-мъ баталіономъ своего полка чтобы двинуть его также на атаку большаго редута. Турки продолжали обсыпать пулями приближающихся къ большому редуту нашихъ солдатъ. Огонь попрежнему былъ страшный, невыносимый; всякая попытка пойти на редутъ прямо, съ фронта, кончалась сотнями геройскихъ смертей и мгновеннымъ выбытіемъ изъ строя цѣлыхъ ротъ. Первый баталіонъ двинутый Любовицкимъ на редутъ пошелъ по открытому мѣсту холма и, попавъ подъ убійственный огонь непріятеля, принужденъ былъ уклониться въ сторону, и принявъ влѣво пришелъ какъ разъ къ малому редуту, гдѣ и смѣшался съ лежавшимъ за насыпями редута вторымъ баталіономъ своего полка. Во время этого движенія перваго баталіона былъ тяжело раненъ въ животъ на вылетъ командиръ этого баталіона полковникъ Аспелундъ 1-й (скончавшійся на дняхъ въ госпиталѣ, въ Боготѣ). Желая между тѣмъ еще разъ попытать атаку большаго редута съ фронта, полковникъ Любовицкій, взявъ съ собой барабанщика Рындина и выйдя впередъ малаго редута, приказалъ барабанщику бить ата-

ку, но Рындинъ едва поднялъ барабанныя палки для удара въ атаку, упалъ убитый на мѣстѣ турецкой пулей; Любовицкій кинулся къ нему, схватилъ барабанъ и надѣвъ его себѣ на плечо началъ было самъ бить въ атаку, но не успѣлъ сдѣлать и перваго удара по барабану, какъ былъ снова раненъ въ плечо на вылетъ. Бросивъ тогда барабанъ полковникъ Любовицкій подошелъ ко рву малаго редута и приказалъ одному изъ лежавшихъ во рву за прикрытіемъ, барабанщику бить атаку не покидая мѣста. Заслышавъ призывные звуки, солдаты вскочили изъ-за прикрытій рва, насыпей, ложементовъ малаго редута и двинулись было впередъ; но встрѣченные страшнымъ огнемъ въ минуту понеся много потерь, принуждены были снова спрятаться за прикрытія малаго редута. Страдая отъ раны, полковникъ Любовицкій легъ между тѣмъ на носилки и приказалъ себя нести на перевязочный пунктъ съ тѣмъ чтобы перевязавъ рану снова вернуться на поле сраженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Любовицкій послалъ донесеніе генералу Гурко о положеніи дѣлъ. Этотъ моментъ можно считать цѣлымъ законченнымъ періодомъ исторіи штурма произведеннаго со стороны Гренадерскаго полка. Полковой командиръ, командиры баталіоновъ и ротъ пожертвовали собой вдохновивъ солдатъ и сдѣлавъ все что было въ ихъ власти. Остальное—атака главнаго редута съ фронта массою была немыслима; невозможна, немыслима въ такой мѣрѣ въ какой немыслима борьба живаго человѣка съ бездушною паровою машиной, такъ какъ Турки въ главномъ редутѣ, обнесенные броней земляной насыпи, дѣйствовали на подобіе паровой машины, извергающей въ секунду огромное количество смертоноснаго свинцу. Но тутъ новый періодъ штурма главнаго редута, новая работа, работа мелкая, такъ-сказать

по каплѣ, но работа исподволь подготовляющая возможность справиться и овладѣть бездушною смертоносною машиной. Между солдатами Гренадерскаго полка лежавшими за прикрытіями малаго редута начинаютъ появляться мало-по-малу одиночные смѣльчаки, которые отваживаются выйти изъ-за прикрытія и подъ градомъ пуль перебѣжать впередъ поближе къ главному редуту за какое нибудь новое прикрытіе. Такимъ новымъ прикрытіемъ, хотя весьма не полнымъ, служили сначала маленькія канавки по обѣимъ сторонамъ шоссе. Запрятавшись въ канавку перебѣжавшій туда солдатъ продолжаетъ стрѣлять въ главный турецкій редутъ. Многіе платились жизнью за свою отважность, но многимъ удавалось благополучно добѣжать до шоссе, прилечь за канавку и стрѣлять оттуда по редуту. За немногими смѣльчаками послѣдовали какъ обыкновенно водится, многіе; офицеры къ тому же поощряли эти перебѣжки изъ малаго редута, и сами показывали примѣръ; такъ во время перебѣжки изъ малаго редута къ шоссе убиты: капитанъ Гаммеръ и штабсъ-капитанъ Сероцинскій. Нечего и говорить о томъ что въ канавкѣ на шоссе лежать приходилось между жизнью и смертью. Стоило высунуть изъ канавки руку или поднять голову, Турки направляли туда сейчасъ же цѣлые залпы огня. Между прочимъ солдатики наши даже и тутъ не удержались чтобы не потѣшиться надъ Туркой. Замѣтивъ какъ Турки сторожатъ малѣйшее движеніе въ канавкахъ на шоссе, солдаты надѣвали на штыки своихъ ружей шапки и съ крикомъ *ура!* высовывали ружья съ шапками изъ канавокъ: Турки въ первую минуту не понимая что означаютъ эти сотни поднявшихся шапокъ и принимая ихъ за готовыхъ кинуться въ атаку русскихъ солдатъ встрѣчали шапки новыми усиленными залпами, а солда-

ты наши въ канавкахъ покрывали турецкіе залпы по шапкамъ взрывомъ дружнаго хохота, довольные тѣмъ что успѣли надуть Турка. Но канавки на шоссе не были еще послѣднею станціей солдатъ на дорогѣ къ большому редуту. Если вы припомните я упомянулъ въ началѣ этого письма о караулкѣ, стогѣ соломы и турецкихъ шалашахъ находившихся между шоссе и большимъ редутомъ. Изъ канавокъ на шоссе солдаты стали въ одиночку перебѣгать за караулку, за стогъ соломы прикрываясь за которыми стрѣляли по возможности въ редутъ. Мало-по-малу кучка солдатъ за караулкой и стогомъ соломы увеличилась до того что караулка и солома перестали служить прикрытіемъ для вновь прибывающихъ перебѣжчиковъ. Сюда прибывали не одни гренадеры, а солдаты и другихъ полковъ. Вновь прибывшіе замѣтивъ что за караулкой и копной соломы все мертвое пространство уже занято людьми и что прикрытія для нихъ болѣе нѣтъ, бѣжали далѣе къ самому редуту и соскакивали въ глубокій ровъ окружающій редутъ. Тутъ они нападали на неожиданное открытіе: оказывалось что ровъ редута есть самое безопасное мѣсто, наиболѣе защищенное отъ турецкихъ пуль. Турки, правда, пытались прогнать изъ рва успѣвшихъ добѣжать туда нашихъ солдатъ, но для этого Турки должны были высовываться изъ-за насыпи и стрѣлять въ ровъ сверху внизъ. Едва появлялись Турки съ подобнымъ намѣреніемъ на поверхности насыпи редута, они были встрѣчаемы отовсюду, съ малаго редута, съ шоссе, изъ-за караулки градомъ русскаго свинца и принуждены были быстро прятаться снова за свою насыпь. Между тѣмъ находившіеся уже во рву солдаты, замѣтивъ что они тутъ совершенно защищены отъ непріятельскаго огня, стали громко кричать сотоварищамъ: «ребята! бѣгите сюда къ намъ, тутъ

тебя никакая пуля не беретъ». На этотъ зовъ изъ-за караулки и съ шоссе бѣжали новыя кучки солдатъ и такимъ образомъ во рву турецкаго редута мало-по-малу набралось такое число солдатъ которое могло уже влѣзши на насыпь вступить съ непріятелемъ въ рукопашный бой. Между прочимъ при описанныхъ перебѣжкахъ изъ малаго редута на шоссе, съ шоссе за караулку и оттуда въ ровъ редута,—перебѣжкахъ, стоившихъ не мало потерь, особенно отличился барабанщикъ (въ Гренадерскомъ полку), Татаринъ по происхожденію, Бакшишъ-Барановъ. Онъ перебрался за другими къ караулкѣ и видя безполезность своего единственнаго орудія—барабана, отложилъ его въ сторону и занялся тѣмъ что изъ-за караулки бѣгалъ на шоссе къ убитымъ солдатамъ съ которыхъ снималъ сумки съ патронами и возвратившись къ караулкѣ раздавалъ патроны тѣмъ изъ солдатъ у которыхъ ощущался въ нихъ недостатокъ. Путь изъ-за караулки на шоссе и обратно Барановъ совершилъ три раза подъ градомъ залповъ, причемъ остался совершенно цѣлымъ чѣмъ и заслужилъ у солдатъ большое уваженіе.

Въ настоящемъ письмѣ я избралъ для описанія штурма 12 октября дѣйствія одного лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, руководясь исключительно желаніемъ нагляднѣе представить процессъ штурма турецкихъ редутовъ вообще. Размѣры настоящаго письма не позволяютъ мнѣ остановиться сегодня на подробностяхъ атаки произведенной другими полками, участвовавшими въ дѣлѣ 12-го, каковы: лейбъ-гвардіи Московскій, лейбъ-гвардіи Финляндскій, лейбъ-гвардіи Павловскій, лейбъ-гвардіи Измайловскій, гвардейская стрѣлковая бригада и гвардейскій саперный баталіонъ. Каждый изъ этихъ полковъ имѣетъ свою исторію штурма въ теченіе памятнаго дня 12 октября, каж-

дый внесъ въ дѣло свою характеристическую черту и каждый одинаково боролся съ одинаковыми для всѣхъ полковъ условіями штурма турецкаго редута. Условія эти нѣсколько видоизмѣнялись сообразно характеру мѣстности по которой тотъ или другой полкъ производилъ наступленіе что̀ и выразилось въ числѣ потерь понесенныхъ разными полками: въ одномъ потери оказались бо̀льшими, въ другомъ сравнительно меньшими. Но овладѣніе главнымъ турецкимъ редутомъ было достигнуто только соединенною настойчивостью всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ полковъ гвардіи. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство что въ концѣ дня 12 октября во рву турецкаго редута собрались представители всѣхъ полковъ: Гренадеры смѣшались съ Павловцами, Москвичи съ Финляндцами, Измайловцами и саперами. Съ того момента, какъ солдаты Гренадерскаго полка подошли на близкое разстояніе къ турецкому редуту, нельзя уже болѣе прослѣдить дѣйствія отдѣльнаго полка, ибо каждый полкъ, перенеся въ теченіе цѣлаго дня рядъ не удавшихся атакъ съ фронта, показавъ одинаковые съ другими примѣры самоотверженія, повелъ ту же постепенную и мелкую работу—приближенія къ редуту отдѣльными перебѣжками изъ одного прикрытія въ другое, и наконецъ въ самый ровъ редута. Штурмъ, начавшійся повсюду блистательными примѣрами храбрости и распорядительности командировъ и начальниковъ частей жертвовавшихъ жизнью своею, закончился настойчивостью, мужествомъ и охотою дѣлать свое дѣло солдатъ. Солдаты съ удивительнымъ хладнокровіемъ и сметкою приспособлялись къ даннымъ условіямъ, и сами собой доползли и добѣжали до непріятеля, въ такой группѣ что рукопашный бой съ непріятелемъ сталъ вполнѣ возможенъ. Что касается нашей артиллеріи, то,

дѣйствовавъ блистательно въ началѣ дня, она принуждена была прекратить огонь, какъ скоро наши солдаты стали приближаться къ редуту, изъ опасенія поражать своихъ.

Возвращаюсь на минуту къ группѣ собравшейся вблизи турецкаго редута за прикрытіями, за караулкой, стогомъ соломы, шалашами, за насыпями нарытыми самими же Турками вокругъ редута для собственной защиты, наконецъ къ тѣмъ которые успѣли спрыгнуть въ самый ровъ редута. Эти послѣдніе находились въ полной безопасности, гораздо большей чѣмъ стоявшій напримѣръ въ полуторѣ или двухъ верстахъ разстоянія отъ редута генералъ Гурко, въ свитѣ котораго, какъ разъ къ концу дня, было ранено нѣсколько лошадей, нѣсколько человѣкъ конвоя и между прочимъ любимый деньщикъ генерала казакъ Фокинъ. Турецкія пули перелетая черезъ ровъ наносили раны и причиняли смерть на разстояніи трехъ и болѣе верстъ отъ редута по всѣмъ направленіямъ. Опредѣлить тотъ моментъ когда наши солдаты, отдѣленные отъ непріятеля одною стѣной изъ земляной насыпи, ринулись внутрь редута—трудно; но сидя во рву солдаты не теряли времени даромъ: штыками и тесаками они копали маленькія ложбинки, углубленія въ стѣнѣ рва дѣлали родъ земляной лѣсенки, для того чтобы было куда поставить ногу, чтобы легче было вылѣзть изо рва на насыпь редута въ послѣдній финальный моментъ атаки. Кто подалъ сигналъ къ послѣднему шагу также мудрено рѣшить. Измайловцы говорятъ что это были они и Финляндцы имъ помогли; каждый полкъ приписываетъ себѣ эту честь. Всего же правдоподобнѣе что послѣдняя атака была почти одновременно поведена всѣми собравшимися у редута. Между прочимъ у этого редута была своя Ахиллесова пята, свое уязвимое мѣсто, и именно на задней сторонѣ

редута обращенной фасомъ къ югу (къ Телишу и Софіи). Тамъ Турки не успѣли повидимому вырыть глубокаго рва и соорудить земляной насыпи, а ограничились тѣмъ что выкопали два ложемента; правда, ширина этого пространства весьма незначительная, но въ финальный моментъ атаки Измайловцы въ перемѣшку съ Финляндцами, достигнувъ сказаннаго уязвимаго мѣста редута, затѣяли тутъ рукопашную схватку съ Турками. Въ тотъ же моментъ, вѣроятно изъ рва, полѣзли на насыпь солдаты другихъ полковъ, а изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ побѣжали къ нимъ на помощь новыя группы солдатъ. Въ редутѣ произошла всеобщая нестройная свалка, въ которой одни Турки штыками встрѣчали вторгающагося непріятеля, другіе, въ одномъ изъ угловъ редута потерявъ присутствіе духа выкинули бѣлый флагъ, въ то время какъ въ третьемъ мѣстѣ группа турецкихъ солдатъ продолжала стрѣлять въ упоръ противъ нашихъ солдатъ. Наши солдаты между тѣмъ дѣйствовали преимущественно штыкомъ и прикладомъ противъ сопротивлявшихся Турокъ. Одинъ изъ русскихъ солдатъ даже найденъ съ простреленною головой на вершинѣ башни стоявшей посрединѣ редута. Вся картина этой рукопашной схватки освѣщалась яркимъ краснымъ пламенемъ неизвѣстно кѣмъ и когда подожженныхъ внутри редута турецкихъ палатокъ и шалашей. Въ огнѣ трещали лопаясь разбросанные по землѣ кучами турецкіе патроны...

Горній Дубникъ,
14 октября 1877 года.

Телишъ.

Занявъ съ боя 12 октября турецкія позиціи у Горняго Дубника и укрѣпившись въ нихъ, генералъ Гурко рѣшилъ завладѣть Телишемъ, лежащимъ въ семи верстахъ отъ Горняго Дубника на югъ, по Софійскому шоссе. Укрѣпленія Телиша расположены на самомъ шоссе, въ томъ мѣстѣ гдѣ оно поднимается значительно въ гору; укрѣпленія эти пересѣкаютъ шоссе поперечно и имѣютъ видъ большаго редута обнесеннаго вокругъ рвомъ и валомъ. Правѣе этого редута, возвышенность на которой расположенъ редутъ круто нисходитъ въ лощину; въ лощинѣ лежитъ самое селеніе Телишъ; за лощиной поднимается вправо другая возвышенность на которой расположенъ другой турецкій редутъ меньшихъ размѣровъ, но также какъ и первый обнесенный рвомъ и валомъ. Словомъ, все то же что̀ и въ Горнемъ Дубникѣ что̀ и повсюду у Турокъ, — система окоповъ, система какъ у крота зарываться въ землю и оттуда сторожить непріятеля. Зарывшись въ землю, точно уйдя въ нору, Турокъ страшенъ тѣмъ что самъ скрытый отъ взоровъ непріятеля, причиняетъ атакующему слишкомъ много потерь, пока солдатъ нашъ успѣетъ добраться до норы гдѣ засѣлъ Турокъ и штыкомъ выгнать его оттуда. Едва Турокъ принужденъ выскочить изъ-за окопа, онъ сдается, кладетъ оружіе и проситъ пощады.

На этотъ разъ, генералъ Гурко, озабоченный тѣмъ чтобы при взятіи Телишскихъ укрѣпленій наивозможно болѣе щадить рус скую кровь, рѣшилъ для взятія Телиша

предоставить главную роль гвардейской артиллеріи, и прибѣгнуть къ атакѣ только въ послѣднюю минуту какъ къ послѣднему рѣшающему удару. Такой образъ дѣйствій былъ тѣмъ болѣе возможенъ что генералу Гурко не приходилось слишкомъ спѣшить взятіемъ Телиша, такъ какъ въ нашихъ рукахъ уже имѣлась укрѣпленная позиція на шоссе у Горняго Дубника, и самое наступленіе на Телишъ было предпринято только въ видахъ расширенія и большаго укрѣпленія этой уже занятой нами позиціи. Въ дѣлѣ 12 октября у Горняго Дубника приходилось дѣйствовать иначе; тамъ нельзя было медлить изъ опасенія что Османъ-паша выйдетъ на насъ изъ Плевны, что съ юга изъ Орханіе подойдутъ турецкія войска: приходилось брать турецкія укрѣпленія съ налету; приходилось рѣшительно и быстро сѣсть верхомъ на шоссе и осѣдлать его. Съ Телишемъ, наоборотъ, можно было имѣть дѣло хотя бы въ продолженіе двухъ дней. Поэтому и рѣшено было подвергнуть турецкіе редуты у Телиша продолжительному дѣйствію артиллерійскаго огня. Для этой цѣли генералъ Гурко распорядился выдвинуть 16 октября противъ Телишскихъ высотъ шесть пѣшихъ и четыре конныя батареи, то-есть 48 орудій пѣшихъ и 24 конныхъ, итого 72 орудія, и, кромѣ того, съ сѣверо-западной стороны Кавказскую бригаду генерала Черевина съ Донскою батареей.

Въ прикрытіе батареямъ назначены были Московскій и Гренадерскій полки, причемъ придано къ каждой батареѣ по полуротѣ гвардейскаго сапернаго баталіона для постройки окоповъ впереди орудій; на фланги нашихъ позицій поставлены двѣ кавалерійскія бригады — Гродненскій гусарскій, лейбъ-гвардіи Уланскій, Драгунскій лейбъ-Гусарскій и Конно-Гренадерскій полки чтобы пре-

слѣдовать непріятеля въ случаѣ отступленія; наконецъ у Дольняго Дубника, чтобъ отвлечь вниманіе сосредоточенныхъ тамъ Турокъ, рѣшено было произвести сильныя демонстраціи: одну отрядомъ генерала Арнольди, другую — Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ съ придачею къ нему двухъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка, при одной батареѣ.

Въ 9 часовъ утра, 16 октября, генералъ Гурко выѣхалъ изъ Горняго Дубника въ сопровожденіи штаба и конвоя на мѣсто предполагаемаго сраженія подъ Телишемъ. У Дольняго Дубника уже началась демонстрація. Тамъ грохотали пушки и трещали уже ружейные выстрѣлы. Но подъ Телишемъ назначено было начать сраженіе въ 11 часовъ утра, и мы двигались за генераломъ по шоссе, обгоняя батареи и войска которые еще только шли занимать боевыя позиціи. При видѣ черной наступающей массы нашего войска, цѣпь турецкихъ аванпостовъ стала не медля отступать къ турецкому редуту, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, если не считать маленькой стычки, происшедшей на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, гдѣ десятокъ Черкесовъ открыли было огонь по Гродненскому гусарскому полку и затѣмъ тотчасъ же ускакали. Одною изъ пущенныхъ этими Черкесами пуль былъ сильно контуженъ принцъ Саксенъ-Альтенбургскій, командиръ полка, ѣхавшій впереди. Пуля ударила ему въ металлическую папиросницу и не имѣвъ силы пробить согнула ее и ушибла принцу ногу. Между тѣмъ батареи въѣхали на позиціи и расположились широкимъ полукругомъ въ виду главнаго турецкаго редута помѣщавшагося на самомъ шоссе. Генералъ Гурко со своею свитой остановился вблизи одной изъ батарей нашего центра. Генералъ сидѣлъ на складномъ стулѣ и принималъ безпрестанно

со всѣхъ концовъ привозимыя къ нему донесенія. Мы всѣ полулежали вокругъ генерала на травѣ, уже сухой и порыжѣвшей отъ холодовъ. Ровно въ 11 часовъ утра раздался на батареѣ лѣваго фланга первый пушечный выстрѣлъ, и первая наша граната взвизгнувъ при вылетѣ изъ орудія зарокотала въ воздухѣ по направленію къ турецкому редуту. Генералъ снялъ шапку, и мы всѣ перекрестились. «Снова битва!» думалось каждому; «снова неизвѣстность чѣмъ кончится день!» Снова застукало и защемило сердце; и кровь взволновалась. Первая минута боя — тяжелая минута! Скоро привыкаешь къ шуму и реву сраженія, но въ началѣ его словно стоишь предъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, безотчетно страшнымъ которое готово обрушиться, подавить васъ, уничтожить. А тутъ, подъ Телишемъ, невольно приходилъ на умъ цѣлый день недавно пережитый подъ Горнимъ Дубникомъ день 12 октября, когда и здѣсь подъ Телишемъ цѣлый полкъ Егерскій геройски осаждалъ Телишскія укрѣпленія и не въ силахъ былъ одолѣть того редута куда какъ вызовъ понеслась сейчасъ наша первая граната. За нашимъ первымъ выстрѣломъ зазвучалъ второй, третій, и вотъ весь полукругъ занятый нашими батареями заревѣлъ, задымился, застоналъ отъ пушечной пальбы. Турки принялись было энергично отвѣчать намъ изъ редута и направили свои первые снаряды на наши центральныя позиціи. Намъ съ генераломъ Гурко такое ужь счастье: всегда попадать первыми подъ огонь непріятеля. Турецкіе снаряды стали ложиться впереди, позади насъ, сбоку, врывались въ землю, лопались, и осколки ихъ со звономъ разлетались во всѣ стороны. По тому же непонятному счастью, что и въ дѣлѣ 12 октября, въ штабѣ генерала не было раненыхъ или убитыхъ. Но Турки не

долго угощали насъ своими снарядами; черезъ часъ канонады, выстрѣлы ихъ начали становиться все рѣже, а наши орудія все усиливали, все учащали огонь; въ редутъ стрѣляли уже не отдѣльными выстрѣлами, а залпами, не только изъ простыхъ гранатъ, но изъ шрапнели. Ежесекундно появлялись высоко надъ редутами круглыя маленькія яблочки дыму обозначавшія лопнувшую надъ ними шрапнель. То были шрапнели какой-то новой системы, съ діафрагмой; лопнувъ надъ непріятелемъ, онѣ обсыпали его сверху градомъ пуль разлетавшихся вѣерообразно. Не весело было Туркамъ въ редутѣ сидѣть подъ градомъ такой шрапнели! Наша артиллерія должна была производить на Турокъ подавляющее впечатлѣніе. Это чувствовалось какъ-то всѣми. «Мы теперь пристрѣлялись», говорилъ намъ одинъ изъ артиллеристовъ. «Мы попадаемъ теперь безъ промаха въ намѣченную точку». «Не завидую я Туркамъ!» высказалъ кто-то громко общую нашу мысль — мысль эта вѣроятно пришла и въ голову генерала Гурко. Послѣ двухъ съ половиной часовъ непрерывнаго артиллерійскаго огня изъ 72 орудій, генералъ Гурко задумалъ попробовать съ Турками новое средство, а именно послать къ нимъ парламентера съ предложеніемъ сдаться. Не медля привели пять человѣкъ плѣнныхъ захваченныхъ ранѣе въ дѣлѣ 12 октября подъ Горнимъ Дубникомъ, и передали имъ подписанное самимъ Гурко письмо къ пашѣ, начальнику турецкихъ войскъ подъ Телишемъ, слѣдующаго содержанія: «Вы окружены со всѣхъ сторонъ русскими войсками; 100 орудій направлены на васъ и уничтожатъ ваши окопы со всѣми ихъ гарнизонами. Во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія предлагаю вамъ положить оружіе.» Вручивъ плѣннымъ Туркамъ это письмо генералъ Гурко приказалъ трубить по всей линіи отбой, и

черезъ нѣсколько минутъ послѣ оглушительнаго грохота пушекъ внезапно водворилась тишина по всей линіи. Отвести парламентеровъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ генералъ Гурко поручилъ своему ординарцу, хорунжему князю Церелеву. Князь Церелевъ отправился впередъ съ плѣнными Турками, и сдѣлавъ изъ своего носоваго платка нѣчто похожее на парламентерскій флагъ, вручилъ этотъ флагъ плѣннымъ Туркамъ. Между тѣмъ, едва прекратился нашъ артиллерійскій огонь, на редутѣ вдругъ открылось для насъ любопытное зрѣлище. Турецкій редутъ, казавшійся до той минуты рядомъ земляныхъ насыпей, вдругъ усѣялся тысячами красныхъ шапочекъ: то выглянули изъ своихъ земляныхъ норъ турецкіе солдаты, не понимавшіе что означаетъ такое неожиданное прекращеніе смертоноснаго огня съ нашей стороны. Тутъ завидѣли они пятерыхъ высланныхъ имъ парламентеровъ, Турокъ, махавшихъ носовымъ платкомъ.

Парламентеры дошли до редута и скрылись за его насыпями. Прошло нѣсколько томительныхъ, длинныхъ минутъ, въ которыя паша вѣроятно разбиралъ письмо къ нему генерала Гурко и совѣщался со своимъ штабомъ. Затѣмъ изъ редута вышелъ на шоссе какой-то Турокъ и замахалъ бѣлымъ платкомъ Церелеву, ожидавшему развязки на шоссе, вблизи турецкихъ укрѣпленій. Князь Церелевъ завидя турецкаго парламентера поскакалъ къ нему на встрѣчу, а наши войска, Московскій и Гренадерскій полки, лежавшіе впереди нашихъ батарей и ожидавшіе той минуты когда ихъ двинутъ на атаку редута въ огонь и на смерть, полки эти завидя вышедшаго изъ редута парламентера вскочили на ноги и бросивъ шапки къ верху закричали *ура!* На батареяхъ это *ура!* подхватила артиллерія, и *ура* пронеслось изъ

конца въ конецъ по всей нашей боевой линіи. «Неужели сдача? Неужели конецъ?» думалось намъ; «ужели безкровная побѣда?» Какъ-то боялись мы повѣрить въ это. Между тѣмъ генералъ Гурко выѣхалъ съ батареи, съ которой наблюдалъ за ходомъ сраженія, на шоссе и тамъ ожидалъ турецкаго парламентера. Слѣдуя за генераломъ, я видѣлъ, между прочимъ, какъ на только-что покинутой нами батареѣ, наводчикъ-артиллеристъ обнималъ, цѣловалъ и нѣжно гладилъ рукой большое 9тифунтовое орудіе: «Родная ты моя, повторялъ онъ, матушка, глядико что надѣлала! показала себя». Подъѣхавшій къ генералу Гурко турецкій парламентеръ оказался турецкимъ полковникомъ говорившимъ по-французски, и генералъ Гурко обратился къ нему на французскомъ языкѣ. Вся фигура генерала дышала въ ту минуту строгостью и импонирующимъ достоинствомъ. «Я требую», зазвучалъ при наступившей тишинѣ голосъ генерала Гурко, — «я требую чтобы ваши солдаты сложили оружіе у выхода изъ редута по обѣимъ сторонамъ шоссе, и чтобы безоружные шли за нашу цѣпь. Даю вамъ времени полчаса. Иначе снова открываю огонь и буду атаковать васъ своими войсками». Турецкій полковникъ, очутившись предъ повелительною фигурой генерала Гурко и предъ многочисленною и блестящею свитой генерала, сконфузился, задрожалъ и не сказавъ ни одного слова поѣхалъ назадъ передавать пашѣ предъявленныя требованія. Все еще не вѣрилось въ возможность такой удачи, такого счастія завладѣнія Телишемъ безъ пролитія крови: «Не ловушка ли это? быть-можетъ Турки только пользуются минутой? Быть можетъ они уже бѣгутъ изъ своихъ укрѣпленій по дорогѣ въ Софію». И дѣйствительно, съ того мѣста гдѣ мы стояли на шоссе, мы замѣтили турецкую кавалерію скакавшую изъ редута черезъ деревню въ по-

ле; замѣтили также какъ изъ другаго турецкаго редута, расположеннаго за селеніемъ, уходила также въ поле турецкая пѣхота: но уланскій полкъ на нашемъ правомъ флангѣ уже скакалъ во весь опоръ въ обходъ къ этимъ бѣжавшимъ Туркамъ. За то впереди насъ, на шоссе, изъ главнаго редута показались первыя колонны сдавшихся Турокъ: они клали оружіе и выстраивались побаталіонно въ порядкѣ на шоссе. За ихъ выходомъ и движеніемъ наблюдали князь Цертелевъ и генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій. Между сдавшимися нашелся одинъ Татаринъ хотя и плохо, но говорившій по-русски. «Русскій хорошъ!» обратился онъ къ кн. Цертелеву;—«Турокъ нѣтъ хорошъ, я хочу къ Русскимъ!»—«Оно и вѣрнѣе теперь», замѣтилъ ему Цертелевъ. Вышелъ изъ редута вмѣстѣ съ Турками какой-то иностранецъ, съ бѣлою повязкой и красною луной на ней. «Вы Англичанинъ?» спросилъ его одинъ изъ нашихъ офицеровъ.—«Нѣтъ, Французъ!» отвѣтилъ иностранецъ чувствительнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.—«Вѣроятно изъ Пешта?» переспросилъ его офицеръ. Показались у выхода также трое Англичанъ съ бѣлыми повязками на рукавахъ и съ красною луной. «Мы здѣсь съ гуманитарными цѣлями», поспѣшили заявить они первые:—«мы только при больныхъ и при раненыхъ». Наконецъ выѣхалъ и самъ паша—Измаилъ-Хаки-паша. Толстенькій, круглый, маленькаго роста, на маленькой лошадкѣ, паша вертѣлся ежеминутно на сѣдлѣ и улыбался во всѣ стороны. Заботился онъ всего болѣе чтобы какъ-нибудь не пропали его вещи; онъ былъ видимо счастливъ и доволенъ своею судьбой. Впечатлѣніе производилъ онъ болѣе героя изъ Оффенбаховской оперетки: «la belle Hélène», чѣмъ начальника 4.000 гарнизона. Иначе выглядывалъ Ахмедъ-Февзи-паша

взятый въ плѣнъ въ Горнемъ Дубникѣ. Послѣ десятичасоваго боя, усталый и задумчивый, тотъ паша былъ очень симпатиченъ, и производилъ впечатлѣніе дѣльнаго и умнаго генерала. Сожалѣлъ онъ всего болѣе о томъ что остался живъ и говорилъ, положа руку на сердце, что исполнилъ свой долгъ до конца.

Между тѣмъ колонны положившихъ оружіе Турокъ проходили мимо генерала Гурко, побаталіонно. Всего было семь баталіоновъ, неполнаго состава. Переднею колонной проходилъ низамъ въ синихъ курткахъ и болѣе щегольскихъ фескахъ чѣмъ у остальныхъ войскъ. За нимъ шелъ редифъ въ рыжихъ курткахъ, и далѣе мустахфизъ; лица проходили всѣхъ цвѣтовъ отъ бѣлаго до чернаго какъ уголь у Негра, и со всевозможными оттѣнками цвѣта.

Плѣнный паша и на генерала Гурко произвелъ, повидимому, невыгодное впечатлѣніе. Генералъ сухо поклонился пашѣ и сейчасъ же поручилъ своему ординарцу, улану Сухомлинову, отвести пашу въ Горній Дубникъ и озаботиться отысканіемъ ему помѣщенія. Пропустивъ мимо себя весь положившій оружіе гарнизонъ турецкаго войска, генералъ Гурко поѣхалъ въ редутъ и отдалъ строжайшее приказаніе собрать все имущество Турокъ и возвратить его собственникамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ не медля положить турецкихъ раненыхъ на носилки и нашимъ солдатамъ нести ихъ въ русскій, ближайшій перевязочный пунктъ. Приказаніе было исполнено тутъ же, и вереницы носилокъ потянулись по шоссе. «Тяжелые какіе!» говорили солдаты про раненыхъ Турокъ которыхъ несли.— «Благодарите Бога что своихъ-то не пришлось таскать», замѣчали на это проѣзжавшіе офицеры.

«Своего-то не въ примѣръ тяжелѣе нести», отвѣчали солдаты.

Горній Дубникъ,
17 октября 1877 года.

Похороны офицеровъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. — Посѣщеніе перевязочнаго пункта.

Сдача Телишскихъ укрѣпленій (16 октября) дала намъ возможность собрать тѣла офицеровъ и солдатъ Егерскаго полка убитыхъ и раненыхъ въ дѣлѣ 12 октября подъ Телишемъ и остававшихся доселѣ неприбранными. Какъ вамъ извѣстно, Егерскому полку поручено было во время штурма турецкихъ редутовъ у Горняго Дубника атаковать Турокъ въ Телишѣ чтобы воспрепятствовать имъ придти оттуда на помощь къ осаждаемымъ въ Горнемъ Дубникѣ. Егерскій полкъ геройски и успѣшно въ теченіе цѣлаго дня 12 октября исполнялъ ввѣренную ему тяжелую задачу; онъ окружилъ укрѣпленія Телиша, занялъ нѣсколько турецкихъ ложементовъ, а передовыя цѣпи полка въ теченіе многихъ часовъ лежали въ этихъ ложементахъ у самаго рва Телишскаго редута. Но когда въ концѣ дня Турки получивъ подкрѣпленіе перешли въ наступленіе и Егерскій полкъ исполнивъ свою задачу принужденъ былъ отступить, то много нашихъ раненыхъ и убитыхъ осталось въ рукахъ Турокъ. Въ настоящую минуту, по сдачѣ Телишскихъ укрѣпленій, тѣла эти были найдены въ обезображенномъ видѣ; въ живыхъ не оказалось никого; Турки не взяли въ плѣнъ нашихъ раненыхъ; много мундировъ Егерскаго полка мы нашли разбросанными по землѣ въ сдавшемся турецкомъ лагерѣ; много видѣли надѣтыхъ на плечахъ турецкихъ солдатъ. Но съ обладателями ихъ, ранеными въ бою, Турки поступили по своему жестокому звѣрскому обыкновенію. Отъ 300 до

400 тѣлъ офицеровъ и солдатъ Егерскаго полка были найдены валявшимися у самаго турецкаго редута совершенно голыми, обобранными до нитки. Между ними всѣ тѣла убитыхъ во время сраженія сохранились неприкосновенными отъ турецкаго поруганія; тѣла же тяжело-раненыхъ не имѣвшихъ силы отползти во время отъ Турокъ носили слѣды разнообразныхъ видовъ утонченнаго изувѣченія. У однихъ были отрѣзаны носы и уши, у другихъ вырѣзаны ремни на спинѣ, на груди и на ногахъ, у третьихъ вырѣзаны правильные кружечки на сердцѣ, и кожа снята. У всѣхъ егерей имѣвшихъ на погонахъ призовый, продольный галунъ за отличную стрѣльбу Турки дѣлали крестообразный надрѣзъ кожи на вискѣ. Наконецъ много валялось по землѣ отрубленныхъ рукъ и ногъ и нѣсколько отсѣченныхъ головъ. Доктора по количеству вытекшей крови и другимъ признакамъ констатировали что всѣ сказанныя изувѣченія были произведены надъ живыми еще офицерами и солдатами. Этихъ заживо изувѣченныхъ Турки собрали вмѣстѣ и прикрыли тонкимъ слоемъ земли для того, вѣроятно, чтобы содѣланное звѣрство не слишкомъ бросалось въ глаза въ случаѣ новаго прихода Русскихъ. Что же касается убитыхъ въ бою, то тѣла ихъ Турки оставили лежать голыми на тѣхъ мѣстахъ гдѣ застала ихъ смерть и не прикрыли землей. Позы этихъ убитыхъ въ бою—обыкновенныя позы убитыхъ: кто лежитъ свернувшись ничкомъ, кто на спинѣ съ поднятыми вверхъ руками застывшими въ томъ видѣ, въ какомъ, въ моментъ смерти солдатъ прицѣливаясь держалъ ружье. Что же касается позъ изувѣченныхъ заживо тѣлъ, то позы эти до крайности неспокойны, вытянуты; тѣла лежатъ широко раскидавшись руками и ногами, и на лицахъ замѣчается часто ясно выраженная печать муки: стиснутые

зубы, застывшая судорога на лицѣ, рука поднятая съ пальцами сложенными для крестнаго знаменія...

Допрошенный по поводу этихъ звѣрствъ паша взятый въ плѣнъ при сдачѣ Телиша показалъ что то было дѣломъ убѣжавшихъ Черкесовъ и баши-бузуковъ, распорядившихся безъ его вѣдома съ русскими ранеными, но тутъ же проговорился сказавъ что принужденъ былъ стрѣлять изъ пистолета въ своихъ солдатъ, желая этимъ предупредить звѣрство. Англичане взятые въ плѣнъ въ Телишѣ послѣ 12 октября, по прибытіи въ главную квартиру, составили и подписали актъ о фактѣ изувѣченія раненыхъ русскихъ бойцовъ подъ стѣнами турецкаго редута. Тѣла эти всѣ подобраны теперь и предаются землѣ съ военными почестями. Проходя вчера по нашему лагерю у Горняго Дубника, я встрѣтился съ одною изъ часто бывающихъ у насъ теперь грустныхъ процессій. Хоронили четырехъ офицеровъ Егерскаго полка: флигель-адъютанта полковника Мебеса, командира 1-го батальона, и ротныхъ командировъ Шильдбаха, Перепелицына и Базилевскаго 2-го, убитыхъ въ дѣлѣ 12 октября подъ Телишемъ. Негромко и печально звучали аккорды похороннаго марша. Офицеры несли четверо носилокъ съ покойными товарищами павшими въ бою за вѣру и отечество. Весь Егерскій полкъ, подъ ружьемъ, медленно двигался въ тактъ музыки за носилками: изъ окрестныхъ лагерей вышло много солдатъ безъ шапокъ, глядѣли на церемонію и крестились. На одномъ изъ курганчиковъ была вырыта одна большая яма глубиной въ 1½ аршина для всѣхъ четверыхъ вмѣстѣ. При замолкнувшей музыкѣ священникъ прочелъ короткую молитву и помянулъ шесть именъ; вѣроятно тѣла двоихъ изъ помянутыхъ не были отысканы среди убитыхъ подъ Телишемъ. Принесли два снопа и набросали въ яму

соломы на которую снявъ трупы съ носилокъ положили покойниковъ завернутыхъ въ бѣлыя простыни. Музыка заиграла на этотъ разъ гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»... Солдатъ-егерь стоявшій рядомъ со мною, видимо растроганный печальною сценой и музыкальными аккордами, урывкомъ обдергивалъ обшлагомъ рукава навернувшуюся слезу. На положенныхъ рядомъ покойниковъ накинули сверху тоже соломы, и въ минуту солдаты зарыли яму, сдѣлали насыпь, и воткнули въ нее заранѣе приготовленный простой деревянный крестъ. Молча перекрестившись всѣ начали расходиться въ разныя стороны. «На плечо!» командовалъ егерямъ офицеръ. Полкъ зашагалъ удаляясь отъ могилы, и осталась тутъ въ сторонкѣ одна безыменная насыпь съ деревяннымъ крестомъ... А завтра, быть-можетъ, новый бой, скомандуютъ выступленіе, и могилка останется на вѣки одна одинешенька, въ сторонѣ отъ дороги, близь селенія Горній Дубникъ. Невольно приходили на умъ слова похороннаго марша: «прости же товарищъ»!...

Мы здѣсь оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой....

Вчера цѣлый день у насъ на глазахъ были печальныя и трогательныя сцены. Отправившись съ похоронъ въ селеніе Чириково на нашъ перевязочный пунктъ, я и В. В. Верещагинъ застали тамъ выносимые изъ соломеннаго шатра останки полковника Эбелинга, командира 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона. Сестра милосердія Полозова плела изъ дубовыхъ листьевъ вѣнокъ покойному. Офицеры толпой стояли у шатра, и одинъ изъ нихъ показывая на покойнаго сказалъ: «то былъ истинный джентльменъ въ жизни, джентльменъ на службѣ, джентльменомъ

велъ себя во время сраженія и умеръ истиннымъ джентльменомъ.» Полковникъ Эбелингъ былъ раненъ 12 октября при штурмѣ редута подъ Горнимъ Дубникомъ въ то время какъ впереди своего баталіона первымъ подбѣжалъ къ редуту. Пуля попала ему въ ногу выше колѣна и раздробила ему кость. Полковникъ упалъ и, благодаря тому что былъ слишкомъ близко отъ непріятеля оставался долгое время безъ всякой помощи. Раненый, онъ пролежалъ у турецкаго редута съ 8 часовъ утра до 10 часовъ вечера. На другой день онъ былъ въ бодромъ и разговорчивомъ настроеніи духа и охотно согласился на ампутацію ноги; но операція эта не въ состояніи была предупредить быстро развившейся гангрены отъ которой и скончался полковникъ Эбелингъ.

Отъ шатра гдѣ одѣвали покойнаго мы пошли по палаткамъ перевязочнаго пункта въ сопровожденіи доктора Экка. Большинство раненыхъ было уже отправлено въ слѣдующіе госпитали, въ палаткахъ оставались одни тяжело раненые не могущіе вынести передвиженія; «этому», говорилъ намъ докторъ по-французски, указывая на одного изъ лежавшихъ на койкѣ солдатъ,—«этому остается одна ночь жизни. Гангрена у него поднялась до желудка».

— Ну, какъ ты себя чувствуешь голубчикъ? обратился къ нему докторъ.

— Много лучше в—діе, животъ маленько, словно каменный; а то слава Богу!

— Этому—много день, два, продолжалъ докторъ указывая на другаго.

— А что, страшно было первый разъ идти въ огонь? спросилъ я одного изъ солдатъ-гренадеръ.

— Страшновато, ваше б—діе.

— А назадъ воротиться не хотѣлось?

— Какъ можно назадъ? Господа впередъ идутъ, нашъ офицеръ, ротный командиръ, впереди, «*ура*, кричитъ, ребята», мы за нимъ *ура*. А *онъ* сыплетъ въ тебя энтими пулями словно горохомъ. Никакого граду такого не бываетъ какъ онъ въ тебя сыплетъ.

— Я покажу вамъ куріознаго субъекта, сказалъ докторъ выводя насъ изъ палатки и указывая на крупныхъ размѣровъ солдата лежавшаго на соломѣ у выхода. Солдатъ этотъ съ небритою бородой и съ густыми усами закрученными вверхъ сильно напоминалъ унтера старыхъ временъ; принадлежалъ онъ къ Гренадерскому полку и по имени прозывался Мочаловъ.—У него, сказалъ докторъ, не больше ни меньше какъ 23 раны причиненныя ему 17-ю пулями изъ которыхъ шесть на вылетъ, а одиннадцать сидятъ въ немъ

И въ доказательство своихъ словъ докторъ приподнялъ Мочалова за руку; поднялъ рубашку и показалъ намъ спину солдата гдѣ зіяли 7 черныхъ отверстій; одно изъ нихъ по объясненію доктора было сквозное и выходило въ груди; кромѣ того, двѣ раны въ груди и 7 ранъ въ ногахъ всѣ на вылетъ.

— Ну, какъ тебѣ сегодня? спросилъ докторъ опуская потихоньку Мочалова, два раза при этомъ крякнувшаго.

— Хорошо, ваше высокоблагородіе, явственно и отчетливо, не то иронически, не то серіозно проговорилъ раненый.

Верещагинъ набросалъ карандашомъ профиль солдата въ свою записную книжку.

— Видишь! сказалъ докторъ снова обращаясь къ Мочалову:—какъ тобой интересуются, портретъ съ тебя написали.

— Ну! проговорилъ Мочаловъ: — ужь мнѣ одинъ портретъ—на тотъ свѣтъ! добавилъ онъ слабымъ голосомъ.

Отъ нашихъ раненыхъ мы перешли къ раненымъ Туркамъ. Эти помѣщались вокругъ дерева, въ тѣсной кучѣ, на открытомъ воздухѣ, такъ какъ палатки всѣ были еще заняты нашими ранеными. Сестры милосердія и фельдшерицы стоя на колѣняхъ посреди этой пестрой группы дѣлали перевязки; гвалтъ и шумъ тутъ стоялъ страшный. Каждый хотѣлъ чтобъ имъ занялись раньше другаго; каждый лѣзъ впередъ, толкалъ своего раненаго товарища. Стоило принести ведро воды, у ведра между ранеными затѣвалась драка; стоило явиться солдату съ мѣшкомъ для раздачи хлѣба, раздача становилась невозможною ибо всѣ лѣзли къ мѣшку и рвали мѣшокъ изъ рукъ. Приставленная для порядка стража безнадежно разводила руками не зная какъ тутъ быть. «Чистые звѣри! говорилъ солдатъ глядѣвшій на кричащую, стонущую и ревущую группу; — на нихъ конвоя-то нужно больше чѣмъ ихъ самихъ есть.»—«Нашихъ егерей-то какъ порѣзали!» замѣчалъ другой. «Переколоть бы ихъ всѣхъ!» слышалось въ третьемъ мѣстѣ. Но то были только слова. Наши же солдаты собрали всѣхъ этихъ раненыхъ на полѣ сраженія и принесли на перевязочный пунктъ. Въ самую возбужденную минуту, въ минуту взятія редута, рѣдкій штыкъ поднимался чтобы приколоть раненаго Турка. На дѣлѣ русскій солдатъ показалъ себя высоко великодушнымъ, хотя Турки и сдѣлали съ своей стороны все чтобы возбудить въ нашемъ солдатѣ чувства раздраженія и злобы.

Мы отошли отъ группы раненыхъ Турокъ, въ которой всего пять-шесть человѣкъ тяжело-раненыхъ были симпатичнѣе другихъ, лежа спокойно и видимо страдая; между этими послѣдними, одинъ раненый въ грудь очень

напоминалъ собою одну изъ тѣхъ восковыхъ фигуръ которыя показываютъ въ музеяхъ подъ именемъ раненаго зуава. Онъ тяжело поднималъ и опускалъ грудь, открывалъ медленно большіе черные глаза и выказывалъ два ряда бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ; онъ былъ при послѣднемъ издыханіи. Мы отошли отъ группы при звукахъ похороннаго марша какой слышали поутру; то несли Эбелинга положеннаго въ дубовый гробъ къ запряженной волами телѣгѣ съ тѣмъ чтобы тѣло покойнаго переправить въ Россію.

Горній Дубникъ,
19 октября.

Отступленіе Турокъ изъ Дольняго Дубника въ Плевну.— Окончательное обложеніе Плевны.

Сегодня утромъ получено было извѣстіе что Турки очистили Дольній Дубникъ и подъ покровомъ темной ночи ушли въ Плевну. Генералъ Гурко тотчасъ же по полученіи этого извѣстія перенесъ свою квартиру въ Дольній Дубникъ, и въ настоящую минуту цѣпь нашихъ аванпостовъ стоитъ уже у самой подошвы Плевненскихъ высотъ; наши орудія перестрѣливаются съ турецкими орудіями Опанца. Сегодня мы подошли къ самому выходу изъ Плевны со стороны Софійскаго шоссе, подошли безъ боя, благодаря внезапному бѣгству Турокъ изъ сильно укрѣпленныхъ ими позицій Дольняго Дубника. Позиціи эти были для насъ очень важны, и занятіе ихъ предполагалось на завтра, 21 октября, но Турки сами поспѣшили избавить насъ отъ лишняго пролитія крови и своимъ бѣг-

ствомъ облегчили намъ задачу подойти ближе и обнести укрѣпленіями выходъ изъ Плевны на Софійское шоссе. Причина бѣгства пяти турецкихъ баталіоновъ съ четырьмя орудіями изъ укрѣпленій Дольняго Дубника объясняется тѣми же мотивами что̀ и сдача Телиша послѣ трехчасоваго артиллерійскаго огня, что̀ и отступленіе Шефкетъ-паши изъ Радомирцевъ въ Орханіе, —объясняется побѣдой одержанною нами 12 октября надъ Турками подъ Горнимъ Дубникомъ; все это только отголоски дѣла 12 октября. Почувствовавъ вѣроятно новую силу выставленную Россіей въ войскахъ гвардіи и положивъ разъ предъ этою силой оружіе, Турки просто боятся снова вступать съ нею въ бой; дѣло 12 октября очевидно деморализовало Турокъ. По крайней мѣрѣ сдача Телиша и отступленіе изъ сильно укрѣпленныхъ позицій показываютъ у Турокъ явное нежеланіе защищаться противъ насъ. Это нежеланіе и нѣкоторая деморализація въ турецкой арміи подтверждаются и другими соображеніями; напримѣръ, при сдачѣ Телиша захвачена была официальная переписка турецкаго военнаго министерства съ пашой, начальникомъ Телишскаго гарнизона, въ которой между прочимъ заключается запросъ министерства къ пашѣ о числѣ бѣглыхъ солдатъ и предписаніе, въ виду увеличившагося въ послѣднее время дезертирства въ турецкой арміи, наказывать дезертировъ примѣрнымъ образомъ. Наступившее здѣсь сырое и холодное время, недостатокъ теплой одежды у турецкихъ солдатъ и появленіе подъ стѣнами турецкихъ укрѣпленій свѣжаго отборнаго русскаго войска, доказавшаго свою храбрость и стойкость въ теченіе десяти часовъ боя 12 октября, должны были охладить фанатизмъ, съ которымъ по сію минуту турецкій солдатъ защищалъ свою боевую позицію въ Плевнѣ и ея окрест-

ностяхъ. По отношенію къ Плевнѣ есть также нѣкоторые признаки того же охлажденія фанатизма въ турецкомъ солдатѣ. Допрошенные въ послѣднее время бѣглые изъ Плевны показываютъ что гарнизонъ Плевны хорошо сознаетъ свое безпомощное положеніе пойманнаго звѣря запертаго въ клѣткѣ. Турецкіе солдаты якобы жалуются между собой на Османъ-пашу, говоря что рано или поздно придется имъ положить оружіе; для чего же въ такомъ случаѣ командиръ заставляетъ ихъ страдать отъ холода, голодать на кукурузѣ и умирать подъ грохотомъ русскихъ орудій? Одинъ изъ допрошенныхъ бѣглыхъ увѣрялъ что въ Плевнѣ существуютъ два ярко обозначенныя настроенія: солдатъ желающихъ поскорѣе выйти изъ несноснаго положенія и Османъ-паши рѣшившагося держаться во что бы то ни стало. Насколько справедливы всѣ эти разказы бѣглыхъ мудрено рѣшить, одно только несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что Османъ-паша и его армія окружены русскими силами какъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ, и всѣ выходы изъ Плевны заперты нами. Окружаетъ Плевну не какая-нибудь рѣдкая цѣпь изъ пѣхоты или кавалеріи, но цѣлый, непрерывный кругъ укрѣпленныхъ позицій, такъ что въ случаѣ намѣренія Османъ-паши прорваться изъ Плевны черезъ нашу цѣпь, ему придется выйти въ открытое поле противъ нашихъ укрѣпленій и брать эти укрѣпленія штурмомъ, то-есть придется очутиться въ томъ самомъ положеніи въ какомъ мы были недавно подъ Плевной: въ открытомъ полѣ противъ русскихъ редутовъ, рвовъ и ложементовъ, но съ придачей еще къ нимъ нашей кавалеріи, готовой преслѣдовать непріятеля и всюду отрѣзывать ему путь отступленія. Словомъ, употребляя названіе Плевны въ смыслѣ нарицательномъ, можно сказать что мы вокругъ настоящей турецкой Плев-

ны образовали свою русскую контръ-Плевну. Но быть-можетъ Османъ паша не захочетъ проливать лишній разъ кровь своихъ солдатъ и предпочтетъ попросту положить оружіе и сдаться на капитуляцію? Конечно, это всего болѣе было бы желательно, но всего менѣе можно ожидать этого отъ фанатика, истаго Турка Османъ-паши. Наконецъ, Османъ-пашѣ остается на выборъ поступить такъ какъ поступили Турки на Шипкѣ въ началѣ іюля мѣсяца почувствовавъ себя окруженными со стороны Габрова и Казанлыка. Замѣтивъ что имъ отрѣзанъ правильный путь къ отступленію, они бросили на мѣстѣ всѣ орудія, весь лагерь съ запасами, и ночью ползкомъ уходили налегкѣ по лѣснымъ тропинкамъ. На слѣдующіе дни наши казаки и Болгары приводили цѣлыми сотнями въ Казанлыкъ Турокъ бѣжавшихъ съ Шипки и прятавшихся въ кукурузѣ по полямъ, въ лѣсу и въ лощинахъ горъ. Многіе изъ этихъ бѣглецовъ приходили сами въ Казанлыкъ и отдавали оружіе умоляя спасти ихъ отъ голодной смерти. Безъ сомнѣнія, пятидесятитысячной арміи Османъ-паши уйти втихомолку будетъ труднѣе чѣмъ небольшому гарнизону Шипки.

Дольній Дубникъ,
20-го октября 1877 года.

Обѣдня въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Посѣщеніе Гвардіи Государемъ Императоромъ.

Сегодня въ 8 часовъ утра, генералъ Гурко приказалъ собраться къ нему всѣмъ ординарцамъ и объявилъ имъ что сегодня—день воскресный, и что поэтому надлежало бы пользуясь свободными часами помолиться Богу или, по русскому выраженію, «лобъ перекрестить». Въ самомъ

дѣлъ, мы давно не были на молитвѣ, и съ боевою жизнью, жизнью минуты, забыли даже всякій счетъ днямъ; нѣкоторые удивились узнавъ что сегодня воскресенье, и одинъ изъ ординарцевъ поспѣшилъ заявить что по его разчетамъ сегодня пятница, но никакъ не воскресенье. Всѣ за генераломъ сѣли на коней и двинулись къ нашимъ передовымъ укрѣпленіямъ въ Егерскій полкъ гдѣ генералъ Гурко предполагалъ отслушать обѣдню. У одной изъ батарей, глядѣвшей своими восемью орудіями на турецкій редутъ красовавшійся за рѣкой Видомъ на возвышенности, стояли уже въ ожиданіи генерала Гурко въ каре два полка: Егерскій и Измайловскій. Внутри этого четырехугольника образованнаго выстроившимися полками былъ воздвигнутъ аналой изъ пяти барабановъ; а предъ аналоемъ стоялъ въ синенькихъ ризахъ священникъ окруженный двадцатью пѣвчими солдатами. Генералъ Гурко, поздоровавшись съ полками и поздравивъ новыхъ Георгіевскихъ кавалеровъ, скомандовалъ музыкѣ играть «на молитву»; солдаты сняли шапки, и обѣдня началась. Мы молились въ самой боевой обстановкѣ и справа и слѣва отъ насъ почва была изрыта рвами, усѣяна насыпями; возлѣ насъ безмолвно, но выразительно глядѣли впередъ восемь орудій; еще правѣе виднѣлась батарея, а невдалекѣ, за рѣкой Видомъ, поднимались первыя крутыя возвышенности Плевны; одна изъ нихъ угломъ выдалась къ рѣкѣ, къ самому мосту черезъ Видъ; на ея вершинѣ очерчивались ясно четырехугольныя земляныя стѣны турецкаго редута. Мы молились въ сферѣ огня этого редута, и зловѣщій шипъ гранаты могъ ежеминутно смутить наше мирное настроеніе. Но Турки оставили насъ въ покоѣ. За то въ теченіе всей обѣдни не умолкала ни на минуту близко отъ насъ расположенная румынская батарея; то и

дѣло она съ грохотомъ бросала снаряды на каменный мостъ черезъ Видъ, въ надеждѣ разрушить его, а въ аккомпанементъ къ ней гремѣли вдалекѣ залпы нашихъ осадныхъ орудій у Гривицы. Турки, замѣтивъ изъ редута нашу большую группу собравшуюся тѣсно на небольшомъ пространствѣ, высыпали изъ редута и усѣяли собой возвышенность словно сотнями маленькихъ черныхъ точекъ. Но высланная къ нимъ откуда-то справа отъ насъ,— откуда именно не сумѣю сказать,—граната разорвалась въ самой серединѣ этой кучки любопытныхъ, и во мгновеніе ока Турки исчезли съ возвышенности запрятавшись снова въ свою земляную нору. Между тѣмъ, солдаты-пѣвчіе пѣли обѣдню. Солдаты усердно крестились и клали земные поклоны. Генералъ Гурко и, позади него, его многочисленная свита стояли въ почтительныхъ позахъ. Сѣрое небо разстилалось надъ этою группой; грохотъ орудій и отдаленный гулъ залповъ ярко напоминали собою дѣйствительность. Солдаты то и дѣло подходили къ лежавшей подлѣ алтаря шапкѣ замѣнявшей кружку, и клали туда свои гроши; въ теченіе обѣдни набралось три полныя шапки солдатскихъ приношеній. Едва кончилась обѣдня и разобрали барабаны служившіе аналоемъ, генералъ Гурко сѣвъ на коня выѣхалъ въ середину каре и обратился къ солдатамъ. Отчетливо и громко зазвучали его слова: «Еще разъ спасибо вамъ, молодцы! А теперь одного бы намъ надо: чтобъ Османъ-паша съ голода да на насъ бы полѣзъ; тогда онъ разобьется о ваши груди въ дребезги какъ о каменныя стѣны...» Громкіе крики солдатъ покрыли слова генерала. Генералъ Гурко выѣхалъ изъ каре въ сторону. Музыка заиграла маршъ, и Егерскій и Измайловскій полки прошли предъ генераломъ церемоніальнымъ маршемъ. Всѣ мы затѣмъ повернули своихъ коней къ

Дольнему Дубнику и потянулись по шоссе домой, въ свои неприглядныя и полуразрушенныя конуры. Въ воздухѣ тянуло холодною сыростью; луга и скаты холмовъ были покрыты сухою порыжѣвшею травой. Разбросанныя тамъ и сямъ деревья стояли голыми; осенній листъ уже опалъ, и черные сучья вырѣзываются на сѣроватомъ фонѣ своими разнообразными причудливыми очертаніями. Позднею холодною осенью вѣетъ отовсюду природа; пахнетъ недалекимъ снѣгомъ, дороги всѣ разгрязнило. Труденъ походъ въ такую пору, и быть-можетъ правы иностранныя газеты говоря что движеніе впередъ для Русской арміи становится нынѣ невозможнымъ; по крайней мѣрѣ новый переходъ черезъ Балканы, представлявшій огромныя трудности въ лѣтнюю благопріятную пору, станетъ непреодолимою трудностью въ готовое наступить зимнее время. Генералъ Гурко перешедшій уже разъ Балканы въ настоящую кампанію занятъ нынѣ у Плевны. Задача его запереть выходъ Османъ-пашѣ на Софію и на Виддинъ, охранять со стороны юга (Орханіе и Софіи) тылъ нашей арміи окружающей Плевну и, наконецъ, сторожить непріятеля кавалеріей съ южной и юго западной стороны Плевны. Опредѣлить приблизительно время когда Османъ-паша съѣстъ свой послѣдній кусокъ хлѣба весьма трудно. Оно можетъ наступить и скоро, можетъ затянуться и на мѣсяцъ, и болѣе. Въ хлѣбѣ, по показаніямъ бѣглыхъ изъ Плевны Турокъ и Болгаръ, ощущается сильный недостатокъ, но за то мяса, какъ кажется, у Турокъ вдоволь. Мы часто видимъ огромные гурты скота выгоняемые на возвышенности для подножнаго корма; каждый разъ открываемъ огонь изъ нашихъ батарей по этимъ гуртамъ. Вчера, напримѣръ, гусары пытались даже отбить штукъ двѣсти барановъ спустившихся къ рѣкѣ Видъ

на водопой, но Турки съ возвышенности открыли такой частый ружейный огонь по гусарамъ что тѣ принуждены были ускакать обратно. Эта маленькая неудавшаяся попытка гусаръ только разохотила нашихъ казаковъ попробовать съ своей стороны угнать партію турецкаго скота, и человѣкъ 50 охотниковъ пришли вчера просить на это разрѣшеніе; имъ, конечно, разрѣшили. И сегодня или завтра казаки попытаются похвалиться предъ гусарами удачей. Какое число штукъ овецъ, барановъ, воловъ и пр. находится въ распоряженіи Османъ-паши, опредѣлить трудно; говорятъ что число это доходитъ до 5.000 головъ; къ этому приходится причислить еще лошадей, такъ какъ невзыскательный и выносливый турецкій солдатъ будетъ питаться и кониной. Словомъ, Османъ-пашѣ еще можно поупорствовать въ Плевнѣ хотя ему сильно не повезло въ послѣднее время. Не говоря уже о турецкихъ пораженіяхъ вдоль Софійскаго шоссе, оказывается теперь изъ показаній разныхъ дезертировъ что Османъ-паша сильно надѣялся и продолжаетъ надѣяться на помощь изъ Орханіе и въ особенности большія надежды возлагалъ на Шевкетъ-пашу. Къ нему посылалъ онъ нѣсколько курьеровъ, перехваченныхъ нами, со словесными приказаніями о наступленіи въ тылъ отряду генерала Гурко; Шевкетъ-паша, съ своей стороны, чрезъ посланцевъ словесно же отвѣчалъ Осману что считаетъ болѣе благоразумнымъ обратное движеніе, т.-е. отступить подальше на югъ. Между прочимъ, одинъ изъ перехваченныхъ нами пословъ Шевкетъ-паши, разказывалъ о паническомъ страхѣ наведенномъ на турецкій гарнизонъ въ Радомирахъ дѣломъ 12 октября и объясняя этимъ страхомъ поспѣшное отступленіе Шефкетъ-паши въ Орханіе, прибавилъ что Шефкетъ-паша человѣкъ очень честолюбивый и завидующій авторитету

Османъ-паши какъ полководца, и что поэтому настоящее затруднительное положеніе начальника Плевненской арміи хорошій случай для Шефкета насолить Осману чѣмъ Шефкетъ-паша и пользуется нынѣ. Всѣмъ подобнымъ разказамъ перехваченныхъ Турокъ довѣрять безусловно нельзя, и каждому предоставляется судить по собственному разумѣнію насколько въ нихъ правды. Генералъ Гурко ограничивается тѣмъ что подвергаетъ всѣхъ приводимыхъ къ нему Турокъ допросу, и затѣмъ, если допрошенный оказывается бѣглымъ изъ Плевны, то генералъ возвращаетъ его назадъ въ Плевну же. «Пусть его увеличитъ собой число ртовъ», добавляетъ онъ при этомъ. Помимо любезности возвращать ежедневно Османъ-пашѣ его дезертировъ, генералъ Гурко оказалъ вчера турецкому генералу еще другую любезность. Онъ отправилъ съ однимъ изъ такихъ дезертировъ къ Османъ-пашѣ пакетъ со слѣдующимъ адресомъ написаннымъ на французскомъ языкѣ: «De la part du général Gourko à son excellence le général Osman, commandant des troupes ottomanes à Plevna.» Въ пакетѣ заключалось пять нумеровъ англійской газеты *Times* въ которыхъ подробно описаны турецкія пораженія подъ Карсомъ. Такъ какъ, по показанію бѣглыхъ изъ Плевны, тамъ находятся при штабѣ Османа два англійскіе корреспондента, то, буде Османъ-паша не читаетъ по-англійски, корреспонденты сумѣютъ перевести ему содержаніе отмѣченныхъ статей *Times*. Генералъ Гурко готовъ бы былъ послать и французскія газеты говорящія о томъ же дѣлѣ, но къ несчастію французскихъ газетъ подъ рукой у насъ не оказалось, да кстати слова англійскихъ журналовъ болѣе авторитетны для Османъ-паши чѣмъ другихъ газетъ.

Возвращаюсь къ нынѣшнему дню. Начавшись для насъ

молитвой день закончился радостнымъ событіемъ. Вернувшись отъ обѣдни въ Дольній Дубникъ мы узнали тамъ что въ 12 часовъ дня изволитъ прибыть къ намъ изъ Медована Государь Императоръ. При этомъ извѣстіи, каждый поспѣшилъ наскоро пріодѣться по возможности, пообчиститься, каждый вытащилъ изъ чемодана запасное бѣлье, запасное платье что у кого было поновѣе. Но надо было спѣшить: генералъ Гурко въ 11 часовъ сѣлъ уже на коня чтобъ ѣхать на встрѣчу Его Величества. Свита генерала потянулась за нимъ въ томъ же видѣ, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ еще недавно выѣзжала она подъ Горнимъ Дубникомъ, подъ Телишемъ на поле брани, и ѣхали мы мимо тѣхъ редутовъ гдѣ, всего три дня тому назадъ сидѣли Турки, трещали ружейные выстрѣлы, разрывались снаряды, и на этотъ разъ мы ѣхали снова всѣ вмѣстѣ, въ нашемъ обыкновенномъ боевомъ видѣ, но не подъ шипѣніе пуль или гудѣніе гранатъ, а въ ожиданіи симпатичнаго добраго взгляда, ласковаго ободряющаго слова. Мы проѣхали мимо полковъ гвардіи, стройно стоявшихъ въ ротныхъ и баталіонныхъ колоннахъ, въ ожиданіи прибытія Государя; проѣхали еще съ версту впередъ и остановились не слѣзая съ лошадей.

Вскорѣ показалась вдали стройная группа конвойныхъ казаковъ, словно стелющаяся по землѣ огромнымъ размѣромъ птица съ мохнатою головой. За казаками въ нѣкоторомъ отдаленіи неслись уланы; сейчасъ за ними быстро двигалась большая коляска Государя ровно покачиваясь по проселочной дорогѣ. За коляской скакали красные лейбъ-гусары, а тамъ далѣе тянулись вереницей верховые и экипажи — свита. Генералъ Гурко медленнымъ шагомъ, одинъ, выѣхалъ впередъ: коляска остановилась, и около нея, черезъ минуту, на гнѣдой лошади появился

Императоръ. Генералъ Гурко приблизился къ Его Величеству, снялъ шапку и припалъ головой на грудь Императора. Государь Императоръ обнялъ генерала. Привѣтливо затѣмъ поздоровавшись съ нами, Государь галопомъ поскакалъ къ гвардіи, ожидавшей Его приближенія. За большою группой свиты не слышно было того что̀ сказалъ Государь стрѣлкамъ къ которымъ онъ прежде подъѣхалъ, но *ура* грянуло въ воздухѣ, и сквозь густые, неумолкавшіе крики звучали аккорды народнаго гимна. Отъ стрѣлковъ Государь поѣхалъ къ Павловскому полку, затѣмъ къ гренадерамъ. Государь ѣхалъ отъ полка къ полку, объѣзжалъ баталіоны, объѣзжалъ каждую роту: останавливался, благодарилъ солдатъ, обращалъ ласковое слово къ офицерамъ, иныхъ командировъ обнималъ. Государь былъ видимо взволнованъ, тронутъ, онъ снова былъ съ гвардіей, съ тѣми кого привыкъ часто видѣть дома, въ Петербургѣ... Но здѣсь Государь видѣлъ ихъ на неостывшемъ еще полѣ битвы, вышедшими изъ огня героями... Многихъ привычныхъ и знакомыхъ лицъ не доставало въ строѣ, были тутъ иные съ повязанными головами, съ подвязанными руками. Государь помнилъ всѣхъ. Его Величество въ каждомъ полку называлъ имена убитыхъ командировъ, припоминалъ хорошія черты изъ жизни каждаго; Государь разказывалъ громко о раненыхъ которыхъ успѣлъ ранѣе посѣтить, о ходѣ ихъ ранъ, о надеждахъ на выздоровленіе. Въ Измайловскомъ полку Государь поцѣловалъ въ лобъ рядоваго Ивана Овчинникова отбившаго въ дѣлѣ 12 октября турецкое знамя. Въ Егерскомъ полку Государь слушалъ благодарственное молебствіе, и когда священнослужитель провозгласилъ въ концѣ молебствія «вѣчную память убіеннымъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество», Государь сталъ на колѣни и,

все время пока пѣли молитву, стоялъ на колѣняхъ опустивъ голову; обильныя слезы текли по лицу Императора, и со слезами Онъ подошелъ приложиться ко кресту. Солдаты проводили Его Величество восторженными криками. Оглушающій гулъ стоялъ въ воздухѣ. Солдаты оцѣнили посѣщеніе ихъ Государемъ. Они доселѣ привыкли встрѣчать Его Величество въ Петербургѣ въ парадной и мирной обстановкѣ, а теперь увидѣли его снова посреди себя, на полѣ боя, въ трудныя минуты, вдалекѣ отъ родины, на свѣжемъ еще полѣ битвы; они увидѣли Государя пріѣхавшаго сюда обласкать ихъ, утѣшить, ободрить словомъ участія и любви. Въ четыре часа дня Его Величество простившись съ гвардіей возвратился въ Медованъ.

Дольній Дубникъ,
23 октября 1877 г.

III.

ГВАРДІЯ ВЪ БАЛКАНАХЪ.

Выступленіе изъ Дольняго Дубника.

Весь день 3 ноября въ Дольнемъ Дубникѣ царило особенно оживленное движеніе; весь день тянулись изъ-подъ Плевны по шоссе войска, направляясь къ Горному Дубнику, къ Телишу, и далѣе; на мѣсто ихъ двигались подъ Плевну новыя части, на смѣну гвардіи покидавшей свои позиціи у Плевны. Высоко нагруженныя фуры стояли у полуразрушенныхъ домиковъ Дольняго Дубника, и около фуръ суетилась и бѣгала прислуга, стараясь засунуть лишній узелокъ, лишній ящичекъ въ переполненный и безъ того фургонъ. Штабу приказано было выступать 4-го, рано утромъ, чуть забрежжитъ свѣтъ; куда именно, зачѣмъ,—еще пока неизвѣстно, но судя по тому что отправлены впередъ казаки для отвода помѣщеній штабу въ Радомирцахъ на 4 ноября, а въ Яблоницахъ на 5-е, позволяется заключить что передвигаемся мы на югъ къ Балканамъ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е наше выступленіе едва не было задержано телеграммой, полученной генераломъ Гурко отъ

генерала Скобелева о томъ что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Турки намѣрены сдѣлать усиленную вылазку изъ Плевны на позиціи генерала Скобелева. Въ три часа ночи пушечные выстрѣлы, трескъ ружейной стрѣльбы, раздавшіеся въ сторонѣ позицій Скобелева, явились въ подтвержденіе только-что полученной телеграммы и заставили генерала Гурко, его ординарцевъ и штабныхъ вскочить со своихъ постелей и выбѣжать на улицу. Генералъ Гурко отправилъ ординарца къ Горнему Дубнику и Телишу съ тѣмъ чтобы задержать на всякій случай до утра движеніе выступившихъ уже въ походъ гвардейскихъ частей, и самъ, готовый сѣсть на коня, сталъ дожидаться новыхъ извѣстій отъ генерала Скобелева. Ночь была свѣтлая, лунная, но очень холодная, съ сѣвернымъ вѣтромъ, доносившимъ до насъ ярко знакомые звуки непрерывнаго треска ружейной пальбы и отдѣльныхъ глухихъ ударовъ орудій. Огонь былъ частый и сильный и заставлялъ предполагать о серіозномъ столкновеніи: «ужь не самъ ли Османъ-паша прорывается изъ Плевны?» Но часа черезъ два перестрѣлка стала стихать и къ 5 часамъ утра умолкла вовсе; то была вѣроятно одна изъ часто повторявшихся въ послѣднее время вылазокъ турецкихъ на позиціи занятыя генераломъ Скобелевымъ. Мы поспѣшили вернуться къ своимъ постелямъ, доспать немногіе остающіеся до выступленія часы и согрѣться, снова зарывшись въ солому, отъ ночнаго холода. Ужасно—когда думаешь о раненыхъ и умирающихъ въ такую холодную ночь гдѣнибудь въ открытомъ полѣ, или въ земляной канавкѣ вырытой для самообороны!

Благодаря ночной тревогѣ генералъ Гурко отложилъ выступленіе изъ Дольняго Дубника на 4 часа позднѣе, и мы покинули селеніе только въ десять часовъ утра 4

ноября, слѣдуя за генераломъ по шоссе къ Горнему Дубнику и Телишу въ Радомирцы, гдѣ должны были заночевать въ тотъ день. Кстати, на прощаньи съ Дольнимъ Дубникомъ мнѣ припомнилась любопытная сцена свиданія генерала Гурко съ генераломъ Скобелевымъ подъ Плевной, имѣвшая мѣсто въ редутѣ Мирковича на Волынской горѣ, съ недѣлю или полторы тому назадъ. Личная храбрость и отвага обоихъ генераловъ не подлежатъ ни для кого сомнѣнію, а презрѣніе къ опасности Скобелева вошло даже въ поговорку; но тутъ въ редутѣ Мирковича обоимъ генераламъ вмѣстѣ пришлось состязаться другъ предъ другомъ въ отвагѣ или выдержать дуель храбрости. Условившись свидѣться между собою для переговоровъ о выборѣ мѣста для возведенія новыхъ укрѣпленій на позиціяхъ подъ Плевной, генералы Гурко и Скобелевъ назначили мѣстомъ свиданія для себя редутъ Мирковича и съѣхались тамъ на дняхъ, каждый въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ, начальниковъ ввѣренныхъ имъ частей и др., такъ что небольшой редутъ наполнился многочисленною свитой обоихъ генераловъ. Этотъ редутъ расположенъ отъ ближайшаго турецкаго укрѣпленія на разстояніи какихъ-нибудь 800—1.000 саж., и Турки до того пристрѣлялись къ нему изъ своихъ орудій что безъ промаха направляютъ свои снаряды въ самую средину редута. Въ обыкновенное время Турки рѣдко стрѣляютъ въ наши укрѣпленія и первые не открываютъ никогда огня изъ орудій, а только изрѣдка отвѣчаютъ на наши выстрѣлы. На этотъ разъ Турки по обыкновенію разгуливали по своимъ укрѣпленіямъ, иные работали съ лопатами въ рукахъ, другіе сидѣли кучками на насыпи; турецкій офицеръ внутри укрѣпленія разъѣзжалъ верхомъ на бѣлой лошади... Гурко, разговаривая со Скобелевымъ и

замѣтивъ эту sans gêne Турокъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ нашего редута, обратился къ батарейному командиру съ приказаніемъ: «дать по нимъ залпъ изъ двухъ орудій!» Залпъ былъ данъ, и Турки мгновенно попрятались за насыпью; но черезъ минуту снова появились съ лопатами на поверхности укрѣпленія, снова выползла кучка любопытныхъ и офицеръ на бѣлой лошади. «Дать по нимъ еще залпъ шрапнелью!» скомандовалъ генералъ Гурко и обратился съ прерванною рѣчью къ Скобелеву. Турки отъ втораго залпа скрылись вовсе и не показывались больше на поверхности укрѣпленія. Но вотъ на ихъ сторонѣ показался бѣлый дымокъ. «Ложись!» раздался крикъ дежурнаго фейерверкера, и все что было въ редутѣ кинулось не землю; остались на ногахъ только Гурко и Скобелевъ въ позахъ разговаривающихъ между собою людей. Турецкая граната, съ воемъ, шипомъ и свистомъ разрывая воздухъ влетѣла въ редутъ и зарылась въ землю по самой срединѣ редута; офицеръ-артиллеристъ бросился къ мѣсту упавшаго снаряда, разрылъ землю, вынулъ еще горячую отъ полета, но не разорвавшуюся гранату и положилъ ее на землю предъ генералами. Чрезъ минуту раздался новый крикъ «ложись!», и новая граната ворвалась въ редутъ и зарылась рядомъ съ первой. Гурко и Скобелевъ вошли на барбетъ и продолжали при второй гранатѣ также стоя разговаривать и сохранять хладнокровный видъ другъ предъ другомъ. Турки, если отвѣчаютъ на наши выстрѣлы, то выпускаютъ обыкновенно однимъ выстрѣломъ болѣе того чѣмъ пущено въ нихъ; поэтому надо было ожидать прибытія третьей гранаты, которая при новомъ крикѣ «ложись» и не замедлила удариться въ землю шагахъ въ пяти отъ бесѣдовавшихъ и какъ разъ впереди ихъ. По счастію,

этотъ вновь прибывшій снарядъ не лопнулъ; въ противномъ случаѣ обоихъ генераловъ не было бы въ живыхъ, такъ какъ осколки лопнувшаго снаряда летятъ впередъ по силѣ инерціи и неминуемо должны были бы задѣть Гурко и Скобелева. При этой третьей гранатѣ оба генерала были блѣдны, но ни въ чемъ не измѣнили себѣ, сохраняя прежнюю позу и не прерывая бесѣды какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Но возвращаюсь къ прерванному разказу. Мы ѣдемъ за генераломъ Гурко по Софійскому шоссе на югъ и внутренно радуемся что покинули наконецъ Дольній Дубникъ, начинавшій порядкомъ надоѣдать монотонностью жизни и безконечнымъ выжиданіемъ той минуты когда Османъ-паша вздумаетъ положить оружіе или съ оружіемъ въ рукахъ пробиваться на волю. Мы двигаемся вдоль шоссе по волнистой мѣстности, съ каждымъ часомъ пути становящейся болѣе волнистою и пересѣченною. Возвышенности постепенно дѣлаются круче, сосредоточеннѣе,—съ острыми гребнями наверху: лощины суживаются, и въ ихъ глубинѣ ручейки и рѣчки стремятся быстрѣе по каменистому ложу, а вдали, сквозь сизый туманъ, виднѣются первыя темныя массы горъ. Въ Радомирцахъ мы находимся уже у подошвы Балканъ. Пришли мы въ Радомирцы къ самому вечеру, когда въ темнотѣ не приходится разбирать гдѣ и какъ устроиться поудобнѣе на ночь. Располагаемся въ чистенькихъ домикахъ Помаковъ на сквозномъ вѣтру, ибо окна разбиты, дверей въ домахъ нѣтъ. Съ разсвѣтомъ на другой день двигаемся далѣе. Красиво расположенныя селенія на откосахъ горъ и въ глубинѣ долинъ стоятъ пустыя, покинутыя ихъ обитателями, Помаками. Помаки, это Болгары издавна принявшіе мусульманство въ видахъ лучшаго обезпеченія

своей собственности отъ корыстолюбія турецкихъ беговъ; перемѣнивъ вѣру въ интересахъ собственности, Помаки стали злѣйшими врагами своихъ единоплеменниковъ Болгаръ-христіанъ и крѣпкими друзьями Турокъ. Въ настоящую минуту они вмѣстѣ съ Турками ушли вслѣдъ за отступившимъ въ Орханіе турецкимъ войскомъ, ушли изъ боязни Русскихъ и наказанія за многія совершенныя надъ Болгарами жестокости. Отступленіе Шефкетъ-паши по шоссе было вѣроятно весьма поспѣшное, такъ какъ Турки въ селеніяхъ по дорогѣ не успѣли уничтожить запасовъ сѣна, ячменя и овса, такъ что въ селеніяхъ Луковцы, Петровены, Бласничево находится достаточное количество фуража для лошадей. Надо думать поэтому что Шефкетъ-паша разчитывалъ на немедленное наступленіе на него Русскихъ войскъ послѣ дѣлъ подъ Горнимъ Дубникомъ и Телишемъ, почему и счелъ за лучшее быстро отступить для занятія болѣе укрѣпленныхъ позицій близъ Орханіе и въ Этрополѣ у перреваловъ черезъ Балканы.

Выступивъ вчера изъ Радомирцевъ, мы вплоть до Яблоницъ тянемся длинною вереницей по широкому шоссе, обгоняя колонны пѣхоты, артиллерійскіе парки, сторонящіеся чтобы дать дорогу генералу и его свитѣ, то и дѣло раздаются звуки барабана дающіе знать растянувшейся колоннѣ войска о томъ что приближается начальство: командуютъ: «смирно!» Генералъ Гурко выкрикиваетъ «здорово Семеновцы»! «здорово Преображенцы!» «здорово артиллерія»! «Посторонись!» раздается въ одной сторонѣ. «Штыкъ прими! ротозѣй!» слышатся въ другой. «Раздайтесь, эй!» слышится еще гдѣ то. По извилистой дорогѣ, то поднимающейся въ гору, то огибающей ее, виднѣются въ разнообразныхъ группахъ войска или двигающіяся, или отдыхающія на бивакѣ въ сторонкѣ среди красивой

обстановки горъ; что ни шагъ, то новый видъ, и новый богатый сюжетъ для Вас. Вас. Верещагина находящагося вмѣстѣ съ нами въ свитѣ генерала Гурко. Кромѣ Верещагина, занятаго исключительно наблюденіями для будущихъ работъ, въ свитѣ Гурко находятся еще корреспондентъ *Новаго Времени* г. Ивановъ и корреспондентъ *Daily News* Mac Gahan, успѣвшій залѣчить въ Букурештѣ свою расшибленную ногу и получить на дняхъ изъ Главной Квартиры разрѣшеніе слѣдовать за генераломъ Гурко.

Сегодня мы остановились въ селеніи Яблоницы, и какъ долго простоимъ здѣсь еще неизвѣстно.

С. Яблоницы,
5-го ноября 1877 года.

Въ Балканахъ.

Сегодня третій день какъ мы стоимъ въ Яблоницахъ, въ 14 или 15 верстахъ отъ непріятеля, занявшаго позиціи въ горахъ близъ переваловъ черезъ Балканы. Ближайшая къ намъ позиція Турокъ находится у селенія Правицы (Правца), на узлѣ двухъ дорогъ ведущихъ въ Софію сквозь хребетъ горъ; это передовая позиція Турокъ, оберегающая подъемъ на Балканы по сю сторону хребта. У Правицы дорога на перевалъ раздвояется, и одна вѣтвь идетъ черезъ Орханіе, другая черезъ Этрополь, мѣстечки расположенныя близъ переваловъ и укрѣпленныя Турками. Наконецъ, въ селеніи Златица, на спускѣ по ту сторону Балканъ, собраны Турками значительныя силы, родъ резерва для турецкихъ войскъ, оберегающихъ горный хребетъ въ Орханіе, Этрополѣ и Правицахъ. Какая численность этихъ войскъ—заключить съ достовѣрностью труд-

но изъ сбивчивыхъ показаній бѣглыхъ изъ-за Балканъ Болгаръ. Если судить приблизительно, то всѣ данныя вращаются около цифръ трехъ-четырехъ баталіоновъ въ Правицахъ, 12 или 15 баталіоновъ въ Этрополѣ, 6 — 8 въ Орханіе, при орудіяхъ въ каждой изъ названныхъ укрѣпленныхъ позицій. Но при этомъ остается неизвѣстнымъ какіе это баталіоны, полнаго или неполнаго состава, въ 600 или 800 человѣкъ, и изъ какого рода войска они составлены, изъ низама или мустахфиза. Разсказываютъ что оба рода войска встрѣчаются тамъ перемѣшанными другъ съ другомъ на половину; къ тому же защита Балканъ устроена самою природой, и дикій характеръ горнаго хребта является на помощь численному составу войска. Неприступность турецкихъ позицій облегчаетъ защиту ихъ незначительными силами противъ превосходнаго числомъ непріятеля. Съ нашихъ аванпостовъ открывается видъ на эти темныя массы горъ, занятыя Турками спрятанными въ извилистыхъ кручахъ, на гребняхъ вершинъ и въ лѣсахъ, покрывающихъ и склоны, и вершины. Наши аванпосты расположены верстахъ въ 10 отъ Яблоницъ, вдоль ручья пересѣкающаго Софійское шоссе у селенія Осиково; состоятъ они изъ казаковъ-Кубанцевъ, кучками въ 5 человѣкъ, разбросанныхъ вдоль ручья по возвышенностямъ. Пять маленькихъ невзрачныхъ лошадей стоятъ кружкомъ около вороха сѣна; тутъ же въ сторонкѣ горитъ небольшой огонь, на которомъ Кубанцы варятъ себѣ супъ изъ капусты съ сухарями; ружья поставлены въ козлахъ наготовѣ, но непріятеля, по словамъ Кубанцевъ, не видать вовсе, онъ не выходитъ изъ своихъ норъ, развѣ только изрѣдка покажутся на какой-нибудь изъ вершинъ нѣсколько всадниковъ, поглядятъ кругомъ и уѣзжаютъ снова въ лѣсистыя кручи. Цѣпь Турокъ отъ

нашихъ аванпостовъ расположена верстахъ въ пяти или шести, близь укрѣпленій Правицы, и Турки, повидимому, довольствуются тѣмъ что сидятъ спокойно въ своихъ укрѣпленіяхъ избѣгая даже аванпостной перестрѣлки. Селеніе Осиково лежитъ по ту сторону ручья, въ полуверстѣ отъ нашей цѣпи. Красивые чистенькіе домики стоятъ пустые; окна и двери выбиты; тишина царитъ въ селеніи— не видать ни одной души нигдѣ кругомъ; какая-то мертвая тишина и въ окружающихъ горахъ покрытыхъ на верху снѣгомъ блестящимъ на солнцѣ. Пробѣжитъ по опустѣлой улицѣ селенія отощалая собака, жалобно завоетъ на минуту; двѣ-три сороки перелетятъ съ одной крыши на другую, и снова все мертво и тихо. Вороны иногда покружатся надъ деревней: ужь не чуютъ ли они близкой добычи? Въ виду непріятеля, вопросъ о столкновеніи съ нимъ—первый приходитъ на умъ. Когда и гдѣ произойдетъ оно? тутъ ли за Осиковымъ у Правицы, и затѣмъ въ Этрополѣ и Орханіе, или снова, по примѣру перваго перехода черезъ Балканы нынѣшнимъ лѣтомъ, мы будемъ искать обхода неприступныхъ позицій Турокъ въ горахъ? Всѣ эти вопросы составляютъ у насъ тайну генерала Гурко да его начальника штаба генерала Нагловскаго, но судя по тому что едва пришли мы въ Яблоницы какъ скрылся внезапно, куда—никому не извѣстно, кн. Церетелевъ, надо предполагать что онъ отправленъ генераломъ Гурко съ деликатнымъ порученіемъ, которое, въ виду Балканъ, не можетъ быть иное какъ изысканіе пути для обходнаго движенія черезъ Балканы. Это предположеніе не замедлило оправдаться сегодня, съ возвращеніемъ князя Церетелева. Оказалось, что Болгары дѣйствительно указывали на возможность обойти турецкія позиціи и называли дорогу по ущелью Чернаго Лома проходимою для артиллеріи. Для провѣрки показаній Болгаръ былъ коман-

дированъ генераломъ Гурко полковникъ Паренцовъ (начальникъ штаба у графа Шувалова) и хорунжій князь Церетелевъ съ 50-ю Осетинами произвести развѣдку указанной дороги. Имъ приказано было избѣгать всякой встрѣчи съ непріятелемъ чтобы не обнаружить своего присутствія въ горахъ, для чего и были имъ даны въ конвой Осетины которыхъ не отличишь отъ черкесовъ. Двинувшись по ущелью Чернаго Лома вверхъ къ самому устью, полковникъ Паренцовъ и князь Церетелевъ прошли верстъ 30 по плохой непроходимой дорогѣ, и затѣмъ уперлись въ перевалъ гдѣ никакой дороги не оказалось. Подъемы и кручи поросшіе густымъ лѣсомъ были таковы что даже на конѣ взобраться на нихъ не было никакой возможности. Испробовавъ подъемы на перевалъ по всѣмъ направленіямъ, Паренцовъ и Церетелевъ убѣдились что изслѣдованный путь недоступенъ не только для артиллеріи, но непроходимъ и для кавалеріи. Непріятеля нигдѣ при этомъ замѣчено не было. Спустившись снова внизъ, Паренцовъ и Церетелевъ попробовали подняться на перевалъ по новому направленію по которому значится вьючная дорога. Но и этотъ путь оказался невозможнымъ даже для горной артиллеріи. Продолжая однако слѣдовать по этому пути къ перевалу, наши соглядатаи увидѣли турецкую пѣхотную цѣпь, расположенную по хребту и очевидно поставленную тутъ для охраненія той горной тропинки по которой шла вьючная дорога. Турецкіе солдаты стояли на снѣгу попарно, на разстояніи 50 саженъ другъ отъ друга, причемъ на самомъ перевалѣ замѣтны были вырытые ровики для пѣхоты. При приближеніи Осетинъ, Турки быстро спрятались въ ровики, а черезъ минуту появились снова на хребтѣ въ большемъ числѣ и дали нѣсколько выстрѣловъ по Осетинцамъ. Полковникъ Паренцевъ приказалъ Осетинцамъ немедленно вернуться и

не затѣвать съ непріятелемъ перестрѣлки. Въ результатѣ, Паренцевъ и Церетелевъ констатировали что свѣдѣнія Болгаръ объ обходной дорогѣ черезъ Балканы не подтвердились на дѣлѣ и что, вопервыхъ, обойти турецкія укрѣпленія возможно только для небольшой колонны пѣхоты, и вовторыхъ, что Турки, наученные опытомъ Хаинкіойскаго обхода, бдительно оберегаютъ малѣйшія горныя тропинки, и что, слѣдовательно, захватить Турокъ врасплохъ нынѣ невозможно. Такимъ образомъ завершилась сегодня мысль обойти Турокъ въ тылъ, и попытка эта едвали можетъ возобновиться въ виду того, что по показаніямъ Болгаръ знакомыхъ съ мѣстностью, другихъ обходныхъ дорогъ не существуетъ. Но если нельзя обойти Турокъ, то вопросъ, будемъ ли мы атаковать ихъ позиціи и проходить Балканы съ бою, — невольно приходитъ на умъ. По крайней мѣрѣ генералъ Гурко, пріѣхавъ сегодня въ Московскій полкъ, справлявшій свой полковой праздникъ, обратился къ солдатамъ съ рѣчью въ которой, между прочимъ, упомянувъ о храбрости Московскаго полка въ дѣлѣ у Горняго Дубняка, сказалъ указывая рукой на горы: «Я убѣжденъ что вы выковырнете оттуда непріятеля штыками съ тою настойчивостью и тѣмъ мужествомъ которыя вы уже разъ доказали на дѣлѣ».

Въ ожиданіи со дня на день рѣшительнаго дѣйствія со стороны генерала Гурко, мы жадно прислушиваемся къ тому что̀ разказываютъ бѣглые Болгары о непріятелѣ, засѣвшемъ въ горахъ. По большей части Болгары эти мало что знаютъ, и ихъ свѣдѣнія о числѣ войскъ, о состояніи духа турецкаго солдата—всегда ничтожны. Отъ Болгаръ мы знаемъ только что Черкесовъ въ горахъ нѣтъ и замѣнены они регулярною кавалеріей, что по уходѣ своемъ черкесы жгли недавно болгарскія деревни по ту сторону Балканъ, и наконецъ что жители Турки поки-

нули Орханіе и Этрополь и перебрались въ Софію. Болѣе обстоятельны показанія одного бѣжавшаго къ намъ человѣка. Самая исторія его не лишена интереса; онъ по происхожденію Албанецъ и по первоначальной вѣрѣ мусульманинъ. Полюбивъ сербскую дѣвушку, бѣжалъ изъ турецкаго войска и желая жениться принялъ христіанскую вѣру и перешелъ въ сербское подданство, сдѣлавшись съ этой минуты заклятымъ врагомъ Турокъ. Онъ мирно проживалъ въ Ужицѣ, когда въ минувшемъ августѣ его вывезъ оттуда князь Церетелевъ въ русскій лагерь гдѣ онъ могъ быть хорошимъ лазутчикомъ. Его нарядили въ костюмъ баши-бузука и проведя за цѣпь нашихъ аванпостовъ пустили ночью въ Плевну. Это было въ послѣднихъ числахъ августа. Съ тѣхъ поръ и до сей минуты о немъ не было никакихъ слуховъ что̀ заставляло предполагать что Турки узнали въ немъ русскаго шпіона и поспѣшили покончить съ нимъ. Только вчера мы увидали его вновь. Оказалось изъ его разказовъ, что едва онъ приблизился ночью къ цѣпи турецкихъ аванпостовъ въ Плевнѣ какъ былъ схваченъ Турками и на утро приведенъ для допроса къ Османъ-пашѣ. Начальникъ Плевнинскаго гарнизона принялъ его сурово и встрѣтилъ его словами: «ты русскій шпіонъ, иначе ты не могъ бы пройти черезъ русскую цѣпь въ Плевну, и поэтому я прикажу тебя разстрѣлять». Однако угрозу эту Османъ-паша не привелъ въ исполненіе и ограничился тѣмъ, что убѣдившись чрезъ докторовъ въ его правовѣріи заключилъ его въ тюрьму, откуда по прошествіи 8 дней препроводилъ вмѣстѣ съ четырьмя плѣнными, русскими солдатами, по Софійскому шоссе. Русскихъ плѣнныхъ повели вѣроятно въ Константинополь, и вели ихъ съ большимъ тріумфомъ, связанными, при развернутомъ турецкомъ знамени, съ музыкой и въ сопровожденіи 30 солдатъ низама;

а нашего лазутчика снова заперли въ тюрьму гдѣ-то, гдѣ товарищами по заключенію оказались у него турецкіе солдаты посаженные въ тюрьму за дезертирство. Отъ этихъ-то бѣглыхъ онъ узналъ нѣсколько сплетенъ которыя и передалъ вчера намъ, убѣжавъ ночью изъ тюрьмы. Разказывалъ онъ что вѣсть о взятіи Горняго Дубника и Телиша произвела сильное впечатлѣніе между Турками, въ особенности извѣстіе о взятіи въ плѣнъ двухъ пашей и такого количества войска. Эта вѣсть будто бы заставила жителей Орханіе бѣжать въ Софію, а Шефкетъ-пашу отступившаго изъ Радомирцевъ нарыть новыя укрѣпленія у Орханіе и Этрополя. Шефкетъ-паша впрочемъ не оставался долго начальникомъ послѣ своего отступленія въ горы. Прибылъ изъ Константинополя зять султана Кассимъ-паша, и осмотрѣвъ позиціи увезъ съ собою Шефкета въ Константинополь, а въ Орханіе назначилъ командующимъ Шекиръ-пашу. Въ Орханіе пронесся было слухъ что Гафузъ-паша двинулся изъ Ниша съ 8-ю баталіонами къ Софіи, но что, будто бы, узнавъ о томъ что Сербія подняла голову, поспѣшно вернулся обратно въ Нишъ. Лазутчикъ передавалъ еще что сотоварищи его по заключенію разказывали ему о страхѣ, съ которымъ якобы турецкія войска въ горахъ ожидаютъ со дня на день прихода генерала Гурко или Гяурко-паши, какъ они называютъ нашего генерала. «Гурко—хитрецъ, говорятъ они, его ожидаешь отсюда, а онъ обойдетъ тебя сзади.» О количествѣ войскъ въ горахъ лазутчикъ передавалъ тѣ же слухи что и бѣглые Болгары, т.-е. что всего на все у Турокъ имѣется для защиты горныхъ проходовъ таборовъ около двадцати пяти.

С. Яблоницы,
8 ноября 1877 года.

Дѣло у с. Правцы.

Генералъ Гурко двинулъ 10 ноября ввѣренныя ему войска въ наступленіе на Балканы въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лейбъ-гвардіи Московскому полку и 2-му и 3-му гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ (итого шесть баталіоновъ пѣхоты при восьми пѣшихъ орудіяхъ), тремъ сотнямъ Кавказской казачьей бригады (при шести конныхъ орудіяхъ), подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-майора Эллиса 1-го,—выступить въ 9 часовъ утра и слѣдуя по шоссе атаковать непріятельскую позицію въ окрестности деревни Правцы.

Лейбъ-гвардіи Семеновскому полку, 1-му и 4-му гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, двумъ взводамъ 6-й Донской гвардейской казачьей батареи, взводу конно-горной батареи, взводу 8-й казачьей батареи, одному эскадрону лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка и тремъ сотнямъ Кавказской казачьей бригады, подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Рауха,—выступить изъ деревни Ведраръ и слѣдовать чрезъ селенія Калугерово и Лакавицу для атаки турецкой позиціи у дер. Правцы съ лѣваго ея фланга, а если можно то и съ тыла (итого у Рауха шесть баталіоновъ пѣхоты, четыре эскадрона, восемь конныхъ орудій, съ придачей роты гвардейскаго сапернаго баталіона).

Тремъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка; двумъ баталіонамъ Псковскаго полка, двумъ эскадронамъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка (всего

пять баталіоновъ пѣхоты при восьми пѣшихъ орудіяхъ и два эскадрона)—оставаться въ резервѣ на укрѣпленной позиціи на Маломъ Искерѣ позади деревни Усиковицы.

Великолуцкому пѣхотному полку, лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, лейбъ-гвардіи Гренадерскому, одному баталіону Псковскаго полка (всего двѣнадцать баталіоновъ, тридцать восемь орудій) и десяти эскадронамъ кавалеріи, подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Дандевиля,—произвести демонстрацію на позиціи Турокъ близъ Этрополя, а въ случаѣ колебанія замѣченнаго въ непріятельскихъ войскахъ, перейти въ болѣе рѣшительное наступленіе и овладѣть Этрополемъ.

Двумъ полкамъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, при восьми конныхъ орудіяхъ (итого восемь эскадроновъ, восемь конныхъ орудій),—произвести демонстрацію на Орханіе, завязавъ въ окрестностяхъ Орханіе артиллерійскій бой съ непріятелемъ.

Такова въ общихъ чертахъ диспозиція объявленная 9 ноября по войскамъ находящимся въ распоряженіи генерала Гурко.

Приходилось первымъ дѣломъ завладѣть турецкими позиціями у деревни Правецъ, лежащей на узлѣ двухъ дорогъ въ Софію (идущихъ на Этрополь и на Орханіе). У Правца Турки заняли длинный горный кряжъ, по высотѣ своей господствующій надъ ближайшими къ нему съ нашей стороны высотами,—кряжъ, коего хребетъ представляется глазамъ въ видѣ девяти вершинъ разнообразныхъ по своимъ формамъ: остроконечныхъ, куполовидныхъ, подковообразныхъ, мѣстами голыхъ, мѣстами покрытыхъ густымъ дубовымъ лѣсомъ, иногда мелкимъ кустарникомъ. На высочайшихъ точкахъ этихъ вершинъ и на крутыхъ склонахъ Турки расположились въ своемъ боевомъ и до-

машнемъ порядкѣ: тутъ на одномъ изъ склоновъ въ лѣсочкѣ виднѣлся ихъ лагерь съ рядами бѣлыхъ палатокъ, на другомъ десятки словно ступенями идущихъ сверху внизъ ложементовъ; на самой высокой вершинѣ, голой и вмѣстѣ крайней къ шоссе огибающему кряжъ у его подошвы, виденъ редутъ съ двумя горными орудіями, а внизъ отъ редута—новые ряды ровиковъ и ложементовъ. Турокъ числомъ тутъ не много, всего три, четыре баталіона, разбросанныхъ по всему пространству кряжа, по всѣмъ его девяти вершинамъ, но сосредоточенныхъ главнымъ образомъ на двухъ крайнихъ высотахъ кряжа. За то вся позиція Турокъ неприступна съ нашей стороны, то-есть со стороны деревни Усиковицы, откуда двигаются въ атаку Московскій полкъ съ двумя баталіонами стрѣлковъ. Подошва турецкой горы состоитъ изъ каменныхъ глыбъ, на которыя влѣзать можно развѣ только цѣпляясь за кусты и безъ ружья въ рукахъ; весь кряжъ представляетъ покатую кручу по которой нечего и думать вести атаку снизу на верхъ; сидящій на верху въ ложементѣ турецкій солдатъ со скорострѣльнымъ ружьемъ можетъ спокойно защищаться противъ десятерыхъ лѣзущихъ на него снизу. Единственный способъ взять непріятеля въ подобной позиціи—это громить его ложементы артиллеріей съ другихъ ближайшихъ кряжей, а пѣхотой обойти его въ тылъ, перерѣзавъ ему всякое сообщеніе съ его главнымъ базисомъ Орханіе. Эта послѣдняя задача была возложена на отрядъ генерала Рауха, который долженъ горными тропинками незамѣтно для непріятеля пробраться съ артиллеріей и пѣхотой въ обходъ турецкой позиціи и появиться съ другой стороны непріятельскаго кряжа, именно со стороны обращенной фасомъ къ долинѣ рѣчки Правца и къ Орханіе. Съ той стороны подъемы

на турецкую гору не такъ круты и недоступны; и на нихъ существуетъ дорога проложенная Турками отъ Орханіе къ вершинамъ упомянутаго кряжа. Тамъ же, на шоссе ведущемъ по долинѣ къ Орханіе, долженъ стать одинъ изъ ввѣренныхъ начальствованію генерала Рауха баталіоновъ стрѣлковъ, для воспрепятствованія Туркамъ выслать изъ Орханіе войска на помощь къ своимъ и, пока у самаго Орханіе 8 эскадроновъ кавалеріи будутъ развлекать вниманіе непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, самъ генералъ Раухъ поведетъ Семеновскій полкъ и другой изъ ввѣренныхъ ему баталіоновъ стрѣлковъ въ атаку на непріятельскую гору; съ нашей же стороны по эту сторону кряжа будетъ стоять Московскій полкъ съ двумя баталіонами стрѣлковъ, и едва генералъ Раухъ благополучно совершитъ обходное движеніе, появится на непріятельскихъ вершинахъ и займетъ тамъ позицію, будутъ вызваны изъ Измайловскаго полка охотники чтобы ночью, или подъ кровомъ вечерняго тумана, всползти по каменнымъ глыбамъ до турецкихъ ложементовъ и штыками очистить отъ непріятеля остальные склоны и вершины кряжа: Турки принуждены будутъ тогда сдаться или бѣжать. Самая трудная и серіозная часть всего предпріятія поручена генералу Рауху, и весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ того—проберется ли его отрядъ по незнакомымъ тропинкамъ съ орудіями чрезъ горы въ долину р. Правца? Генералъ Раухъ выступилъ изъ селенія Яблоницы въ 2 часа пополудни, 9 ноября, предполагая къ полудню 10 ноября появиться въ назначенномъ мѣстѣ; ему приходилось, по словамъ Болгаръ, пройти всего 40 верстъ горнаго пути, но такого пути что эти сорокъ верстъ генералъ Раухъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ сдѣлалъ въ теченіе двухъ слишкомъ сутокъ и появился въ тылу у непріятеля толь-

ко 11 ноября, въ 6 часу вечера. Но съ его появленіемъ на одной изъ вершинъ непріятельскаго кряжа дѣло у Правца было окончено; въ ночь Турки бросили свои позиціи и бѣжали по лѣснымъ тропинкамъ, спасаясь въ одиночку и небольшими партіями въ Орханіе. Все предпріятіе было блистательно исполнено, съ ничтожными потерями съ нашей стороны,—70 человѣкъ выбывшихъ изъ строя за оба дня битвы. Мы только-что вернулись сейчасъ съ поля сраженія, проведя ночь на позиціяхъ въ ожиданіи окончательнаго исхода дѣла выяснившагося только сегодня поутру. На завтра предположена генераломъ Гурко атака Этрополя, и я спѣшу воспользоваться немногими минутами чтобъ описать битву 10 и 11 ноября у Правца въ самыхъ общихъ чертахъ, оставляя подробности какъ обходнаго движенія генерала Рауха, такъ и самой атаки турецкихъ позицій, до болѣе свободнаго времени. Притомъ, поле военной операціи третьяго дня и вчера было до того растянуто что мнѣ приходится пока ограничиться описаніемъ только небольшой сферы дѣйствія лично мною видѣнной.

Первое столкновеніе съ непріятелемъ 10 ноября произошло со стороны двухъ сотенъ казаковъ Владикавказской казачьей бригады, наткнувшейся на турецкіе аванпосты и пикеты вблизи дер. Осиково, далеко не доѣзжая до главной позиціи Турокъ. Завидя колонны Московскаго полка приближавшіяся по шоссе, Турки бросили перестрѣлку съ казаками и отступили съ горы, которую занимали въ количествѣ двухъ приблизительно ротъ, на слѣдующую гору ближайшую къ ихъ главной позиціи. Къ вечеру этого дня, при содѣйствіи Московскаго полка, были втащены на высоты нѣсколько горныхъ орудій, огонь которыхъ заставилъ Турокъ покинуть всѣ окрестныя горы

и удалиться на свой главный кряжъ, въ его редуты и ложементы! Ночь съ 10-го на 11-е была вся посвящена на то чтобы поднять на ближайшія къ непріятельскому кряжу вершины горъ какъ горныя орудія, такъ и 9 фунтовыя, что̀ требовало огромнаго труда, такъ какъ подъемъ этихъ орудій совершался не лошадьми, а на рукахъ солдатъ. Отсутствіе всякихъ дорогъ, лѣсистыя крутизны и камни дѣлали невозможнымъ употребленіе лошадей. Но благодаря настойчивости и упорной энергіи солдатъ, работавшихъ всю ночь надъ втягиваніемъ на веревкахъ и просто на рукахъ тяжеловѣсныхъ орудій, къ разсвѣту 11-го шестнадцать пушекъ глядѣли на непріятеля съ различныхъ вершинъ, и къ 10 часамъ утра, когда туманъ разсѣялся, былъ открытъ съ нашей стороны правильный артиллерійскій огонь. Горы огласились звуками орудійныхъ выстрѣловъ, одиночныхъ и залповъ, а эхо утроивало и учетверяло каждый звукъ въ горахъ. Цѣлый день продолжалась не умолкавшая ни на минуту канонада, наши батареи посылали залпы изъ шрапнелей въ турецкіе ложементы и на вершины непріятельскаго кряжа. Всѣхъ батарей успѣвшихъ взобраться на горныя вершины было съ нашей стороны четыре: изъ нихъ одна 9 фунтовая, а остальныя—четырехфунтовыя. Турки слабо отвѣчали изъ своихъ двухъ горныхъ орудій и направляли снаряды не столько на наши батареи сколько въ Московскій полкъ и въ стрѣлковъ лежавшихъ за прикрытіями въ лѣсу холмовъ расположенныхъ у подошвы турецкой позиціи. Изрѣдка разгоралась ружейная перестрѣлка, но длилась по нѣскольку минутъ. Съ нашей стороны всѣ были преисполнены одной мысли: гдѣ генералъ Раухъ, близко ли, и скоро ли появится въ тылу у Турокъ? Въ 6 часу вечера, когда первыя полосы вечерняго тумана протянулись между верши-

нами горъ, на верху турецкаго кряжа внезапно раздалась сильная ружейная пальба. Въ этомъ именно часу показались на одной изъ вершинъ непріятельскаго кряжа первые стрѣлки баталіона Его Величества и за ними первыя колонны Семеновскаго полка. Мнѣ пришлось наблюдать эту минуту съ одной изъ нашихъ четырехфунтовыхъ батарей, расположенной на одномъ уровнѣ высоты съ непріятельскою позиціей. Отсюда въ бинокль можно было различить какъ на средней подковообразной вершинѣ турецкаго кряжа, на одномъ изъ ея концовъ, появились сначала двое стрѣлковъ, дали по одному выстрѣлу по ложементамъ Турокъ расположеннымъ на другомъ концѣ подковы и быстро скрылись; затѣмъ появилось сразу человѣкъ десять, дали еще нѣсколько выстрѣловъ и снова скрылись. Турки, не покидая своихъ ложементовъ, открыли частую пальбу въ направленіи появлявшихся стрѣлковъ. Но минутъ черезъ десять, вмѣсто десяти человѣкъ стрѣлковъ выскочила на вершину цѣлая толпа и съ крикомъ *ура!* кинулась на турецкіе ложементы. Турки бросились бѣжать, спасаясь на ближайшую конусообразную и покрытую лѣсомъ вершину кряжа; стрѣлки и Семеновцы, стрѣляя, бѣжали за ними и заняли слѣдующую позицію Турокъ. До наступленія темноты отрядъ генерала Рауха успѣлъ вообще занять три высоты на непріятельской горѣ. Артиллерія въ продолженіе этой атаки усилила огонь и поражала Турокъ частыми непрерывными залпами; но сгустившіяся облака и туманъ заволокли вскорѣ гору непроглядною волной, остались видны однѣ лишь остроконечныя пики и на нихъ, надъ облаками, продолжалась еще часа два ружейная перестрѣлка. Часамъ къ 8 вечера стало совсѣмъ темно, взошла луна и освѣтила цѣлое море бѣлыхъ облаковъ, придавъ имъ синеватый от-

ливъ; тамъ и сямъ торчали черными островками на этомъ бѣломъ морѣ высочайшія изъ окрестныхъ горныхъ вершинъ. Виднѣлся маленькою точкой и конусъ занятый уже Семеновцами; тамъ засвѣтились костры нашихъ солдатъ. «Наши-то!» говорили около меня солдатики на батареѣ: «ишь вѣдь куда забрались? выше облака ходячаго!» Турки, между тѣмъ, оттѣсненные отрядомъ генерала Рауха, частью бѣжали, частью засѣли въ ложементахъ на крайней вершинѣ и по ея склону.

Ночью, часовъ около двухъ, крикъ *ура!* заставилъ меня подняться съ лафета на которомъ не спалось, а тихо дремалось въ ночной сырости, и устремить весь свой слухъ и зрѣніе въ волны тумана въ направленіи непріятельскихъ ложементовъ. Оказалось что 200 человѣкъ охотниковъ Измайловскаго полка, пользуясь сгустившимися облаками, поползли по неприступной кручѣ вверхъ къ ровикамъ еще занятымъ Турками. Ползли они въ такой тишинѣ что турецкій часовой въ 10 шагахъ отъ нихъ не слыхалъ ихъ приближенія; они такъ бы и доползли до самыхъ ровиковъ еслибы собака, захваченная ими съ собой «на счастье», не скинула со своей морды платка которымъ ее повязали и не залаяла на турецкаго часоваго. Часовой вскрикнулъ и бросился назадъ къ своимъ, всполошивъ весь лагерь. Турки какъ ошалѣлые кинулись бѣжать въ разныя стороны, натыкаясь на русскіе штыки. Бо́льшая часть Турокъ успѣли спастись въ туманѣ; человѣкъ около 40 ихъ были приколоты нашими охотниками. Съ батареи, гдѣ я стоялъ, я слышалъ доносившіеся въ ночной тишинѣ крики «аллахъ! аллахъ!» нѣсколько крупныхъ ругательствъ на русскомъ языкѣ и явственное: «брось! не коли! самъ околѣетъ!» снова крикъ *ура!* чьи-то стоны... На батареѣ привставшіе солдаты вторили во-

кругъ меня крику *ура* Измайловцевъ. «Забираютъ Турка! Шабашъ ему пришелъ,» говорилъ одинъ изъ нихъ. Черезъ полчаса все вновь смолкло на непріятельской горѣ. Весь кряжъ былъ въ нашихъ рукахъ. «Звѣзды, звѣзды-то!» повторяли укладывавшіеся у костровъ на батареѣ солдаты, завертываясь въ шинели и глядя на ясное небо: «чистое море эти облака внизу! И чудеса же эти самые Балканы.»

Сію минуту получено генераломъ Гурко отъ генералъ-майора Дандевиля донесеніе что Турки бѣжали изъ Этрополя, и городъ занятъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ. Теперь 12 часовъ ночи, и еще неизвѣстно какое новое распоряженіе послѣдуетъ на завтра отъ генерала: атака ли Орханіе, или обходное движеніе черезъ Этрополь въ тылъ турецкимъ позиціямъ въ Орханіе.

С. Осиково,
25 ноября 1877 года.

Занятіе Этрополя.

Извѣстіе о занятіи Этрополя нашими войсками пришло въ селеніе Осиково вечеромъ 12 ноября, когда генералъ Гурко только что воротился съ поля сраженія у Правицы и вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Нагловскимъ составлялъ диспозицію объ атакѣ Этрополя на утро 13 ноября. Вмѣсто предполагаемаго боя, генералъ Гурко вошелъ въ Этрополь 13 утромъ побѣдителемъ. Дѣло у Этрополя началось одновременно съ наступленіемъ на турецкія укрѣпленія у Правицы, согласно диспозиціи выданной войскамъ на 10 ноября, по которой одна колонна изъ Осикова направлялась по шоссе на Правицу, другая у Осикова сворачивала влѣво и шла

на Этрополь. Первую колонну составлялъ Московскій полкъ (вмѣстѣ съ обходною колонной генерала Рауха), вторая подъ общимъ командованіемъ генерала Дандевиля состояла изъ слѣдующихъ частей: Великолуцкаго пѣхотнаго полка (3 бат.) при 8 пѣшихъ орудіяхъ и трехъ сотенъ казаковъ Кавказской казачьей бригады, л.-гв. Преображенскаго полка (4 батал.) при 4 пѣшихъ и 2 конныхъ орудіяхъ, трехъ сотенъ Кавказской казачьей бригады подъ общимъ начальствомъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго, л.-гв. Гренадерскаго полка, одного баталіона Псковскаго полка (5 бат.) при 12 пѣшихъ орудіяхъ, Екатеринославскаго драгунскаго полка (4 эскадрона), 16-й конной и 19-й казачьей батареи (12 конныхъ орудій) подъ общимъ начальствомъ командира Гренадерскаго полка полковника Любовицкаго. Этой послѣдней колоннѣ предписано было составить частный резервъ для двухъ первыхъ колоннъ.

10 ноября сформированный такимъ образомъ отрядъ генерала Дандевиля свернулъ поутру влѣво съ Софійскаго шоссе не доходя селенія Осиково и направился къ дорогѣ ведущей въ Этрополь. Въ селеніи Ханъ-Бруссенъ генералъ Дандевиль занялъ оборонительную позицію. Селеніе это лежитъ на узлѣ двухъ дорогъ, одной прямой въ Этрополь, проходящей по ущелью малаго Искера, другой идущей на Липенъ. Очевидно, главною заботой Турокъ было охраненіе хорошей и прямой дороги на Этрополь по ущелью Малаго Искера. Тутъ на горахъ, острыми гребнями сбѣгающихъ къ Искеру, по обѣимъ его сторонамъ, Турки возвели редуты и ложементы, обстрѣливая изъ нихъ ущелье перекрестнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Второю заботой Турокъ была защита самаго Этрополя

и пути отступленія изъ него черезъ перевалъ Балканъ на мѣстечко Араба-Конакъ на Софійскомъ шоссе. Здѣсь непріятель занималъ высокую гору, расположенную позади Этрополя и названную по имени монастыря построеннаго на ней, горой Св. Троицы. Кромѣ того, на Этропольской равнинѣ у самаго города замѣчался у Турокъ сильно укрѣпленный лагерь. Въ виду этихъ двухъ ключей турецкой позиціи, ущелья Малаго Искера и горы Св. Троицы, невозможныхъ для атаки съ фронта, было предпринято генераломъ Дандевилемъ и Принцемъ Ольденбургскимъ двоякое обходное движеніе: одно—тремя баталіонами лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка вправо отъ ущелья по окрестнымъ горамъ, другое—Великолуцкимъ полкомъ—влѣво, по дорогѣ ведущей на Липенъ; третья колонна, именно одинъ баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка, подъ начальствомъ Авинова, занимала самое ущелье Малаго Искера, обстрѣливая изъ 9 фунтовыхъ орудій снизу вверхъ непріятельскіе редуты. Не бывъ очевидцемъ дѣла у Этрополя, я принужденъ ограничиться описаніемъ его въ самыхъ общихъ чертахъ и по разказамъ другихъ. Вся задача этого дѣла сводилась къ обходу въ тылъ турецкихъ позицій для того чтобъ отрѣзать Туркамъ путь отступленія изъ Этрополя и на Араба-Конакъ въ то время какъ у Правицы происходила атака Турокъ Московскимъ полкомъ и отрядомъ генерала Рауха, а въ Орханіе—демонстрація 6-ю эскадронами кавалеріи. Вся задача дѣла у Этрополя сводилась слѣдовательно къ тяжелому маневру по горамъ, къ движенію по лѣснымъ и скалистымъ тропинкамъ съ пѣхотой и артиллеріей. Въ этомъ обходномъ движеніи л.-гв. Преображенскій полкъ, составляя правый флангъ, успѣлъ уже съ 10 на 11 ночью завладѣть (что называется по дорогѣ) одною изъ турецкихъ

позицій обстрѣливавшихъ ущелье Малаго Искера. Позиція эта состояла изъ редута возведеннаго на самой вершинѣ крутой и обрывистой со всѣхъ сторонъ горы, суживающейся къ верху и переходящей на самомъ верху въ конусообразный пикъ, по формѣ своей напоминающій голову сахара. На вершинѣ этого конуса находился турецкій редутъ, и Преображенцы, замѣтивъ двухъ орловъ летавшихъ цѣлый день 10 ноября надъ турецкимъ редутомъ, прозвали его орлинымъ гнѣздомъ. 10 ноября, къ вечеру, Преображенцы были уже въ тылу этой горы, обращенной фасомъ къ ущелью Искера, а ночью были вызваны изъ Преображенцевъ 120 человѣкъ охотниковъ чтобы взлѣзть на орлиное гнѣздо подъ покровомъ облаковъ и темноты и завладѣть редутомъ. Съ охотниками-солдатами пошли въ рискованное предпріятіе три офицера: командиръ роты Его Величества, штабсъ-капитанъ Рейтернъ и поручики князь Кропоткинъ и Ладыженскій. Успѣху дѣла помогло то обстоятельство что на вершинѣ конуса, гдѣ стоялъ редутъ, дулъ до того рѣзкій и холодный ночной вѣтеръ что Турки принуждены были отъ холода выходить на ночь изъ редута, оставляя въ немъ одного лишь часоваго и располагались ночью по склону горы обращенной къ ущелью, гдѣ и спали у костровъ въ ложементахъ вырытыхъ для обстрѣливанія Малаго Искера. Съ противоположной стороны горы Турки не ждали нападенія и потому ни солдатъ, ни часоваго у нихъ тамъ не было. Между тѣмъ, именно съ этой противоположной къ ихъ ночному биваку стороны горы поползли вверхъ охотники-Преображенцы, цѣпляясь за камни и деревья и соблюдая самую строгую тишину. Не доходя саженъ 50 отъ редута, они были замѣчены турецкимъ часовымъ, поднявшимъ громкій крикъ призывавшій Турокъ къ самоза-

щитѣ. Разбуженные крикомъ часоваго, турецкіе солдаты бросились бѣгомъ отъ своихъ костровъ къ редуту, но Преображенцы не дремали тоже; они, напрягая всѣ силы, бѣжали со своей стороны чтобы прибѣжать раньше Турокъ и занять редутъ подъ ихъ носомъ. Человѣкъ 15 Преображенцевъ успѣли на самомъ дѣлѣ ворваться въ редутъ раньше Турокъ и открыть по бѣгущему имъ на встрѣчу непріятелю ружейный огонь. Туркамъ оставалось только быстрѣе повернуть назадъ, что́ они и поспѣшили сдѣлать, соскакивая въ своемъ обратномъ бѣгствѣ съ крутыхъ камней, срываясь въ темнотѣ съ обрывовъ и испуская крики: «алла! алла!»

Преображенцы до того запыхались въ своемъ бѣгствѣ на перегонки съ непріятелемъ къ редуту что занявъ редутъ долгое время не могли даже дать сигнала о занятіи ими непріятельской позиціи; по крайней мѣрѣ горнистъ прибѣжавшій въ числѣ первыхъ 15 человѣкъ въ редутъ тщетно подносилъ рожокъ къ своимъ губамъ издавая одни лишь безсмысленные звуки и не владѣя дыханіемъ.

Занятіе орлинаго гнѣзда обстрѣливавшаго ущелье Искера дало возможность баталіону Авинова подвинуться впередъ по ущелью и открыть огонь изъ орудій по слѣдующей горной позиціи Турокъ господствовавшей надъ ущельемъ, а съ нимъ и надъ дорогой въ Этрополь. Въ ночь съ 11-го на 12-е вызвались вновь охотники, на этотъ разъ изъ баталіона Авинова, занять ложементы непріятеля на слѣдующей горѣ по Искеру. Съ этими охотниками пошли два офицера Пищевичъ и Паппенгутъ. Но Турки наученные опытомъ предыдущей ночи охраняли зорко свои позиціи, и попытка овладѣть горой окончилась занятіемъ охотниками лишь нѣсколькихъ близкихъ къ подошвѣ турецкихъ ложементовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 12-го

утромъ, было получено извѣстіе о завладѣніи нами Правицей и слѣдовательно объ отрѣзаніи для Турокъ пути отступленія изъ Этрополя на Правицу, потому и главное вниманіе у Этрополя направилось съ утра 12-го на нашъ лѣвый флангъ, то-есть на сторону Великолуцкаго и лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полковъ, которые совершали обходное движеніе на Липенъ къ дорогѣ изъ Этрополя въ Араба-Конакъ. Тутъ ключъ турецкой позиціи составляла гора Св. Троицы, господствовавшая надъ Этрополемъ и надъ дорогой черезъ перевалъ Балканъ на мѣстечко Араба-Конакъ. Опускаю подробности мелкихъ стычекъ бывшихъ между казаками и Турками въ горахъ, на лѣвомъ нашемъ флангѣ; главное вниманіе было сосредоточено на гору Св. Троицы, какъ на ея обходъ, такъ и на бомбардировку турецкихъ позицій на самой горѣ. При этомъ надо замѣтить что позади горы Св. Троицы проходитъ горный кряжъ, обозначенный на австрійской картѣ названіемъ Pades; кряжъ этотъ господствуетъ надъ горой Св. Троицы, но по своей дикости и неприступности не былъ занятъ Турками, полагавшими что сама природа достаточно защищаетъ этотъ кряжъ. Между тѣмъ туда, на этотъ кряжъ направились усилія Великолуцкаго полка и части лейбъ-гвардіи Гренадерскаго. Тутъ первымъ дѣломъ слѣдовало втащить на одну изъ вершинъ Pades'а четырехфунтовыя орудія чтобъ обстрѣливать ими гору Св. Троицы и равнину Этрополя. Ни дорогъ, ни сколько-нибудь сносныхъ тропинокъ для подъема на вершину не было вовсе, а лошади не могли служить по обрывистымъ крутизнамъ. На выручку явился нѣкій Болгаринъ, начальникъ болгарской четы, Георгій Антоновъ, который предложилъ свои услуги для подъема орудій на гору. Четыре орудія были сняты съ лафетовъ, положены на двухколесныя арбы и при по-

мощи буйволовъ двинуты вверхъ; при этомъ оказалось вскорѣ что ни буйволы, ни экипажъ не могли подниматься по крутому склону и потребовалась помощь людей и веревокъ. Снаряды доставлялись верховыми казаками въ башлыкахъ. Болгары помогали дѣятельно нашимъ солдатамъ тащить орудія, и 12 ноября былъ съ Pades'а открытъ артиллерійскій огонь по горѣ Св. Троицы. Турки едва завидѣли наши орудія на господствующей высотѣ и наши баталіоны шедшіе въ атаку и обходъ горы Св. Троицы съ неимовѣрною быстротой очистили всѣ горы которыя еще держали въ своихъ рукахъ по Искеру, зажгли свой лагерь у Этрополя и бросились бѣжать по направленію къ Араба-Конаку, изъ боязни быть окончательно отрѣзанными. Екатеринославскій драгунскій полкъ, находившійся въ то время въ селеніи Ханъ-Бруссенъ, былъ отправленъ для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля и застигнувъ его недалеко отъ переваловъ захватилъ у бѣжавшихъ 3 орудія, около 300 повозокъ и изрубилъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Кромѣ трехъ орудій отбитыхъ драгунами, еще два турецкія орудія были подбиты и испорчены 12-го числа дѣйствіемъ нашей артиллеріи, но Турки успѣли ихъ увезти съ собой. Число Турокъ оборонявшихъ Этрополь простиралось, по показанію Болгаръ и захваченнаго въ плѣнъ доктора Англичанина, до 7 баталіоновъ, изъ которыхъ всего одинъ баталіонъ принадлежалъ къ низаму, остальные состояли изъ мустахфиза. Эти 7 баталіоновъ были разбросаны по высотамъ горъ вдоль ущелья Искера, на горѣ Св. Троицы и у самаго города; слѣдовательно на каждой позиціи Турки находились въ маломъ числѣ, хотя и были защищены угрюмою и дикою природой Балканъ. Существуетъ между прочимъ мнѣніе у военныхъ что выгоды въ горной войнѣ лежатъ

всегда на сторонѣ наступающаго, а не обороняющагося, потому, вопервыхъ, что горы всегда обходимы и, вовторыхъ, что атакующій въ горахъ солдатъ легче можетъ найти себѣ прикрытія за камнями и гребнями чѣмъ на равнинѣ.

Противъ этого мнѣнія возражаютъ что обходящій по горамъ легко можетъ быть обойденъ самъ если имѣетъ энергическаго противника, и что атака горныхъ вершинъ, сопряженная съ меньшими потерями чѣмъ атака на равнинѣ, сопровождается такимъ утомленіемъ взбирающихся на крутизны солдатъ что въ рукопашномъ бою преимущество останется за непріятелемъ сидѣвшимъ спокойно въ своемъ ложементѣ и физически не утомленнымъ. Какъ бы то ни было, но сію минуту мы обходили Турокъ не бывъ ими обойдены ни разу и выбивали ихъ охотниками изъ ложементовъ съ успѣхомъ и при незначительныхъ потеряхъ съ нашей стороны.

Въ результатѣ, завладѣніемъ Правицы мы стали лицомъ къ лицу съ Орханіе, которое съ очищеніемъ Турками Этрополя теряетъ свое значеніе. Съ паденіемъ Этрополя русскія войска приблизились къ переваламъ черезъ Балканы. На перевалъ Златицкій проходитъ вьючная тропа не разработанная вовсе для колесныхъ экипажей и потому непроходимая для артиллеріи. Златицкій перевалъ охраняется Турками посредствомъ небольшаго редута и небольшимъ количествомъ войска. Кромѣ Златицкаго перевала есть другая дорога изъ Этрополя черезъ перевалы Балканъ, дорога не помѣченная на картѣ Австр. генер. штаба, но хорошо разработанная Турками и говорятъ сильно защищенная ими въ послѣднее время для военныхъ цѣлей. Дорога эта проходитъ на села Буново и Мирково. Эта дорога лучшая и наиболѣе проходимая для

артиллеріи. Третья дорога черезъ перевалы ведетъ изъ Этрополя въ Араба-Конакъ...

Вѣсть о занятіи Этрополя достигла селенія Осиково вечеромъ, 12 ноября, и генералъ Гурко поспѣшилъ на слѣдующее же утро перенести квартиру отряда изъ Осиково въ Этрополь.

Съ разсвѣтомъ мы двинулись за генераломъ по ущелью Малаго Искера, между двухъ рядовъ высоко поднявшихся горъ, вершины которыхъ исчезали въ бѣловатомъ туманѣ. По ущелью глухо ревѣлъ, прорываясь съ бѣлою пѣной между камней, горный потокъ, по берегу котораго и шла торная дорога на Этрополь. Къ 9-ти часамъ утра туманъ сталъ разсѣиваться, и по сторонамъ дороги очертились вполнѣ высокія горы съ конусообразными вершинами. То были кряжи, перпендикулярно языками стоявшіе къ Искеру; кряжей этихъ было много—цѣлые ряды вдоль ущелья, съ турецкими редутами на вершинахъ, а по склонамъ обрамленные продолговатыми ложементами. Справа поднимался пикъ «орлиное гнѣздо» такъ высоко что больно было откидывать голову и долго смотрѣть на него. Слѣва шли кряжи, обойденные Великолуцкимъ и Гренадерскимъ полками.

У входа въ Этрополь генералъ Гурко былъ встрѣченъ Болгарами, вышедшими къ нему на встрѣчу съ хоругвями, крестомъ и хлѣбомъ-солью. Поздоровавшись съ ними, Гурко проѣхалъ прямо въ церковь Св. Михаила, чтобъ отслужить тамъ благодарственный молебенъ за дарованіе побѣды надъ врагомъ.

Небольшая, но чисто и хорошо отдѣланная церковь наполнилась вся свитой генерала и толпой Болгаръ; иконостасъ церкви былъ изукрашенъ красивою рѣзьбой по дереву, образа на иконостасѣ блестѣли еще свѣжими кра-

сками; на всемъ лежала печать заботливости и чествованія храма Божія. Генералъ приложился къ образамъ и сталъ въ ожиданіи появленія священника. Но священника не было. На вопросъ Гурко гдѣ же священнослужитель, оказалось что Турки, уходя вчера изъ города, увели съ собою силой всѣхъ болгарскихъ священниковъ, числомъ четырехъ, увели 15 лучшихъ и богатѣйшихъ гражданъ и нѣсколькихъ изъ наиболѣе красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Болгары стояли въ церкви понуривъ головы и печально посматривая на иконостасъ, иные усиленно крестились. Генералъ Гурко велѣлъ передать имъ черезъ своего переводчика Хранова что Русскій Царь избавилъ ихъ нынѣ отъ притѣснителей вѣры и враговъ и что завтра русскій священникъ отслужитъ имъ здѣсь божественную литургію. Болгары одобрительнымъ шопотомъ отвѣчали на это; но видъ ихъ былъ до того жалокъ и эта церковь лишенная священника, словно тѣло безъ души, производила на всѣхъ такое грустное впечатлѣніе что у многихъ навернулись слезы. Гурко былъ видимо взволнованъ и усиливаясь не выказать волненія обратился къ Болгарамъ со словами: «Молитесь Богу о дарованіи побѣдъ русскому оружію!»

— Никто какъ Богъ! прибавилъ онъ какъ-то торжественно въ утѣшеніе Болгарамъ и быстрыми шагами вышелъ изъ церкви.

Сегодня была отслужена въ церкви Св. Михаила божественная литургія съ хоромъ пѣвчихъ-солдатъ и въ присутствіи начальниковъ частей генерала Гурко, графа Шувалова, Принца Ольденбургскаго, генераловъ Рауха, Дандевиля и другихъ. Литургія заключилась благодарственнымъ молебномъ и молитвой *Тебѣ Бога хвалимъ!*

P. S. Одинъ изъ уведенныхъ изъ Этрополя Турками

священниковъ воротился сегодня изъ плѣна, успѣвъ спастись отъ Турокъ бѣгствомъ. Священникъ этотъ показываетъ что едва русскія войска стали приближаться къ Балканамъ, завладѣвъ Врацей, Осиковымъ и производя демонстраціи въ горахъ, мирное турецкое населеніе Этрополя обратилось въ безпорядочное бѣгство въ направленіи къ Софіи. При этомъ губернаторъ Этрополя, Назифъ-эфенди, призвавъ къ себѣ лучшихъ Болгаръ гражданъ города, уговаривалъ ихъ бѣжать вмѣстѣ съ турецкимъ населеніемъ и побудить къ бѣгству всѣхъ остальныхъ Болгаръ жителей Этрополя; губернаторъ обѣщалъ даже озаботиться доставкой телѣгъ для облегченія бѣгства Болгарамъ. Цѣлью подобнаго подстрекательства Болгаръ было желаніе губернатора и военныхъ властей показать Русскимъ несочувствіе Болгаръ къ Россіи и ихъ преданность Туркамъ. Назифъ-эфенди клялся Болгарамъ что едва Русскіе вступятъ въ Этрополь, они перерѣжутъ и переколютъ всѣхъ Болгаръ. Но когда Болгары объявили Туркамъ наотрѣзъ что никуда не пойдутъ отъ своихъ домовъ и своихъ церквей, то Назифъ-эфенди назвалъ ихъ друзьями Русскихъ, шпіонами и слѣдовательно открытыми врагами Турокъ, онъ приказалъ схватить 15 лучшихъ гражданъ, всѣхъ священниковъ, дѣвушекъ и женщинъ изъ болѣе богатыхъ болгарскихъ семействъ въ качествѣ заложниковъ, говоря: «посмотрю я теперь какъ вы не пойдете за своими вожаками? А если не пойдете, то я прикажу дорогой переколоть всѣхъ заложниковъ. Схваченныхъ такимъ образомъ Болгаръ привели въ Орханіе, гдѣ священниковъ помѣстили всѣхъ четырехъ вмѣстѣ: съ остальными же плѣнными разказчику неизвѣстно какъ поступили. Въ Орханіе въ особенности сильно безчинствовали Черкесы; они грабили болгарскіе дома, рѣзали женщинъ, дѣтей, поджигали болгарскіе кварталы города, по

ощряемые Шефкетъ-пашой, присутствовавшимъ лично при этихъ безчинствахъ. Поведеніе Черкесовъ было до того возмутительно что даже другіе паши стали уговаривать Шефкетъ-пашу обуздать свою дикую кавалерію, но Шефкетъ-паша объявилъ другимъ пашамъ что считаетъ Болгаръ шпіонами, врагами Турокъ и полагаетъ поэтому всякое звѣрство надъ Болгарами вполнѣ дозволеннымъ. Между Шефкетъ-пашой и остальными начальниками частей турецкаго войска въ Орханіе существовала издавна уже нѣкоторая рознь, и паши, придравшись къ необузданному поведенію Черкесовъ, послали въ Константинополь доносъ на Шефкета о томъ что онъ распустилъ турецкое войско; это и было яко бы причиной смѣны Шефкетъ-паши и его отзыва въ Константинополь. Въ Орханіе Турки не ждали наступленія русскаго войска, и потому мирное турецкое населеніе города до послѣдней минуты, то-есть до атаки Правицы, оставалось спокойно въ своихъ домахъ. За то едва раздались первые пушечные выстрѣлы изъ русскихъ орудій въ горахъ окрестныхъ къ Правицѣ, мирные Турки обратились въ такое поспѣшное бѣгство что въ Клиссурѣ (изъ Орханіе во Врачешти) столпилась масса телѣгъ, гурты скота, занявшіе собой все узкое ущелье. Вновь прибывающія толпы Турокъ, видя дорогу загроможденною и боясь наступленія Русскихъ, начали сталкивать въ пропасть телѣги и скотъ; у прибывшихъ завязалась наконецъ междуусобная драка въ ущельѣ, въ которой до 50 человѣкъ мирныхъ Турокъ были убиты своими же согражданами. Во время этого переполоха въ городѣ и въ ущельѣ священники успѣли спастись бѣгствомъ, и одинъ изъ нихъ, именно передавшій все вышесказанное, вернулся сегодня благополучно въ Этрополь.

Этрополь,
14 ноября 1877 года.

Наши позиціи въ Балканахъ: Златицкій перевалъ.

Очистивъ Этрополь, Турки отступили на хребетъ Балканъ обозначенный на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба именемъ Strigla-Balkan и заняли перевалъ черезъ этотъ хребетъ на горѣ Шандорникъ. Они возвели на этой горѣ семь редутовъ, сообщаясь изъ нихъ по вьючной тропѣ со своимъ ближайшимъ операціоннымъ базисомъ находящимся по ту сторону перевала Араба-Конакомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они укрѣпили ложементами другой перевалъ черезъ горы на хребтѣ Златицкаго Балкана (Statica-Balkan) и наконецъ въ Орханіе заперли рядомъ укрѣпленій путь по шоссе на Араба-Конакъ и Софію. Изъ трехъ названныхъ переваловъ самымъ лучшимъ и единственно торнымъ путемъ остается безъ сомнѣнія тотъ путь который проходитъ по шоссе на Орханіе и изъ Орханіе ущельемъ черезъ Врачешти на Араба-Конакъ и Софію. Ибо что касается остальныхъ двухъ переваловъ, то черезъ Шандорникъ проходитъ обыкновенная вьючная тропа, а на хребтѣ Златицкаго Балкана идетъ еле видная горная тропинка, тяжелая и трудная даже для вьюка.

По завладѣніи Этрополемъ, генералъ Гурко двинулъ ввѣренный ему отрядъ на перевалы Балканъ тремя колоннами, направляя одну на Орханіе (Московскій полкъ и гвардейскую стрѣлковую бригаду подъ начальствомъ ген.-майора Эллиса), другую на гору Шандорникъ (два отряда генерала Рауха, л.-гв. Семеновскій и л.-гв. Финляндскій полки, и генерала Дандевиля: Великолуцкій, Псковскій и л.-гвард. Измайловскій), и третью на Златицкій Балканъ

(л.-гвардіи Гренадерскій полкъ и Донская казачья бригада подъ начальствомъ генералъ-майора Курнакова). Въ настоящую минуту положеніе дѣлъ на перевалахъ таково: На горѣ Шандорникъ отряды генераловъ Рауха и Дандевиля осаждаютъ турецкіе редуты, расположенные на вершинѣ горы вдоль ея гребня; въ Орханіе Турки, испуганные наступленіемъ русскихъ войскъ на Стриглинскій Балканъ и боясь быть обойденными съ горы Шандорника и отрѣзанными отъ Араба-Конака, бѣгутъ изъ Орханіе на шоссе въ Араба-Конакъ. Московскій полкъ и кавалерія преслѣдуютъ ихъ по ущелью; на Златицкомъ перевалѣ отрядъ Курнакова выбилъ вчера Турокъ изъ ложементовъ и занялъ перевалъ.

Я только-что вернулся со Златицкаго хребта, куда ѣздилъ въ надеждѣ увидать самую атаку предположенную на вчерашній день. Занятіе перевала произошло между тѣмъ слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько дней тому назадъ, если не ошибаюсь числа 15-го, генералъ Гурко, узнавъ отъ Болгаръ о томъ что Турки охраняютъ Златицкій хребетъ лишь небольшою пѣхотною цѣпью, отправилъ роту Великолуцкаго полка, съ тѣмъ чтобы прогнать съ перевала турецкій пикетъ и занять перевалъ на Златицкомъ Балканѣ нашею пѣхотною цѣпью. Въ ущельи, по которому отправилась 15 числа рота Великолуцкаго полка, солдаты встрѣтили по дорогѣ верстахъ въ 6 отъ Этрополя трехъ конныхъ баши-бузуковъ, взбиравшихся медленнымъ шагомъ по горной тропинкѣ. «Ѣдутъ они, разказывалъ мнѣ офицеръ Великолуцкаго полка, такіе довольные собой, болтаютъ ногами и голосятъ во все горло: «ля, ля, иль, ля, ля!» Куда, думаютъ, забраться сюда Русскимъ, когда здѣсь на каждомъ шагу самъ чортъ себѣ ногу переломитъ; ѣдутъ себѣ, а насъ за поворотомъ тропинки и не примѣ-

чаютъ. Какъ я услыхалъ ихъ голоса, скомандовалъ солдатамъ прилечь; улучимъ минуту—ну, ребята, говорю залпомъ! Шарахнули мы по нимъ; они съ коней долой, да какъ пустятся бѣжать во всѣ стороны, словно зайцы — въ кусты да за каменья. Мы кинулись ловить ихъ лошадей, которыя оказались всѣ три ранеными, да и хозяевато ихъ надо полагать недалеко ушли. Лошадей забрали съ собой и двинулись дальше.» Подвигаясь далѣе, рота дошла до турецкаго блокгауза или караулки, расположенной у самаго подъема на перевалъ и обстрѣливающей часть ущелья. Въ блокгаузѣ сидѣло человѣкъ 20 Турокъ, которые завидя приближеніе русскихъ солдатъ дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ и убѣжали по тропинкѣ ведущей на перевалъ. Преслѣдуя этихъ бѣжавшихъ Турокъ, рота стала подниматься на высоту Златицкаго Балкана, но съ версту не доходя перевала была встрѣчена оттуда такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ что принуждена была отступить снова внизъ, потерявъ двухъ человѣкъ ранеными, и отступая заняла блокгаузъ, гдѣ и оставалась до вчерашняго дня, ограничиваясь только высылкой охотниковъ для перестрѣлки съ Турками. Вчера, 17 ноября, отправленъ былъ генераломъ Гурко цѣлый отрядъ для завладѣнія Златицкимъ переваломъ посредствомъ атаки, отрядъ состоявшій изъ л.-гвардіи Гренадерскаго полка и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ подъ начальствомъ ганералъмайора Курнакова. Отрядъ долженъ былъ выступить изъ Этрополя 17 ноября, причемъ стрѣлковый баталіонъ Гренадерскаго полка вышелъ въ 3 часа ночи, а остальныя части отряда въ 11 час. утра.

Я выѣхалъ изъ Этрополя около полудня и обогналъ вскорѣ три баталіона л.-гв. Гренадерскаго полка, начинавшіе только втягиваться въ узкое ущелье. Тропинка на

хребетъ Златицкаго Балкана проходитъ по теченію Малаго Искера къ его истокамъ, составляя продолженіе дороги изъ Осикова въ Этрополь. У Этрополя Искеръ переходитъ въ небольшую равнину на которой и лежитъ самый городъ, и затѣмъ ущелье снова суживается, образуя какъ бы корридоръ, извивающійся между лѣсистыми шапками горныхъ вершинъ. Небольшой ручей реветъ и бѣжитъ каскадами по неровному, на подобіе лѣстницы, ложу; а сбоку ручья вьется маленькая тропинка, плотно прижимаясь ко скалистымъ высотамъ. Куда ни глянешь, повсюду огромные камни, да сплошныя массы высокаго и густаго лѣса. Тонкій слой снѣга уже лежитъ на лѣсистыхъ склонахъ вершинъ; самая тропинка есть не болѣе какъ груда камней, торчащихъ острыми углами по всѣмъ направленіямъ между скалой съ одной стороны и обрывомъ къ ручью съ другой. Тропинка до того узка что мѣстами двоимъ ни проѣхать ни пройти нельзя, а ѣхать по ней верхомъ—чистое наказаніе: лошадь застряваетъ ногами между камней, ежеминутно спотыкается, обрывается ногой въ кручу ручья, словомъ, безопаснѣе идти пѣшкомъ и тащить лошадь за собою въ поводу. Отъѣхавъ версты двѣ по ущелью, я услыхалъ первые выстрѣлы стукавшіе гдѣ-то не вдалекѣ, на одной изъ лѣсистыхъ шапокъ, на которой именно—опредѣлить было трудно, такъ какъ этихъ шапокъ виднѣлось много кругомъ, одна за другою, то выглядывавшая, то прятавшаяся другъ за другомъ, а эхо горъ приближало звуки и обманывало слухъ. Кромѣ торчавшихъ со всѣхъ сторонъ лѣсистыхъ шапокъ, сѣренькаго неба, бурливаго ручья, да впереди нѣсколькихъ саженъ тропинки, постоянно извивавшейся, ничего не было видно кругомъ. Прошелъ еще часъ медленнаго, тяжелаго пути; перестрѣлка то стихала, то вновь разгоралась до сильной

трескотни; вотъ наконецъ прошуршала гдѣ-то въ деревьяхъ пуля, другая ударилась у ручья о камень,—турецкія пули хватаютъ далеко,—вотъ и выглянула наконецъ краемъ черепичной кровли караулка изъ-за поворота тропинки. Тутъ ущелье немного расширяется и образуетъ небольшую равнину; на этой равнинѣ выстроенъ Турками изъ камня блокгаузъ съ узкими амбразурами вмѣсто окошекъ. У блокгауза стоятъ кучей казачьи лошади; казаки тутъ же въ сторонкѣ пытаются развести на жидкой грязи костеръ, но безъ малѣйшаго успѣха. Стоятъ подалѣе ружья въ козлахъ, и около нихъ нѣсколько солдатъ гренадеръ хлопаютъ зашедшимися отъ стужи руками. Рѣзкій пронизывающій вѣтеръ несется съ гребня хребта и загоняетъ солдатъ внутрь блокгауза. Внутренность караулки полна народомъ; тамъ на земляномъ полу горитъ костеръ и наполняетъ всю комнату дымомъ и смрадомъ. Солдаты обступили костеръ, поддерживая въ немъ яркій огонь и грѣясь около него руками и ногами. Офицеръ, командиръ роты, остававшейся въ резервѣ у блокгауза, сидя на барабанѣ между солдатами у костра пьетъ чай, усиленно щурится отъ дыму и слушаетъ донесеніе только-что прибывшаго съ перевала солдата-гренадера. Оказывается что стрѣлковый баталіонъ л.-гв. Гренадерскаго полка, выступивъ въ 3 часа ночи изъ Этрополя, пришелъ къ 9 часамъ къ караулкѣ и направился оттуда на непріятеля тремя колоннами: правою и лѣвою заходя по окрестнымъ вершинамъ во фланги перевала, а среднею наступая во фронтъ. Турки встрѣтили среднюю колонну довольно частымъ ружейнымъ огнемъ, но едва увидали заходившія на нихъ съ боковъ другія двѣ колонны, бросились бѣжать съ перевала, спускаясь ущельемъ въ долину, по ту сторону перевала.

«Какъ завидѣлъ нашихъ на флангахъ», докладывалъ офи-

церу вѣстовой, «тутъ *онъ* какъ вотъ бѣшеный заметался по редуту-то,. и побѣжалъ и побѣжалъ». Раненыхъ, по словамъ вѣстоваго, за весь день ни одного у насъ не было, такъ какъ наступавшіе солдаты находили на каждомъ шагу отличныя прикрытія отъ пуль за каменьями. Но въ опроверженіе словъ разкащика притащился въ караулку, какъ разъ на эти слова, одинъ солдатъ, съ трудомъ опиравшійся на ружье; онъ держалъ на вѣсу лѣвую ногу; лицо его было сине отъ холода и сырости, а на концѣ сапога виднѣлось большое красное пятно. «Либо камнемъ, либо пулею, кто его разберетъ», обратился раненый къ товарищамъ, взявшимъ его подъ руки и помогавшимъ опуститься на полъ. «Тащи, тащи, не бойсь»! продолжалъ онъ обращаясь къ санитару, бережно снимавшему съ него сапогъ. «Тащи! не больно»! прибавилъ онъ еще разъ, немного крякнувъ отъ боли. У раненаго оказалась оторванною часть мизинца на лѣвой ногѣ, и это былъ кажется единственный раненый въ дѣлѣ завладѣнія Златицкимъ переваломъ.

Часамъ къ пяти вечера показались въ ущельи остальные баталіоны Гренадерскаго полка и съ ними подъѣхали къ караулкѣ генералъ Курнаковъ и полковникъ Любовицкій. Узнавъ о завладѣніи переваломъ, Курнаковъ и Любовицкій не медля двинулись туда верхомъ, поднимаясь по крутой и скользкой тропинкѣ на одну изъ лѣсистыхъ шапокъ Балкана. До перевала было версты двѣ приблизительно и чрезъ полчаса пути мы изъ лѣсу выѣхали на длинную и узкую площадку, совсѣмъ обледенѣвшую, на которой дулъ сильный вѣтеръ, кружа въ воздухѣ порошинки снѣга. Мы были на самой высокой точкѣ Златицкаго Балкана; небо было туманное, внизу подъ нами также густой туманъ лежалъ надъ ущельемъ и долиной по

ту сторону перевала; только полукругами расположенные тамъ и сямъ на одной высотѣ съ нами горные гребни выдѣлялись надъ туманомъ одинокими островами. Сзади насъ быстро неслось густое облако. Чрезъ минуту оно налетѣло на перевалъ, закутало насъ словно густымъ бѣлымъ паромъ, до того густымъ что я не могъ разглядѣть фигуры въ двухъ шагахъ отъ меня стоявшаго полковника Любовицкаго; чрезъ минуту облачко пронеслось далѣе, и очертилось снова предъ нами нѣсколько горныхъ гребней, словно пловучихъ острововъ въ широкомъ туманномъ пространствѣ. Остальное было только небо, туманъ да холодный вѣтеръ кружившій порошинки снѣга. Что долженъ чувствовать здѣсь, подумалось мнѣ, солдатъ, вставшій сегодня въ три часа ночи, сдѣлавшій по еле проходимой горной тропѣ 12 слишкомъ верстъ, полѣзшій затѣмъ въ огонь на этотъ обледенѣлый холмъ и принужденный заночевать здѣсь на холоду высоко подъ небомъ, гдѣ царятъ на просторѣ лишь природныя космическія силы? Я пристально сталъ вглядываться въ группы солдатъ завернутыхъ въ шинели и башлыки и тѣснившихся у костровъ, пылавшихъ на днѣ турецкихъ ложементовъ. Одни изъ солдатъ лежали у костра, безучастно глядя на огонь, другіе стояли молча, грѣясь, третьи кипятили въ манеркахъ воду, бросая въ нее сухари. «Солдатъ въ эту минуту кромѣ сильнаго физическаго утомленія, доходящаго до одеревенѣнія, ничего не чувствуетъ,» обратился ко мнѣ полковникъ Любовицкій, какъ бы отвѣчая на мою мысль. «Всякая чувствительность должна тутъ притупиться.»

Казаки между тѣмъ донесли Курнакову и Любовицкому что отступившій непріятель занялъ выходъ изъ ущелья по ту сторону перевала и поставилъ два орудія для обстрѣ-

ливанія ущелья, что спуститься слѣдовательно въ долину можно только съ бою. Кромѣ того въ селеніяхъ, лежащихъ въ долинѣ, Клиссикеѣ и Челопецѣ, находится до четырехсотъ Зейбековъ, а въ самой Златицѣ, по свѣдѣніямъ Болгаръ, шесть таборовъ пѣхоты при шести орудіяхъ. Курнаковъ и Любовицкій рѣшили, на основаніи этихъ свѣдѣній, окопаться на перевалѣ въ ожиданіи послѣдующихъ приказаній отъ генерала Гурко, и занять пока пѣхотною цѣпью окрестныя вершины чтобы наблюдать всесторонне за долиной Златицы и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить Туркамъ возможность обходнаго движенія по горамъ. Любовицкій оставался на перевалѣ до поздней ночи, отдавая приказанія и лично провѣряя исполненіе ихъ; онъ ходилъ самъ въ темнотѣ на ближайшія высоты и объяснялъ людямъ на что̀ они должны обращать главное наблюдательное вниманіе. Я съ удивленіемъ глядѣлъ на этого худаго, страдающаго ранами полковника, на неисчерпаемую энергію человѣка носящаго двѣ не закрывшіяся еще раны, полученныя подъ Горнимъ Дубникомъ, и съ рукой опухшею отъ контузіи! Не видя конца этимъ распоряженіямъ и приказаніямъ и спасаясь отъ холода, я спустился кое-какъ въ темнотѣ по скользкой тропинкѣ снова къ караулкѣ, гдѣ дождавшись утра направился сегодня съ разсвѣтомъ назадъ въ Этрополь чтобы не опоздать къ дѣлу на перевалѣ Стриглова Балкана на горѣ Шандорникъ.

До настоящей минуты все что̀ произошло на перевалѣ Стриглова хребта сводится къ слѣдующимъ общимъ чертамъ: Турки заняли гребень одной изъ горъ Стриглова хребта, именно гребень горы Шандорникъ, по которой проходитъ вьючная дорога на Араба-Конакъ. На гребнѣ Шандорникъ Турки возвели семь редутовъ, снабдивъ ихъ

орудіями и неизвѣстно до точности какимъ количествомъ войска. Съ этой горы Турки находятся въ непосредственномъ сообщеніи со своимъ главнымъ операціоннымъ базисомъ въ Балканахъ Араба-Конакомъ, лежащимъ на Софійскомъ шоссе по ту сторону переваловъ. Слѣдовательно, осаждая Шандорникъ, русскія войска борются съ передовою позиціей Араба-Конакскихъ укрѣпленій преграждающихъ торную дорогу въ Софію. Осада Шандорника началась уже три дня тому назадъ, причемъ главное вниманіе было обращено на то чтобы громить непріятельскіе редуты артиллерійскимъ огнемъ, избѣгая атаки, приводящей быть-можетъ къ болѣе скорому рѣшенію дѣла, но сопряженной всегда и съ бо́льшими потерями въ людяхъ. Но чтобы громить непріятеля артиллеріей необходимо было втащить орудія на окрестныя къ Шандорнику высоты по горнымъ тропинкамъ и по склонамъ горъ лишенныхъ всякихъ тропинокъ. Три дня сряду, вплоть до настоящей минуты, ушли на втаскиваніе 9-ти фунтовыхъ орудій на окрестныя Шандорнику высоты, причемъ втащены уже два 9-ти фунтовыя орудія и четыре 4-хъ фунтовыя. Генералъ Гурко, съ утра до вечера проводящій время на позиціяхъ и присутствующій лично при работахъ подъема орудій, высказалъ сегодня надежду что къ разсвѣту завтрашняго дня будутъ поставлены на командующую высоту противъ Шандорника 12-ть 9-ти фунтовыхъ орудій, изъ которыхъ 6 будутъ стрѣлять по редутамъ Шандорника, а другія 6 по Араба-Конаку, куда снаряды могутъ долетать съ высоты нашего праваго фланга. Между прочимъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ дней, употребленныхъ на занятіе позицій для артиллеріи, успѣли произойти на горѣ Шандорникъ два пѣхотныя дѣла: первое 15 ноября, а второе вчера, 17-го. Первое дѣло находилось въ непосредственной

связи съ подъемомъ орудій и разыгралось на нашемъ правомъ флангѣ, именно на высотѣ избранной генераломъ Гурко для постановки 9-ти фунтовыхъ орудій. Высота эта находится почти на одномъ уровнѣ съ гребнемъ занятымъ Турками и составляетъ какъ бы его продолженіе или крайнюю вершину того же Шандорника, вправо отъ непріятельскихъ позицій. Въ началѣ Турки оставили эту вершину безъ вниманія, и утромъ 15 ноября она была занята двумя ротами Великолуцкаго полка. Между тѣмъ, 15 же числа былъ предпринятъ подъемъ на эту вершину двухъ 9-ти фунтовокъ, и Турки, едва замѣтили изъ своихъ редутовъ наши притязанія на вершину, выбѣжали изъ редутовъ въ большомъ числѣ и набросились на двѣ роты Великолуцкаго полка, принудивъ ихъ отступить послѣ непродолжительнаго боя. Генералъ Дандевиль выслалъ не медля въ подкрѣпленіе противъ непріятеля цѣлый баталіонъ, шедшій въ прикрытіе при двухъ орудіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ на бивакъ съ приказаніемъ выслать къ нему еще одинъ баталіонъ Великолуцкаго полка. Баталіонъ, оставивъ орудія подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, двинулся на вершину только-что отбитую у насъ Турками и послѣ короткой перестрѣлки обратилъ въ свою очередь непріятеля въ бѣгство и въ свою очередь снова занялъ вершину. Турки отступили поспѣшно ко своимъ редутамъ, бросивъ на мѣстѣ много лопатъ, кирокъ и ломовъ, не имѣвъ достаточнаго времени употребить ихъ въ дѣло, окопаться противъ насъ на вершинѣ. Въ настоящую минуту на этой вершинѣ уже стоятъ два наши 9-ти фунтовыя орудія, а къ завтрашнему будутъ подтянуты туда еще десять орудій того же калибра. Другое пѣхотное дѣло произошло на лѣвой нашей позиціи, совершенно случайнымъ образомъ, само собою безо всякаго приказанія съ чьей-либо сторо-

ны, именно: двѣ роты Псковскаго полка, составлявшія аванпостную цѣпь вблизи непріятельскихъ укрѣпленій на Шандорникѣ, замѣтивъ какіе-то движеніе въ ближайшемъ къ намъ турецкомъ редутѣ, приняли это движеніе за отступленіе Турокъ изъ редута и кинулись занимать турецкую позицію. Онѣ добѣжали благополучно до рва, ворвались въ редутъ и наскочили тамъ на Турокъ, не думавшихъ вовсе объ отступленіи изъ редута. Но солдаты Псковскаго полка появились среди Турокъ съ криками *ура* до того неожиданно, что Турки безъ сопротивленія обратились въ бѣгство, спасаясь въ слѣдующія укрѣпленія. Солдаты занявшіе редутъ разказывали между прочимъ что видѣли будто-бы собственными глазами какъ на встрѣчу бѣжавшимъ Туркамъ вышелъ какой-то офицеръ турецкій, надо полагать, самъ паша и выстрѣлилъ по нимъ два раза изъ пистолета, а потомъ, вынувъ саблю, зарубилъ троихъ Турокъ на смерть; остальныхъ же криками и угрозами принудилъ повернуть назадъ къ только-что покинутой ими позиціи. На помощь этимъ Туркамъ вышли еще Турки изъ другихъ укрѣпленій, и двѣ роты Псковскаго полка не могли держаться долго противъ массы наступавшаго непріятеля. Все это произошло такъ быстро, что съ нашей стороны не успѣли подойти подкрѣпленія, и Псковцы, послѣ упорнаго сопротивленія, отступили изъ редута, оставивъ тамъ своихъ раненыхъ. Турки не преслѣдовали нашихъ, но найдя въ редутѣ русскихъ раненыхъ, набросились на нихъ и разрубивъ ихъ на части, кидали частями тѣлъ вслѣдъ отступавшимъ Псковцамъ. Тутъ летѣли изъ редута вслѣдъ за Псковцами головы, руки, ноги изрѣзанныхъ нашихъ раненыхъ. Двинутые на помощь къ двумъ ротамъ Псковскаго полка два баталіона л.-гв. Измайловскаго не успѣли придти вовремя, и дѣло было уже окон-

чено безъ нихъ. Потеря въ обоихъ пѣхотныхъ дѣлахъ, не считая убитыхъ, цифра которыхъ еще не приведена въ извѣстность, раненыхъ въ Великолуцкомъ полку 105, а во Псковскомъ 66, причемъ большій процентъ раненій приходится на долю лѣвой руки.

Появленіе русскихъ войскъ на высотахъ окрестныхъ къ Шандорнику заставило Турокъ покинуть линію Орханіе-Араба-Конакъ и сосредоточить сопротивленіе на линіи Шандорникъ-Араба-Конакъ; Орханіе нынѣ очищено отъ непріятеля, вѣроятно опасавшагося чтобы Русскіе съ окрестныхъ Шандорнику высотъ не зашли къ Орханіе въ тылъ, отрѣзавъ гарнизонъ Орханіе отъ Араба-Конака.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе дѣлъ въ настоящую минуту на перевалахъ Балканъ.

Этрополь,
18 ноября 1877 года.

Позиціи генерала Рауха и генерала Дандевиля.

Укрѣпленный Турками перевалъ Балканъ на горѣ Шандорникъ (хребетъ Strigla Balkan) осаждается съ двухъ сторонъ русскими силами, занимающими противъ непріятеля двѣ позиціи, извѣстныя подъ именемъ позицій генераловъ Рауха и Дандевиля. Дорога къ нимъ изъ Этрополя проходитъ по ущелью до бивака Екатеринославскаго драгунскаго полка, гдѣ она сворачиваетъ въ гору и раздѣляется на два пути: одинъ правѣе поднимается къ генералу Дандевилю, другой, лѣвѣе, къ генералу Рауху. Оба пути пролегаютъ по крутой горѣ, поросшей сплошнымъ и высокимъ лѣсомъ, за которымъ не видать ни своего, ни непріятельскаго лагеря; только выползающій мѣстами ме-

жду вершинами деревьевъ и стелящійся надъ ними синеватый дымъ указываетъ на мѣсто гдѣ расположены на горѣ наши войска. Судя по дыму кажется на видъ что до позицій нашихъ совсѣмъ недалеко, но на дѣлѣ до генерала Дандевиля верстъ 8 тяжелаго пути въ гору, а до генерала Рауха верстъ около шести. Въ лѣсу между тѣмъ, на дорогѣ къ генералу Дандевилю, слышатся громкіе крики, понуканья, гоготъ усиленный эхомъ горъ и лѣсной чащи: тамъ поднимаютъ вверхъ по кручѣ два девятифунтовыя орудія. Шесть паръ воловъ въ ярмахъ запряжены попарно, гуськомъ къ передку орудія; у каждаго вола по Болгарину съ палкой, которою онъ пихаетъ вола въ животъ и въ спину, издавая при этомъ пронзительные крики на всевозможные тоны и лады. Отъ передней пары воловъ тянется длинный канатъ за который взялись наши солдаты въ перемѣшку съ Болгарами и нагнувшись тоже тянутъ впередъ, помогая воламъ; но канатъ еще слишкомъ коротокъ по числу помощниковъ. Уцѣпившись за край каната, два Болгарина подали руки двумъ Финляндцамъ, которые въ свою очередь протянули свои руки впередъ и за нихъ ухватилось еще двое, составляя такимъ образомъ живую цѣпь, человѣкъ изъ тридцати, продолженіе каната. Самаго орудія и не видать вовсе: оно исчезаетъ за кучей людей облѣпившихъ его со всѣхъ сторонъ и съ натугой подвигающихъ его: человѣкъ по шести уцѣпились за колеса, надавливая руками и ногами на спицы; толпа Болгаръ и солдатъ навалилась на самую пушку; словно густой муравейникъ, изъ людей галдящихъ, понукающихъ другъ друга криками: го, го, го! гдѣ за общимъ гвалтомъ не различишь отдѣльныхъ голосовъ. Пять минутъ отдыха. «Эй! дубинушку», кричитъ кто-то изъ толпы, «ходчей пойдетъ! Затягивай!» Худенькій, малень-

кій солдатъ начинаетъ выводить тонкимъ голосомъ: «Эй дубинушка ухнемъ!» «Эй зеленая сама пойдетъ», подхватываютъ хоромъ остальные, наваливаясь снова на орудіе. Го! го! го! кричатъ передніе, «ну, ну, ну, матушка!» кричатъ задніе, и пѣсня пропадаетъ за поднявшимся общимъ гвалтомъ. Орудіе между тѣмъ подвигается впередъ, съ медленностью черепахи, по липкой и густой грязи, покрывающей не широкую, каменистую тропу, круто идущую въ гору. Изъ грязи торчатъ по дорогѣ камни то острыми углами, то большими гладкими поверхностями преграждая дорогу. Обойти эти камни некуда, надо тащить орудіе черезъ нихъ; мѣстами черезъ толстые корни деревьевъ, пересѣкшихъ тропу цѣлою сѣтью развѣтвленій. Работа тяжелая, медленная, по которой дай Богъ въ часъ сдѣлать четверть версты пути, да сколько времени еще надо потратить на отдыхъ. А время въ обрѣзъ! Гигантскій трудъ, своего рода война мышцами и мускулами; открытый бой физическихъ усилій съ Балканскими горами. 14 орудій уже втащены такимъ порядкомъ на позицію Дандевиля и 14 на позицію Рауха. Снаряды доставляются на лошадяхъ навьюченныхъ мѣшками и ящиками.

Генералъ Гурко полагалъ въ теченіе одного дня поднять всѣ орудія на горы, но на дѣлѣ потребовалось цѣлыхъ трое сутокъ непрерывной работы днемъ и ночью для исполненія этого гигантскаго предпріятія.

Холодный вѣтеръ между тѣмъ ходитъ по лѣсу и шумитъ между вершинами высокихъ оголѣлыхъ деревьевъ; онъ несется съ обледенѣлыхъ горныхъ гребней, бросаясь въ лицо то мелкими брызгами дождя, то порошинками снѣга. Пронизывающая сырость лежитъ въ воздухѣ и пробирается къ тѣлу. Солдаты тянутся въ гору, съ трудомъ выворачивая ноги изъ липкой грязи. У солдата на-

чиная съ ногъ все покрыто грязью, шинель, самое лицо забрызгано вплоть до шапки и башлыка. Тяжела съ ружьемъ простая ходьба по этимъ горамъ, не говоря уже о подъемѣ орудій. Мнѣ говорили что трое солдатъ умерли на дняхъ отъ физическаго утомленія, отъ того что надорвались надъ орудіями. Силы, однимъ словомъ, раздвоются въ Балканахъ для борьбы съ двумя врагами: Турками и природой, стоящей во всеоружіи еле доступныхъ скалистыхъ высотъ и сыраго зимняго времени. Въ особенности тяжелы солдатамъ длинныя и темныя ночи въ дикомъ лѣсу, гдѣ огонь отъ костра борется съ завывающимъ вѣтромъ и освѣщаетъ вокругъ лишь мшистыя подошвы деревьевъ да огромные покрытые мохомъ камни.

Проѣхавъ нѣсколько впередъ по дорогѣ, я замѣтилъ въ сторонѣ между деревьями три рядкомъ лежащіе трупа. Они одѣты были въ мундиры Великолуцкаго полка, мундиры были разстегнуты и на одномъ изъ труповъ нагруди виднѣлось красное пятно; другіе два были ранены въ головы. Лица съ открытыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ и рядомъ бѣлыхъ зубовъ, какая-то усмѣшка на лицахъ. Вѣроято то были убитые въ дѣлѣ 15 ноября, когда Турки насѣдали съ теперешней позиціи Дандевиля въ надеждѣ отбить у насъ первыя орудія, поднимавшіяся въ то время по этой дорогѣ вверхъ на позицію. Вѣроятно не всѣ трупы успѣли еще убрать съ тѣхъ поръ и эти три были положены рядомъ, ожидая своей очереди быть преданными землѣ. «Спасители наши!». раздался позади меня голосъ солдата-артиллериста, подошедшаго тоже взглянуть на убитыхъ. «Кабы не Великолуцкіе, безпремѣнно бы нашимъ орудіямъ пропасть; такая его силища лѣзла; стрѣляетъ, бѣжитъ съ горы; пули вотъ словно рой вокругъ такъ и жужжатъ. Великолуцкія двѣ роты; резер-

вы не подошли еще; Великолуцкіе супротивъ *него* побѣжали какъ есть на встрѣчу: вотъ тутъ на горѣ и задержали пока весь баталіонъ сталъ наступать.» «Царство небесное!» проговорилъ солдатъ, еще разъ взглянувъ на трупы, «и помянуть тутъ не кому!» прибавилъ онъ.

«Не бось, не забудутъ!» сказалъ другой подошедшій солдатъ Финляндскаго полка. «Коли убьютъ, продолжалъ онъ, по всей Рассейской Европѣ, по всѣмъ церквамъ поминать станутъ.»

Узнавъ отъ солдатъ что генералъ Гурко только-что проѣхалъ на позицію генерала Рауха, я направился туда спустившись сначала съ горы до бивака Екатеринославскихъ драгунъ и оттуда снова поднимаясь въ гору по дорогѣ забиравшей влѣво отъ бивака. Дорога эта до настоящей минуты была еле замѣтною тропой, проходившею по руслу ручья, протекавшаго съ горъ въ дождливую пору. Теперь, когда по ней царитъ безпрестанное движеніе, провезено 14 орудій, прошли войска, тропинка обратилась въ широкую дорогу, покрытую жидкою грязью, перемѣшанною пополамъ съ крупными и мелкими каменьями. Недавно еще снѣгъ лежалъ тутъ повсюду, и на тропѣ, и въ лѣсу, но нѣсколько сырыхъ дней растопили снѣгъ и размягчили почву. Подъемъ по дорогѣ чрезвычайно крутой и трудный: лошадь уходитъ ногами въ жидкую грязь и на днѣ ея хруститъ подковами по камню, зацѣпляясь шипами за острые гребни камней, скользя, ежеминутно спотыкаясь. На встрѣчу съ горы спускается по сторонамъ дороги сѣрая масса солдатъ, эта масса течетъ, течетъ безъ конца въ однообразныхъ сѣрыхъ шинеляхъ съ однобразною позой ружья. По мундиру судя спускаются съ горы Преображенцы. «Куда это вы ведете вашу часть», любопытствую я у офицера проходящаго мимо. «Насъ посылаютъ на Софійское шос-

се къ графу Шувалову: тутъ два баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; два другіе баталіона остаются на позиціи генерала Рауха. Тамъ у Шувалова завязалось кажется серіозное дѣло. Цѣлое утро слышна была горячая перестрѣлка.» Графъ Шуваловъ, надо замѣтить, назначенъ генераломъ Гурко командовать отрядомъ на нашемъ правомъ флангѣ; задача его вести по Софійскому шоссе со стороны Орханіе наступленіе на Араба-Конакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охранять правый флангъ нашихъ войскъ на Балканахъ.

Далѣе по дорогѣ вверхъ тянутся вереницы ословъ, лошадей, тяжело нагруженныхъ мѣшками съ сухарями, съ патронами, манерками съ водой. Боевые и продовольственные припасы приходится доставлять снизу изъ Этрополя на позицію генерала Рауха.

На одной изъ площадокъ между деревьями расположено нѣсколько палатокъ, много лошадей, стоитъ кавалерійскій постъ — это этапный пунктъ по дорогѣ къ генералу Рауху. Тутъ мѣняютъ усталыхъ коней чтобы скорѣе доставлять снаяряды на верхъ и быстрѣе перевозить сверху донесенія въ Этрополь къ генералу Гурко. У самой дороги сидитъ верхомъ на деревянномъ ящикѣ офицеръ-драгунъ съ кускомъ хлѣба въ одной рукѣ и съ кускомъ мяса въ другой. «Дайте лошади вздохнуть», обращается онъ ко мнѣ, «закусить не хотите ли?» Я слѣзаю съ лошади, присаживаюсь къ драгуну, который начинаетъ разказывать длинную исторію о томъ какъ драгуны по самой этой тропѣ гнали отступавшихъ изъ Этрополя Турокъ. Разказъ не лишенъ хвастливости, такъ какъ изъ него оказывается что шесть человѣкъ охотниковъ изъ спѣшившихся драгунъ преслѣдовали три табора Турокъ. Разкащикъ конечно былъ въ числѣ шестерыхъ. Преслѣдованіе происходило

ночью, и непріятель предполагалъ что большія силы гонятся по его пятамъ. Турки бросали по дорогѣ свой обозъ и все отступали. Только когда драгуны увидали что у непріятеля впереди есть три орудія, тогда дали знать остальнымъ драгунамъ стоявшимъ у подошвы горы; прибылъ тогда цѣлый эскадронъ драгунъ на помощь, который и завладѣлъ орудіями. «Паника Турокъ, продолжалъ разкащикъ, была до того велика что непріятель не рѣшился даже попытаться отбить у насъ свои орудія, которыя всю ночь стояли въ виду турецкихъ редутовъ, куда спрятались бѣжавшіе Турки.»

— А въ редутъ вы пытались ворваться?

— Какже пытались, но были встрѣчены оттуда такимъ огнемъ что командиръ нашъ рѣшилъ не терять людей напрасно и не раздражать Турокъ, имѣя уже въ рукахъ такую добычу какъ три орудія.

По сторонамъ дороги дѣйствительно много брошенныхъ турецкихъ ящиковъ съ патронами и изломанныхъ телѣгъ мѣстами были разсыпаны на землѣ снаряды горныхъ орудій. По дорогѣ попадалась также часто падаль заморенныхъ коней и воловъ.

Поднявшись еще версты двѣ къ верху, я увидалъ расположенный по склону горы бивакомъ л.-гв. Семеновскій полкъ; множество палатокъ между деревьями: офицеры и солдаты собраны кучей; сегодня у Семеновцевъ полковой праздникъ и вмѣстѣ раздача наградъ за дѣло у селенія Правецъ. Генералъ Гурко поздравляетъ ихъ и съ праздникомъ, и съ наградами. Густое, повторенное нѣсколько разъ эхомъ *ура* раздается въ лѣсу; еще разъ громкое *ура!* и раздирающій воздухъ пронзительный шипъ на половину со свистомъ и звукъ «баммъ» около полка разорвавшейся гранаты.

«Подлецы! какъ мѣтко стрѣляютъ, это они на голоса пустили!» говорятъ между тѣмъ офицеры. Третій разъ еще болѣе густое *ура* разносится и гудитъ по лѣсу на поздравленіе генерала Гурко. «И часто къ вамъ залетаютъ», спрашиваю я у одного изъ офицеровъ. «Бываетъ,» отвѣчаетъ онъ. «Представьте себѣ сегодня одна граната влетѣла на кухню какъ разъ въ миску съ супомъ, разорвалась и никого не задѣла. Совсѣмъ безъ супу остались.» Отъ Семеновцевъ и не видать еще за деревьями непріятельской позиціи; для этого надо подняться еще съ четверть версты въ гору на нашу батарею. Наша батарея изъ 8 орудій расположена въ лѣсу на высшей точкѣ горы и стрѣляетъ по непріятелю снизу вверхъ. Непріятельская позиція господствуетъ надъ нашею со стороны генерала Рауха и находится отъ нашей батареи на разстояніи 650 саженъ, по крайней мѣрѣ таковъ прицѣльный выстрѣлъ нашихъ орудій. Позиція непріятеля представляется здѣсь горой, вершина которой поднялась надъ нами: гора эта также вся поросла лѣсомъ; только гребень лысый и кажетъ желтымъ пятномъ, мѣстами покрытымъ другими бѣлыми пятнами снѣга. Всего гребня намъ не видно, такъ какъ мы стоимъ близко къ непріятельской горѣ и смотримъ на ея вершину снизу вверхъ. Мы видимъ поэтому только часть лысины обращенную къ намъ, точно также намъ не видно всѣхъ редутовъ настроенныхъ непріятелемъ; видна только одна стѣна редута, такъ сказать его профиль. За эту стѣну мы направляемъ наши снаряды. Изъ стѣны на насъ стрѣляютъ въ свою очередь три орудія непріятеля.

Едва генералъ Гурко, поздравивъ Семеновцевъ, вошелъ на батарею, онъ приказалъ не въ очередь (такъ какъ на батареяхъ соблюдается извѣстный порядокъ стрѣльбы) открыть

по непріятелю огонь залпами изо всѣхъ орудій. Раздалась команда «къ орудіямъ!» Восемь выстрѣловъ слились въ одинъ оглушающій звукъ, и чрезъ секунду съ непріятельской горы долетѣлъ гулъ отъ разрыва нашихъ снарядовъ. Залпомъ съ нашей батареи былъ данъ какъ бы сигналъ къ открытію огня съ другихъ батарей. Съ позиціи генерала Дандевиля понеслись къ Туркамъ 16 гранатъ, а надъ нашими головами летѣли снаряды изъ шести орудій расположенныхъ позади насъ двухъ батарей Ильина и Ореуса на болѣе высокихъ гребняхъ той же Рауховской позиціи и потому стрѣлявшихъ въ турецкій редутъ черезъ наши головы. Турки стали тотчасъ же отвѣчать изъ своихъ трехъ орудій, и вотъ поднялся въ лѣсу цѣлый адъ шипящихъ, свистящихъ и воющихъ звуковъ, удесятеряемыхъ эхомъ лѣса и горъ. «Своя! чужая!» спорили двое офицеровъ, слушая полетъ гранатъ надъ головами. «Чужая»! съ увѣренностью прибавилъ одинъ изъ нихъ, когда въ пяти шагахъ граната разломала въ щепы какой-то ящикъ и забрызгала землей говорившихъ. Генералъ Гурко, съ биноклемъ въ рукахъ, переходилъ ежеминутно съ мѣста на мѣсто, выбирая пунктъ съ котораго было бы лучше видѣть дѣйствіе нашихъ снарядовъ. Но кромѣ бѣлыхъ дымковъ надъ лысиной непріятельской горы и надъ профилемъ редута ничего видно не было. (Съ позиціи генерала Рауха стрѣляютъ только шрапнелями; съ позиціи генерала Дандевиля только гранатами). Сколько за этою стѣной редута Турокъ, попадаютъ ли въ нихъ наши снаряды, все это, глядя на непріятельскую позицію снизу вверхъ, нельзя было опредѣлить. «Къ Семеновцамъ пошла!» говорилъ межъ тѣмъ какой-то фейерверкеръ, опредѣляя полетъ непріятельскаго снаряда. «Говядину у нихъ отобьетъ», острилъ на это наводчикъ орудія, намекая на разбитую у Семеновцевъ по-

утру миску съ супомъ. «Куда это вы?» спрашиваю я знакомаго офицера поспѣшно взбирающагося на сѣдло. «Къ генералу Дандевилю посылаютъ кратчайшимъ путемъ, отвѣчалъ онъ, а знаете этотъ кратчайшій путь все время идетъ опушкой лѣса на виду у Турокъ. Вчера по генералу Гурко, когда онъ переѣзжалъ отсюда къ генералу Дандевилю по этому пути, Турки выпустили 15 гранатъ; онѣ ложились то впереди, то позади генерала всю дорогу; они каждаго всадника провожаютъ такъ». «Брр!» прибавилъ онъ, пришпоривая лошадь и исчезая за деревьями.

«Три дня Ваше Высочество не умывался, не раздѣвался», говорилъ обращаясь къ принцу Ольденбургскому генералъ Раухъ, сильно похудѣвшій и пожелтѣвшій въ послѣдніе дни.

Генералъ Гурко, простоявъ около двухъ часовъ на батареѣ, потребовалъ коня чтобы вернуться въ Этрополь до наступленія темноты. Офицеры Семеновскаго полка, когда генералъ проѣхалъ мимо нихъ, умоляющимъ голосомъ обращались къ свитѣ генерала: «Ради Бога! Если намъ письма есть въ штабѣ, присылайте сейчасъ же ихъ сюда. На этомъ Іерихонѣ (такъ называли они свою гору), письма единственное утѣшеніе».

Вообще говоря, позиція генерала Рауха расположена весьма невыгодно сравнительно съ непріятельскою, находясь значительно ниже непріятеля, который въ каждую данную минуту можетъ обсыпать ее пулями сверху. Кромѣ того, съ Рауховской позиціи, за исключеніемъ одной стѣны турецкаго редута торчащей надъ головой, изъ-за деревьевъ не видать ничего болѣе; такъ что все назначеніе позиціи генерала Рауха сводится къ тому чтобы тревожить непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, не отдавая себѣ даже яснаго отчета о количествѣ вреда наносимаго

этимъ огнемъ непріятелю. Атака Шандорника со стороны генерала Рауха едва ли возможна, ибо подступъ къ редуту весьма крутой и продолжительный и самый редутъ представляется укрѣпленіемъ болѣе внушительнымъ чѣмъ было укрѣпленіе у Горняго Дубника. Въ прошломъ моемъ письмѣ я упоминалъ уже что три роты Псковскаго полка, составляя аванпостную цѣпь впереди позиціи генерала Рауха, ворвались 16 ноября совершенно случайно въ редутъ, заняли его, но не могли по своей малочисленности держаться въ немъ до тѣхъ поръ пока успѣли подойти подкрѣпленія. Турки съ того времени еще болѣе окопались, и по свѣдѣніямъ собраннымъ изъ допроса плѣнныхъ они значительно усилили гарнизонъ Шандорника. Атака Шандорника въ настоящую минуту сопряжена была бы съ огромными потерями. Вообще турецкія укрѣпленія, оберегающія перевалы Балканъ и путь на Софію, очень сильны и многочисленны: ихъ тутъ цѣлая цѣпь, расположенная по вершинамъ горъ. Виденный съ позиціи Рауха одинъ профиль турецкаго редута составляетъ только начало, первое кольцо продолжительной цѣпи укрѣпленій, заключающейся Араба-Конакомъ. Эти укрѣпленія видны и обстрѣливаются съ другихъ нашихъ позицій—генерала Дандевиля и со стороны шоссе графа Шувалова.

Путь ведущій на позицію генерала Дандевиля еще болѣе труденъ и недоступенъ чѣмъ путь ведущій къ генералу Рауху. Это настоящая лѣсная трущоба на крутой горѣ, трущоба въ которой нога человѣка и животнаго на каждомъ шагу то ступаетъ на острый камень, то уходитъ въ грязь по самое колѣно. Кажется невѣроятнымъ какъ могли протащить тутъ 16 девятифунтовыхъ орудій! какого труда это стóило! когда на сильномъ конѣ надо три часа

времени чтобы взобраться верхомъ четыре версты наиболѣе крутаго пути къ гору. Ѣдешь тутъ до того медленно что словно топчешься на одномъ и томъ же мѣстѣ; одна нога лошади уперлась о камень, другая глубоко ушла въ грязь; задняя нога срывается съ камня и скользитъ; лошадь ищетъ равновѣсія и качается всѣмъ тѣломъ. Невозможная дорога. Между тѣмъ по ней безпрестанно двигаются солдаты, направляющіеся то къ верху, то спускащіеся внизъ; лошади и ослы тащатъ сѣтки съ сѣномъ, мѣшки съ сухарями и мясомъ. На каждомъ шагу видишь упорную, напряженную борьбу человѣка и животнаго съ неприступною лѣсною трущобой. Вонъ партія болгаръ съ усиліемъ выворачиваетъ ноги изъ грязи и камней: у каждаго Болгарина въ рукахъ по двѣ палки скрещенныхъ на затылкѣ и по привѣшанной къ этому кресту большой гранатѣ, они несутъ вверхъ снаряды; четверо солдатъ конвоируютъ партію. Болгары переступаютъ согнувшись, тяжело дышутъ и не смотрятъ даже по своему обыкновенію по сторонамъ и не кричатъ встрѣчному офицеру: «здравствуй братушъ!» Солдаты не унываютъ: «Эка—воинъ!» слышу я разсужденіе на дорогѣ, «въ землю закопался пуфъ! пуфъ! и все тутъ. Ты въ поле выходи: на-ка попробуй....» разсужденіе очевидно касающееся Турка. «Говорили тожь», раздается позади другой голосъ задыхающійся отъ усталости: «Антрапо̀ль возьмемъ—войнѣ конецъ. Вотъ и Антрапо̀ль взяли—все миру нѣтъ».

—«Антрапо̀ль, да не этотъ, а тотъ Антрапо̀ль, разказываютъ, за горами», возражаетъ кто-то говорящему.

Чѣмъ выше поднимаешься въ гору тѣмъ хуже становится дорога; лѣсъ рѣдѣетъ, мало-по-малу уступая мѣсто громаднымъ камнямъ, покрытымъ мохомъ, а на самой вершинѣ горы нѣтъ вовсе деревьевъ. Это зеленый холмъ

изъ топкой земли и каменьевъ, мѣстами лежащихъ кучей, мѣстами—одиночными каменьями. Сегодня густое облако покрываетъ вершину и какъ на зло не видать за туманомъ ни турецкой позиціи, ни всего контура нашей. Надо близко подойти къ батареѣ чтобъ увидать ее; батарей тутъ двѣ: одна смотритъ 8-ю орудіями въ одну сторону, другая, тоже 8-ю, въ другую, но обѣ сегодня молчаливо глядятъ въ туманное пространство; куда же стрѣлять когда въ десяти шагахъ отъ себя не отличишь человѣка отъ дерева. За то между батареями и по склонамъ вершинъ обращенныхъ къ непріятелю идетъ усиленная работа. Подъ прикрытіемъ облака солдаты роютъ землю, строятъ люнетъ, копаютъ ложементы, обносятъ батарею валомъ; генералъ Гурко издалъ приказаніе укрѣпить наши позиціи такъ чтобы были больше турецкихъ неприступными.

Я направился къ палаткѣ генерала Дандевиля, расположенной на опушкѣ лѣса, и засталъ генерала заносившимъ ногу въ стремя чтобъ ѣхать къ генералу Рауху. Очень красивый собою, еще молодой на видъ, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, генералъ Дандевиль, сидя на сѣдлѣ, раздавалъ по сторонамъ приказанія: «копію съ секретнаго приказа не забудьте разослать немедленно по всѣмъ постамъ!.. а кроки позицій до сихъ поръ не готовы! Какъ же вамъ не стыдно! Послать мнѣ сюда вѣстоваго, эй народъ! А генералъ Красновъ гдѣ? Озаботьтесь пожалуста, продолжалъ Дандевиль, обращаясь къ Краснову: вернусь только къ вечеру; все оставляю на вашемъ попеченіи. Едва туманъ разсѣется, открыть немедля огонь...»

Генералъ Красновъ—старый знакомый по первому походу за Балканы. Онъ въ отрядѣ генерала Дандевиля командуетъ въ настоящее время кавалерійскою бригадой

(Екатеринославскимъ и Астраханскимъ драгунскими полками). По происхожденію онъ простой казакъ и выслужился до генерала изъ простыхъ урядниковъ. Мы усаживаемся съ нимъ рядомъ на толстое полѣно и протягиваемъ ноги къ костру. Разговоръ начинается съ воспоминаній: «Помните какъ послѣ перевала у Далбони подъ Уфланли, въ долинѣ Тунджи, вы угощали генерала Гурко и штабъ супомъ изъ сливъ? Веселое было время», и т. д. «Разкажите, какъ же вамъ удалось отбить у Турокъ эту вершину?» «Калужскіе молодцы-съ,» говоритъ Красновъ, называя почему-то Великолуцкій полкъ Калужцами, «вовлеклись! Поглядѣть—тошмаренки—маленькіе, худенькіе, курносые-съ, а вовлеклись! Тѣлъ 200 въ одномъ мѣстѣ положили! Ужасное положеніе! Орудія навели, да и стоимъ въ грязи по колѣно, а калужскіе—молодцы! А-а-а! хорошее дѣло-съ!» Такъ характеризуетъ Красновъ занятіе настоящей позиціи Дандевиля Великолуцкимъ полкомъ и защиту первыхъ поднимавшихся сюда нашихъ орудій на которыя насѣли было Турки. Этихъ орудій было два и прикрывавшіе ихъ солдаты Великолуцкаго полка прозвали ихъ «батюшкой и матушкой». Дѣло, по общимъ отзывамъ, было молодецкое: двѣ роты задерживали въ теченіе многихъ часовъ наступленіе Турокъ съ вершины, и затѣмъ, когда подоспѣлъ еще баталіонъ Великолуцкаго полка, наши перешли въ свою очередь въ наступленіе и прогнали Турокъ съ вершины, втащили туда орудія и съ этой минуты образовалась тутъ русская позиція противъ непріятельской горы Шандорника, позиція извѣстная нынѣ подъ именемъ позиціи Дандевиля *).

Съ этой позиціи въ ясную погоду открывается видъ на

*) Подробности этого дѣла см. въ предыдущихъ моихъ письмахъ.

всѣ турецкія укрѣпленія защищающія линію Шандорникъ—Араба-Конака и даже видны говорятъ вдалекѣ верхушки минаретовъ Софіи. Гора Шандорникъ, обращенная однимъ фасомъ къ Рауху, смотритъ сюда другимъ своимъ фасомъ и другою профилью того же турецкаго редута противъ котораго находится позиція Рауха. Но редутъ на горѣ Шандорникъ составляетъ только первое звѣно, начало продолжительной линіи турецкихъ укрѣпленій. Отъ Рауха этихъ укрѣпленій не видать вовсе, ибо они тянутся, такъ сказать, за Шандорникомъ, направляясь къ Софійскому шоссе. За то отъ Дандевиля, находящагося отъ Рауха значительно правѣе, видно какъ гребень горы Шандорникъ извивается то поднимаясь, то опускаясь и образуя нѣсколько вершинъ. На каждой изъ этихъ вершинъ вплоть до Араба-Конака построено по редуту и каждая вершина представляетъ сильное и неприступное укрѣпленіе. Число орудій направленныхъ Турками съ этихъ редутовъ на позицію Дандевиля простирается отъ 12 до 15, причемъ три направлены съ того же редута съ котораго другія три направлены на Рауха. Дандевиль занимаетъ вершину надъ которою Турки господствуютъ и которую обстрѣливаютъ весьма мѣтко артиллерійскимъ огнемъ. Положеніе Дандевиля даже менѣе выгодно чѣмъ положеніе Рауха, такъ какъ вся позиція представляется открытою мѣстностью, которую непріятель обстрѣливаетъ сверху внизъ; тогда какъ у Рауха мѣстность закрыта лѣсомъ, и кромѣ того позиція Рауха расположена до того близко подъ самымъ непріятелемъ что Туркамъ приходится чуть ли не перпендикулярно къ ней наклонять дула своихъ орудій, между тѣмъ какъ Дандевиля Турки обстрѣливаютъ на разстояніи 1.400 саженъ и потому наклонъ орудій здѣсь болѣе для нихъ выгодный.

Турки стрѣляютъ мѣтко. До сей минуты даже бруствeръ нашихъ батарей служилъ недостаточнымъ прикрытіемъ противъ турецкаго огня. По крайней мѣрѣ на дняхъ оторвало гранатой голову фейерверкеру, сидѣвшему спокойно за брустверомъ и засыпало землей офицера и нѣсколько человѣкъ прислуги при орудіяхъ. Разказываютъ при этомъ что первымъ изъ земли вылѣзъ офицеръ и на вопросъ обращенный имъ къ остальнымъ засыпаннымъ солдатамъ, вылѣзавшимъ другъ за другомъ изъ земли, «что, тебя ранило?» получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «не могу знать ваше благородіе; чѣмъ-то ушибло!»

Турки обстрѣливаютъ у Дандевиля всю лысую вершину горы и часть обрамляющаго кругомъ лѣса; орудія у нихъ стальныя, дальнобойныя, но малаго калибра. Обыкновенно они чередуютъ направленіе своихъ снарядовъ, одинъ выпускаютъ на наши батареи, другой направляютъ въ лѣсъ, угадывая приблизительно мѣсто нахожденія расположеннаго въ лѣсу отряда Дандевиля. На батареѣ Турки успѣли до сихъ поръ подбить колесо одного орудія, убить одного фейерверкера и ранить двухъ другихъ. Что же касается всего отряда, то несмотря на частую перемѣну мѣста солдатскаго бивака убыль въ немъ отъ турецкаго огня простирается отъ 6 до 8 человѣкъ среднимъ числомъ въ сутки. Нашихъ батарей на позиціи Дандевиля двѣ. Одна, 8-ми орудійная, направлена на крайнюю къ намъ вершину Шандорника, именно на профиль того редута по которому стрѣляетъ и Раухъ со своей стороны. Другая батарея дѣйствуетъ въ сторону дальнѣйшихъ турецкихъ укрѣпленій, идущихъ къ Араба-Конаку.

Вообще говоря, двѣ выше описанныя позиціи Рауха и Дандевиля осаждаютъ линію турецкихъ укрѣпленій, Шандорникъ—Араба-Конакъ, со стороны только Шандорника.

Значительно правѣе этихъ двухъ позицій расположенъ отрядъ графа Шувалова, осаждающій турецкую линію со стороны Араба-Конака. Авангардъ этого отряда подъ начальствомъ полковника Гриппенберга занялъ 21 ноября на Софійскомъ шоссе командующую надъ Араба-Конакомъ высоту. Подробности этого дѣла такъ же какъ и описаніе позицій графа Шувалова оставляю до слѣдующаго письма; замѣчу только что оба конца турецкой линіи укрѣпленій Шандорникъ—Араба-Конакъ суть рѣшающіе пункты: если Турки очистятъ Шандорникъ, то въ Араба-Конакѣ они не могутъ держаться долѣе, ибо Шандорникъ есть ключъ всей линіи со стороны Этрополя. Также если они очистятъ Араба-Конакъ, то не могутъ болѣе держаться на Шандорникѣ.

Если считать позицію графа Шувалова нашимъ правымъ флангомъ въ Балканахъ, то лѣвымъ флангомъ можно назвать укрѣпленный нами Златицкій перевалъ. На Златицкомъ перевалѣ три дня тому назадъ нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, спустившись въ долину, заняли два селенія, Челопецъ и Клиссикіой...

Этрополь,
22 ноября 1877 года.

Позиція графа Шувалова. Московская и Павловская гора.

25 ноября генералъ Гурко переѣхалъ со своимъ штабомъ изъ Этрополя въ Орханіе. Городокъ этотъ, расположенный въ долинѣ р. Правицы на Софійскомъ шоссе, извѣстенъ тѣмъ что долгое время былъ мѣстомъ ежедневныхъ кавалерійскихъ стычекъ нашихъ разъѣздовъ съ турецкими. По завладѣніи нами Правицей, Турки, очистивъ

самый городъ Орханіе, сосредоточили свои силы на окрестныхъ высотахъ, съ которыхъ господствовали надъ Орханіе артиллерійскимъ огнемъ. Поэтому русскія войска не занимали города, да занимать его съ военной точки зрѣнія не представлялось пока никакой надобности, и генералъ Гурко ограничивался тѣмъ что посылалъ въ Орханіе кавалерійскіе разъѣзды изъ л.-гв. уланъ, л.-гв. гусаръ и казаковъ Кавказской казачьей бригады, для производства рекогносцировокъ въ городѣ и его окрестностяхъ. Разъѣзды эти встрѣчались ежедневно на улицахъ Орханіе съ Черкесами, пріѣзжавшими сюда грабить и разорять болгарскіе дома себѣ на топливо. Происходила поэтому иногда перестрѣлка, иногда стычка на пикахъ и сабляхъ между нашею и турецкою кавалеріей, иногда же простое отступленіе тѣхъ кто оказывался въ меньшемъ числѣ противъ непріятеля. Между прочимъ былъ случай слѣдующаго рода: двое гусаръ, заскакавъ слишкомъ впередъ отъ своего взвода, увидали въ одномъ изъ переулковъ Орханіе нѣсколько всадниковъ, которыхъ они издали приняли за нашихъ Осетинъ, но которые въ дѣйствительности были Черкесы. Всадники подпустили гусаръ довольно близко до себя и дали по нимъ залпъ. Гусары, замѣтивъ что ошиблись, повернули назадъ своихъ коней, но ускакать было ужъ поздно: одинъ изъ гусаръ, раненый пулей, упалъ съ лошади и былъ изрубленъ на мѣстѣ подоспѣвшими Черкесами; другой попалъ со своимъ конемъ въ какую-то топкую лужу, въ которой завязъ и не успѣлъ поэтому уйти вовремя отъ черкесскихъ шашекъ. Тѣла этихъ гусаръ были найдены на другой день на улицахъ Орханіе раздѣтыя догола и обезображенныя отъ массы полученныхъ ими сабельныхъ ударовъ. Грабежи Черкесовъ и кавалерійскія стычки происходившія часто на улицахъ го-

рода отразились всего болѣе на постройкахъ Орханіе, отразились до того что въ цѣломъ городѣ нельзя найти хотя бы одинъ вполнѣ сохранившійся домъ. Генералъ Гурко и многочисленный штабъ его отряда принуждены помѣщаться въ полуразрушенныхъ зданіяхъ, исправивъ ихъ кое-какъ на скорую руку, подклеивъ напримѣръ бумагу на окнахъ вмѣсто разбитыхъ стеколъ, поддерживая огонь въ мангалахъ, вмѣсто несуществующихъ болѣе печей и т. п.

Окрестныя высоты были очищены Турками внезапно, въ ту минуту когда русскія войска занимали позиціи противъ горы Шандорникъ. Турки, какъ извѣстно, всего болѣе боятся обходныхъ движеній съ нашей стороны, и въ данномъ случаѣ они поспѣшили отступить изъ Орханіе, опасаясь чтобы мы не зашли къ нимъ въ тылъ съ теперешней позиціи Дандевиля и не отрѣзали бы ихъ отъ Араба-Конака. Мы, въ свою очередь, подвинулись нашимъ правымъ флангомъ вслѣдъ за отступившимъ изъ Орханіе непріятелемъ и заняли новыя позиціи на Софійскомъ шоссе противъ Араба-Конакскихъ укрѣпленій Турокъ. Эти позиціи, равно какъ и позиціи Рауха и Дандевиля, находятся въ тѣсной связи между собой, дополняя другъ друга, и состоятъ нынѣ подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова. Путь къ нимъ изъ Орханіе проходитъ по долинѣ р. Правицы, до сел. Врачеша, гдѣ шоссе круто поворачиваетъ въ горы, входя въ нихъ узкимъ ущельемъ и направляясь къ Араба-Конаку и Софіи чрезъ перевалъ Балкановъ. Перевалъ этотъ лежитъ отъ Орханіе на разстояніи 20 или 25 верстъ отличной шоссейной дороги, а наши горныя позиціи на Софійскомъ шоссе противъ непріятельскихъ оберегающихъ этотъ перевалъ находятся въ 15 верстахъ отъ Орханіе; по

крайней мѣрѣ на такомъ разстояніи отъ города расположенъ въ ущельи лагерь нашихъ резервовъ и бивакъ графа Шувалова у подошвы занятыхъ нами высотъ.

Обстановка этого бивака въ узкомъ ущельи и посреди дороги до крайности сурова и поражаетъ взоръ не взыскательностію къ условіямъ жизни хозяевъ бивака—графа Шувалова, его штаба и свиты. Простыя солдатскія палатки (захваченныя у Турокъ) разбиты прямо на снѣгу, рядомъ съ палатками солдатъ; горящій снаружи на снѣгу костеръ служитъ кухней, а также и мѣстомъ для отогрѣванія коченѣющихъ отъ холода ногъ и рукъ. Нѣсколько охапокъ сѣна, брошенныхъ въ палаткѣ на мерзлую землю, замѣняютъ коверъ на полу. Палатка графа Шувалова только тѣмъ и отличается отъ остальныхъ солдатскихъ палатокъ что она турецкая и потому круглая, тогда какъ у нашихъ солдатъ полотно натянуто въ видѣ треугольника. Снѣгъ лежитъ на палаткахъ. Вокругъ бивака видны лишь высокія горы, сплошь поросшія густымъ лѣсомъ; и горы и лѣсъ покрыты снѣгомъ. Куда ни глянешь кругомъ все бѣло, дико и давитъ суровостью: небо постоянно туманное. Солдаты круглый день грѣются у костровъ и бѣгаютъ по очереди въ горы за дровами, оглашая лѣсную чащу звенящими звуками тесаковъ о древесные стволы, трескомъ и шумомъ отъ подрубленныхъ валящихся деревьевъ. Иногда, высоко въ туманномъ воздухѣ гудитъ граната, отправленная съ одной вершины горы на другую.

Хозяинъ бивака, графъ Шуваловъ, встрѣчаетъ прибывшаго къ нему привѣтливо, радушно; онъ умѣетъ въ нѣсколько минутъ обворожить васъ своимъ разговоромъ, обходительной манерой, импонировать на васъ своимъ бодрымъ расположеніемъ духа. На видъ Шувалову лѣтъ

сорокъ; онъ средняго роста, плотно и крѣпко сложенъ и кажется человѣкомъ видимо довольнымъ суровою обстановкой бивачной жизни и не придающимъ значенія связаннымъ съ нею непривычнымъ лишеніямъ. Генералъ Гурко, Спартанецъ по своей натурѣ, посѣщая отъ времени до времени наши позиціи на Софійскомъ шоссе, каждый разъ шутя обращаясь къ графу Шувалову говоритъ ему что велитъ на дняхъ отдать въ парольномъ приказѣ распоряженіе о томъ чтобы построить Шувалову землянку или баракъ изъ досокъ и силой водворить туда хозяина. Но Шуваловъ хорошо понимаетъ значеніе какое имѣетъ въ глазахъ солдата палатка командира поставленная на снѣгу рядомъ съ солдатскою и наравнѣ съ послѣднею лишенная всякихъ удобствъ. Онъ всячески заботится о солдатѣ, расходуя постоянно свои собственныя средства на него и на ежедневную по возможности чарку водки для солдатъ. Пользуется онъ въ своемъ отрядѣ большою популярностью, доходящею у многихъ до обожанія и восторженныхъ отзывовъ, популярностью, укрѣпившеюся за нимъ въ особенности послѣ дѣла у Горняго Дубника, гдѣ участвовала въ бою преимущественно 2-я гвардейская дивизія, коей Шуваловъ состоитъ начальникомъ. Во время этого дѣла графъ Шуваловъ бо́льшую часть дня провелъ объѣзжая цѣпи атакующихъ солдатъ и подъѣзжая къ турецкому редуту на 200 и 150 саженъ разстоянія, причемъ изъ семи сопровождавшихъ его офицеровъ только одинъ вернулся не раненымъ, остальные же кончили день на перевязочномъ пунктѣ. На Софійскомъ шоссе, въ ущельи, графъ Шуваловъ обыкновенно выходитъ изъ своей палатки и ѣдетъ на позиціи въ сопровожденіи полковника Скалона, командира гвардіи сапернаго баталіона, и слѣдитъ за производствомъ земляныхъ работъ и укрѣп-

леній, или же самъ сопровождаетъ на позиціи пріѣзжающаго къ нему приблизительно черезъ день генерала Гурко.

Сегодня я засталъ графа Шувалова ѣдущимъ на линію нашихъ аванпостовъ по шоссе въ направленіи къ перевалу; за нимъ слѣдуютъ: генералъ Эттенъ (командиръ 2-й бригады), полковникъ Бальцъ (исправляющій должность заболѣвшаго начальника штаба полковника Паренцова) и трое казаковъ. Выѣзжаемъ часовъ около пяти вечера и двигаемся по ущелью мимо расположенныхъ у края дороги бивакомъ нѣсколькихъ баталіоновъ войска, составляющаго резервы нашихъ позицій противъ Араба-Конака. Одна колонна л.-гв. Павловскаго полка находится въ движеніи; она сворачиваетъ изъ ущелья на гору и медленно начинаетъ подъемъ, вступая на крутую тропинку.

— Здравствуйте, друзья! говоритъ имъ графъ Шуваловъ.

— Здравія желаемъ в. с—тво!

— А водка была сегодня?

— Была; точно такъ; пили, раздаются отвѣты.

— Ну, идите себѣ съ Богомъ. А только если случится что онъ на васъ полѣзетъ, то знаете какъ его принять, по Павловски!

— Постараемся, в. с—тво.

— Ну, Христосъ съ вами, прибавляетъ графъ Шуваловъ, подвигаясь далѣе по шоссе, загибающему все болѣе вправо, на подобіе колеса. Мы минуемъ батарею изъ двухъ орудій, построенную у самой дороги съ цѣлью обстрѣливать вдоль часть ущелья; минуемъ еще нѣсколько группъ солдатъ и ѣдемъ далѣе, приблизительно съ версту, не встрѣчая никого по дорогѣ. Изъ кустовъ внезапно поднимается человѣкъ шесть солдатъ и молча выстраиваются-

ся, отдавая честь проѣзжающему начальнику. Графъ Шуваловъ также молча здоровается съ ними. Эти солдаты находятся въ секретѣ; ихъ назначеніе быть спрятанными гдѣ-нибудь въ кустахъ или въ канавѣ неслышными и незамѣтными для непріятеля, наблюдать, сторожить по сторонамъ и доносить о всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ теченіе дня и ночи. Положеніе солдата въ секретѣ въ настоящую зимнюю пору весьма тяжелое, такъ какъ разводить въ секретѣ костеръ запрещается строжайшимъ образомъ, и солдатъ принужденъ слѣдовательно лежать на снѣгу, безъ огня, не имѣя возможности отогрѣвать заходящіяся конечности; къ тому же и обувью солдаты сильно поизносились; рѣдко у кого найдутся вполнѣ цѣлые и здоровые сапоги; перемѣнная же пара вмѣстѣ съ ранцами остались въ Боготѣ и хотя выписаны оттуда, но до сихъ поръ еще не пришли; нѣтъ также и теплыхъ полушубковъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ розданныхъ здѣсь въ передовыя цѣпи солдатамъ г. Петлинымъ, уполномоченнымъ Общества Краснаго Креста при летучемъ отрядѣ, сформированномъ Государыней Императрицей. Въ дырявыхъ же сапогахъ и въ сѣрой шинели на сырости и на холоду положеніе солдата тяжелое; и были случаи отмороженія ночью въ траншеяхъ рукъ и ногъ, и нѣсколько смертныхъ случаевъ отъ холода.

Секреты составляютъ всегда послѣдніе пункты нашихъ аванпостовъ, и подвигаясь далѣе за графомъ Шуваловымъ по шоссе, мы не встрѣчаемъ уже болѣе никого изъ солдатъ. Кругомъ стоятъ все тѣ же горы, поросшія густо буковымъ лѣсомъ, усыпанныя снѣгомъ. Въ горахъ и на дорогѣ царитъ тишина мертвая, прерываемая лишь звукомъ копытъ нашихъ коней о мерзлую землю, да слышно еще какъ падаетъ иней крупными снѣжными кусками,

шелестя въ деревьяхъ. Мы двигаемся по нейтральной полосѣ, не занятой ни нами, ни непріятелемъ, лежащей между нашею цѣпью и турецкою, и легко быть можетъ что спрятанный гдѣ-нибудь, на подобіе нашего, въ кустахъ непріятельскій секретъ дастъ внезапно и на близкомъ разстояніи ружейный залпъ. Но вотъ, за поворотомъ шоссе, мы видимъ еще четырехъ всадниковъ остановившихся на дорогѣ и различаемъ въ нихъ драгунскій разъѣздъ.

— До какого мѣста доходили? спрашиваетъ графъ Шуваловъ.

— Вонъ до этой караулки доходили, говорятъ драгуны, указывая на домикъ построенный не вдалекѣ впереди.

— Непріятеля видѣли?

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ поѣзжайте за мной, прибавляетъ Шуваловъ, подвигаясь далѣе по шоссе; мы проѣзжаемъ мимо караулки, у которой валяются на землѣ шесть труповъ Турокъ полузасыпанные снѣгомъ. Поворачиваемъ снова вправо и, отъѣхавъ съ полверсты, видимъ что шоссе начинаетъ подниматься нѣсколько въ гору, видимъ у самаго подъема еще караулку и шесть человѣческихъ фигуръ въ башлыкахъ у дымящагося костра: пятеро лежатъ на землѣ вокругъ огня; одинъ стоитъ облокотившись на ружье. Это турецкій пикетъ, расположенный вѣроятно на самомъ перевалѣ; дорога тутъ поднимается на пригорокъ лежащій поперекъ ущелья, и за этимъ пригоркомъ находится уже Араба-Конакъ и турецкія укрѣпленія оберегающія перевалъ.

— Вотъ до этого мѣста вы должны были доѣхать, обращается графъ Шуваловъ снова къ драгунамъ.

Мы стоимъ еще минуты съ двѣ, въ которыя графъ Шуваловъ смотрѣлъ въ бинокль на Турокъ и на окружаю-

щія насъ высоты. Фигуры у костра повидимому не замѣчаютъ нашей группы и продолжаютъ лежать и грѣться, сохраняя прежнія позы. Мѣшкать долѣе не представлялось никакой надобности, графъ Шуваловъ поворачиваетъ своего коня назадъ, и мы скрываемся за поворотомъ дороги, направляясь къ своему бивaку. «Завтра поѣдемъ на Павловскую гору», говоритъ графъ Шуваловъ, слѣзая съ коня у своей палатки.

Русскія позиціи противъ Араба-Конака сосредоточиваются на двухъ высотахъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ горъ Московской и Павловской.

Въ предыдущихъ моихъ письмахъ я упоминалъ уже что Турки, очистивъ Правицу, Этрополь и Орханіе, направили свое вниманіе главнымъ образомъ на защиту переваловъ черезъ Балканы и укрѣпились для этой цѣли въ Златицѣ, на горѣ Шандорникъ и на высотахъ у мѣстечка Араба-Конакъ на Софійскомъ шоссе. Русскія войска, въ свою очередь занявъ Этрополь и Орханіе, встрѣтились на перевалахъ Балканъ съ такими сильноукрѣпленными позиціями Турокъ что принуждены были ограничиться только занятіемъ высотъ насупротивъ турецкихъ, образовавъ со своей стороны линію укрѣпленныхъ позицій по сю сторону Балканъ. Такъ, Русскіе заняли Златицкій перевалъ и окопались на немъ; противъ горы Шандорникъ образовали двѣ позиціи, извѣстныя подъ именемъ позицій генерала Рауха и генерала Дандевиля, наконецъ противъ Араба-Конака укрѣпились на горахъ прозванныхъ Московскою и Павловскою по имени полковъ первоначально занявшихъ эти двѣ позиціи. Находясь на упомянутыхъ высотахъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ (въ одномъ мѣстѣ въ болѣе выгодныхъ противъ Турокъ условіяхъ, въ другомъ менѣе выгодныхъ), русскія войска воз-

держиваются отъ наступательныхъ дѣйствій, ограничиваясь укрѣпленіемъ и охраненіемъ своей боевой линіи, а также артиллерійскою перестрѣлкой съ непріятелемъ въ ясные дни, когда туманъ не мѣшаетъ видѣть турецкіе редуты и лагери. Но самое занятіе нынѣшнихъ позицій Русскихъ на Балканахъ сопряжено было съ большими трудностями, совершалось въ бою и сопровождалось огромною работой втягиванія орудій на крутыя высоты. Въ предыдущихъ письмахъ я уже имѣлъ случай разказать въ короткихъ чертахъ о томъ какъ произошло завладѣніе нашими войсками Златицкимъ переваломъ, какъ заняли позиціи и укрѣпились отряды Рауха и Дандевиля противъ горы Шандорника; л.-гв. Московскій полкъ въ свою очередь окрестилъ въ свое имя одну изъ горъ противъ Араба-Конака мечомъ и кровью въ день 21 ноября. Произошло это, по разказамъ очевидцевъ, слѣдующимъ образомъ.

По отступленіи Турокъ изъ Орханіе, 2 и 3 баталіоны Московскаго полка двинулись по шоссе по пятамъ непріятеля чтобъ идти за нимъ доколѣ будетъ возможно. Командиръ л.-гв. Московскаго полка полковникъ Гриппенбергъ, лично предводя этою колонной, получилъ свѣдѣніе что отступившій непріятель засѣлъ въ приготовленныхъ заранѣе укрѣпленіяхъ Араба-Конака. Не будучи знакомъ съ мѣстностью и идя такъ сказать ощупью, Гриппенбергъ повернулъ съ шоссе наудачу на одну изъ горъ и сталъ взбираться на нее чтобъ окинуть оттуда взоромъ окрестность и избрать позицію противъ непріятеля. Взбирался онъ на гору въ туманѣ, но когда дошелъ до вершины ея, то туманъ разсѣялся, и взору Гриппенберга внезапно предсталъ Араба-Конакъ съ его укрѣпленіями, лежащій внизу на разстояніи какихъ-нибудь 600 саженъ и командуемый съ

высоты на которой стоялъ Гриппенбергъ. Это было неожиданнымъ открытіемъ. «Орудія, скорѣй сюда орудія!» восkликликнулъ начальникъ Московскаго полка, и весь день 20-го и ночь съ 20 на 21 ноября прошли въ подъемѣ орудій на счастливо открытую гору. Хотя и соблюдалась при этомъ всевозможная тишина, но Турки изъ Араба-Конака успѣли замѣтить движеніе на Московской горѣ и понять что сдѣлали непростительную ошибку не занявъ ея сами и предоставивъ ее Русскимъ. Поэтому въ ночь на 21 ноября Турки поспѣшили сдѣлать обходное движеніе и укрѣпились на другой горѣ, приходившейся во флангъ Московской, такъ что на утро 21-го позиція Гриппенберга очутилась между трехъ огней: спереди ея былъ непріятель, слѣва находился Араба-Конакъ, а справа — Турки обошедшіе нашу позицію за ночь; словомъ, Московская гора какъ бы врѣзалась въ непріятеля своимъ исходящимъ угломъ или, по выраженію солдата: «врылась въ него свинымъ рыломъ.» Гриппенбергъ распорядился наскоро окопаться и нарыть нѣсколько ложементовъ на правомъ склонѣ своей горы противъ обошедшей его турецкой колонны, и помѣстилъ въ этихъ ложементахъ 2-й баталіонъ Московскаго полка подъ начальствомъ полковника Ляпунова. Къ двумъ баталіонамъ Московскаго полка подошли еще 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны. Въ 8 часовъ утра 21-го ноября, едва разсѣялся туманъ, Гриппенбергъ приказалъ открыть огонь изъ 6-ти орудій по укрѣпленіямъ Араба-Конака и стрѣлялъ такъ удачно что успѣлъ произвести въ турецкомъ редутѣ два взрыва. Непріятель со своей стороны направилъ изъ Араба-Конака 12 орудій на Московскую гору, нанося частымъ и мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ значительный вредъ нашимъ и подбивъ у насъ одно орудіе. Между прочимъ, одною изъ первыхъ

турецкихъ гранатъ былъ убитъ молодой офицеръ артиллеристъ Тиббольдъ. Разказываютъ что, раненый въ грудь осколкомъ снаряда, Тиббольдъ, падая на землю, воскликнулъ: «Боже, чтò со мной?» Подбѣжавшій къ нему фейерверкеръ обратился къ нему съ вопросомъ: «ваше благородіе! Никакъ вы ранены?» «Убитъ!» проговорилъ Тиббольдъ, и это были его послѣднія слова. Жертвою слѣдующей гранаты палъ поручикъ Войницкій, убитый наповалъ. Наконецъ, одинъ снарядъ попадаетъ въ буковое дерево, разламываетъ его въ щепы и убиваетъ разлетѣвшимися осколками и щепами пятерыхъ солдатъ на смерть и семерыхъ ранитъ. Канонада турецкая длится до 10-ти часовъ утра. Въ 10 часовъ начинается атака; Турки наступаютъ тремя колоннами: одна кидается съ горы занятой ими ночью прямо на ложементы 2-го баталіона Московскаго полка, другая идетъ по подошвѣ Московской горы съ цѣлью обойти ее въ тылъ; третья, изъ Араба-Конака, лѣзетъ вверхъ на нашу батарею съ намѣреніемъ завладѣть орудіями.

Прикрываютъ орудія всего двѣ роты, которыя не въ состояніи удержать напора массы наступающаго врага; Турки лѣзутъ въ гору какъ ошалѣлые съ криками «алла!» Они уже близко отъ орудій, нѣсколько человѣкъ ихъ взбираются на брустверъ и нельзя ударить по нимъ картечью, ибо отъ частой стрѣльбы и пороховаго дыма затворы у орудій загрязнились до того что отказываются служить; воды же по близости нѣтъ чтобъ обмыть и очистить остановившійся механизмъ. Артиллеристы растерялись; кто вынимаетъ шашку, кто прячется за брустверъ; собрались кучкой въ ожиданіи съ минуты на минуту послѣдней развязки. Тогда Гриппенбергъ, собравъ остававшіяся въ резервѣ части 3-го баталіона своего полка, появляется во главѣ

ихъ съ обнаженною саблей: «Разступись, артиллеристы!» кричитъ онъ смутившейся прислугѣ при орудіяхъ:—«Московцы идутъ!» Начинается ружейная и штыковая работа, и Турки принуждены отступить вплоть до подошвы горы, оставляя на ея склонѣ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Чрезъ часъ Турки возобновляютъ атаку изъ Араба-Конака и снова лѣзутъ въ направленіи нашей батареи. Разсыпавшись цѣпью въ кустахъ и за каменьями, 3-й баталіонъ Московскаго полка встрѣчаетъ непріятеля баталіоннымъ огнемъ, причемъ капитанъ де-Лаваль-Велкъ расхаживаетъ взадъ и впередъ по цѣпи, командуя солдатамъ: «Не горячись! не жги патроновъ даромъ; ставь прицѣлъ на триста; теперь на двѣсти, ставь на полтораста.» Вскорѣ раненый пулею въ лицо, пробившею ему обѣ челюсти и задѣвшею языкъ, де-Лаваль-Велкъ идетъ окровавленный изъ цѣпи, и отыскавъ Грипненберга, знаками проситъ у него бумаги и карандашъ. «Ради Бога пошлите скорѣй офицера къ моей ротѣ замѣнить меня,» пишетъ онъ на поданномъ клочкѣ бумаги.

На другомъ склонѣ горы встрѣчаютъ Турокъ обходящихъ въ тылъ Московскую гору 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны; а 2-й баталіонъ Московскаго полка, подъ начальствомъ полковника Ляпунова, открываетъ огонь изъ своихъ ложементовъ по наступающему на эти ложементы непріятелю. Тутъ дѣло тянется долгое время съ перемѣннымъ счастьемъ, въ которомъ то Турки доходятъ до нашихъ ложементовъ, то наши занимаютъ ближайшія турецкія траншеи, прогоняя непріятеля въ гору. Когда наши принуждены отступить изъ турецкихъ траншей, Турки накидываются мимоходомъ на оставшихся въ траншеяхъ Русскихъ раненыхъ и убитыхъ, докалываютъ раненыхъ и поспѣшно снимаютъ съ мертвыхъ всю одежду, все до по-

слѣдней нитки, унося награбленное съ собой. Къ 3-мъ часамъ дня атака Турокъ отбита на всѣхъ пунктахъ и къ 7-ми часамъ вечера умолкаетъ окончательно всякая перестрѣлка. Оба непріятеля удерживаютъ каждый свои первоначальныя позиціи, за исключеніемъ нѣсколькихъ траншей у подошвы турецкой горы, не занятыхъ ни нами, ни Турками. Между прочимъ, въ этихъ траншеяхъ остался одинъ раненый въ бедро солдатъ Московскаго полка, притворившійся мертвымъ въ ту минуту когда Турки, во время боя перейдя снова въ наступленіе, овладѣли траншеями и начали прикалывать раненыхъ. Турки, принявъ этого солдата въ самомъ дѣлѣ за мертваго, ограничились тѣмъ что раздѣли его донага, унесли съ собой что на немъ было и легонько ударили его прикладомъ ружья.

На другой день битвы, когда наши полковые санитары осмѣлились дойти до траншей, гдѣ между убитыми Турками и Русскими лежалъ и нашъ раненый солдатъ, между санитарами и этимъ раненымъ произошелъ разговоръ слѣдующаго рода:

— Ребята, подберите меня, говоритъ раненый санитарамъ.

— Да вѣдь ты — Турка, возражаютъ санитары.

— Какой же я Турка — протестуетъ раненый, — Московскаго полка, ей-Богу, помереть на мѣстѣ — свой!

— А ну-ка, перекрестись! — Раненый крестится.—Это и Турка зачнетъ кститься, обморочитъ, гляди, ты ему и повѣришь. Кто тебя голаго-то распознаетъ, продолжаютъ санитары.

— Ей-Богу — свой, начальства моего спросите. Миколаемъ зовутъ.

— Ай подобрать? останавливаются санитары, и кончаютъ тѣмъ что подбираютъ раненаго.

Турки наступали на Московскую гору въ числѣ 15—20 таборовъ противъ 4 баталіоновъ нашего войска, причемъ, по разказамъ плѣнныхъ, атакой руководилъ лично Мегеметъ-Али-паша, подъ которымъ, какъ говорятъ, были убиты четыре лошади, и онъ, не имѣя по близости пятой, сѣлъ будто бы верхомъ на осла и на ослѣ продолжалъ командованіе.

Послѣ отбитой атаки, Турки не возобновляли болѣе наступленія на Московскую гору, да и наша батарея на Московскй горѣ (увеличенная еще четырьмя втащенными на верхъ орудіями) не открывала послѣ битвы 21 ноября огня по Араба-Конаку. Наступившіе туманные дни, окутавъ непроглядною пеленой обоихъ сошедшихся близко враговъ, остановили взаимный обмѣнъ гранатами и пулями, но за то дали возможность и время каждому укрѣпиться на своей позиціи и обнести себя рядами земляныхъ стѣнъ. Турки возвели уже на горѣ, которую заняли въ ночь на 21 ноября, редутъ почтенныхъ размѣровъ и продолжаютъ окапываться; наши солдаты въ свою очередь возводятъ люнетъ на Московской горѣ и роютъ траншеи. Скрытый отъ насъ туманомъ, непріятель находится въ близкомъ разстояніи отъ Московской горы съ обоихъ ея фланговъ. Когда бываешь на этой позиціи, то ясно слышишь шумъ, гвалтъ и крики сопровождающіе обыкновенно турецкія работы; различаешь отчетливо даже отдѣльныя восклицанія въ родѣ: «Абдулъ! Магометъ! Гайда! гай-ли-ля!» и много непонятныхъ выраженій. И странно бываетъ внимать такъ близко говору непріятеля, скрытаго за туманомъ, такъ близко что вотъ-вотъ кажется рукой подать! И о чемъ галдятъ они своими крикливыми голосами? Роютъ землю; слышно какъ стучатъ топорами о дерево, кирками о камень; кричатъ быть-можетъ то же

самое что и около себя слышишь, только не такъ громко произнесенное: «куда, чортъ, съ лопатою лѣзешь!»; «эй, ребята, ломъ сюда давайте!»; «ну, и земля же; одно слово: камень на камнѣ....»

Другая позицiя наша на Софiйскомъ шоссе, Павловская гора, была занята безъ бою и въ видахъ предупрежденiя Туркамъ возможности дальнѣйшихъ обходныхъ движенiй съ ихъ стороны; находится она почти-что въ тылу турецкой позицiи занятой Турками въ ночь на 21 ноября.

Позицiями на Златицкомъ перевалѣ, Рауха и Дандевиля, Московскою горой и Павловскою исчерпывается рядъ нашихъ укрѣпленiй насупротивъ турецкихъ позицiй оберегающихъ главнѣйшiе перевалы черезъ Балканы въ долину Софiи. Въ сторонѣ ото всѣхъ вышеупомянутыхъ позицiй и безъ непосредственной связи съ нимъ находится мѣстечко Лютиково, въ окрестностяхъ котораго Турки въ числѣ отъ 4 до 5 тысячъ стерегутъ еще одну дорогу ведущую черезъ Лютиково въ Софiю. Противъ Лютикова мы имѣемъ свою укрѣпленную гору, извѣстную подъ названiемъ Финской горы, по имени расположеннаго въ ней Финскаго стрѣлковаго баталiона.

Орханiе,
28-го ноября 1877 года.

IV.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

Положеніе солдатъ въ горахъ наканунѣ перехода.

Завладѣвъ долиной Правицы, Этрополемъ и Златицкимъ переваломъ, генералъ Гурко встрѣтился съ такими сильно укрѣпленными позиціями непріятеля на перевалахъ Балканскаго хребта что дальнѣйшее наступательное движеніе стало невозможнымъ; пришлось поэтому, въ ожиданіи развязки дѣлъ подъ Плевной и присылки новыхъ подкрѣпленій войсками, ограничиться занятіемъ оборонительнаго положенія противъ турецкихъ укрѣпленій въ горахъ. Я сообщалъ уже вамъ въ предыдущихъ письмахъ о томъ какого неимовѣрнаго труда стоило поднятіе орудій на недоступныя высоты, какія усилія потребовались для борьбы съ суровою природой Балканъ. Но и по занятіи горныхъ позицій нашими войсками, вплоть до настоящей минуты, борьба русскаго солдата съ природой не только не прекратилась и не смягчилась, но приняла еще болѣе открытый, вызывающій характеръ. Суровая зима завернула въ Балканскія горы, засыпала ихъ глубокимъ снѣ-

гомъ и развернула во всей полнотѣ свои дикія явленія: то хватитъ морозъ въ 15—20 градусовъ, то поднимется вьюга съ метелью и завывающимъ, стонущимъ вѣтромъ: столбами несутся и крутятся снѣжные хлопья, гнутся и трещатъ высокія деревья... Солдаты, на высотѣ 4 тысячъ футовъ, выбивъ себѣ траншейки въ мерзлой землѣ, стоятъ лицомъ къ лицу съ суровою зимой, словно въ открытомъ бою принимаютъ на себя разыгравшіяся силы природы. Траншею засыпаетъ снѣгомъ; костеръ изъ сыраго дерева не горитъ; ноги въ поизносившихся сапогахъ отказываются служить; ружье вываливается изъ окоченѣвшихъ рукъ. Ночь на аванпостахъ, гдѣ нельзя ни огня развести, ни бѣгать, ни даже шевелиться на своемъ мѣстѣ, дѣйствуетъ губительно; такая ночь стоитъ сразу нѣсколькихъ жертвъ. Подъ утро плетутся съ горъ въ Орханіе и Этрополь натерпѣвшіеся воины: у кого руки отмерзли, у кого нога какъ чужая, другаго бьетъ нестерпимый кашель: плетутся они безропотные, безотвѣтные, сознательно перенося всѣ лишенія, тягости и самую болѣзнь. Спросите ихъ: «Ну, что, братъ, каково тебѣ?» — «Ничего, ваше б—діе! Холодно больно: голову маленько разломило, грудь ломитъ.» Послушайте разговоръ у костра. Солдатъ объясняетъ столпившимся товарищамъ почему Царь-Батюшка мира съ супостатомъ не заключаетъ. «Кабы за что другое воевали, а то, братъ, за *религію* воюемъ...»

Въ особенности тяжело положеніе солдата на Златицкомъ перевалѣ, гдѣ мѣсто на вершинѣ горы открытое, ничѣмъ не защищаемое отъ вѣтра. Тамъ зачастую гудитъ цѣлый день снѣжная буря, построенныя на скорую руку землянки засыпаетъ снѣгомъ совсѣмъ, такъ что по утрамъ приходится вырывать ихъ изъ снѣжныхъ сугробовъ. Кромѣ того, Турки зорко стерегутъ малѣйшее движеніе наше

на Златицкомъ перевалѣ, и едва, напримѣръ, замѣчаютъ огонь нашего костра или дымъ отъ него, тотчасъ же направляютъ туда свои ружейные выстрѣлы съ окрестныхъ высотъ. Поэтому въ траншеяхъ на аванпостахъ объ огнѣ не можетъ быть и рѣчи; приходится лежать неподвижно въ снѣгу цѣлую ночь. Вѣтеръ и вьюгу смѣняетъ оттепель, и солдатская шинель насквозь становится мокрою; къ вечеру завернетъ морозъ градусовъ въ 20, и мокрая шинель промерзаетъ, сидитъ на солдатѣ коломъ, не облегаетъ тѣла и не грѣетъ. Солдаты, гдѣ можно развести огонь, лѣзутъ близко къ костру, дымъ котораго вмѣстѣ съ искрами, раздуваемый вѣтромъ, бросается въ глаза, производитъ воспаленіе. Больныхъ глазами много. Тяжело пришлось русскому человѣку на Балканскихъ горахъ въ глухую зимнюю пору; но несетъ онъ свой крестъ безъ жалобъ, понимая всю необходимость, все значеніе претерпѣваемыхъ лишеній. Всего одинъ разъ только случилось мнѣ услышать нѣчто похожее на жалобу изъ устъ солдата, спускавшагося съ отмороженными ногами съ позиціи въ Орханіе. На вопросъ встрѣчнаго офицера: «холодно было ночью?»—«адъ! ваше б—діе, отвѣчалъ солдатъ.—«Хоть бы поскорѣй куда повели; чистый адъ, куда лучше бы на штурмъ идти!»

Генералъ Гурко между тѣмъ цѣлые дни ходитъ угрюмый и сердитый; генералъ чувствуетъ что это ужъ не война съ Турками, которыхъ онъ не привыкъ страшиться, а борьба съ иными силами—превыше человѣческихъ. Неизвѣстно какихъ бы еще жертвъ впереди потребовала отъ насъ суровая зима въ горахъ, но радостная вѣсть о паденіи Плевны и о томъ что идутъ къ намъ большія подкрѣпленія явилась какъ близкое избавленіе насъ отъ положенія становившагося день ото дня невыносимѣе. Ге-

нералъ Гурко, получивъ извѣстіе о выступленіи изъ-подъ Плевны новыхъ силъ, поступающихъ подъ его командованіе, отправилъ имъ не медля предписаніе идти форсированнымъ маршемъ къ Орханіе безъ дневокъ, большими переходами, словомъ—прибыть елико возможно скорѣе на мѣсто. Но колонны подтянулись къ Орханіе только къ 10 декабря, а обозы съ сухарями только къ 12-му. Движеніе колоннъ было замедлено артиллеріей и обозами, которые по обледенѣвшей дорогѣ не могли поспѣвать за войсками. Лошади, тащившія орудія и зарядные ящики по скользкому шоссе словно по стеклу, ежеминутно спотыкались, падали, выбивались изъ силъ и при малѣйшемъ подъемѣ въ гору отказывались вовсе служить. Напрасно солдаты принимали лошадей въ десять палокъ и истощали цѣлые потоки брани; дѣло кончилось тѣмъ что самимъ солдатамъ пришлось везти на себѣ артиллерію и обозы. 12 декабря генералъ Гурко имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи всѣ войска и обозы, и выступленіе назначено на завтра, 13 декабря. Со свѣтомъ, завтра, мы двигаемся на перевалы Балканъ: что̀ ожидаетъ насъ тамъ и какое сопротивленіе окажутъ намъ Турки—кто знаетъ? Но каждый въ отрядѣ отъ генерала до рядоваго съ радостью покидаетъ свои настоящія, суровыя стоянки.

Орханіе,
12 декабря 1877 года.

Стратегическій планъ перехода черезъ Балканы.—Маневры въ горахъ.—Диспозиція перехода.

Переходъ генерала Гурко за Балканы въ долину Софіи есть лишь заключительный актъ длиннаго ряда маневровъ, предпринятыхъ съ самаго момента нашего вступленія въ Балканы. Этотъ переходъ есть только развитіе или окончательное исполненіе плана военныхъ операцій въ Балканахъ, плана заранѣе выработаннаго генералами Гурко и Нагловскимъ и нынѣ блистательно завершеннаго. Основная мысль всѣхъ военныхъ дѣйствій предпринятыхъ нами противъ турецкихъ укрѣпленій въ горахъ заключалась въ постоянномъ обходѣ турецкихъ позицій въ тылъ и въ угрозахъ Туркамъ отрѣзывать имъ пути отступленія. Такой образъ дѣйствій принуждалъ непріятеля поспѣшно покидать свои позиціи изъ боязни быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ русскими войсками и запертымъ въ своемъ укрѣпленіи какъ въ клѣткѣ. Турки отступали съ обходимыхъ нами высотъ и укрѣплялись на ближайшихъ слѣдующихъ высотахъ, держась тамъ до тѣхъ поръ пока мы не приступали къ новому обходному движенію. Такимъ способомъ мы оттѣснили постепенно Турокъ съ первыхъ отроговъ Балканъ до самыхъ возвышенныхъ пунктовъ хребта, т.-е. до переваловъ, гдѣ Турки засѣли въ заранѣе приготовленныхъ ими укрѣпленіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ линіи Шандорникъ—Араба-Конакъ. Кромѣ того, Турки удержались еще въ Лютиковѣ и сосредоточили часть своихъ силъ въ Златицѣ, такъ что линія турецкихъ позицій, оберегающая перевалы черезъ хребетъ

Балканъ, оказалась до того растянутою и сильно укрѣпленною что рѣшиться на новый обходъ ея съ находившимися въ распоряженіи генерала Гурко войсками представлялось дѣломъ слишкомъ рискованнымъ, и мы поэтому принуждены были, въ ожиданіи развязки дѣлъ подъ Плевной, остановиться у переваловъ въ виду непріятеля и занять оборонительное положеніе.

Если вы припомните, наши военныя операціи въ Балканахъ начались съ занятія нами позицій близь селенія Осиково и въ селеніи Ханъ-Бруссенъ. Изъ Осикова колонна генерала Рауха обошла въ тылъ турецкія укрѣпленія, расположенныя на высотахъ близь деревни Правицы (Правца); одновременно съ этимъ колонна генерала Дандевиля изъ Ханъ-Бруссена двоякимъ обходнымъ движеніемъ угрожала отрѣзать Этрополь со всѣми оберегающими его турецкими позиціями. Турки изъ Правицы отступили въ Орханіе, а изъ Этрополя на гору Шандорникъ; на Шандорникѣ Турки засѣли въ построенномъ ими заранѣе редутѣ, который по своей неприступности и высокому положенію на самой верхушкѣ горы былъ прозванъ солдатами «поднебеснымъ редутомъ». Затѣмъ изъ Этрополя русскія войска успѣли овладѣть Златицкимъ переваломъ, а противъ горы Шандорника заняли двѣ позиціи на окрестныхъ высотахъ, изъ которыхъ одна приходилась почти-что въ тылу Орханіе и могла обстрѣливать Софійское шоссе между Орханіе и Араба-Конакомъ. Это послѣднее обстоятельство принудило Турокъ очистить Орханіе и отступить къ Араба-Конаку, между которымъ и горой Шандорникъ Турки возвели рядъ редутовъ, снабженныхъ орудіями и защищаемыхъ войскомъ въ числѣ отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ. Подвинувшись затѣмъ по шоссе вслѣдъ за отступившимъ непріятелемъ, колонна

графа Шувалова укрѣпилась противъ Араба-Конака на Московской и Павловской горахъ и подала руку нашимъ позиціямъ противъ Шандорника. Ставъ такимъ образомъ повсюду на перевалахъ Балканъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и ограничиваясь взаимнымъ обмѣномъ съ нимъ артиллерійскими снарядами, генералъ Гурко, въ ожиданіи подкрѣпленій войсками, устремилъ свое главное вниманіе на подготовительную работу для окончательнаго перехода за Балканы,—именно на изысканіе обходныхъ путей черезъ перевалы въ долину Софіи, съ тѣмъ чтобы спустившись въ долину выйти въ тылъ линіи Шандорникъ—Араба-Конакъ и отрѣзать засѣвшихъ тамъ Турокъ отъ Софіи и Филиппополя. Но найти сколько-нибудь сносную дорогу черезъ горы было крайне трудно, ибо всѣ проходимые пути были въ рукахъ непріятеля; свободными же оставались лишь немногія горныя тропинки, недоступныя для артиллеріи и столь крѣпко защищенныя самою природой что даже Турки не сочли нужнымъ охранять ихъ или запереть спускъ по нимъ въ Софійскую долину. Между тѣмъ весь вопросъ заключался въ томъ чтобы пробраться черезъ горы съ цѣлою арміей, пѣхотой и артиллеріей, незамѣтно для непріятеля появиться въ долинѣ неожиданнымъ гостемъ и ударить Туркамъ въ тылъ. Послѣ долгихъ изысканій рѣшено было остановиться на трехъ слѣдующихъ направленіяхъ (путями назвать ихъ нельзя, за исключеніемъ развѣ одного): между Шандорникомъ и Злaтицкимъ переваломъ черезъ гору Баба выйти въ долину на селенія Буново и Мирково, по другому направленію—начать подъемъ близъ селенія Врачешти и спуститься съ горъ на селенія Чуріякъ, Потопъ и Елесницу, и наконецъ, по третьей тропѣ, взобраться на перевалъ, обозначенный на австрійской картѣ названіемъ Umurgas и сойти

съ него въ долину на селеніе Жиляву. Изъ этихъ трехъ направленій, самая главная роль выпадала на долю старой Софійской дороги (отъ которой впрочемъ не осталось никакихъ слѣдовъ), проходящей на Чуріякъ, Потопъ и Елесницу: по этой дорогѣ предназначалось двигаться авангарду и главнымъ силамъ отряда. По свѣдѣніямъ доставленнымъ Болгарами и взятыми въ плѣнъ Турками оказывалось что выходы въ долину по тремъ сказаннымъ направленіямъ вовсе не защищаются Турками, или же оберегаются самыми незначительными силами, въ родѣ трехъ-четырехъ ротъ пѣхоты въ Потопѣ и Елесницѣ, и нѣсколькихъ сотенъ Черкесовъ и Зейбековъ въ Буновѣ и Мирковѣ. Ни укрѣпленій, ни грозныхъ редутовъ тамъ нѣтъ у непріятеля, очевидно не ожидающаго появленія Русскихъ въ этихъ проходахъ, и необходимо поэтому сохранять строжайшую тайну предполагаемаго движенія, чтобы не дать Туркамъ времени опомниться, стянуть туда значительныя силы и запереть намъ выходы въ долину Софіи.

12 декабря подтянулись наконецъ къ Орханіе столь давно ожидаемыя войска со всею артиллеріей и обозами, и въ распоряженіи генерала Гурко оказались налицо достаточныя силы для послѣдняго маневра въ Балканахъ— перевала за Балканы. На 13 декабря предписано было начать рано утромъ движеніе въ горы, соблюдая при этомъ слѣдующій порядокъ:

Авангарду подъ начальствомъ генерала Рауха (л.-гв. Преображенскій полкъ, л.-гв. Измайловскій, 1-й и 4-й л.-гв. стрѣлковые баталіоны, Козловскій пѣхотный полкъ; всего 13 баталіоновъ при 16 пѣшихъ орудіяхъ; Кавказская казачья бригада—11 сотенъ при 4 конныхъ орудіяхъ) выступить изъ Врачешти 13 декабря, въ 5 часовъ утра, и слѣдовать по старой Софійской дорогѣ на перевалъ Бал-

канъ, откуда спуститься въ сел. Чуріякъ и Потопъ и выйти въ долину Софіи, на селеніе Елесницу.

Колоннѣ генералъ-лейтенанта Каталея (два эшелона: л.-гв. Волынскій и Прусскій полки при 16-ти орудіяхъ; Астраханскій драгунскій полкъ; одна сотня Кавказской казачьей бригады, подъ начальствомъ генералъ-майора Курлова; л.-гв. Литовскій и Австрійскій полки, 2-й и 3-й л.-гв. стрѣлковые баталіоны, при 8 орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Философова) слѣдовать за авангардомъ по той же дорогѣ.

Правой колоннѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, выступивъ изъ Врачешти, идти на гору Умургачъ и оттуда спуститься въ селеніе Жиляву.

Отдѣльной Этропольской колоннѣ, подъ начальствомъ генералъ-майора Дандевиля, выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Баба.

Кромѣ того, предписывалось отрядамъ гр. Шувалова (противъ Араба-Конака), Его Высочества Принца Ольденбургскаго (противъ горы Шандорникъ), генералъ-майора Брока (на Златицкомъ перевалѣ), оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ и зорко слѣдить за непріятелемъ. Отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера оставаться на позиціяхъ у Врачешти и Скривна и наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ Лютиковскую позицію, составляя заслонъ противъ этой позиціи. Общее командованіе надъ отрядами принца Ольденбургскаго, графа Шувалова, Брока и Шильдеръ-Шульднера возложено на командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта барона Криденера. Генералъ Гурко лично предполагаетъ слѣдовать со своимъ штабомъ за авангардною колонной, то-есть между колоннами Рауха и Каталея. Стратегическій планъ, лежащій въ

основаніи всего предстоящаго движенія черезъ Балканы, выработанный генералами Гурко и Нагловскимъ, заключается въ томъ чтобы сильными демонстраціями съ нашихъ позицій противъ Араба-Конака и Шандорника, а также и на нашемъ лѣвомъ флангѣ (то-есть на Златицкомъ перевалѣ), и колонной Дандевиля сосредоточить тамъ все вниманіе непріятеля, а также заставить его предположить что мы собираемся перейти Балканы всѣми силами черезъ гору Баба на Буново и Мирково; между тѣмъ, направить черезъ Балканы главныя силы на нашемъ правомъ флангѣ и втихомолку отъ Турокъ перевалить на Чуріякъ, Потопъ и Елесницу и черезъ Умургачъ на Жиляву. Планъ этотъ очевидно требуетъ двухъ непремѣнныхъ условій для успѣшнаго исполненія: быстроты движенія колоннъ переходящихъ Балканы и соблюденія строжайшей тайны, ибо узнай Турки что мы собираемся выйти главными силами на Чуріякъ, Елесницу и Жиляву, они укрѣпятъ эти выходы, настроятъ редутовъ на господствующихъ высотахъ, и переходъ черезъ Балканы будетъ пріостановленъ, затрудненъ на неопредѣленное время, придется открытою силой пробиваться тогда въ долину Софіи, брать штурмомъ редуты и положить на мѣстѣ Богъ знаетъ сколько человѣкъ нашихъ солдатъ. Но «отъ судьбы своей никуда не уйдешь,» выразился генералъ Гурко наканунѣ перехода черезъ Балканы. «Съ нашей стороны сдѣлано все возможное для успѣха дѣла; въ остальномъ поможетъ Богъ.» 13-го декабря рано утромъ колонны двинулись въ горы.

Чуріякъ,
16 декабря 1877 года.

Перевалъ черезъ хребетъ авангардной колонны. Гурко и штабъ на перевалѣ.

Въ 9 часовъ утра 13 декабря генералъ Гурко вышелъ изъ своего маленькаго домика въ Орханіе и, перекрестившись, сѣлъ на коня. Ординарцы, конвой, выстроившіеся полукругомъ у домика генерала, двинулись за генераломъ по улицамъ Орханіе. Каждый изъ насъ безъ сожалѣнія покидалъ неуютный, негостепріимный городъ, въ которомъ сквозные, промерзшіе дома безъ печей не защищали отъ холода. Утро было туманное; шоссе, по которому мы двигались въ направленіи ко Врачешти, обледенѣло за ночь и было скользко какъ хорошо отполированное стекло. Лошади не шли, а скользили по немъ и разъѣзжались ногами въ разныя стороны. Мы то и дѣло обгоняли спѣшившихся всадниковъ, тянувшихъ своихъ коней за повода; многія изъ лошадей хромали, побивъ себѣ ноги при паденіи; попадались намъ также на пути тяжелые фургоны, запряженные четверкой лошадей, неподвижно стоявшіе посреди дороги; напрасно солдаты кричали и били лошадей кнутами и палками, обезсилѣвшія животныя рвались впередъ, скользили ногами и падали на ледъ. Съ дороги свернуть было некуда, ибо съ одного края шоссе пролегалъ замерзшій ручей, а съ другаго лежалъ снѣгъ выше пояса. Генералъ Гурко ѣхалъ впереди медленнымъ шагомъ, молчаливый и задумчивый. Много случайностей представлялъ начатый сегодня переходъ черезъ Балканы. Удастся ли безъ потерь выйти изъ горъ на Софійскую долину, насѣсть на Турокъ съ тылу, или быть-можетъ Турки уже знаютъ,

стерегутъ наше движеніе и готовятся встрѣтить наши колонны, стянувшіяся въ узкое горное дефиле, частымъ огнемъ съ высотъ и въ ущельи?.... Много рискованнаго представляло предпринятое сегодня движеніе! Доѣхавъ до селенія Врачешти, мы повернули по шоссе влѣво въ ущелье, и сдѣлавъ ущельемъ около шести верстъ, остановились противъ неширокой дорожки, отдѣлявшейся отъ шоссе и круто загибавшей въ гору. Вся видимая по горѣ часть этой дорожки и шоссе у подошвы горы были запружены войсками: солдатами, орудіями, зарядными ящиками, конными и пѣшими людьми. Говоръ и шумъ стояли въ этой толпѣ, медленно, медленно втягивавшейся въ гору, до того медленно что казалось по цѣлымъ часамъ тѣ же группы, тѣ же лица стояли все на томъ же мѣстѣ. Генералъ сошелъ съ коня противъ этой дорожки и направился къ войлочнымъ кибиткамъ, разбитымъ у шоссе уполномоченнымъ Общества Краснаго Креста; тутъ предполагалось также и мѣсто для будущаго перевязочнаго пункта. Въ кибиткахъ уже лежало нѣсколько человѣкъ больныхъ большею частію ушибами при паденіи вмѣстѣ съ лошадьми на скользкой дорогѣ, лежалъ тутъ на соломѣ уланъ съ переломленною ногой и сильно морщился отъ боли; лежало нѣсколько человѣкъ солдатъ покрытыхъ одѣялами, благодѣтельно припасенными заботливостью Краснаго Креста. Генералъ Гурко, едва сошелъ съ коня, былъ сейчасъ же окруженъ начальниками частей, съ которыми онъ то говорилъ въ одиночку, то громко обращался ко всѣмъ. День наступилъ между тѣмъ солнечный, ясный и не холодный, и это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ въ отрядѣ. Замѣчательно что всѣ дни битвъ генерала Гурко съ непріятелемъ сопровождались яснымъ солнечнымъ блескомъ и теплотой. Такъ это было

въ первомъ за-Балканскомъ походѣ, такъ было и подъ Горнимъ-Дубникомъ, Телишемъ и наконецъ у Правицы и Этрополя. Сегодня, послѣ ряда морозныхъ дней и вьюги, природа подарила намъ снова солнечный не холодный день, ослѣпительнымъ блескомъ озарившій кругомъ снѣжныя высокія горы. Но генералъ былъ видимо чѣмъ-то недоволенъ; онъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ около войлочныхъ кибитокъ, ежеминутно посылалъ ординарцевъ въ гору съ приказаніями и сердито глядѣлъ на запруженную солдатами горную дорожку. Въ самомъ дѣлѣ, было уже три часа дня, а половина авангардной колонны еще не втянулась въ гору; переднее орудіе съ пяти часовъ утра до трехъ часовъ дня не успѣло дойти до перевала. «Чуть крутой подъемъ, объяснялъ громко генералъ какому-то офицеру, — лошадей долой! На людяхъ везите; чтобы, какъ говорится, — шло. Какъ, невозможно? На лошадяхъ невозможно — люди, если нужно, на стѣну вывезутъ....» Съ горной дорожки доносились между тѣмъ крики, понуканья, иногда пѣсня, повторенные глухимъ эхомъ горъ. Тамъ совершалась тяжелая работа. Дорожка, отлого входившая въ гору, поворачивала далѣе на крутизну и вплоть до перевала, всего около пяти верстъ, шла постоянно на крутую гору. Дорожка эта обледенѣла до того что пѣшему человѣку мучительно было взбираться по ней; легко было, сдѣлавъ версту такого пути, совсѣмъ выбиться изъ силъ. Съ правой стороны дорожки виднѣлся обрывъ, становившійся тѣмъ глубже чѣмъ выше приходилось подниматься въ гору; за обрывомъ лежала большая полукругомъ расположенная гора, сплошь поросшая лѣсомъ и загораживающая горизонтъ. Слѣва поднималась также гора покрытая лѣсомъ. Бѣлый какъ пухъ снѣгъ повсюду да лѣсъ на склонахъ и вершинахъ горъ окружали ледяную

дорожку. Лошади давно были выпряжены изъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, и солдаты впряглись въ нихъ сами, перекинувъ гужи и веревки себѣ за плечи; у каждаго орудія участвовало въ работѣ по двѣсти солдатъ, изъ которыхъ одна половина тянула орудіе, другая несла ружья и мѣшки рабочихъ. Крики и понуканья на всевозможные лады царили отъ мѣста подъема и до далекой, еще не видной высоты: тяжело согнувшись, по четыре и по шести человѣкъ въ рядъ, солдаты тянули на себѣ вверхъ массивное чудовище, скользя ногами, падая, поднимаясь и снова нагибаясь всѣмъ тѣломъ. «Ге е-ей! у у-у! вали, вали, вали! уррра-а!» раздавалось по горѣ. Еще повыше, впереди, у заряднаго ящика, чрезъ каждыя двѣ минуты звучала монотонная, на одинъ и тотъ же ладъ повторяемая пѣсня: «Гей, двинемъ, пойдетъ, пойдетъ, идетъ! иде-оо-тъ!» — пѣсня, покрываемая и ближними и дальними неумолкавшими ни на секунду криками: «Ге-е-ей, у-у-у, вали, вали, вали! уррр-а!» И надо всею этою извивающеюся по дорожкѣ въ гору толпой, шумящею, кричащею, напряженно тащившею огромную тяжесть, простирали высокія деревья свои причудливо вырѣзанныя вѣтви, густо опушенныя снѣгомъ. Между тѣмъ орудія и ящики двигались медленно, съ ежеминутными продолжительными остановками; переднія задерживали постоянно заднія. Генералъ Раухъ бѣгалъ отъ одной кучки солдатъ къ другой, понукалъ, кричалъ: «впередъ! № 4-й орудіе — маршъ!» — «Дорога заграждена,» раздавался отвѣтъ. «Впередъ! впередъ!» кричалъ генералъ, пробираясь сторонкой орудія по глубокому снѣгу. Мѣшкать было нельзя. Раухъ, разославъ съ разными приказаніями всѣхъ своихъ ординарцевъ, остался одинъ въ срединѣ колонны, видимо измучился и усталъ страшно. Между тѣмъ генералъ Гурко то и дѣло присылалъ къ нему своихъ

ординарцевъ съ вопросами: «до какого мѣста дошли орудія?» а иногда и съ суровыми восклицаніями, написанными на клочкѣ бумаги: «спятъ у васъ что ли люди?» Но люди не спали: они тянули и тянули вверхъ огромныя тяжести, устали, измучились, но не унывали. Вотъ кучка солдатъ Козловскаго полка, остановившаяся съ орудіемъ въ ожиданіи заряднаго ящика, заградившаго путь впереди.

— Молодая, говоритъ солдатъ,— поглаживая пушку,— со мной вмѣстѣ на службу поступила.

— А ты гляди, держи, говорятъ другіе,—еще сорвется подъ гору.

— Кабы сорвалась, какъ бы ловко полетѣла! Тебя ждать бы не стала.

— Такъ, братъ, и закачала бы съ тобой.

Какъ на грѣхъ, камешекъ подложенный подъ колесо орудія скользитъ, и вся махина подается назадъ; часть солдатъ отскакиваетъ въ сторону, другая наваливается на задокъ орудія и успѣваетъ удержать орудіе на мѣстѣ. Ребята! Эй!» раздается въ кучкѣ: «у кого нога свербитъ — подставьте!»

Розовая заря проглянула изъ-за деревьевъ, но не надолго. Темнѣть стало быстро, ледяная тропинка и окружающія горы потонули въ общемъ смутномъ освѣщеніи; одно лишь небо еще яснѣло послѣдними блѣдными полосками зари. Чѣмъ выше, обходя орудія, идешь въ гору и поднимаешься къ слѣдующимъ орудіямъ тѣмъ утомленнѣе люди и тѣмъ медленнѣе подвигается дѣло.

— И кто это понастроилъ эндакія горы? говоритъ солдатъ, опираясь всѣмъ тѣломъ о зарядный ящикъ.

— А все Турокъ проклятый! Безъ его такъ бы и шелъ безо всякой помѣхи, раздается въ другомъ мѣстѣ.

— Кабы на гору, братцы, взобраться—все легче! говоритъ третій.

— Вотъ я шесть лѣтъ служилъ на Капказскихъ горахъ. Кручи всякія бываютъ; а только тамъ все больше скалы, говоритъ четвертый.

Вотъ наконецъ и переднее орудіе; ему остается еще версты двѣ до перевала, а люди поустали шибко, поумаялись порядкомъ; едва ли дотащатъ орудіе къ полуночи на перевалъ. Дорога все также идетъ далѣе въ крутую гору, которая чѣмъ выше, тѣмъ кажетъ еще круче и леденѣе. Солдаты по всей дорожкѣ остановились на часъ-другой на отдыхъ, и приступили тотчасъ же къ разведенію костровъ. Но сучья изъ сыраго дерева на снѣгу разгораются плохо, гаснутъ ежеминутно; солдатъ, упорно, пригнувшись къ землѣ, цѣлый часъ раздуваетъ огонь. Вонъ тамъ два солдатика, въ ожиданіи когда товарищи разведутъ огонь, прилегли на снѣгъ, изрѣдка перекинутся двумя, тремя словами и помолчатъ глядя на синее небо, усыпанное большими свѣтлыми звѣздами.

— Ноги какъ есть умираютъ, говоритъ одинъ.

— Замерзнешь, и очень просто, поддакиваетъ другой. Затѣмъ наступаетъ минута молчанія.

— Сегодня, еще, слава Богу, не такъ холодно, а вотъ третёвадня — Господи ты Боже мой! снова начинаетъ солдатъ.

— Что-то будетъ? Кабы Господь далъ!

— Въ мартѣ мѣсяцѣ безпремѣнно въ Петербургѣ будемъ; намедни господа въ Преображенскомъ полку сказывали.

И снова молчаніе.

Чрезъ часъ тропинка во всю длину усѣивается по бокамъ множествомъ большихъ и малыхъ костровъ, раз-

веденныхъ на снѣгу и освѣщающихъ краснымъ пламенемъ то тамъ, то сямъ высокія буковыя деревья. Окружающая темнота становится отъ костровъ еще мрачнѣе и угрюмѣе. Чрезъ какой-нибудь часъ по тропинкѣ раздаются голоса офицеровъ: «впередъ! за работу! къ орудіямъ!» Мѣшкать въ самомъ дѣлѣ нельзя, и снова слышатся вдоль тропинки крики: «Ге-е-ей! у-у-у! вали, вали, вали!» снова звучитъ однообразная пѣсня: «Гей, двинемъ, гей, дернемъ! пойдетъ, пойдетъ, идетъ, сама пойдетъ!» Становится морозно, холодно на горѣ. Часъ, другой, третій тянутъ и кричатъ люди, но чѣмъ позднѣе ночь, тѣмъ заунывнѣе становятся пѣсни, раздраженнѣе крики, голоса нестройнѣе. Генералъ Гурко не выдержалъ долѣе стоять въ ущельѣ и дожидаться, когда вытянется на гору авангардная колонна. Онъ сѣлъ на коня чтобы лично слѣдить за работой и поѣхалъ по тропинкѣ въ гору, подбодряя людей, самъ помогая имъ криками, слѣдя по цѣлымъ часамъ за движеніемъ какого-нибудь одного орудія. До поздней ночи генералъ распоряжался, приказывалъ, торопилъ людей, но— было довольно: люди выбились изъ силъ. Скользя по тропинкѣ, они падали и засыпали на мѣстѣ. Мы видѣли цѣлыя партіи солдатъ у орудій, съ гужами и веревками черезъ плечо и въ рукахъ лежавшими на тропинкѣ, переплетясь руками и ногами и сильно храпѣвшими; добудиться ихъ было невозможно. Генералъ Гурко, объѣхавъ сторонкой орудія, зарядные ящики и спящихъ людей, взобрался на перевалъ позднею ночью, около полуночи, и повернувъ нѣсколько шаговъ съ дороги, остановился у казачьяго поста, расположеннаго въ лѣсу у перевала. Тутъ горѣлъ яркій костеръ; человѣкъ 6 казаковъ грѣлись у огня; недалеко отъ костра стоялъ шалашъ, сдѣланный на скорую руку изъ древесныхъ прутьевъ и покрытый сѣ-

номъ, замѣнявшимъ крышу. Генералъ слѣзъ съ лошади и, усталый, угрюмый, сѣлъ у костра, сказавъ окружающимъ ординарцамъ и свитѣ: «ночь проведемъ здѣсь». Ординарцы поспѣшили развести другой костеръ, ближе перваго, и размѣстились вокругъ генерала у обоихъ костровъ. Всѣмъ было много бѣготни и работы за весь протекшій день, всѣ сильно поутомились; да и на душѣ было невесело. Движеніе авангардной колонны шло черепашьимъ шагомъ; ни одного орудія еще не было втащено на перевалъ, а между тѣмъ Турки могли узнать о нашемъ движеніи; какой-нибудь перебѣщикъ Болгаринъ или турецкій шпіонъ могъ легко извѣстить непріятеля о начатомъ нами переходѣ черезъ Балканы: Турки успѣли бы укрѣпиться въ проходахъ, успѣли бы тѣмъ болѣе что, судя по медленности съ какою двигалась колонна генерала Рауха, надо было предполагать что всѣ колонны перевалятъ не раньше трехъ, четырехъ дней: словомъ, все дѣло легко могло быть проиграно. Кстати же отъ генерала Вельяминова пришло донесеніе что путь на Умургачъ тяжелъ до крайности, почти невозможенъ для артиллеріи, хотя самъ генералъ Вельяминовъ готовъ тащить орудія хоть бы на пирамиду.

Мѣсто гдѣ мы расположились на ночь приходилось на склонѣ горы; это была небольшая площадка въ густомъ лѣсу, сплошь покрывающемъ горы. Кругомъ, куда ни глянешь, все снѣжные сугробы да высокія деревья, опушенныя снѣгомъ; луна стала показываться изъ за-деревьевъ, придавая картинный видъ окружающей обстановкѣ. Картина очень напоминала декорацію 4-го акта оперы *Жизнь за Царя* и была бы въ высшей степени поэтична, еслибы не морозъ, не дымъ костра до боли обжигавшій глаза, да холодъ проникавшій до тѣла отъ нашихъ снѣжныхъ по-

стелей. Отъ этого холода, несмотря на усталость, долго не спалось никому, да ординарцамъ и не пришлось отдохнуть какъ слѣдуетъ. Генералъ Гурко поминутно посылалъ то того, то другаго за 10, за 15 верстъ по горамъ, то въ колонну Вельяминова, то на позицію Шувалова, то къ Рауху, съ тѣмъ, съ другимъ, съ пятымъ распоряженіемъ. Генералъ видимо тревожился, былъ задумчивъ и говорилъ мало. Посидѣвъ у костра, онъ вошелъ въ шалашъ, прилегъ тамъ, но отъ холода вскорѣ снова вернулся къ костру и закутался съ головой въ большой кусокъ какого-то рыжаго войлока. Генералъ Нагловскій ни на минуту не смыкалъ глазъ. Онъ принималъ донесенія вмѣсто отдыхавшаго генерала Гурко, писалъ на нихъ отвѣты, или же просто лежалъ, глядя на огонь своими большими, умными глазами, видимо что-то передумывая, постоянно что-то соображая. Наконецъ усталость взяла свое, и немногіе еще остававшіеся на площадкѣ ординарцы заснули какъ убитые у костровъ. Костры между тѣмъ догорали; пламя угасло вовсе, оставивъ лишь тлѣющіе красные куски выгорѣвшихъ полѣньевъ. Бѣлая, яркая луна взошла высоко на небо. Становилось все морознѣе, холоднѣе. Какой-то солдатикъ, увидавъ съ дороги костеръ, завернулъ на нашъ ночлегъ и тихонько переступая черезъ спящія фигуры присѣлъ у ногъ генерала Гурко къ огню; досталъ манерку, нагребъ въ нее снѣгу и сталъ растапливать снѣгъ на огнѣ, бросая въ манерку куски сухарей. Проснулся одинъ изъ ординарцевъ и увидавъ солдатика, обратился къ нему:

— Дядя, а дядя, ты изъ-подъ Плевны будешь?

— Съ-подъ Плевны, отвѣчалъ солдатъ неохотно.

— Дядя, а гдѣ жь ты усѣлся-то? продолжалъ ординарецъ.

— Сухари варю.

— Вѣдь ты, дядя, у генерала на ногахъ сидишь.

Солдатъ повернулъ голову назадъ, поглядѣлъ на рыжій войлокъ, спрятавшій генерала Гурко, поглядѣлъ еще разъ и остался сидѣть, мѣшая воду съ сухарями кусочкомъ палки.

— Генералу холодно, снова заговорилъ ординарецъ, — ты бы пошелъ дровецъ въ огонь положилъ; генерала бы согрѣлъ.

Солдатъ молчаливо всталъ съ мѣста, перешагнулъ черезъ двухъ спящихъ человѣкъ, и минуты черезъ три появился снова съ охапкой прутьевъ въ рукахъ. Костеръ затрещалъ, вспыхнуло снова пламя на нѣсколько мгновеній, и густой дымъ поднялся столбомъ въ холодномъ воздухѣ. Къ солдату обратился генералъ Нагловскій.

— Тяжело было тащить орудія? спросилъ онъ у солдата.

— Тяжело, ваше благородіе, отвѣчалъ солдатъ, не зная что говоритъ съ генераломъ.

— Теперь вамъ немного остается до перевала. Принатягьте немножко.

— До-о-тащимъ, ваше благородіе, — и въ этомъ «дотащимъ» было столько успокоительной увѣренности что какъ будто въ успѣхѣ и сомнѣваться нельзя было.

Генералъ Гурко проснулся раньше чѣмъ показалась заря на небѣ, потребовалъ сейчасъ же лошадь и поѣхалъ на вчерашнюю тропинку слѣдить лично за подъемомъ орудій. До вечера, цѣлый день мы не видали генерала. Но дѣло въ этотъ день шло гораздо успѣшнѣе. Оказалось что Козловскій пѣхотный полкъ, утомленный форсированными маршами изъ-подъ Плевны въ Орханіе, не въ силахъ былъ работать быстро и энергично. Но когда этотъ полкъ взобрался со своими орудіями на перевалъ и уступилъ обледенѣвшую тропинку лейбъ-гвардіи стрѣлковымъ

баталіонамъ и лейбъ-гвардіи Измайловскому полку, то девятифунтовыя орудія полѣзли въ гору на рукахъ солдатъ съ пѣснями «Эй, дубинушка ухнемъ», съ нецензурною пѣсней про Ненилу, со свистомъ, гиканьемъ и прибаутками. Къ тому же въ гвардіи, благодаря легкимъ берданкамъ, солдаты, отвернувъ штыкъ и закинувъ ружье за спину, могли не раздѣляясь на двѣ партіи — рабочихъ и несущихъ ихъ ружья и мѣшки — участвовать при каждомъ орудіи цѣлою ротой. Дѣло въ этотъ день что называется кипѣло, и 8 орудій было втащено на перевалъ; остальныя подходили и были близко. Вся авангардная колонна втянулась уже въ гору; часть колонны Курлова приступила также къ подъему. Генералъ Гурко вернулся къ вечеру на казачій постъ, гдѣ провелъ предыдущую ночь, вернулся усталый, измученный: цѣлый день онъ не сходилъ съ лошади. Цѣлый день ничего не ѣлъ. Объявивъ во всеуслышаніе что «дѣло, благодаря Бога, кажется подвигается», генералъ легъ у костра, растянулся и закрылъ глаза. Лицо его было худое, блѣдное, истомленное. Черезъ полчаса онъ приказалъ сѣдлать свѣжую лошадь и собрался ѣхать на позицію графа Шувалова, для личныхъ съ нимъ переговоровъ.

— Васъ не манитъ туда, полковникъ? обратился онъ къ близь стоявшему офицеру, садясь на лошадь и указывая рукой на синѣвшую за послѣднимъ гребнемъ горъ широкую даль, — туда въ долину, прибавилъ онъ. — До свиданья, съ Богомъ! обратился онъ къ намъ, исчезая за деревьями въ сопровожденіи двухъ ординарцевъ. Мы остались еще на казачьемъ посту съ генераломъ Нагловскимъ дожидаться наступленія темноты, чтобы подъ ея покровомъ спуститься въ Чуріакъ, не привлекая вниманія Турокъ, такъ какъ спускъ съ нашего перевала въ Чуріакъ

былъ виденъ съ Шандорника и Араба-Конака. Войска собравшiяся на перевалѣ также должны были начать спускъ съ горы при наступленiи сумерокъ, чтобы сохранить предъ непрiятелемъ тайну своего присутствiя въ горахъ. Часовъ около 8-ми вечера мы взялись за повода своихъ коней и двинулись пѣшкомъ съ горы внизъ по такой скользкой тропинкѣ что еслибы поставить на перевалѣ салазки, то онѣ могли бы не останавливаясь катиться до самой подошвы горы, то-есть всѣ 4—6 верстъ разстоянiя отъ перевала до подошвы. Было темно. Вѣтеръ завывалъ и крутилъ мелкiй падавшiй снѣгъ. Вьюга долетала и била въ лицо этимъ снѣгомъ. Мы падали ежеминутно. Лошади, скользя, наѣзжали на людей, падали; люди валились за ними. Но вьюга придавала только бодрости. На душѣ было какъ-то весело. Въ сущности мы были уже за Балканами. То былъ вечеръ или скорѣе ночь съ 14-го на 15-е декабря.

Селенiе Чурiякъ, лежащее въ долинѣ того же имени, впадающей въ долину Софiи, оставалось не занятымъ Турками. То былъ крайнiй пунктъ, куда доходили наши кавалерiйскiе разъѣзды. Турки въ небольшомъ числѣ держались въ двухъ верстахъ отъ Чурiяка, въ селенiи Потопѣ и селенiи Елесницѣ, расположенныхъ у выхода долины Чурiяка въ долину Софiи. Въ ночь съ 13 на 14 декабря генералъ Гурко приказалъ л.-гв. Преображенскому полку занять Чурiякъ, оцѣпить его кругомъ и держаться въ немъ скрытно отъ Турокъ, чтобы не дать имъ подозрѣвать о нашихъ силахъ и о присутствiи пѣхоты въ Чурiякѣ. Преображенцы исполнили это приказанiе въ точности. Въ ночь съ 14 на 15-е, генералъ Гурко со штабомъ спустился въ Чурiякъ во главѣ авангарда и заночевалъ въ селенiи вблизи непрiятеля. На утро 15 декабря мы съ балкона

нашего дома могли видѣть простымъ глазомъ Черкесовъ, разгуливавшихъ на вершинѣ горы, находившейся у выхода въ Софійскую долину, могли сосчитать число людей, а въ бинокль видѣть даже что̀ каждый изъ нихъ дѣлаетъ. Часовъ въ 11 утра, 15 декабря, уланъ прискакавшій изъ секрета, стоявшаго впереди Чуріяка, донесъ генералу Гурко что Турки изъ Потопа наступаютъ къ Чуріяку въ числѣ 3—4 ротъ. Это было самымъ нагляднымъ доказательствомъ что Турки находятся въ невѣдѣніи относительно нашихъ силъ и совершаемаго нами движенія черезъ Балканы. Приказано было, въ виду приближающагося непріятеля, сѣдлать коней на всякій случай, быть наготовѣ, а лейбъ-гвардіи Преображенскому полку выступить къ Потопу на встрѣчу Туркамъ. Преображенцы двинулись красиво, стройно, впередъ по дорогѣ: высокіе ростомъ, статные, какъ говорится—молодецъ къ молодцу. За Преображенцами потянулась кавказская казачья бригада подъ начальствомъ генерала Черевина. Ей предстояло первой выйти на Софійскую долину и начать партизанскія дѣйствія, то-есть налетать на турецкіе транспорты, угонять скотъ, очищать мѣстность отъ баши-бузуковъ. По селенію Чуріяку тянулась вслѣдъ за Преображенцами Кавказская бригада, состоящая изъ Кубанцевъ, Осетинъ, похожихъ на Черкесовъ; они тянулись по селенію хоромъ и громко распѣвая свою любимую военную пѣсню:

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья,
Бейте, рѣжьте не жалѣя
Басурманина-врага.

За бригадой Черевина двинулся Козловскій полкъ. Между тѣмъ Преображенцы, послѣ нѣсколькихъ, немногихъ выстрѣловъ, заняли Потопъ, взобрались на высоту, на

которой всего часъ тому назадъ мы видѣли Черкесовъ, и затѣмъ заняли Елесницу. Небольшое число находившихся тамъ Турокъ бѣжало въ Софію. 15 декабря мы владѣли уже выходомъ изъ Балканъ въ долину Софіи. Стратегическій планъ перехода за Балканы былъ исполненъ какъ нельзя болѣе удачно. Въ ожиданіи переваливающихъ колоннъ, еще не подтянувшихся къ Чуріяку, мы ограничиваемся тѣмъ что бережемъ наши выходы въ долину Софіи, но едва подойдутъ всѣ силы къ Чуріяку, генералъ Гурко развернетъ ихъ въ долинѣ Софіи. Турки до настоящей минуты держатся въ Араба-Конакѣ, на Шандорникѣ и укрѣпляютъ сел. Ташкисенъ. Уйдутъ ли они со своихъ позицій или придется имѣть съ ними горячее дѣло—покажетъ ближайшее будущее, а пока Кавказская бригада одна разгуливаетъ по широкой долинѣ и наводитъ страхъ на баши-бузуковъ и Черкесовъ. Въ теченіе двухъ дней Кубанцы успѣли захватить два турецкіе транспорта съ сухарями и сѣномъ, пробиравшіеся спокойно изъ Софіи въ Араба-Конакъ, не ожидая появленія Русскихъ; успѣли также угнать 600 штукъ рогатаго скота.

Въ настоящемъ письмѣ я разказалъ вамъ, насколько позволяло время, переходъ черезъ Балканы генерала Гурко, штаба и авангардной колонны Рауха. Колонна эта переходила Балканы по дорогѣ заранѣе разработанной отъ подъема до перевала гвардейскими саперами съ л.-гв. Преображенскимъ полкомъ. Этой колоннѣ пришлось бороться только со скользкою, крутою дорожкой въ гору. Колоннамъ же генераловъ Дандевиля и Вильяминова пришлось проходить съ артиллеріей по горнымъ тропамъ не разработаннымъ вовсе, болѣе крутымъ чѣмъ путь на Чуріякъ, словомъ пришлось идти почти-что вовсе безо всякой дороги. Кромѣ того я разказалъ вамъ переходъ ко-

лонны Рауха въ солнечный и не холодный день. Съ 15-го же числа начались метели и вьюги, и колонна Вельяминова, запоздавшая на нѣсколько дней, принуждена была перевалить черезъ Балканы по поясъ въ снѣгу, теряя изъ виду заметаемую вьюгой путеводную тропинку и наконецъ провела въ горахъ четыре ночи. Трудности перехода были тамъ неисчислимо бо́льшія чѣмъ описанныя въ настоящемъ письмѣ. Но о нихъ до слѣдующаго раза.

С. Чуріякъ,
18 декабря 1877 года.

Подробности перехода черезъ Балканы.

Пять дней сряду переваливали черезъ Балканы колонны отряда генерала Гурко; пять дней боролись онѣ неустанно съ крутыми подъемами, со скользкими какъ ледъ тропами, съ холодомъ, вьюгами, мѣстными метелями, неся на себѣ громадныя тяжести въ видѣ девятифунтовыхъ орудій по едва замѣтнымъ глазу горнымъ тропинкамъ заметаемымъ снѣгомъ. Невозможно вычислить всѣ трудности лишенія, перенесенныя солдатами, всю борьбу испытанную ими въ дикихъ горахъ, въ суровую зимнюю пору. За это время выработался даже особый типъ солдата переходящаго Балканскія горы. Въ этомъ типѣ вы не узнали бы вашего стараго знакомаго—Преображенца, Измайловца, Семеновца или другаго, какимъ вы привыкли видѣть его въ Петербургѣ на парадѣ. Солдатъ-гвардеецъ, спускающійся въ метель съ перевала Умургачъ въ долину Чуріяка, или съ горы Баба въ долину Златицы показался бы вамъ какимъ-то особымъ, страннымъ существомъ.

На ногахъ мѣшковатая, неуклюжая обувь, сдѣланная изъ шкуры буйволовъ, мѣхомъ обращенная внутрь; обувь эта надѣта на сапоги для лучшаго согрѣванья ногъ, и вся нога кажетъ огромною, безобразною. Солдатъ съ трудомъ выворачиваетъ ее изъ снѣга. На плечи накинуто полотно палатки; въ это полотно солдатъ закутался совсѣмъ, прижавъ концы его вмѣстѣ съ ружьемъ къ своей груди. Виднѣются только глаза, часть носа, да торчащій на верху остроконечный кусокъ башлыка. Полотно насквозь пропиталось снѣгомъ и сидитъ на солдатѣ на подобіе ризы. Мнѣ припоминается, между прочимъ, фантастическая картина которую мнѣ случилось видѣть изъ Чуріяка во время вьюги внезапно поднявшейся въ горахъ. Кавалерія, спускаясь съ перевала Умургачъ къ Чуріяку, выпятилась на склонѣ горы длинною извивающеюся по тропинкѣ чертой; загудѣвшая вьюга закрутила столбы снѣга, стушевала въ секунду всѣ предметы, слившіеся въ одно бѣлое, безформенное пятно; очертанія горъ пропали за бѣлою пеленой; но черта кавалеріи, хотя неясно, виднѣлась еще на бѣломъ фонѣ вьюги. Черта эта казалась въ ту минуту висящею на воздухѣ—какимъ-то длиннымъ чернымъ змѣемъ спускавшимся съ неба.

Въ особенности тяжело пришлось бороться со вьюгой и метелью колоннѣ Дандевиля, взобравшейся на гору Баба и предполагавшей перевалить черезъ Балканы по направленію селеній Бунова и Миркова. Вершина Бабы представляетъ одну изъ наименѣе защищенныхъ отъ вѣтра высотъ Балкана, и вьюга на ней разыгралась въ ту минуту, когда голова колонны вступала на высшую точку горы. Было уже втащено туда нѣсколько орудій; часть колонны расположилась уже тамъ на короткій отдыхъ, какъ вдругъ налетѣвшій вихрь сталъ засыпать снѣгомъ

солдатъ и орудія. Дандевиль поспѣшилъ отвести войска съ обнаженной высоты въ лѣсъ, оставивъ орудія, которыя были совсѣмъ погребены въ снѣжныхъ сугробахъ, такъ что на другой день приходилось отыскивать ихъ ощупью и выкапывать наружу. При этомъ артиллеристы не хотѣли во время вьюги покинуть свои орудія и ушли послѣдними съ вершины, когда орудія были уже заметены снѣгомъ. Метели на горѣ Баба принудили Дандевиля отступить къ Этрополю и избрать другой, кружный путь на Буново и Мирково, именно путь черезъ Златицкій перевалъ.

Я пишу эти строки въ селеніи Ташкисенѣ. 19-го декабря мы овладѣли съ боя позиціями Турокъ у Ташкисена. Сопротивленіе Турокъ было энергичное, но увидавъ массы наступающаго русскаго войска, непріятель покинулъ Ташкисенъ, а въ ночь съ 19 на 20-е бѣжалъ въ безпорядкѣ изъ Араба-Конака и Шандорника, оставивъ на мѣстѣ 9 орудій, раненыхъ и больныхъ и весь лагерь съ боевыми и продовольственными запасами. 20-го декабря, утромъ, появились уже первые наши разъѣзды у Араба-Конака, безпрепятственно проѣхавшіе изъ Врачешти и Орханіе по Софійскому шоссе въ Араба-Конакъ. Балканы были свободны отъ непріятеля.

Трудности перехода, борьба съ природой заключились блистательнымъ результатомъ. Исторіи предстоитъ нынѣ занести на свои страницы новый переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы, доселѣ безпримѣрный—переходъ въ декабрѣ мѣсяцѣ и въ суровую зиму.

Сейчасъ мы выступаемъ изъ Ташкисена и идемъ на Софію. Отправляющійся сію минуту отсюда курьеръ въ Главную Квартиру заставляетъ меня прервать письмо и

отложить до слѣдующей оказіи описаніе нашего выхода изъ Чуріяка въ долину Софіи, дѣло у Ташкисена и бѣгство Турокъ изъ Араба-Конака. Все это было только рядомъ тріумфовъ совершеннаго перехода черезъ Балканы.

с. Ташкисенъ,
21 декабря 1877 г.

Выходъ въ долину Софіи.—Дѣло у Ташкисена.—Бѣгство Турокъ изъ Араба-Конака.—Дѣло у сел. Горный Бугаровъ.—Стычка на мосту черезъ р. Искеръ.—Вступленіе въ Софію.

Я сообщилъ въ предыдущихъ письмахъ, насколько позволяло время, подробности о переходѣ генерала Гурко черезъ Балканы, и о томъ что уже 15 декабря лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ занялъ высоту близь сел. Потопа и Елесницы, командующую выходомъ изъ долины Чуріяка въ долину Софіи.

Къ 18 декабря у Чуріяка собрались главныя силы переходившія Балканы—вся колонна Рауха и колонны генераловъ Каталея, Вельяминова (которому въ отмѣну прежняго распоряженія спуститься съ Умургача въ Жиляву предписано было спуститься тоже къ Чуріяку); всего у Чуріяка собралось до 40 баталіоновъ, и генералъ Гурко, владѣя уже выходомъ въ Софійскую долину, могъ развернуть въ долинѣ достаточное число войска, чтобы закончить стратегическій планъ, лежавшій въ основаніи перехода за Балканы, именно—зайти по долинѣ Софіи въ тылъ турецкихъ позицій у Араба-Конака и на Шандорникѣ. Завершить этотъ планъ назначено было на 19 декабря. Но Турки, увидавъ насъ выходящими въ долину

Софіи, поспѣшили защитить по возможности тылъ своей позиціи въ Араба-Конакѣ и избрали для этой цѣли возвышенность у сел. Ташкисенъ на Софійскомъ шоссе (у выхода Софійскаго шоссе изъ горъ въ долину). Они успѣли на двухъ пунктахъ этой возвышенности соорудить два редута и снабдить ихъ орудіями; укрѣпили также самое селеніе Ташкисенъ, занявъ его пѣхотой и кавалеріей изъ Черкесовъ. Приходилось поэтому путемъ атаки турецкихъ позицій у Ташкисена подойти къ главнымъ укрѣпленіямъ Турокъ у Араба-Конака. 19 декабря генералъ Гурко двинулъ на Ташкисенъ собравшіяся у Чуріяка войска, раздѣливъ ихъ на нѣсколько колоннъ и поручивъ колоннѣ генерала Вельяминова сторожить непріятеля со стороны Софіи, остальнымъ же колоннамъ—вести атаку на непріятельскія позиціи у Ташкисена. Главная роль въ этомъ дѣлѣ выпадала на долю колоннъ Рауха и Курлова, изъ которыхъ первой предписывалось атаковать Турокъ съ фронта и съ ихъ праваго фланга, а второй—обходить ихъ съ лѣваго фланга и зайти къ нимъ, по возможности, въ тылъ; часть войскъ была оставлена въ резервѣ; но кромѣ силъ выдвинутыхъ изъ Чуріяка въ долину Софіи, были сформированы генераломъ Гурко еще двѣ колонны, подъ начальствомъ графа Шувалова и полковника Васмунда, которымъ надлежало появиться на горахъ также противъ праваго фланга Турокъ,—словомъ, въ моментъ атаки, русскія войска должны были развернуться большими массами въ долинѣ, показаться съ артиллеріей на горахъ, произвести впечатлѣніе на непріятеля внушительнымъ зрѣлищемъ силы, въ то время какъ Раухъ и Курловъ поведутъ свои колонны въ дѣло. Въ 9 часовъ утра 19-го декабря раздались у Ташкисена первые пушечные выстрѣлы, и генералъ Гурко, взобравшись на одну изъ возвышенностей

близь села Даушкіой и окинувъ взоромъ все поле нашего дѣйствія, видное отсюда какъ на ладони, могъ убѣдиться что планъ наступленія блистательно приводится въ исполненіе.

Съ этой возвышенности открывался широкій видъ на ровное, снѣжное поле Софійской долины, лежавшей справа отъ насъ; разбросанные по ней тамъ и сямъ деревеньки, группы деревьевъ, выдѣлялись темными пятнами на снѣгу; еще дальше лежали смутно различаемыя за туманомъ цѣпи Малаго Балкана. Слѣва отъ насъ ниспадали въ долину склоны Большаго Балкана, также бѣлые, снѣжные какъ и сама долина; на нихъ чернѣлись небольшіе перелѣски (скатъ Большаго Балкана въ долину вообще мало лѣсистъ), насупротивъ насъ торчала турецкая возвышенность у Ташкисена, увѣнчанная по гребню двумя редутами и рядами ложементовъ; у ея подошвы лежала деревушка Ташкисенъ. Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и стрѣлки Императорской фамиліи взбирались уже по непріятельской горкѣ къ турецкимъ позиціямъ подъ выстрѣлами противника. Ротныя колонны Преображенцевъ и стрѣлковъ казались черными линіями, проведенными на снѣгу. По долинѣ двигались массами новыя войска, вышедшія изъ Чуріяка въ долину, а слѣва спускались съ горъ колонны Шувалова и Васмунда. Массы войскъ двигались со всѣхъ сторонъ, медленно текли съ горъ, по долинѣ, рельефно очерчиваясь на снѣжныхъ скатахъ и бѣломъ полѣ. Онѣ казались издалека лѣсами и рощами, внезапно сорвавшимися съ горныхъ вершинъ и склоновъ и грозно наступавшими по долинѣ на непріятеля. Турки хорошо ихъ видѣли со своей возвышенной позиціи, и дѣло у Ташкисена продолжалось не долго. Батареѣ полковника Кокорева удалось произвести взрывъ въ одномъ изъ

турецкихъ редутовъ, послѣ чего турецкія орудія замолчали совсѣмъ, а Преображенцы, выдержавъ около двухъ часовъ огонь непріятеля, бѣгомъ взобрались на высшую точку горы и ворвались въ редуты. Турки бѣжали къ Араба-Конаку, увезя съ собой орудія. Преображенцы потеряли въ этомъ дѣлѣ около 50 человѣкъ выбывшими изъ строя. Болѣе серіозное сопротивленіе встрѣтила колонна генерала Курлова, подымавшаяся на путь отступленія Турокъ, которые отчаянно пробивались въ виду попытки отрѣзать ихъ отъ Араба-Конака и Златицы. Въ этой колоннѣ наиболѣе пострадали лейбъ-гвардіи Волынскій и Прусскій полки, потерявшіе около 200 человѣкъ убитыми и ранеными, въ числѣ которыхъ былъ раненъ также генералъ Мирковичъ, командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Въ 4 часа вечера, 19 декабря, генералъ Гурко уже расположился со своимъ штабомъ въ селѣ Ташкисенъ. Оказалось, между прочимъ, что начальникъ турецкихъ войскъ въ Ташкисенѣ былъ Бекеръ-паша, находившійся въ постоянномъ телеграфномъ сообщеніи съ Шакиръ-пашой, командующимъ гарнизономъ Араба-Конака. Мы нашли въ Ташкисенѣ на телеграфной станціи нѣсколько телеграммъ, отправленныхъ имъ во время атаки къ Шакиръ-пашѣ. Послѣдняя телеграмма, написанная въ 12 час. дня, была слѣдующаго содержанія: «18 баталіоновъ русскаго войска спустились въ долину и наступаютъ на меня съ такою быстротой что я окруженъ ими какъ огненнымъ кольцомъ. Держаться долѣе невозможно».

Ставъ въ Ташкисенѣ, мы очутились въ тылу горныхъ позицій Турокъ въ Араба-Конакѣ и Шандорникѣ, оберегающихъ путь за Балканы по Софійскому шоссе. Планъ обходнаго движенія черезъ Балканы и обложенія Турокъ со всѣхъ сторонъ былъ окончательно исполненъ. Русскія

силы стояли нынѣ противъ Араба-Конака со стороны Орханіе, со стороны Софійской долины и на Златицкомъ перевалѣ, сторожа тамъ путь отступленія Турокъ на Златицу. Но прежде чѣмъ подвинуть войска къ Араба-Конаку изъ Ташкисена и приступить къ атакѣ турецкихъ позицій въ Араба-Конакѣ, генералъ Гурко рѣшился попытать съ непріятелемъ то средство, которое уже разъ оказалось дѣйствительнымъ подъ Телишемъ, а именно — послать Туркамъ предложеніе положить оружіе. Съ этою цѣлью было написано Шакиръ-пашѣ письмо приблизительно слѣдующаго содержанія: «Вы окружены со всѣхъ сторонъ русскими силами въ десять разъ превосходящими ваши... Предлагаю вамъ, во избѣжаніе безполезнаго пролитія крови, положить оружіе и выслать ко мнѣ не медля парламентера для переговоровъ о сдачѣ Араба-Конакскихъ укрѣпленій.» Письмо это подписанное генераломъ Гурко было вручено двумъ плѣннымъ Туркамъ отвести которыхъ за цѣпь нашихъ аванпостовъ генералъ поручилъ кн. Церетелеву. Вечеромъ того же дня, 19 декабря, кн. Церетелевъ отправился съ плѣнными по шоссе въ направленіи Араба-Конака и отъѣхавъ версты двѣ за цѣпь аванпостовъ, не встрѣчая непріятеля и двигаясь въ совершенной темнотѣ, пустилъ плѣнныхъ идти въ Араба-Конакъ, а самъ возвратясь доложилъ генералу что вплоть до Комарской долины не замѣтилъ присутствія Турокъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, 20 декабря, генералъ Гурко выѣхалъ лично по шоссе за цѣпь аванпостовъ въ направленіи Араба-Конака, выславъ впереди себя разъѣздъ изъ 20-ти человѣкъ собственнаго конвоя съ ординарцемъ (временно прикомандированнымъ къ Гурко) Великаго Князя, Клейгельсомъ, во главѣ, съ тѣмъ чтобъ этотъ разъѣздъ шелъ впередъ до тѣхъ поръ пока не наткнется на непріятеля. (Кавалеріи

въ ту минуту у насъ не было съ собой, ибо двѣ гвардейскія кавалерійскія бригады были отправлены наканунѣ къ сел. Петричево съ приказаніемъ пробраться оттуда въ сел. Дольнія Комарцы, а Кавказская казачья бригада находилась у Вельяминова въ сторонѣ Софіи). Подвигаясь по шоссе къ Араба-Конаку, генералъ Гурко доѣхалъ до Комарской долины и остановился на одной изъ возвышенностей, спускающейся въ долину. Тутъ увидали мы на противоположной сторонѣ долины, въ томъ мѣстѣ гдѣ шоссе снова поднимается въ гору и идетъ на перевалъ Балканъ, нѣсколько небольшихъ домиковъ извѣстныхъ подъ именемъ Араба-Конакъ, что̀ означаетъ на турецкомъ языкѣ постоялый дворъ отъ словъ Араба—телѣга и Конакъ—дворъ или домъ. Турецкія укрѣпленія на перевалѣ Балканъ не были видны намъ, скрытыя отъ глазъ облаками. Долина Комарская съ чернѣвшими на ней селеніями Горнія и Дольнія Комарцы, съ разбросанными по ней тамъ и сямъ турецкими лагерями, группами деревьевъ и рощами, тянулись у подошвы Шандорника и Араба-Конакскихъ высотъ, замыкаясь вдали, въ направленіи Златицы, новыми возвышенностями. Тамъ вдали чернѣлись цѣлыя массы людей, взбиравшіяся въ гору; этихъ людей были тысячи, восемь, десять, судя на глазъ, быть-можетъ пятнадцать тысячъ, усѣявшихъ собой гору черезъ которую проходитъ путь на Златицу. Видъ этихъ массъ людей сразу уяснилъ намъ почему наканунѣ кн. Церетелевъ не встрѣтилъ нигдѣ на своемъ пути непріятеля, почему высланный сегодня разъѣздъ безпрепятственно двигался по долинѣ къ Араба-Конаку и то—почему пустыми казались разбросанные тамъ и сямъ по долинѣ турецкіе лагери. Массы видимыя вдали на горѣ были Турки, ушедшіе ночью изъ Араба-Конака и Шандорника и отступавшіе на Златицу.

Генералъ Гурко приказалъ не медля отправить въ карьеръ артиллерію къ Дольнимъ Комарцамъ чтобы поражать гранатами отступавшихъ Турокъ, а 3-й гвардейской дивизіи, подъ начальствомъ генерала Каталея — идти на преслѣдованіе бѣжавшаго врага. Симпатичный и добрый старикъ, храбрый и примѣрный воинъ, генералъ Каталей форсированнымъ маршемъ повелъ свою дивизію, не предчувствуя что близкая смерть ожидаетъ его на этомъ пути отъ пули Черкеса спрятавшагося въ кустахъ. Между тѣмъ, по Комарской долинѣ еще раздавались кое-гдѣ одиночные выстрѣлы, пускаемые по нашему разъѣзду нѣсколькими фанатиками турецкими солдатами, спрятавшимися въ палаткахъ, или Черкесами скакавшими, отстрѣливаясь, въ догонку отступающаго за Дольнія Комарцы турецкаго войска. Покинутыхъ непріятелемъ больныхъ, раненыхъ и просто отсталыхъ солдатъ было множество. Казаки конвоя Гурко забирали ихъ въ плѣнъ десятками и вели къ генералу по дорогѣ. «Ты съ чѣмъ пріѣхалъ?» спрашиваютъ подскакавшаго къ генералу Гурко казака. «Пригналъ, ваше превосходительство, отвѣчаетъ казакъ, 23 Турка, 20 штукъ скота и одну лошадь.» Многіе изъ больныхъ и не убѣжавшихъ съ войскомъ Турокъ поплелись сами по дорогѣ безо всякаго надзора, бросивъ оружіе, съ палкой въ рукахъ, съ котомкой за плечами и завернувшись отъ холода въ синіе башлыки. «Гляди-ка», острилъ солдатъ-Измайловецъ, указывая товарищамъ на одну изъ такихъ печальныхъ фигуръ съ котомкой за плечами, «Турка-то покаялся, на богомолье идетъ.» Возвратившійся межъ тѣмъ съ разъѣздомъ Клейгельсъ донесъ генералу Гурко что вплоть до Араба-Конака не встрѣтилъ нигдѣ непріятеля. Казаки конвоя, возвратившіеся съ Клейгельсомъ, привезли за сѣдломъ своихъ коней не мало военной добычи, въ видѣ тор-

чавшихъ изъ-за сѣделъ одѣялъ, теплыхъ рубашекъ, чулковъ, иногда выглядывавшихъ изъ торбы ящиковъ съ масломъ, рисомъ и т. п. продовольственными припасами. Надъ Араба-Конакомъ появились всадники, спускавшіеся съ перевала въ долину; за всадниками очертились первые ряды пѣхоты, шедшіе со своихъ позицій отъ Орханіе и Врачешти и безпрепятственно прошедшіе по Софійскому шоссе мимо турецкихъ укрѣпленій на перевалѣ Балканскаго хребта. То было минутой когда можно было считать переходъ черезъ Балканы законченнымъ, формально завершеннымъ. Едва появились всадники и пѣхота у Араба-Конака, спускаясь въ Комарскую долину намъ на встрѣчу, мы всѣ подошли къ генералу Гурко, поздравляя его съ переходомъ черезъ Балканы; непріятеля уже не было болѣе въ горахъ: путь за Балканы по Софійскому шоссе былъ свободенъ. Генералъ Гурко потребовалъ коня и поѣхалъ осматривать турецкія укрѣпленія на перевалахъ. Мы взобрались за генераломъ снова въ туманную холодную сферу, на высшія точки Балканскаго хребта, и въ первомъ ближайшемъ турецкомъ редутѣ встрѣтили стоявшій уже тамъ русскій постъ. Ефрейторъ, приложивъ руку къ козырьку, доложилъ генералу что «по ввѣренному ему посту въ Араба-Конакѣ все обстоитъ благополучно.»

Турецкія укрѣпленія Араба-Конака и Шандорника можно назвать неприступными въ полномъ смыслѣ этого слова. Воздвигнутыя на высшихъ вершинахъ хребта, обрывистыхъ со всѣхъ сторонъ, они обнесены земляными стѣнами въ двѣ и двѣ съ половиной сажени вышиной съ окошечками продѣланными въ землѣ для орудійнаго и ружейнаго огня, со входами и выходами въ землю подъ укрѣпленія (какъ у крота), гдѣ Турки вѣроятно жили и спасались отъ снарядовъ нашей артиллеріи. Эти укрѣпленія стоили

бы намъ много жизней, еслибы пришлось брать ихъ открытою силой. Но взяты они были ловкими и быстрыми меневрами, неутомимою настойчивостью и энергіей генерала, вложившаго всю душу свою въ дѣло. На Шандорникѣ мы нашли 9 орудій, съ испорченнымъ механизмомъ, брошенныхъ Турками.

Возвратившись къ вечеру въ Ташкисенъ, генералъ Гурко получилъ извѣстіе что у Софіи происходитъ горячее дѣло, что непріятель большими силами выйдя изъ города, атакуетъ колонну генерала Вельяминова *), и что число наступающихъ Турокъ по крайней мѣрѣ вдвое превосходитъ наши силы. Два часа спустя прискакали новые вѣстовые съ донесеніемъ что турецкая атака отбита на всѣхъ пунктахъ, и привезли съ собой турецкое знамя, отнятое у непріятеля во время боя. Это знамя красовалось на другое утро на крыльцѣ генерала. Атака Турокъ на колонну генерала Вельяминова обрушилась главнымъ образомъ на два баталіона Пензенскаго полка и на Тамбовскій полкъ. Турки шли на нашу позицію изъ сел. Горный Бугаровъ съ фронта и пытались вмѣстѣ съ тѣмъ обойти ее съ фланга; наступали они густою цѣпью, стремительно, бѣгомъ пускаясь въ атаку. Но войска въ колоннѣ генерала Вельяминова, недавно пришедшія изъ подъ-Плевны и наученныя самими же Турками, приступили первымъ дѣломъ къ устройству себѣ прикрытій въ виду приближающагося непріятеля. Тесаками и штыками они поспѣшили нарыть предъ собою насыпь на скорую руку, насколько позволяло время, и изъ-за насыпи встрѣтили Турокъ ружейными

*) Колонна генерала Вельяминова находилась на позиціи у сел. Горный Бугаровъ и составляла заслонъ со стороны Софіи для всего отряда генерала Гурко.

залпами. Въ патронахъ въ ту минуту оказывался недостатокъ, и Пензенцы подпускали къ себѣ непріятеля на 20 и 15 шаговъ, послѣ чего, давъ нѣсколько залповъ, кидались въ свою очередь въ атаку. Отбитый непріятель оставилъ на мѣстѣ сраженія до тысячи человѣкъ убитыми, не считая раненыхъ, которыхъ Турки успѣли унести съ собою *).

Извѣстіе о неудавшейся попыткѣ Турокъ выбить генерала Вельяминова съ занимаемой имъ позиціи побудило генерала Гурко ускорить наступленіе на Софію. Приказано было въ ту же ночь, съ 20 на 21 декабря, двигаться изъ Ташкисена къ Софіи авангарду подъ начальствомъ генерала Рауха, а 21-го, въ 12 часовъ дня, выѣхалъ и самъ генералъ Гурко изъ Ташкисена въ направленіи къ Софіи. Сдѣлавъ около 20 верстъ пути, мы услыхали не вдалекѣ стукъ ружейныхъ выстрѣловъ, раздававшійся на самомъ шоссе, впереди насъ. Генералъ далъ шпоры лошади, и мы поскакали по скользкому шоссе впередъ на звукъ ружейнаго огня, разгоравшагося все болѣе съ каждою минутой. Дѣло происходило у моста черезъ рѣку Искеръ. Генералъ, не доѣзжая съ версту до поля сраженія, свернулъ нѣсколько шаговъ съ шоссе въ сторону и взобрался на курганчикъ, чтобы лучше слѣдить оттуда за ходомъ битвы. Деревня Враждебна, по ту сторону Искера, была подожжена Черкесами и вся горѣла; горѣли въ ней дома, стоги сѣна и соломы; засѣвшіе на мосту и по ту сторону рѣки нѣсколько ротъ турецкой пѣхоты и спѣшенные Черкесы вели оживленную перестрѣлку съ нашею аванпостною цѣпью. Нѣсколько баталіоновъ шли отъ Софіи

*) По взятіи Софіи мы узнали что раненыхъ у Турокъ въ этомъ дѣлѣ было 1.600 человѣкъ.

по шоссе на подкрѣпленіе Туркамъ. Съ нашей стороны надвигалась къ мосту вся гвардейская стрѣлковая бригада съ баталіономъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи во главѣ, предводимыхъ своимъ лихимъ командиромъ, графомъ Клейнмихелемъ.

Л.-гв. Преображенскій полкъ, уклонившись отъ шоссе значительно влѣво, переходилъ по льду рѣку Искеръ, съ тѣмъ чтобъ обойти непріятеля и ударить ему во флангъ. Гурко, взобравшись на курганчикъ, приказалъ скорѣе выставить орудія къ курганчику и бросать гранаты въ наступавшихъ отъ Софіи Турокъ. Орудія вынеслись на полныхъ рысяхъ къ курганчику и гранаты загудѣли въ воздухѣ. Зрѣлище было въ высшей степени эффектное. Солнце опускалось уже къ закату за цѣпи Витоса, окрасивъ горы темносинимъ цвѣтомъ; противоположныя цѣпи Большаго Балкана свѣтились нѣжно-розовымъ свѣтомъ и казались прозрачными; блѣдно-розовымъ свѣтомъ отливала и вся снѣжная долина Софіи. Въ пылавшемъ селеніи Враждебна густой дымъ поднимался шестью громадными отдѣльными столбами, сквозь которые просвѣчивало ярко красное пламя. Въ этой картинной обстановкѣ наши войска маневрировали какъ на парадѣ. Стрѣлки Императорской Фамиліи развертывали цѣпь предъ мостомъ, разсыпались и открывали огонь; поротно за ними двигался еще по шоссе баталіонъ стрѣлковъ Его Величества. Преображенцы стройно маршировали черезъ Искеръ въ баталіонныхъ колоннахъ; орудія мчались по бѣлой равнинѣ, повертывали на рысяхъ, снимались съ передковъ и черезъ мгновеніе съ глухимъ громомъ пускали шипящіе снаряды. Перестрѣлка трещала у моста. Первые выстрѣлы нашихъ орудій заставили турецкую пѣхоту, подвигавшуюся отъ Софіи, повернуть назадъ, а видъ л.-гв. Преображенскаго

полка, готоваго зайти въ тылъ Туркамъ, защищавшимъ мостъ, принудилъ послѣднихъ поспѣшно отступить; но Черкесы, отступая, зажгли мостъ на Искерѣ, предварительно смазавъ балки его керасиномъ. Стрѣлки бросились тушить пожаръ, и мостъ былъ спасенъ *). По этому мосту прошли въ тотъ же вечеръ новыя колонны войскъ, подошедшія изъ Ташкисена и выстроились въ трехъ верстахъ отъ Софіи, въ виду турецкихъ укрѣпленій. Въ тотъ вечеръ противъ непріятеля засѣвшаго въ Софіи обрисовались на снѣгу цѣлыя массы войска, чернѣвшія и выдѣлявшіяся на бѣломъ фонѣ снѣга такъ рельефно что издалека, версты за двѣ, отпечатывалась ясно фигура каждаго солдата. Преображенскій полкъ выстроился передовою цѣпью нашихъ войскъ подъ Софіей. Вообще лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, какъ первому полку гвардіи, выпала на долю честь прокладывать путь въ Балканахъ остальнымъ полкамъ гвардіи и арміи. Преображенцы разрабатывали дорогу черезъ Балканы на Чуріякъ; они же первые спустились въ Чуріякъ и заняли выходъ въ долину Софіи, взошли первыми на турецкіе редуты въ Ташкисенѣ и теперь имъ предстояло первыми вступить въ Софію. Но генералъ Гурко отложилъ атаку турецкихъ укрѣпленій у Софіи на одинъ или два дня, ожидая приближенія бо́льшихъ силъ изъ Араба-Конака и Ташкисена, и отправилъ, между прочимъ, увѣдомить Сербовъ, занявшихъ Пиротъ и приблизившихся къ Софіи, что онъ предполагаетъ повести атаку на Софію 24 декабря и предлагаетъ поэтому и Сербамъ подвинуться къ Софіи и за-

*) Потери наши въ дѣлѣ у моста черезъ Искеръ простираются до 24 человѣкъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи; изъ нихъ 2 убиты, 22 ранены. Другихъ потерь не было.

печатлѣть наканунѣ Рождества Христова братскій союзъ съ нами въ общемъ наступленіи на общаго врага. На 24 декабря предписывалось, между прочимъ, колоннѣ Вельяминова обходить Софію съ праваго фланга, а колоннѣ генерала Рауха вести атаку съ фронта. День 22 декабря и ночь на 23-е генералъ Гурко провелъ въ небольшомъ хуторѣ близъ селенія Враждебна. Тутъ было получено извѣстіе о судьбѣ генерала Каталея и генерала Философова, которые, преслѣдуя на Златицу бѣжавшихъ изъ Араба-Конака Турокъ, въѣхали по дорогѣ въ узкое ущелье, находясь все время во главѣ авангарда. Черкесы, спрятавшіеся на горахъ надъ ущельемъ, дали всей авангардной колоннѣ втянуться въ него, и затѣмъ открыли сверху огонь по колоннѣ. Одна изъ первыхъ пуль поразила генерала Каталея на смерть, ударивши въ шею и проникнувъ въ сердце. Другая—тяжело ранила генерала Философова, попавъ также въ шею и выйдя наружу въ спинѣ у позвоночнаго столба.

23 декабря, часовъ около 11 утра, прискакалъ отъ генерала Рауха вѣстовой съ донесеніемъ къ генералу Гурко что Софія очищена Турками, внезапно отступившими за ночь и бросившими на мѣстѣ всѣ свои лагери и огромные запасы. Неожиданно мы были избавлены отъ новаго боя подъ стѣнами Софіи. Отбитая 21 ноября турецкая атака на генерала Вельяминова и развернутыя предъ Софіей массы нашего войска по всей вѣроятности повліяли морально на Турокъ, и они не захотѣли дать намъ тутъ сраженія. Но общая причина бѣгства Турокъ изъ Софіи, безъ сомнѣнія, была та же самая какъ и бѣгство ихъ изъ Араба-Конака, именно: искусный и быстрый маневръ обходнаго движенія черезъ Балканы.

Услыхавъ объ очищеніи Софіи непріятелемъ, генералъ

Гурко въ минуту сидѣлъ уже на конѣ и мчался въ галопъ по шоссе къ городу. Густыми колоннами шли по шоссе войска въ освобожденный городъ. Солдатская пѣсня гремѣла вдоль по всему шоссе, повсюду гдѣ только были войска. Послѣ неприступныхъ и дикихъ горъ, вьюги, метелей, невыносимаго утомленія и ряда лишеній въ борьбѣ съ суровою природой, Софія всѣмъ казалась какимъ-то Хананомъ. Ея минареты уже высились предъ нами; кучи домовъ развертывались широко по долинѣ. Солдатская пѣсня между тѣмъ гремѣла густо съ удальскимъ напѣвомъ: «ахъ вы сѣни, мои сѣни» раздавалось въ одномъ мѣстѣ. «Гдѣ мы съ вечера рѣзвились!» хоромъ выводили солдаты впереди; «здорово, стрѣлки! здорово, Измайловцы!» прерывалъ на секунду пѣсню мчавшійся мимо войскъ генералъ Гурко: «спасибо вамъ за службу!» «Въ хороводахъ веселились!» звучало сейчасъ же за промчавшимся генераломъ.

У воротъ Софіи уже стояли толпы народа, духовенство съ хоругвями и образами въ ожиданіи Гурко. Народъ кричалъ, хлопалъ въ ладоши. Процессія двинулась къ церкви Св. Стефана. По дорогѣ изъ оконъ домовъ женщины, дѣвушки и дѣти сыпали руками вѣтки и зимой неувядающаго мирта на голову генерала. Въ церкви Св. Стефана было отслужено болгарскими священниками молебствіе, послѣ котораго одинъ Болгаринъ произнесъ длинную рѣчь. На эту рѣчь Гурко отвѣтилъ коротко: «Съ Божьею помощью, сказалъ онъ, я вступаю нынѣ во второй городъ Болгаріи, первый былъ нѣкогда вашею древнею столицей— Тырново. Второй сегодня — Софія. Богъ поможетъ намъ освободить силой русскаго оружія и остальную часть Болгаріи.» — Аминь! кричала и гудѣла въ отвѣтъ на это толпа собравшаяся въ церкви.

Софія,
24-го декабря 1877 года.

Турецкіе военные госпитали въ Софіи.

Городъ Софія служилъ, какъ извѣстно, военнымъ госпиталемъ и мѣстомъ склада продовольственныхъ запасовъ для турецкой арміи, сосредоточенной въ Плевнѣ и Балканахъ и оперировавшей вдоль линіи Софійскаго шоссе. Лучшіе дома города были отведены подъ больницы раненымъ и больнымъ солдатамъ, число которыхъ доходило по временамъ до 12,000 и болѣе человѣкъ. Наканунѣ нашего вступленія въ Софію число это простиралось, по показаніямъ англійскихъ врачей, до семи тысячъ раненыхъ; но мы войдя въ городъ нашли только двѣ или три тысячи больныхъ и раненыхъ Турокъ, остальные (до пяти тысячъ) ушли при нашемъ приближеніи вмѣстѣ съ бѣжавшимъ изъ Софіи турецкимъ войскомъ. Врачи Англичане, которыхъ мы застали въ городѣ, разказывали намъ что бѣгство раненыхъ изъ госпиталей представляло ужасное зрѣлище. Рѣшились они уйти изъ страха быть перерѣзанными Русскими, болѣе всего страшась жестокаго и кровожаднаго Гяуркъ-паши (генерала Гурко) не знающаго пощады, да къ тому же и паша, начальникъ гарнизона Софіи, приказалъ всѣмъ Туркамъ, жителямъ Софіи, не исключая раненыхъ и больныхъ солдатъ, слѣдовать за войскомъ. Но помимо этого приказанія, паническій страхъ, объявшій турецкихъ солдатъ и жителей Софіи, въ виду обрисовавшихся темныхъ массъ русскаго войска подъ стѣнами города, сообщился самъ собою въ госпитали: раненые, за минуту предъ тѣмъ стонавшіе на своихъ кроватяхъ отъ боли при малѣйшемъ движеніи, вскочили на

ноги и повыбѣжали на улицу. Недавно ампутированные, тифозные, зараженные гангреной, всѣ кто только могли въ возбужденномъ состояніи сползти съ постелей, всѣ покинули больницы и потянулись по городу, кто опираясь на палку, кто ползкомъ на четверенькахъ. Городъ огласился стенаніями, крикомъ и воемъ. Паша распорядился дать каждому раненому по куску хлѣба на дорогу. Раненые и больные десятками падали по улицамъ на землю и не въ состояніи были подняться снова на ноги; многіе тутъ же и умирали. Турецкіе военные врачи ушли также вслѣдъ за войскомъ, исключая развѣ двухъ-трехъ оставшихся спокойно въ госпиталяхъ дожидаться прихода Русскихъ. Казаки отправленные преслѣдовать турецкое войско нашли весь путь отступленія Турокъ усѣяннымъ полуживыми и умершими бѣглецами изъ больницы.

Генералъ Гурко, вступивъ въ Софію, посѣтилъ на другой же день турецкіе и англійскіе госпитали города. Видъ турецкихъ госпиталей ужасенъ. Я не берусь описывать открывшагося намъ зрѣлища, когда мы вошли въ конакъ, служившій у Турокъ самымъ обширнымъ помѣщеніемъ для раненыхъ. Но я думаю что всѣ когда-либо написанныя картины, изображающія мученія грѣшниковъ въ аду, слабы и ничтожны въ сравненіи съ дѣйствительностью подобнаго турецкаго военнаго госпиталя. Напримѣръ въ корридорахъ госпиталя мы видѣли валявшіеся на полу гніющіе и вовсе сгнившіе трупы рядомъ съ живыми еще ранеными, корчившимися въ предсмертныхъ судорогахъ. На полу липкая грязь отъ гноя и кучи нечистотъ. Запахъ невыносимый. Два турецкіе военные врача сопровождавшіе генерала Гурко у входа въ одинъ изъ такихъ корридоровъ выхватили платки изъ кармановъ, зажали носы и, возведя глаза къ небу, стали восклицать: «Алла! Алла!»

Повидимому они и не заглядывали сюда ни разу до настоящей минуты. Въ палатахъ госпиталя мы нашли между многими пустыми кроватями нѣсколько занятыхъ больными и ранеными, не бывшими вѣроятно въ состоянiи сползти съ постелей чтобы бѣжать за турецкимъ войскомъ. Эти раненые дня три какъ не были перевязаны, два дня ничего не ѣли и жалобно стенали; на другихъ кроватяхъ лежали мертвые; иной разъ мудрено было отличить мертваго отъ живаго. Казавшiйся трупомъ внезапно шевелился при приближенiи къ нему и черезъ секунду снова лежалъ безъ признаковъ жизни. Въ палаткахъ—та же грязь и та же вонь что̀ и въ корридорахъ, тѣ же трупы и полуживые мертвецы на полу, упавшiе разъ съ постелей и оставшiеся лежать на землѣ. Генералъ Гурко обошелъ всѣ палаты, всѣ закоулки больницы, и приказалъ сейчасъ же вынести мертвыхъ, госпиталь вычистить, перевязать и накормить раненыхъ и организовать правильную заботу о нихъ.

Что̀ особенно кидается въ глаза въ турецкомъ военномъ госпиталѣ, это контрастъ между множествомъ богатыхъ больничныхъ принадлежностей, средствъ больницы и самымъ уходомъ за больными. Въ турецкомъ госпиталѣ всего находится въ изобилiи: аптека переполнена всевозможными снадобьями не только необходимыми, но составляющими уже предметъ роскоши; кровати для больныхъ устроены по новымъ усовершенствованнымъ образцамъ; носилки тоже; всевозможные наборы хирургическихъ инструментовъ, массы всякихъ средствъ, вещей, одѣялъ и т. п., всего этого много; но во всемъ этомъ комфортѣ, почти роскоши, гниль и смерть кидаются въ глаза. Рѣдкiй раненый возвращается къ жизни въ турецкомъ госпиталѣ. Перевязки ранъ дѣлаются въ большинствѣ случаевъ

самымъ небрежнымъ образомъ и неумѣло. Операціи еще небрежнѣе. При ампутаціяхъ, напримѣръ, кожа всегда обрѣзывается на столько выше распиленной кости что кость нечѣмъ бываетъ закрыть, и она торчитъ наружу. Къ операціямъ приступаютъ слишкомъ поздно и т. д. Словомъ, невѣжество турецкихъ военныхъ врачей, по свидѣтельству нашихъ и английскихъ медиковъ, поразительное; бо́льшая часть этихъ врачей никогда и не готовилась быть врачами, а принята была въ госпитали прямо съ улицы, по той причинѣ что въ настоящихъ врачахъ во время войны ощущался недостатокъ.

Въ Софіи мы нашли нѣсколько отдѣловъ частныхъ обществъ попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ Турціи, отдѣлъ общества Stafford-House, общества Красной Луны и частный госпиталь леди Странгфордъ. Госпитали этихъ обществъ и госпиталь леди Странгфордъ, всѣ съ англійскими врачами, содержатся превосходно. Необыкновенная чистота, печать заботливости о каждомъ раненомъ и больномъ, уходъ за каждымъ особый и забота о каждомъ какъ объ особомъ тепличномъ растеніи, хорошій воздухъ, бодрый видъ больныхъ. Но въ этихъ госпиталяхъ больныхъ и раненыхъ не много въ сравненіи со всѣмъ числомъ Турокъ нуждающихся въ уходѣ врачей. Среднимъ числомъ у каждаго изъ обществъ на попеченіи находится по 150 раненыхъ, и слѣдовательно у всѣхъ вмѣстѣ около 500 человѣкъ. Остальныя же тысячи обречены умирать медленною смертью въ военныхъ госпиталяхъ.

По нашемъ завладѣніи Софіей, всѣ сказанные госпитали частныхъ обществъ, равно какъ и военные, поступили въ вѣдѣніе летучаго отряда Краснаго Креста, сформированнаго Государынею Императрицею. Общій надзоръ надъ ними предоставленъ былъ двумъ врачамъ при летучемъ

отрядѣ Медико-Хирургической Академіи Гауссману и Янковскому. Леди Странгфордъ пожелала остаться въ Софіи и продолжать свое дѣло. Большинство врачей Stafford-House и Красной Луны выразили желаніе возвратиться къ турецкой арміи и свои больницы передать намъ, на что̀ и послѣдовало согласіе генерала Гурко.

Софія,
26 декабря 1877 года.

V.

ВЪ РАВНИНѢ МАРИЦЫ

Отъ Софіи до Филиппополя.—Преслѣдованіе Турокъ.—Ихъ отступленіе изъ Татаръ-Базарджика.

Смѣлый переходъ генерала Гурко за Балканы разсѣялъ турецкую армію защищавшую горные пути въ долину Софіи. Изъ Араба-Конака Турки отступили въ безпорядкѣ на Златицу и на Отлукіой, а оттуда на Филиппополь; изъ Софіи они бѣжали частію на Радоміръ, частію на Самоковъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ громадные склады продовольственныхъ запасовъ, боевыхъ снарядовъ, санитарныхъ принадлежностей и т. п. военной добычи. Но принужденные отступить съ угрюмыхъ и недоступныхъ высотъ Большаго Балкана, Турки могли еще держаться въ цѣпяхъ Малаго Балкана и преградить намъ дорогу на Базарджикъ и Филиппополь. Къ этому они и приступили не медля. По крайней мѣрѣ Сулейманъ-паша сосредоточилъ противъ отряда генерала Гурко большія силы близъ Самокова, силы простиравшіяся до 40 баталіоновъ, приведенныхъ сюда съ береговъ Лома и отъ Разграда, и близъ

Ихтимана въ Трояновыхъ воротахъ до 20 баталіоновъ. Эти-то силы и собирался атаковать генералъ Гурко, направивъ изъ долины Софіи ввѣренный его командованію отрядъ на Малые Балканы четырьмя отдѣльными колоннами *): одну подъ начальствомъ генерала Вельяминова

*) *Диспозиція, въ городѣ Софіи, 25 декабря, 1877 года.*

Войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда произвести наступленіе на Татаръ-Базарджикъ четырьмя колоннами по дорогамъ: а) изъ Софіи черезъ Пуста-Пасарель, Самоковъ, Банья и Зимчина; б) изъ Софіи и окрестностей Ташкисена по большому Филиппопольскому шоссе, черезъ Ихтиманъ и Трояновы ворота; в) изъ долины Комарційской и Петричева долиною рѣки Топольницы черезъ Пойбренъ и Лесичево, и наконецъ г) изъ Петричева черезъ Отлукіой и далѣе по шоссе въ Татаръ-Базарджикъ.

По дорогѣ черезъ Самоковъ двинуться отряду генерала Вельяминова; по шоссе черезъ Ихтиманъ—отряду генералъ-адъютанта графа Шувалова, по долинѣ рѣки Топольницы—отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, и наконецъ черезъ Отлукіой—отряду генералъ-лейтенанта барона Криденера.

Такъ какъ каждая колонна можетъ встрѣтить на своемъ пути различныя препятствія, происходящія какъ отъ мѣстныхъ условій, такъ и отъ дѣйствій непріятеля, то въ настоящей диспозиціи будутъ указаны лишь общія цѣли для каждой колонны; подробности же движеній и дѣйствій предоставляются усмотрѣнію отрядныхъ начальниковъ.

1. *Отряду генерала Вельяминова* выступить изъ Софіи, авангарду 25 декабря, а главнымъ силамъ рано утромъ 26 декабря, и слѣдовать по указанной выше дорогѣ. Ближайшая цѣль дѣйствій — овладѣніе Самоковымъ, чтобъ этимъ занятіемъ отрѣзать дорогу изъ Радоміра и Дубницы въ Татаръ-Базарджикъ и тѣмъ не допустить Турокъ отступившихъ изъ Софіи на Радоміръ соединиться съ арміей Шакиръ-паши, отступившей въ Татаръ-Базарджикъ. Когда эта цѣль будетъ достигнута, тогда отряду двинуться черезъ Банью къ Татаръ-Базарджику. При этомъ, такъ какъ есть точное основаніе предположить что Турки будутъ защищать позицію у Трояновыхъ воротъ

на Самоковъ, другую подъ начальствомъ графа Шувалова на Ихтиманъ и Трояновы ворота; остальныя двѣ, подъ начальствомъ генерала Шильдеръ-Шульднера и барона Криденера, обходными путями прямо на Татаръ-Базар-

(возлѣ Капучика), то отрядъ долженъ содѣйствовать колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова, наступающей по шоссе на Ихтиманъ, въ овладѣніи этою позиціей. Для этого отрядъ генерала Вельяминова долженъ оперировать противъ лѣваго фланга, а если можно, то и съ тыла турецкой позиціи. Въ Банью отрядъ долженъ прибыть 30 декабря, и для дѣйствія противъ Трояновской позиціи ожидать приказаній изъ Ихтимана. Если выходъ изъ Баньи въ окрестности Татаръ-Базарджика окажется возможнымъ, то 30 же декабря всѣ три регулярные кавалерійскіе полка, находящіеся при колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова, будутъ переведены изъ Ихтимана въ Банью. По соединеніи ихъ съ Кавказскою казачьею бригадой, всѣ пять полковъ, въ составѣ 24-хъ эскадроновъ и сотенъ, должны будутъ 31 декабря двинуться въ окрестности Татаръ-Базарджика, для дѣйствій въ тылу турецкой арміи. При этой кавалеріи отправить: взводъ 5-й батареи гвардейской конной артиллеріи и четыре ѳрудія 6-й Донской гвардейской конной батареи.

2. *Отряду генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го*: а) 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, собравшись къ вечеру 28 декабря у деревень Коджа, Новосело и Бѣлопопча, выступить утромъ 29 декабря и перейти въ деревню Вакарель. 30-го декабря дивизіи перейти въ Ихтиманъ. б) Гвардейской стрѣлковой бригадѣ выступить изъ Софіи 28-го декабря, и переночевавъ у Чифтлика-Чардокли, перейти 29 декабря въ Тырнову. 30 декабря бригадѣ перейти въ Ихтиманъ. в) 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и остальнымъ частямъ отряда выступить изъ Софіи утромъ 29 декабря и перейти въ Іени-ханъ, 30-го декабря перейти въ Вакарель, а 31 декабря въ Ихтиманъ.

Баталіонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка и 12 эскадроновъ кавалеріи, находящіеся при отрядѣ, уже отправлены въ Ихтиманъ, и если обстоятельства позволятъ, то завтра, 26 декабря, Ихтиманъ будетъ уже нами занятъ. Дальнѣйшія движенія и дѣйствія колонны будутъ вполнѣ зависѣть отъ обстоятельствъ.

джикъ, съ приказаніемъ двумъ послѣднимъ колоннамъ зайти въ тылъ турецкихъ позицій въ Трояновыхъ воротахъ. Городъ Софію генералъ Гурко покинулъ 29 декабря, направляясь вслѣдъ за колонной Шувалова къ Ихтиману.

3. Отрядъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера долженъ выступить съ такимъ разчетомъ времени чтобы 30 декабря быть въ Маковѣ, имѣя авангардъ въ Церивѣ. Цѣль дѣйствій колонны состоитъ въ содѣйствіи колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова къ овладѣнію позицій у Трояновыхъ воротъ, оперируя противъ праваго фланга и тыла турецкихъ позицій.

31 декабря всѣ три упомянутыя выше колонны должны заняться возможно болѣе тщательною рекогносцировкой какъ турецкихъ позицій, такъ и путей ведущихъ къ позиціямъ и въ долину рѣки Марицы. На основаніи этихъ рекогносцировокъ будетъ составленъ планъ атаки позиціи у Трояновыхъ воротъ.

Но еслибы 30 декабря оказалось что Турки покинули свои позиціи, то всѣмъ тремъ колоннамъ, не ожидая на то особаго приказанія, продолжать 31 декабря свое движеніе на Татаръ-Базарджикъ.

4. Колонна генералъ-лейтенанта барона Криденера должна выступить изъ мѣстъ своего расположенія съ такимъ разчетомъ времени чтобы 30 декабря быть въ Отлукіоѣ (Панигорище). Цѣль дѣйствія колонны, оперируя на Татаръ-Базарджикъ, угрожать тылу турецкихъ позицій, а въ случаѣ отступленія Турокъ—ударить имъ во флангъ и, если окажется возможнымъ, то совершенно преградить имъ путь отступленія.

1-я бригада 2-й гв. кавалерійской дивизіи прикомандировывается къ этой колоннѣ. По занятіи Отлукіоя всѣ пять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ должны быть двинуты 31 декабря въ долину рѣки Марицы, гдѣ, соединившись съ кавалеріей вышедшей изъ Баньи и дѣйствуя въ окрестностяхъ Татаръ-Базарджика въ тылу Турокъ, отрѣзать подвозъ продовольствія къ Троянской позиціи, а если начнется отступленіе турецкихъ войскъ, то ставъ на пути ихъ отступленія, задерживать ихъ и тѣмъ дать время всѣмъ четыремъ колоннамъ, выйдя въ долину Марицы, окружить ихъ со всѣхъ сторонъ.

По соединеніи кавалеріи дебуширующей изъ Отлукіоя съ кавале-

Но пока Гурко двигалъ свой отрядъ на непріятеля засѣвшаго въ цѣпяхъ Малаго Балкана, произошло новое событіе, новый переходъ черезъ Балканы русской арміи,

ріей выходящей изъ Баньи (всего 44 эскадрона и 20 конныхъ орудій), общее командованіе надъ нею возлагаю на свиты Его Величества генералъ-майора барона Клодта. Астраханскій и Екатеринославскій драгунскіе полки должны соединиться въ одну бригаду, при которой должна состоять 16 конная батарея. При пяти полкахъ отправить взводъ 5-й батареи гвардейской конной артиллеріи и 16-ю конную батарею. Если же эта батарея по какимъ-либо причинамъ не можетъ слѣдовать съ колонной, то назначить другую конную батарею.

Вслѣдъ за движеніемъ кавалеріи, 31 декабря должна двинуться и вся пѣхота отряда командира 9-го корпуса и занять такую фланговую, относительно пути отступленія Турокъ, позицію, съ которой можно было бы или двинуться въ тылъ турецкой позиціи у Трояновыхъ воротъ, еслибы Турки упорствовали въ удержаніи ея, или ударить во флангъ отступающихъ турецкихъ войскъ, или, наконецъ, вовремя поддержать нашу кавалерію, еслибы на нее обрушились турецкія войска.

5. *Отряду полковника графа Комаровскаго* выступить немедленно и слѣдовать на Рахманли и Теке, гдѣ соединиться съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Карцева и поступить подъ его непосредственное начальство.

Я буду находиться при колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го и 30 декабря надѣюсь быть въ Ихтиманѣ.

Санитарныя средства распредѣлить слѣдующимъ образомъ: дивизіоннымъ лазаретамъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и 31-й пѣхотной дивизіи слѣдовать при колоннѣ графа Шувалова 2-го, дивизіоннымъ лазаретамъ 3-й гвардейской и 5-й пѣхотныхъ дивизій слѣдовать при колоннѣ командира 9-го корпуса. Красному Кресту отправить одинъ летучій отрядъ при колоннѣ генерала Вельяминова, а другой летучій отрядъ при колоннѣ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера. Отдѣленію дивизіоннаго лазарета 3-й пѣхотной дивизіи слѣдовать при отрядѣ полковника графа Комаровскаго.

Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ *Гурко.*

спустившейся съ Шипки въ Казанлыкскую долину и грозившей оттуда отрѣзать Турокъ отъ Филиппополя и Адріанополя. Поэтому Сулейманъ-пашѣ не приходилось долѣе медлить въ Малыхъ Балканахъ; ему надлежало поспѣшно отвести свои отряды изъ Самокова и Трояновыхъ воротъ къ Адріанополю, и предъ Гурко такимъ образомъ очутился внезапно не обороняющійся непріятель, но быстро отступающій. Вмѣсто предполагаемой атаки и новыхъ маневровъ въ цѣпяхъ Малаго Балкана, открывалось преслѣдованіе непріятеля. Такое положеніе дѣлъ выяснилось окончательно только въ Ихтиманѣ, гдѣ Гурко остановился на ночлегъ 30 декабря. Здѣсь генералъ получилъ извѣстіе о событіяхъ на Шипкѣ, здѣсь же узналъ и объ отступленіи Турокъ изъ Трояновыхъ воротъ и Самокова. Въ Ихтиманъ прибылъ къ Гурко 30 декабря адъютантъ Сулейманъ-паши Зеки-бей въ качествѣ парламентера, съ телеграммой Сулеймана къ Великому Князю Главнокомандующему, содержавшею въ себѣ предложеніе заключить перемиріе между воюющими сторонами. Телеграмму эту Гурко отправилъ въ Главную Квартиру, а самъ, въ ожиданіи послѣдующихъ распоряженій на нее Великаго Князя, двинулся на преслѣдованіе отступавшихъ Турокъ. Немедленно было послано всѣмъ колоннамъ предписаніе двигаться елико возможно быстрѣе, дѣлать переходы по 40 и 50 верстъ въ сутки, идти днемъ и ночью чтобы нагнать во что̀ бы то ни стало непріятеля и разбить его прежде чѣмъ онъ успѣетъ очутиться внѣ преслѣдованій и безопасно стянуться къ Адріанополю. Тяжелые переходы предстояли вновь пѣхотѣ, переходы снова по горамъ, форсированными маршами, почти безъ отдыха, но, какъ выразился генералъ Нагловскій, всѣ солдаты, которые отстанутъ въ этомъ усиленномъ маршѣ отъ своихъ частей,

подойдутъ при первой же остановкѣ снова къ своимъ частямъ, за то все что̀ отстанетъ у Турокъ уже не пристанетъ къ нимъ больше и будетъ наше. Гурко вполнѣ согласился съ этимъ основаніемъ Нагловскаго и колонны пошли въ догонку за непріятелемъ огромными переходами по горамъ. Генералъ Гурко находился во главѣ колонны Шувалова и 31 декабря, наканунѣ Новаго Года, доѣхалъ до сел. Вѣтренова, расположеннаго на склонѣ Малаго Балкана въ долину Марицы. Одновременно съ генераломъ подошла къ Вѣтренову и авангардная часть колонны Шувалова. Новый Годъ мы встрѣтили въ Вѣтреновѣ, прибывъ на ночлегъ поздним вечеромъ, утомленные длиннымъ путемъ отъ Ихтимана до Вѣтренова. Генералъ отслужилъ всенощную въ избѣ, въ которой остановился ночевать, причемъ хоръ пѣвчихъ, за неимѣніемъ другихъ, составили ординарцы Гурко. На другой день, 1 января 1878 года, мы спустились съ горъ въ равнину Марицы и на этотъ разъ окончательно распрощались съ горами. Больше горъ уже не будетъ вплоть до самой столицы Турокъ; горы будутъ пожалуй сопровождать нашъ дальнѣйшій путь, но только въ качествѣ декораціи по сторонамъ дороги. 1 января мы стояли уже на равнинѣ. Предъ нами вдали виднѣлся Татаръ-Базарджикъ, ясно отмѣченный черными столбами дыма, поднимавшагося вверхъ отъ подожженныхъ Турками строеній города; вѣрный признакъ что непріятель отступаетъ. Зеки-бей признался намъ наканунѣ что пожары селеній и городовъ означаютъ поспѣшное отступленіе Турокъ. Въ полуверстѣ отъ насъ разсыпана по снѣгу кавалерійская цѣпь непріятеля, а за цѣпью и до города невооруженный глазъ хорошо различаетъ темныя массы турецкой пѣхоты. Это Турки отступившіе изъ Трояновыхъ воротъ. Гурко горитъ нетерпѣ-

ніемъ двинуть на нихъ свои войска, но какъ ни форсированно идутъ колонны, Шуваловъ только къ вечеру спустился въ равнину, а Шильдеръ-Шульднеръ и Криденеръ появятся только завтра въ окрестностяхъ Базарджика. Эта армія, стоящая противъ насъ у города, успѣетъ отступить за ночь по шоссе къ Филиппополю; она теперь только прикрываетъ отступающіе уже изъ Базарджика артиллерію и обозы, за которыми сама готовится уйти; эта армія почти потеряна для преслѣдованія. За то вправо отъ насъ, по ту сторону рѣки Марицы, вдали, у подошвы горъ, тянутся безконечною черною ниткой, колонна за колонной, фургоны, телѣги, гурты скота, орудія. Тамъ идутъ сорокъ баталіоновъ турецкаго войска, изъ Самокова, Баньи на Филиппополь; они идутъ вдоль полотна желѣзной дороги, спѣшатъ къ Филиппополю. Голова этой турецкой колонны уже спустилась съ горъ на равнину; но хвостъ ея еще застрялъ въ горахъ близь Баньи. Вельяминовъ, наступающій за ними отъ Самокова, терзаетъ хвостъ турецкаго отряда кавалерійскими набѣгами, а гдѣ возможно и артиллерійскимъ огнемъ. Но Вельяминовъ мало что можетъ сдѣлать. Онъ идетъ по пятамъ за Турками, подталкиваетъ впередъ и безъ того бѣгущаго непріятеля. Тутъ нуженъ иной образъ дѣйствія: необходимо бѣжать параллельно Туркамъ, обогнать ихъ колонны и двинуться имъ на перерѣзъ, стать поперекъ ихъ дороги; тогда Самоковскій отрядъ непріятеля пропадетъ, будетъ уничтоженъ; это движеніе должны завтра исполнить Шуваловъ, Криденеръ и Шильдеръ-Шульднеръ, которые, спустившись въ равнину Марицы, Шуваловъ по шоссе съ Трояновыхъ воротъ, остальные два отряда лѣвѣе, къ окрестностямъ Базарджика, — пойдутъ по Филиппопольскому шоссе параллельно отступающимъ изъ Самокова Туркамъ,

и когда обгонятъ ихъ, то завернутъ лѣвымъ плечомъ впередъ, перейдутъ на ту сторону Марицы и станутъ къ лицу непріятеля. Движеніе это должно быть удачнымъ, такъ какъ Самоковскій отрядъ Турокъ двигается по плохой и кружной дорогѣ, между тѣмъ какъ мы, параллельно съ нимъ, пойдемъ по прямому и отлично устроенному шоссе.

Генералъ Гурко сидѣлъ на курганчикѣ въ равнинѣ Марицы и объяснялъ окружающимъ его ординарцамъ и свитѣ предполагаемое на завтра движеніе. Очевидно что цѣль Сулейманъ-паши состоитъ теперь въ томъ чтобы собрать въ Адріанополѣ возможно бóльшія силы, сосредоточить тамъ всю уцѣлѣвшую отъ разгрома турецкую армію и подъ Адріанополемъ встрѣтить насъ изъ-за рвовъ и укрѣпленій. Но этого-то и не слѣдуетъ допустить, по возможности. 20 баталіоновъ Турокъ, успѣвшихъ по шоссе добраться до Базарджика, уже не находятся болѣе въ нашей власти. Но Самоковскій отрядъ долженъ принадлежать намъ. Его необходимо разстроить и уничтожить въ чистомъ полѣ, въ его отступающемъ видѣ, чтобы не считаться съ нимъ въ будущемъ за заранѣе приготовленными укрѣпленными позиціями Адріанополя. День между тѣмъ клонился къ вечеру. Просторная равнина освѣтилась блѣдно-розовымъ свѣтомъ отъ солнечныхъ лучей переливавшихся на снѣгу: снѣжныя вершины окрестныхъ горъ казались прозрачными, словно сдѣланными изъ перламутра. Столбы дыма надъ Базарджикомъ все увеличивались въ объемѣ, становились чернѣе. По прежнему въ полуверстѣ отъ насъ стояла неподвижно кавалерійская цѣпь Турокъ, и по прежнему темными массами обрисовывались на снѣгу колонны турецкой пѣхоты вблизи дымившагося города. У насъ нашлись подъ рукой сотня Осетинъ и 4 орудія, и Гурко

приказалъ Осетинамъ выѣхать впередъ, разсыпаться и затѣять перестрѣлку съ непріятельскою кавалеріей. Орудіямъ приказано было тоже сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Перестрѣлка началась; она была лѣнивая, не оживленная. Но это была не единственная перестрѣлка звучавшая въ ту минуту въ равнинѣ. Лѣвѣе насъ, наша кавалерія съ утра занимала деревни въ окрестностяхъ Базарджика и вела войну съ Черкесами и регулярною кавалеріей непріятеля. Преслѣдовать или наступать на 20 баталіоновъ турецкой пѣхоты у Базарджика наша кавалерія одна, безъ поддержки своею пѣхотой, конечно не могла, а потому и ограничивались весь день 1-го января стычками съ Черкесами. Наша же пѣхота была еще въ горахъ и только завтра могла поспѣть въ равнину. Словомъ, Турки уйдутъ безъ преслѣдованія изъ Базарджика, что́ и не замедлило оправдаться на самомъ дѣлѣ въ ночь съ 1 на 2 января. 2-го января Базарджикъ былъ уже свободенъ отъ непріятеля и Гурко раннимъ утромъ въѣхалъ въ опустошенный и опустѣлый городъ. Турки отступили за ночь по шоссе къ Филиппополю. Они были теперь внѣ преслѣдованія, и все вниманіе Гурко сосредоточилось на Самоковскомъ отрядѣ Турокъ, который тянулся за рѣкою Марицей параллельною намъ колонной. Въ Базарджикѣ Гурко не останавливался вовсе. Онъ проѣхалъ сквозь городъ по главной улицѣ, носившей повсюду слѣды грабежа и разоренія. Многія зданія еще пылали; масса всякаго тряпья, черепковъ, битой посуды валялась по улицамъ. Жители Базарджика нигдѣ не встрѣтили насъ шумною толпой, какъ это бывало въ Этрополѣ, Софіи, еще раньше въ Тырновѣ и Казанлыкѣ. Здѣсь отдѣльныя лица какими-то блѣдными, измученными тѣнями выходили на улицу и безучастно смотрѣли на насъ. Нѣкоторые подбѣгали къ генералу и

цѣловали ему руку. Турки только-что ушли. Жители Базарджика еще не опомнились отъ страха и не пришли въ себя отъ угнетеннаго состоянія духа. Трудно представить себѣ что̀ пришлось имъ вытерпѣть за послѣдніе дни отъ турецкихъ солдатъ, Черкесовъ и баши-базуковъ. Турокъ страшенъ для мирнаго населенія, когда является среди него побѣдителемъ; но побѣжденный и отступающій Турокъ еще страшнѣе. Ему нѣтъ причинъ щадить мирное христіанское населеніе городовъ и деревень. На этомъ населеніи побѣжденный Турокъ вымѣщаетъ свою обиду. Въ городѣ мы нашли много отсталыхъ турецкихъ солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ; между ними двухъ офицеровъ. Много Турокъ еще скрывалось въ домахъ, пряталось въ шкафахъ, въ подвалахъ. Нѣкоторые фанатики стрѣляли изъ оконъ домовъ по проѣзжавшему генералу. Къ 12-ти часамъ дня къ Базарджику стали подтягиваться колонны Шувалова и Криденера, и тутъ началась настоящая погоня за непріятелемъ. Войска быстро задвигались по шоссе, которое мѣстами близко подходило къ Марицѣ, и русскія и турецкія колонны, идя параллельно, находились минутами на разстояніи какихъ-нибудь полуверсты другъ отъ друга по обѣимъ сторонамъ рѣки. Но ни наши, ни Турки не открывали огня. Молча и напрягая всѣ силы, каждый спѣшилъ перегнать другаго. На утро 3 января, колонна Шувалова уже значительно опередила Турокъ, перешла Марицу въ бродъ и ударила сбоку на турецкія силы. Колонна Шильдеръ-Шульднера пошла еще дальше.

Отправляющійся сію минуту курьеръ заставилъ меня прервать письмо, продолженіе котораго отправлю со слѣдующею оказіей. Прибавлю только что колонны Шувалова, Шильдеръ-Шульднера и Криденера, вступивъ 3 января въ бой съ Самоковскимъ отрядомъ, трое сутокъ сряду

дрались съ Турками, защищавшимися какъ львы. Не выяснились еще ни наши потери, ни потери Турокъ за эти дни, не приведено еще въ извѣстность число отбитыхъ у непріятеля орудій, но Самоковскій отрядъ Турокъ разсѣянъ, разбитъ совершенно. Трое сутокъ сряду этотъ отрядъ, почувствовавъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками, бился какъ звѣрь посаженный въ клѣтку, бросался въ атаку во всѣ стороны, отыскивая себѣ свободную дорогу. Но прижатый нами къ дикимъ высотамъ Родопскаго Балкана, какъ къ стѣнѣ, онъ бросилъ орудія, обозы и отдѣльными группами, единичными солдатами разбрелся по горамъ. Эти горы извѣстны своею дикостью; въ нихъ нѣтъ ни дорогъ, ни деревень.

И по сію минуту еще слышатся въ окрестностяхъ Филиппополя орудійные залпы и доносится трескотня ружейнаго огня.

Городъ Филиппополь былъ очищенъ Турками въ ночь съ 3 на 4 января. Въ немъ находился турецкій отрядъ отступившій изъ Трояновыхъ воротъ на Базарджикъ и по шоссе на Филиппополь. Вчера Гурко вступилъ въ Филиппополь. Подробности до слѣдующей оказіи.

Филиппополь,
5-го января 1878 года.

Погоня за Самоковскимъ отрядомъ.—День на берегу Марицы.—Занятіе Филиппополя.—Трехдневный бой въ его окрестностяхъ.

Въ предыдущемъ письмѣ я остановился на описаніи нашей погони за Самоковскимъ отрядомъ Турокъ. Этотъ отрядъ отступалъ по правому берегу Марицы, преслѣдуемый по пятамъ колонной генерала Вельяминова, терзавшей хвостъ отряда кавалерійскими набѣгами и артиллерійскимъ огнемъ. Другія наши колонны Шувалова, Шильдеръ-Шульднера, Криденера, двигались по лѣвому берегу Марицы, по Филиппопольскому шоссе, параллельно бѣгущему непріятелю, отдѣленныя отъ него одною рѣкой. Колонны наши двигались по шоссе поспѣшно, почти безъ отдыха, стараясь перегнать Турокъ чтобы, перегнавъ ихъ, перейти въ бродъ Марицу и стать турецкому отряду поперекъ дороги. Оба отряда, и нашъ и турецкій, напрягая всѣ силы, спѣшили впередъ по берегамъ широкой рѣки, быстро мчавшей и крутившей большіе куски снѣга и льдины. Весь день 2 января оба отряда молча шли другъ противъ друга, не открывая огня, притаивъ дыханіе и только усиливая марши. Къ вечеру 2 января, графъ Шуваловъ рѣшилъ что настало время ударить на непріятеля съ боку. Поэтому въ ночь со 2-го на 3-е онъ перевелъ въ бродъ свою колонну на ту сторону Марицы, у селенія Адакіой, и остановился въ селеніи, ожидая разсвѣта. Турки захваченные съ двухъ сторонъ, съ тыла Вельяминовымъ и съ фланга Шуваловымъ, поспѣшно построились ночью въ боевой порядокъ у селенія Кадыкіой, ча-

стію у самаго селенія на равнинѣ, частію взобравшись на склоны ближайшихъ къ селенію горъ. Но эти приготовившіеся къ оборонѣ Турки составляли лишь хвостъ и средину всего отступавшаго турецкаго отряда. Шуваловъ не успѣлъ забѣжать впередъ всему отряду Турокъ, и голова турецкой колонны, не задержанная еще въ своемъ движеніи продолжала поспѣшное бѣгство. Чтобы не дать уйти и головной части турецкаго отряда, Шильдеръ-Шульднеръ долженъ былъ 3 января исполнять ту роль которую наканунѣ исполнялъ Шуваловъ, т.-е. быстро двигаться по Филиппопольскому шоссе параллельно свободной еще части бѣгущаго непріятеля, стараться обогнать ее и затѣмъ, перейдя Марицу въ бродъ, идти на перерѣзъ Туркамъ. Наконецъ, 3-я гвардейская дивизія должна была идти еще дальше Шильдеръ-Шульднера по Филиппопольскому шоссе, оставить Филиппополь отъ себя влѣво и, перейдя Марицу, направиться къ мѣстечку Станимакъ чтобы тамъ перенять путь отступленія Турокъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько пріемовъ, весь растянувшійся на нѣсколько верстъ въ длину отрядъ отступавшихъ (на Адріанополь) Турокъ долженъ былъ быть разбитъ на куски съ фланга, задержанъ спереди, тѣснимъ съ тыла и прижатъ всецѣло къ дикимъ горамъ Родопскаго Балкана, окаймляющаго Филиппольскую равнину.

3 января генералъ Гурко выѣхалъ въ 6 час. утра, въ совершенной темнотѣ, изъ деревни Конаре-Дуванкіой, гдѣ провелъ ночь, на Филиппопольское шоссе и направился вдоль по шоссе къ Филиппополю. Въ 8 час. утра, у Кадыкіоя раздались первые пушечные выстрѣлы непріятеля, оборонявшагося противъ Шувалова и Вельяминова, и часъ спустя загорѣлась въ той же сторонѣ сильнѣйшая ружейная перестрѣлка. Съ той минуты и цѣлый день 3-го

января, вплоть до глубокаго вечера, не стихалъ у Кадыкіоя и его окрестностей огонь артиллеріи и пѣхоты, принимавшій минутами чудовищные размѣры. Пойманный непріятель рѣшился не отдаваться намъ въ руки живымъ. Судя по размѣрамъ огня, кровь большими струями должна была литься съ обѣихъ сторонъ у Кадыкіоя, и думалось невольно, стоитъ ли этихъ жертвъ и безъ того спасающійся предъ нами непріятель? Пусть бы бѣжалъ себѣ свободно, унося съ собою сознаніе своего пораженія. Нужна ли на самомъ дѣлѣ эта травля врага какъ дикаго звѣря, полнѣйшее уничтоженіе его? Но это было нужно на самомъ дѣлѣ, ибо отбивающіеся теперь 40—50 баталіоновъ Турокъ у Кадыкіоя обойдутся намъ дороже за рвами и укрѣпленіями Адріанополя.

Гурко, между тѣмъ, выѣхавъ на Филиппопольское шоссе, оставилъ вправо и позади у себя битву подъ Кадыкіоемъ, и проѣхавъ нѣсколько верстъ дальше по шоссе, обогналъ колонну Шильдеръ-Шульднера, быстро двигавшуюся на перегонки съ головною частью турецкаго отряда. Между шоссе и рѣкой Марицей нашелся по дорогѣ небольшой курганчикъ, у котораго Гурко, слѣзши съ коня, расположился со своею свитой и конвоемъ. Съ этого курганчика намъ ясно было видно движеніе Турокъ, тянувшихся у подошвы горъ вдоль полотна желѣзной дороги. Это была та головная часть турецкаго отряда, которой Шильдеръ-Шульднеръ долженъ быть пересѣчь дорогу. Она двигалась подъ прикрытіемъ кавалеріи, развернувшей густую цѣпь вдоль линіи движенія турецкаго отряда и разъѣзжавшей по правому берегу Марицы, въ какой-нибудь полуверстѣ отъ рѣки. Въ ту минуту какъ Гурко взошелъ на курганчикъ, отъ кавалерійской цѣпи непріятеля отдѣлились трое Черкесовъ и подскакали къ самой

Марицѣ. Одинъ изъ нихъ, вынувъ пистолетъ и долго прицѣливаясь, выстрѣлилъ по генералу и группѣ собравшейся вокругъ Гурко, но выстрѣлилъ до того неудачно что мы не слыхали даже свиста пули. Видя что промахнулся, Черкесъ снова сталъ долго, долго цѣлиться, и выстрѣлилъ еще два раза, одинъ за другимъ. Гурко приказалъ находившимся у курганчика нѣсколькимъ Осетинамъ прогнать этихъ Черкесовъ. Человѣкъ десять Осетинъ выбѣжали немедленно къ самой рѣкѣ, разсыпались, опустились на одно колѣно на землю и стали стрѣлять по Черкесамъ. Двое ускакали тотчасъ же, но третій, тотъ самый что за минуту предъ тѣмъ стрѣлялъ изъ пистолета, остался стоять на прежнемъ мѣстѣ. Осетины очевидно горячились, видя добычу въ такомъ близкомъ отъ себя разстояніи, въ какихъ-нибудь 40—50 саженяхъ, и выстрѣлъ за выстрѣломъ давали только промахи. Черкесъ, между тѣмъ, простоявъ нѣсколько секундъ подъ свистомъ и гудѣніемъ пуль, дернулъ коня и проѣхался подъ огнемъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ предъ нами, дѣлая намъ рукой привѣтственные знаки. Эта смѣлость восхитила всѣхъ. «Молодецъ!» вырвалось у генерала. Одобрительный шопотъ пронесся между солдатами, проходившими въ ту минуту мимо курганчика. Отважный Черкесъ такъ и ускакалъ невридимо назадъ. Однако кавалерійская цѣпь непріятеля была въ близкомъ отъ насъ разстояніи, да и двигающіяся колонны турецкой пѣхоты были не дальше ружейнаго выстрѣла отъ шоссе. Пока еще Шильдеръ-Шульднеръ успѣетъ сдѣлать свое дѣло, обогнать ихъ, зайти къ нимъ на перерѣзъ; можно бы и сейчасъ отсюда ударить Туркамъ въ бокъ. Задумано—сдѣлано. Остановили лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, проходившій тутъ на шоссе у курганчика, велѣли ему перейти въ бродъ

Марицу и наступать на непріятельскія колонны. Артиллеріи приказано было выбрать поскорѣе удобныя позиціи, чтобы бросать съ нихъ въ непріятеля гранатами и шрапнелями. Лейбъ-гвардіи Преображенскому полку и лейбъ-гвардіи Семеновскому, находившимся тоже вблизи курганчика, отдано приказаніе выстроиться на шоссе и съ шоссе открыть ружейный и артиллерійскій огонь. Финляндскій полкъ, согласно приказанію, двинулся въ воду рѣки, проносившей въ быстромъ теченіи куски снѣга и льда. Холодный вѣтеръ, съ морозомъ, рѣзалъ лицо и руки; вода доходила солдатамъ выше пояса. Поднявъ ружья надъ головой, они съ трудомъ подвигались черезъ рѣку, упираясь противъ теченія. Выбравшись на другой берегъ, солдаты, промокшіе насквозь, бѣгомъ пускались впередъ, на бѣгу вкладывая патроны въ ружья и стрѣляя въ цѣпь турецкой кавалеріи. Переправа черезъ Марицу въ бродъ была жестокая. «Лошадей сюда! конвойныхъ, ординарцевъ, заводныхъ, всѣхъ сюда; перевозить пѣхоту на лошадяхъ!» горячился генералъ Гурко. Но кромѣ верховыхъ лошадей ординарцевъ, свиты и конвоя генерала, другихъ лошадей не было подъ рукой, эти лошади и были взяты всѣ тотчасъ же для переправы пѣхоты. Между тѣмъ турецкая кавалерія открыла огонь по переправѣ, и въ теченіе десяти минутъ было трое раненыхъ и одинъ убитый на самой срединѣ рѣки. Онъ упалъ въ воду, окрасивъ ея струи большимъ кровавымъ пятномъ, черезъ секунду разошедшимся въ длинныя красныя нити. И убитый, и раненые были вывезены назадъ на берегъ. Огонь турецкой кавалеріи былъ частый, но не очень мѣткій. Вся переправа лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка обошлась, кажется, въ пять человѣкъ выбывшихъ изъ строя, не считая убитыхъ и раненыхъ лошадей. Едва первый баталіонъ

Финляндскаго полка выстроился на противоположномъ берегу Марицы, Черкесы отъѣхали въ сторону, уступая мѣсто турецкой пѣхотѣ. Колонны ея продолжали попрежнему двигаться у подошвы горъ вдоль полотна желѣзной дороги, но для ихъ прикрытія Турки выставили теперь на встрѣчу наступающаго на нихъ Финляндскаго полка заслонъ изъ пѣхотной цѣпи. Этотъ заслонъ залегъ за полотномъ желѣзной дороги и открылъ огонь по Финляндцамъ. За спиной же этого заслона Турки продолжали быстро двигаться, тамъ попрежнему продолжали идти обозы, солдаты, пушки, за исключеніемъ развѣ четырехъ орудій, которыя Турки тутъ же остановили и направили противъ Финляндцевъ. Наша артиллерія также выбрала и заняла позиціи. Всевозможные звуки разыгрались въ воздухѣ отъ ружейной, картечной пальбы, пальбы гранатами и шрапнелями. Эти звуки, рѣзко свистящіе, ноющіе, звенящіе, стонущіе, гудящіе на всѣ лады, слились съ глухими, издалека доносившимися ударами орудій и трескомъ перестрѣлки подъ Кадыкіоемъ. Колонна Шильдеръ-Шульднера прошла между тѣмъ по шоссе дальше мимо курганчика на которомъ Гурко слѣдилъ за ходомъ сраженія, и съ версту ниже приступила въ свою очередь къ переправѣ черезъ Марицу. Для переправы ея былъ прикомандированъ 2-й эскадронъ л.-гв. Драгунскаго полка подъ начальствомъ капитана Бураго, который и долженъ былъ перевести солдатъ на лошадяхъ на ту сторону рѣки. Третья гвардейская дивизія продвинулась по шоссе еще дальше колонны Шильдеръ-Шульднера; третьей дивизіи приказано было перейти Марицу подъ самымъ Филиппополемъ и оттуда двинуться вправо, къ Станимаку, на перерѣзъ дальнѣйшаго пути отступленія Турокъ. Самый городъ Филиппополь лежалъ въ сторонѣ отъ той дороги

по которой совершалъ свое отступленіе преслѣдуемый нами Самоковскій отрядъ Турокъ. Но въ Филиппополѣ сидѣли другіе Турки, именно отступившіе изъ Трояновыхъ воротъ на Базарджикъ и оттуда по шоссе на Филиппополь. Сколько ихъ было тамъ—неизвѣстно. Но они сожгли всѣ мосты ведущіе въ городъ черезъ Марицу и стрѣляли прямо изъ города изъ орудій по нашей кавалеріи, подъѣзжавшей близко къ городу и по третьей гвардейской дивизіи, переправившейся подъ Филиппополемъ черезъ рѣку. Турки въ Филиппополѣ не имѣли основаній держаться долго или защищаться въ городѣ; они прикрывали только свое отступленіе изъ Филиппополя на Адріанополь, но весь день 3 января значительныя силы Турокъ еще находились въ Филиппополѣ, и огонь турецкихъ орудій изъ города по нашей кавалеріи и проходившей третьей дивизіи былъ очень сильный и частый.

День клонился къ вечеру, холодъ ощущался болѣзненнѣе. Огонь у Кадыкіоя и въ окрестностяхъ курганчика не унимался до наступленія темноты. Ночь каждымъ въ отрядѣ ожидалась съ нетерпѣніемъ. Длинный, томительный день на холоду, подъ непрерывнымъ гудѣніемъ пуль, звономъ въ воздухѣ осколковъ гранатъ, визгомъ шрапнелей—становился невыносимымъ.

Къ курганчику, гдѣ сидѣлъ Гурко, подъѣхалъ капитанъ Бураго и доложилъ генералу что 2-й эскадронъ Драгунскаго полка перевезъ на ту сторону Марицы 1,500 человѣкъ пѣхоты, что Бугскій уланскій полкъ пришелъ къ нему на смѣну. Лошади измучились, люди издрогли. «Ожидаю дальнѣйшихъ приказаній вашего превосходительства», докладывалъ Бураго.

— Приказаній? переспросилъ Гурко.—Займите Филиппополь, прибавилъ онъ полушутя, полусеріозно.

— Прикажете?

— Да, сорвалось у генерала.

— Слушаю-съ, приложилъ Бураго руку къ козырьку, и чрезъ минуту мчался уже на полныхъ рысяхъ со своимъ эскадрономъ къ Филиппополю, еще занятому непріятелемъ. Подъ прикрытіемъ ночи Бураго переправился черезъ Марицу у самаго города и незамѣченный Турками, въѣхалъ въ улицы Филиппополя. Орудійная пальба изъ города прекратилась съ наступленіемъ темноты; Турокъ не попадалось на улицахъ города. Встрѣчались только вооруженные Болгары и вооруженные жители Филиппополя. Дома всѣ были заперты. Между прочимъ, въ одномъ изъ переулковъ попался на встрѣчу Бураго греческій консулъ, который, увидавъ Русскихъ, остановилъ Бураго и попросилъ его на минуту зайти въ его домъ.

— Сколько васъ? спросилъ консулъ Бураго, когда они очутились наединѣ.

— Очень много, отвѣтилъ Бураго.

— Нѣтъ, сколько именно Русскихъ вступаетъ въ городъ въ настоящую минуту?

— Много: эскадронъ драгунъ, т.-е. 80 человѣкъ подъ моимъ начальствомъ.

— Такъ спѣшите скорѣй назадъ, спасайтесь! заговорилъ консулъ испуганнымъ голосомъ;—у васъ со всѣхъ сторонъ Турки; ихъ было сегодня до 12 тысячъ въ Филиппополѣ, часть уже ушла; но тысячи три—пять сейчасъ находятся у станціи желѣзной дороги.

Но что же было дѣлать? Городъ приказано было занять, и Бураго, спѣшивъ свой эскадронъ, повелъ его на край города, къ станціи желѣзной дороги. Тутъ, у станціи, происходило огромное движеніе, вокзалъ былъ ярко освѣщенъ, дальше, въ полѣ горѣли костры; Турки шумѣли,

кричали, суетились у костровъ, скрипѣли телѣги везомыя на волахъ. Бураго, наткнувшись близъ станціи на неглубокій ровъ съ насыпью, приказалъ эскадрону залечь во рву, кричать громче *ура*, не сходя съ мѣста и стрѣлять изъ ружей елико возможно чаще по Туркамъ шумѣвшимъ у костровъ. Едва раздалось *ура* и зазвучали выстрѣлы, Турки открыли не медля со своей стороны огонь. Но въ темнотѣ, стрѣляя на угадъ, хотя и очень частымъ огнемъ, они не попадали въ нашихъ; ихъ пули перелетали черезъ ровъ, не причинивъ никому изъ драгунъ вреда. Да Турки и не собирались защищаться на станціи. Частымъ огнемъ они прикрывали лишь свое отступленіе. Массы ихъ собранныя у станціи стали быстро уходить отъ пылавшихъ костровъ въ темноту, не подозрѣвая что всего 80 человѣкъ драгунъ кричатъ *ура* и стрѣляютъ по нимъ изо рва. Лишь только скрылись въ темнотѣ послѣднія колонны бѣжавшаго непріятеля, Бураго вошелъ въ вокзалъ и засталъ тамъ накрытый столъ съ винами, закусками, отлично сервированный; буфетчикъ-Италіянецъ объяснилъ Бураго что у него на кухнѣ готовится ужинъ, заказанный полчаса тому назадъ Сулейманъ-пашой, и что этотъ ужинъ онъ счастливъ предложить первымъ Русскимъ вступившимъ въ Филиппополь. «Сейчасъ тутъ въ вокзалѣ было трое пашей, прибавилъ Италіянецъ, вы захватите ихъ въ десяти минутахъ разстоянія отъ города.» Между тѣмъ ужинъ заказанный Сулейманомъ оказался великолѣпнымъ; онъ состоялъ изъ почекъ на мадерѣ, отварнаго языка съ рисомъ и т. п. вкусныхъ блюдъ. Въ городѣ однако оставалась еще, на одномъ изъ холмовъ, турецкая батарея изъ двухъ орудій, защищаемая небольшимъ числомъ турецкой пѣхоты. На эту батарею влетѣлъ со своимъ взводомъ поручикъ графъ Ребиндеръ и завладѣлъ орудіями,

перебивъ всѣхъ защищавшихъ орудія Турокъ. Городъ такимъ образомъ былъ занятъ, по приказанію Гурко, 2-мъ эскадрономъ л.-гв. Драгунскаго полка въ ночь съ 3 на 4 января. Турки изъ Филиппополя отступили по шоссе на Адріанополь; часть ихъ еще наканунѣ была отправлена къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ. Для Гурко этотъ отрядъ находился уже внѣ преслѣдованія. За то отряды генерала Скобелева и Радецкаго, двигающіеся съ Шипки черезъ Ени-Загру на Германлы, могутъ еще поспѣть выйти на шоссе между Филиппополемъ и Адріанополемъ и отрѣзать этихъ Турокъ отъ Адріанополя.

На другой день, 4 января, Гурко вступилъ въ Филиппополь и помѣстился въ бывшемъ домѣ русскаго консульства, надъ которымъ былъ немедленно поднятъ русскій флагъ. Но бой въ окрестностяхъ Филиппополя не стихалъ и 4 января, не прекратился и на слѣдующій день 5-го. Близъ Кадыкіоя и Станимака Шуваловъ, Шильдеръ-Шульднеръ, Вельяминовъ, третья гвардейская дивизія продолжали тѣснить и напирать на Самоковскій отрядъ Турокъ на правомъ берегу Марицы. Отрядъ этотъ былъ захваченъ со всѣхъ сторонъ: и хвостъ, и средина, и головная часть его не ушли отъ нашего преслѣдованія. До 30 тысячъ турецкаго войска были остановлены въ своемъ движеніи, отрѣзаны отъ своего пути. За то отбивалось это турецкое войско какъ львы, какъ герои: они не хотѣли положить оружія и сдаться въ плѣнъ Русскимъ. Почувствовавъ себя окруженными, они стали кидаться во всѣ стороны, пробиваясь, отыскивая себѣ свободный выходъ. То взбирались они на скалы и гребни горъ, втаскивали туда орудія и съ горъ осыпали наши колонны картечью и пулями, то дико бросались съ горъ въ атаку и снова были прижаты къ горамъ; рвались и метались во всѣ стороны въ теченіе трехъ сутокъ.

Вчера только къ вечеру прекратился бой, и подробности его еще неизвѣстны вполнѣ. Число нашихъ потерь не приведено еще въ ясность. Но сегодня уже ходятъ по городу нѣсколько разказовъ изъ трехдневнаго боя на правомъ берегу Марицы. Между прочимъ разказываютъ много о старомъ генералѣ Красновѣ, благодаря энергіи коего не ушла отъ преслѣдованія головная часть Самоковскаго отряда. Въ ночь съ 4-го на 5-е, Красновъ перехватилъ эту часть, чуть-чуть не выскользнувшую изъ рукъ, взялъ ночью же, съ боя, 24 орудія близь Станимака, и все время боя разъѣзжалъ шажкомъ, хладнокровно, подъ пулями въ передовой цѣпи, повторяя одну и ту же фразу на всѣ вопросы и обращенія къ нему за приказаніями: «Разбить Турка! Никакихъ другихъ приказаній не будетъ!» Видъ этого стараго генерала, подъѣзжавшаго спокойно, шажкомъ, на самыя горячія мѣста сраженія и говорившаго только: «разбить Турка, припереть его хорошенько,» необыкновенно какъ вдохновлялъ солдатъ, которые съ криками *ура*, при каждомъ приближеніи къ нимъ Краснова, кидались въ атаку на Турокъ, превосходившихъ ихъ по числу подъ Станимакомъ. Разказываютъ также нѣсколько эпизодовъ о томъ какъ сопротивлялись Турки. Между прочимъ разказываютъ о какомъ-то эскадронѣ арабской кавалеріи, который, засѣвъ въ лѣсу, отстрѣливался не слѣзая съ лошадей цѣлые часы отъ наступавшаго на него баталіона нашей пѣхоты. Благодаря магазиннымъ ружьямъ, этотъ эскадронъ Арабовъ производилъ жестокій огонь и задержалъ нашъ баталіонъ до того что пришлось выдвинуть противъ этихъ Арабовъ два орудія, которыя открыли огонь картечью. Но Арабы не отступили и предъ орудіями; перебили и переранили всѣхъ лошадей при орудіяхъ, и перешли еще сами въ наступле-

ніе. Подоспѣвшіе, наконецъ, еще одинъ баталіонъ нашей пѣхоты и эскадронъ нашей кавалеріи разогнали этихъ отважныхъ Арабовъ. Подъ Станимакомъ былъ убитъ турецкій паша, неизвѣстно еще какой, но сопротивлявшійся отчаянно. Раненый, онъ сидя на лошади отбивался саблей отъ стремившихся взять его живьемъ нашихъ солдатъ. Одному изъ нихъ онъ отсѣкъ саблей обѣ руки, другому исполосовалъ все лицо; многихъ переранилъ, и защищался до тѣхъ поръ пока не былъ снятъ штыками съ сѣдла.

Трехдневный бой на правомъ берегу Марицы, подъ Филиппополемъ, закончился вчера вечеромъ тѣмъ что Турки, бросивъ весь обозъ и всѣ орудія, разбрелись по горамъ. Самоковскій отрядъ былъ такимъ образомъ разсѣянъ, разбитъ. Безъ обозовъ и орудій въ дикихъ горахъ его нельзя считать уже болѣе отрядомъ. До сей минуты число отбитыхъ у непріятеля и брошенныхъ имъ орудій насчитывается до 56.

Филиппополь,
6 января 1878 года.

Подробности движенія отъ Софіи къ Филиппополю.

Быстрымъ движеніемъ изъ Софіи къ Филиппополю генералъ Гурко догналъ отступавшій изъ Самокова на Адріанополь турецкій отрядъ, пересѣкъ ему путь отступленія, разсѣялъ его колонны, отнявъ у него всѣ орудія и весь обозъ. Преслѣдованіе и уничтоженіе бѣжавшаго врага было какъ нельзя болѣе полное. Но гнались мы за непріятелемъ изъ-подъ самой Софіи вплоть до Филиппополя безъ отдыха, шли, по выраженію Гурко, *подобно вихрю*, и едва-едва успѣли захватить Турокъ въ долинѣ рѣки Марицы, между Базарджикомъ и Филиппополемъ.

Послѣ двойнаго перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы, у Араба-Конака и на Шипкѣ, Сулейманъ-паша не могъ долѣе держать свою армію въ Малыхъ Балканахъ или оперировать въ долинѣ Марицы; иначе онъ рисковалъ быть отрѣзаннымъ отъ Адріанополя отрядами Скобелева и Радецкаго, шедшими съ Шипки прямою дорогой на Адріанополь; ему оставалось быстро отвести свою армію изъ Малыхъ Балканъ къ Адріанополю, чтобы спасти ее отъ двойной грозы. Въ Адріанополѣ Сулейманъ былъ бы уже какъ у себя дома, расположивъ свою армію въ заранѣе приготовленныхъ рвахъ и укрѣпленіяхъ Адріанополя. Но чтобы поспѣть сдѣлать это, Сулейману необходимо было задержать по возможности движеніе русскихъ силъ впередъ. И вотъ онъ выслалъ двухъ парламентеровъ съ предложеніемъ о перемиріи: одного, своего собственнаго адъютанта Зеки-бея, къ Его Высочеству Великому Князю Главнокомандующему; другаго, турецкаго офицера—къ генералу Вельяминову. Оба парламентера пріѣхали къ намъ въ ту минуту когда Скобелевъ уже двигался на Германлы, а въ отрядѣ Гурко генералъ Вельяминовъ атаковалъ позицію Турокъ близъ Самокова, Шуваловъ подходилъ къ Трояновымъ воротамъ, Криденеръ и Шильдеръ-Шульднеръ шли въ обходъ Трояновыхъ воротъ къ Базарджику. При этихъ условіяхъ положеніе арміи Сулеймана, сосредоточенной въ Самоковѣ и Трояновыхъ воротахъ, ежеминутно могло стать критическимъ, и время чтобъ отвести ее на Адріанополь могло быть легко потеряннымъ. Тѣмъ не менѣе, выславъ парламентеровъ, Сулейманъ-паша рѣшился елико возможно быстрѣе уйти со своими войсками къ Адріанополю, надѣясь что парламентеровъ у насъ примутъ, начнутъ съ ними переговоры, остановятъ движеніе войскъ, а онъ межъ тѣмъ успѣетъ ускольз-

нуть отъ насъ и сосредоточиться въ Адріанополѣ. 29-го декабря прибылъ первый турецкій парламентеръ, именно къ генералу Вельяминову, атаковавшему наканунѣ Турокъ у Самокова. Вельяминовъ завладѣлъ наканунѣ нѣсколькими ложементами Турокъ и прекратилъ атаку за наступившею темнотой. На утро 29-го, Вельяминовъ приступилъ было къ продолженію атаки, но едва войска его колонны двинулись въ дѣло и артиллерія открыла огонь, на сторонѣ непріятеля раздались трубные звуки, появились бѣлые флаги и выѣхалъ на встрѣчу нашимъ солдатамъ, шедшимъ въ атаку, парламентеръ съ объявленіемъ что между правительствами воюющихъ сторонъ заключено перемиріе.

— Стрѣляйте въ насъ, мы не будемъ отвѣчать вамъ; мы заключили перемиріе и не хотимъ драться, говорилъ парламентеръ.

— Такъ сдавайтесь! предложилъ ему Вельяминовъ.

— Мы не можемъ сдаваться, ибо въ перемиріе постановлено условіе что каждая сторона остается на занимаемыхъ ею позиціяхъ.

— Я не имѣю никакихъ свѣдѣній и инструкцій относительно перемирія и продолжаю атаку: защищайтесь или сдавайтесь, возражалъ Вельяминовъ.

— Вы не успѣли быть-можетъ получить извѣстій отъ вашего правительства о перемиріи; но вотъ вамъ доказательство, говорилъ парламентеръ,—телеграмма турецкаго военнаго министра изъ Константинополя, предписывающая намъ прекратить военныя дѣйствія, и наконецъ, добавилъ парламентеръ,—я самъ остаюсь у васъ заложникомъ въ подтвержденіе моихъ словъ.

Генералъ Вельяминовъ, занявшій еще наканунѣ выгодныя позиціи противъ непріятеля, согласился пріостано-

вить атаку и отправилъ турецкаго парламентера къ генералу Гурко, испрашивая у него дальнѣйшихъ распоряженій. Турки между тѣмъ вышли изъ своихъ редутовъ и ложементовъ, составили ружья въ козлы и разгуливали взадъ и впередъ въ виду нашей цѣпи; нѣкоторые подходили къ самой цѣпи и угощали нашихъ солдатъ табакомъ и ракіей, изъявляя знаками радость о прекращеніи войны. Но когда наступила ночь съ 29-го на 30-е, они засвѣтили огромные яркіе костры по всей занимаемой ими линіи, оставили на виду у насъ небольшую цѣпь, и всѣми своими силами стали отступать ночью изъ Самокова на Банью и далѣе къ Адріанополю.

Гурко получилъ донесеніе обо всемъ этомъ 30 декабря въ Ихтиманѣ, гдѣ онъ остановился на ночлегъ по дорогѣ къ Трояновымъ воротамъ, куда двигался вмѣстѣ съ колонной Шувалова. Генералъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе. «Преслѣдовать непріятеля, гнаться за нимъ по пятамъ, не дать ему уйти,» писалъ онъ генералу Вельяминову. Но Вельяминовъ самъ уже понялъ турецкую хитрость и, не дожидаясь приказаній Гурко, съ разсвѣтомъ 30 декабря побѣжалъ слѣдомъ за Турками на Банью; турецкій парламентеръ, присланный генераломъ Вельяминовымъ, остался въ свитѣ Гурко. Одновременно съ отступленіемъ изъ Самокова, Турки отступили изъ Трояновыхъ воротъ, направляясь по шоссе на Филиппополь и оттуда далѣе къ Адріанополю. Единственною ихъ цѣлью было успѣть въ цѣлости спастись отъ преслѣдованія ихъ генераломъ Гурко и отъ идущаго имъ на перерѣзъ къ Адріанополю генерала Скобелева. Чтобы задержать по возможности наше движеніе въ погоню за ними, Сулейманъ-паша продолжалъ посылать къ намъ парламентеровъ съ предложеніями о немедленномъ заключеніи перемирія. Вто-

рымъ турецкимъ парламентеромъ былъ адъютантъ Сулейманъ-паши, Зеки-бей, который прибылъ 30 же декабря въ Ихтиманъ и объявилъ генералу что Турки желаютъ вести переговоры о мирѣ и потому просятъ прекратить военныя дѣйствія. Этотъ второй парламентеръ оказался очень образованнымъ и весьма умнымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ старо-турецкой консервативной партіи. Пріѣхалъ онъ къ намъ предубѣжденный противъ Русскихъ, и первый день проведенный съ нами велъ себя крайне сдержанно, видимо взвѣшивая каждое свое слово. Но принятый нами радушно, очарованный добродушіемъ и привлекающею любезностью гвардейской свиты и ординарцевъ генерала Гурко, Зеки-бей сталъ на другой же день совсѣмъ инымъ въ обхожденіи съ нами. Онъ иначе не называлъ насъ какъ «мои дорогіе враги» (mes chers ennemis), и признался откровенно что единственная армія, уцѣлѣвшая у Турокъ отъ разгрома, это нынѣ отступающая предъ нами на Адріанополь. Если этой арміи не удастся благополучно добраться до Адріанополя, то у Турціи не останется ровно ничего подъ ружьемъ. «Мы спасаемъ нашу честь въ настоящую минуту,» прибавилъ Зеки-бей, «чтобы встрѣтить переговоры о мирѣ, имѣя въ Адріанополѣ хоть какую-нибудь армію.» Слова эти Зеки-бей подтверждалъ тѣмъ нервнымъ состояніемъ и испуганнымъ видомъ который невольно принималъ каждый разъ когда раздавались впереди глухіе удары орудій или звуки ружейной пальбы. «Вы догоняете насъ», говорилъ Зеки-бей, вслушиваясь тревожно въ даль при каждомъ грохотѣ пушки: «Но вамъ не догнать насъ; вы опоздали на цѣлыя сутки,» прибавилъ онъ въ утѣшеніе себѣ. Гурко между тѣмъ усиливалъ марши своего отряда, предполагая не только догнать непріятеля, но перегнать его, забѣжать ему впе-

редъ и стать поперекъ дороги. Отрядъ нашъ двигался черезъ Малые Балканы *«подобно вихрю»* со всею тяжелою артиллеріей и забиралъ въ плѣнъ попадавшихся на пути отсталыхъ Турокъ. Этихъ отсталыхъ было много. До Базарджика мы набрали до трехъ тысячъ человѣкъ плѣнныхъ. Только лѣнивый, можно сказать, не приводилъ плѣнныхъ къ Гурко. Въ Базарджикѣ даже одинъ полковой священникъ представилъ къ Гурко двухъ турецкихъ солдатъ, лично схваченныхъ имъ съ оружіемъ въ рукахъ. Случай этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ. Проходя по улицамъ Базарджика со 2-ю гвардейскою дивизіей (съ колонной Шувалова), священникъ зашелъ въ пустой домъ чтобы на скорую руку развести тамъ огонь и напиться чаю. Пока кипятилась вода, священникъ замѣтилъ въ комнатѣ плотно притворенныя дверцы шкафа вдѣланнаго въ стѣнѣ. Любопытствуя узнать нѣтъ ли чего въ этомъ шкафу съѣдобнаго, священникъ отворилъ дверцы и, къ ужасу своему, увидалъ Турка сидящаго въ шкафу съ ружьемъ въ рукахъ. Нѣсколько мгновеній оба, и священникъ и Турокъ, испуганно смотрѣли другъ на друга. Наконецъ Турокъ началъ первый: «Аманъ, аманъ!» сталъ восклицать онъ.

— Положи оружіе! проговорилъ тогда священникъ повелительнымъ голосомъ. «Аманъ, аманъ,» повторилъ Турокъ, самъ протягивая ружье священнику и сдаваясь военноплѣннымъ.

Въ комнатѣ находился другой шкафъ, подобный первому, и въ немъ также сидѣлъ спрятавшійся отъ русскаго преслѣдованія турецкій солдатъ, который тоже не замедлилъ положить оружіе предъ священникомъ и безусловно сдаться военноплѣннымъ.

Преслѣдуемый отрядомъ Гурко, непріятель отмѣчалъ

между тѣмъ путь своего отступленія пожарами и кровью мирнаго христіанскаго населенія. Предъ нами впереди по сторонамъ дороги стояли въ воздухѣ столбы чернаго дыма надъ пылающими деревьями и селами. На встрѣчу имъ выбѣгали обезумѣвшіе отъ страха Болгары и цѣловали руки генерала, называя его «благодѣтелемъ и спасителемъ ихъ.» Прикрывавшіе отступленіе турецкаго войска Черкесы и баши-бузуки свирѣпствовали на прощанье по деревнямъ и рѣзали жителей. Между Базарджикомъ и Филиппополемъ драгуны наткнулись въ одномъ изъ селеній на процессію, состоявшую изъ ряда носилокъ, несомыхъ Болгарами съ плачемъ и воемъ. На носилкахъ лежали изуродованныя тѣла только-что зарѣзанныхъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей. Всего часъ тому назадъ изъ этого селенія ушли Черкесы.

Въ продолженіе всей дороги мы не теряли изъ виду отдалявшейся по мѣрѣ нашего приближенія турецкой кавалеріи и за нею темныхъ массъ поспѣшно отступавшаго турецкаго войска. Къ вечеру 3-го января, мы уже на столько обогнали Самоковскій отрядъ Турокъ что рѣшено было съ разсвѣтомъ 4-го приступить къ атакѣ непріятеля. Для этого вечеромъ, 3 января, колонна Шувалова перешла въ бродъ рѣку Марицу, сдѣлавъ 27 часовъ пути безъ отдыха, лишь съ небольшими передышками въ полчаса и часъ. Первою перешла въ бродъ гвардейская стрѣлковая бригада: баталіонъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи и баталіонъ стрѣлковъ Его Величества, которые послѣ 27 часовъ безостановочнаго движенія сначала по горамъ, затѣмъ по равнинѣ, продолжали движеніе, наконецъ, по горло въ водѣ, въ боевомъ порядкѣ, сомкнутымъ строемъ, и перейдя рѣку, несмотря на морозъ и рѣзкій вѣтеръ, стали тотчасъ же на позиціи противъ непріятеля,

и съ этой минуты непрерывно, въ теченіе трехъ сутокъ, дрались съ Турками!

Въ предыдущемъ письмѣ я сообщилъ уже въ общихъ чертахъ исторію трехдневнаго боя на правомъ берегу Марицы и гибель арміи Сулеймана, оставившей намъ 115 орудій и разсѣявшейся по дикимъ горамъ Родопскаго Балкана, въ ущельяхъ и высотахъ Деспото-дага.

Гибелью этой арміи завершается цѣлый періодъ дѣятельности отряда генерала Гурко. Непріятель бывшій предъ нами съ самаго Горняго Дубника въ Балканахъ и за Балканами не существуетъ болѣе, разсѣянный, послѣдовательно уничтоженный длиннымъ рядомъ то кровавыхъ дѣлъ, то тяжелыхъ, но успѣшныхъ маневровъ въ горахъ, наконецъ послѣднимъ усиленнымъ преслѣдованіемъ его въ равнинѣ р. Марицы. Съ прибытіемъ въ Филиппополь, отрядъ Гурко вступилъ уже въ соединеніе съ остальными силами русской арміи, перешедшими Балканы на Шипкѣ. Въ связи съ ними Гурко будетъ двигаться далѣе къ Адріанополю. Болгары, граждане Филиппополя, предложили вчера обѣдъ генералу Гурко, на которомъ было провозглашено здоровье Государя Императора, Великаго Князя Главнокомандующаго, и затѣмъ одинъ изъ гражданъ предложилъ тостъ за генерала Гурко. Графъ Шуваловъ произнесъ послѣ этого тоста короткую рѣчь, въ которой сказалъ что безъ энергіи и настойчивости Гурко мы не сдѣлали бы того что̀ завершили нынѣ, и быть-можетъ съ другимъ начальникомъ стояли бы и по сію минуту предъ твердынями Араба-Конака. «Проходя мысленно все что̀ преодолѣла русская армія,» прибавилъ Шуваловъ, обращаясь къ Гурко, «я говорю прямо что она преодолѣла невозможное, но я глубоко и искренно убѣжденъ, что преодолѣла она всѣ трудности и препятствія только благо-

даря вашему высокопревосходительству, вашей настойчивой энергіи, благодаря тому что для васъ не существовало слова—невозможно. Позвольте же офицерамъ имѣвшимъ счастіе быть руководимыми вами на славные подвиги поднять тостъ за ваше высокопревосходительство.» Гурко отвѣтилъ на это словами: «Вы привели меня въ смущеніе. Я ли виновникъ всего что̀ достигнуто нами? Слушая васъ я подумалъ было что въ самомъ дѣлѣ я имѣю такое значеніе. Но я обратился къ своей совѣсти, и совѣсть моя говоритъ мнѣ что во всемъ этомъ я—ничтожество. Я—только счастливая случайность. Богъ помогъ намъ. Богъ былъ моею защитой въ теченіе всего прошлаго года; да, скажу по правдѣ, Богъ былъ моею защитой. Я же—только счастливая случайность. Мнѣ выпала на долю высокая честь—командовать русскою арміей, и всякій на моемъ мѣстѣ достигъ бы того же что̀ достигнуто теперь нами. Съ другою арміей ни я, никто не были бы здѣсь. Но съ русскими солдатами я намѣчалъ только путь; все дѣлали богатыри-солдаты. Да здравствуютъ русскіе солдаты!»

Филиппополь,
9-го января 1878 года.

Отъ Филиппополя до Адріанополя.—Переселеніе мусульманъ.—Вступленіе въ Адріанополь Великаго Князя Главнокомандующаго.

11 января Гурко выступилъ изъ Филиппополя къ Адріанополю, уже занятому наканунѣ войсками отряда генерала Скобелева. Многочисленная армія Сулейманъ-паши, долженствовавшая встрѣтить насъ подъ стѣнами Адріано-

поля, не существовала болѣе, разсѣянная, уничтоженная еще въ окрестностяхъ Филиппополя войсками нашего отряда. Ничтожный гарнизонъ турецкаго войска, находившійся въ Адріанополѣ, не могъ представить сопротивленія, да и не хотѣлъ сопротивляться; онъ покинулъ городъ не медля, едва только дошла до него вѣсть о гибели арміи Сулейманъ-паши. Вмѣстѣ съ гарнизономъ уѣхали въ Константинополь по желѣзной дорогѣ и всѣ турецкія гражданскія власти, оставивъ городъ на произволъ судьбы. Все это произошло 6 января. 8-го января приблизился къ Адріанополю авангардъ отряда генерала Скобелева, двигавшагося прямою дорогой къ Адріанополю изъ Ески-Загры на Германлы; авангардъ былъ встрѣченъ въ окрестностяхъ Адріанополя депутаціей гражданъ города, состоявшей изъ представителей четырехъ національностей: греческой, болгарской, армянской и еврейской. Депутація привѣтствовала Русскихъ и призывала ихъ поспѣшить вступленіемъ въ покинутый турецкими властями городъ, для скорѣйшаго водворенія въ немъ русской власти и порядка. 10 января въ Адріанополь вошелъ генералъ Скобелевъ и занялъ городъ войсками своего отряда. 14 января предполагалъ прибыть въ Адріанополь изъ Ески-Загры Великій Князь Главнокомандующій со своимъ штабомъ.

Гурко спѣшилъ изъ Филиппополя въ Адріанополь, чтобы пріѣхать раньше Великаго Князя и встрѣтить Его Высочество въ древней столицѣ Турціи. Мы выступили изъ Филиппополя 11 января, и выйдя изъ лабиринта узкихъ улицъ Филиппополя, снова очутились на просторѣ. Голубоватыя цѣпи горъ потянулись вдали, увѣнчанныя на вершинѣ снѣгомъ. По равнинѣ струились и бѣжали со всѣхъ сторонъ ручьи, бурлилъ иногда потокъ съ бѣлою пѣной, кидаясь къ Марицѣ. Почва была мягкая, влаж-

ная, мѣстами на ней еще лежалъ снѣгъ, но въ холодномъ вѣтрѣ уже чувствовались по временамъ теплыя теченія воздуха. Природа находилась въ томъ переходномъ состояніи отъ зимы къ веснѣ въ какомъ бываетъ въ Россіи пора таянія снѣга. На небѣ, по утрамъ и къ вечеру, нѣжныя краски; деревья еще голыя, но съ сизоватымъ отливомъ; повсюду шумъ воды, сѣрая топкая земля; въ мѣстахъ прикрытыхъ тѣнью затвердѣлый снѣгъ.

Непріятеля уже не было болѣе предъ нами, но во всю длину дороги не покидали насъ еще свѣжіе слѣды войны, картины одна ужаснѣе другой; непрерывныя картины бѣдствій и разоренія сопровождали насъ на 150 слишкомъ верстъ пути отъ Филиппополя до Адріанополя. На этотъ разъ то были не картины поля сраженія, къ которому невольно привыкъ уже глазъ и чувство притупилось. Тутъ на дорогѣ и по сторонамъ ея лежали на каждомъ шагу яркіе свидѣтели иного болѣе разнообразнаго страданія.

Настоящая война замѣчательна въ особенности поголовнымъ исчезновеніемъ съ лица Болгаріи мусульманскаго населенія, которое бѣжало отовсюду, куда только приближались русскія войска. Сознаніе ли того что пришелъ конецъ господству мусульманъ на Балканскомъ полуостровѣ, или же чувство виновности въ злодѣяніяхъ прошлаго года и страхъ мести Болгаръ руководили населеніемъ Турціи? Но грозная судьба стряслась надъ Востокомъ въ настоящую минуту, судьба, которой мы были только посторонними зрителями. Мы пришли въ Болгарію воевать съ турецкимъ войскомъ и застали выселеніе цѣлаго народа. Пока еще длилась война и Турки задерживали у Плевны наступательное движеніе русской арміи, жители городовъ и деревень выселялись постепенно, имѣя время собраться въ путь, отобрать вооруженною рукой у Болгаръ,

все что имъ было нужно на дорогу и подвигаться не спѣша на югъ. Но когда, послѣ паденія Плевны, военныя событія послѣдовали одно за другимъ съ неожиданною неимовѣрною быстротой, когда Гурко съ одной стороны въ 6 дней изъ-подъ Софіи очутился у Филиппополя, а Скобелевъ съ другой быстро шелъ прямо на Адріанополь, все не успѣвшее уйти мирное населеніе, собравшееся массами въ Филиппополѣ и по дорогѣ къ Адріанополю, было застигнуто этими событіями врасполохъ. Болѣе или менѣе правильное выселеніе превратилось внезапно въ паническое безпорядочное бѣгство. Слѣды этого бѣгства мы увидѣли впервые по выходѣ изъ Филиппополя по пути къ Адріанополю. Весь этотъ путь буквально усѣянъ трупами стариковъ, женщинъ, грудныхъ дѣтей, падалью буйволовъ, воловъ, собакъ и лошадей, тысячами брошенныхъ телѣгъ, грудами всякаго рода имущества. Мы двигались цѣлые часы по шоссе по затоптаннымъ въ грязь коврамъ, одѣяламъ, подушкамъ; копыта нашихъ лошадей то и дѣло натыкались на трупы то старика мусульманина съ чалмой на головѣ, съ сѣдою бородой обрамлявшею благообразное худое лицо съ патріархальнымъ видомъ, то на трупъ женщины лежавшей ничкомъ, закутавшейся въ разноцвѣтныя ткани, то на трупъ младенца въ одной рубашечкѣ. Близь Хаскіоя, въ одномъ мѣстѣ картина этого бѣдствія приняла грандіозные размѣры. Тутъ все валявшееся на землѣ можно было считать тысячами. Все пространство доступное взору было усыпано пестрыми красками, сливавшимися въ одинъ сѣроватый оттѣнокъ. Словно сама земля тутъ взошла какимъ-то особымъ посѣвомъ.

По разказамъ, этотъ громадный обозъ, голова котораго приходилась въ Константинополѣ, а хвостъ только еще выходилъ изъ Филиппополя, двигался по шоссе подъ при-

крытіемъ небольшаго числа Черкесовъ и нѣсколькихъ ротъ турецкой пѣхоты. Наша кавалерія, державшая разъѣзды уже съ 4 января за Филиппополемъ, натолкнулась на этотъ обозъ и своимъ появленіемъ въ тылу у него и по сторонамъ довершила тотъ паническій страхъ съ которымъ стремились мусульмане къ Константинополю. Завидѣвъ русскую кавалерію, часть переселенцевъ бросилась отъ обоза бѣжать въ горы и разсыпалась по равнинѣ; женщины кидали своихъ дѣтей, чтобъ облегчить собственное бѣгство; другая часть переселенцевъ осталась при обозѣ. Черкесы и турецкая пѣхота открыли огонь по нашей кавалеріи; вооруженные мусульмане также приняли участіе въ перестрѣлкѣ. Наша кавалерія въ свою очередь отвѣчала на огонь Черкесовъ и Турокъ. Завязалось дѣло у обоза, кончившееся поспѣшнымъ бѣгствомъ Черкесовъ, турецкой пѣхоты и всѣхъ способныхъ бѣжать переселенцевъ. Но въ этомъ дѣлѣ много мусульманъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей было ранено и убито; потери нашей кавалеріи простирались до 40 человѣкъ. Въ обозѣ остались кромѣ того слабые, больные, старики и грудныя дѣти не способныя двигаться. Ночи 4 и 5 января были холодныя, морозныя, и множество этихъ переселенцевъ, оставшихся по слабости и болѣзни на дорогѣ среди разломанныхъ телѣгъ и убитыхъ воловъ, закоченѣли у обоза или умерли отъ голода. Этимъ и объясняется та масса труповъ которую мы видѣли на нашемъ пути отъ Филиппополя къ Адріанополю. Кромѣ того, почти одновременно съ появленіемъ нашей кавалеріи за Филиппополемъ, показались у Германлы первые всадники авангарда генерала Скобелева, и тотъ же самый обозъ былъ застигнутъ на другомъ концѣ паническимъ страхомъ и брошенъ переселенцами бѣжавшими въ разныя стороны.

Какъ бы то ни было, одна и та же раздражающая картина смерти и разоренія тянулась непрерывно на 150 верстъ пути, и чѣмъ далѣе подвигались мы къ Адріанополю тѣмъ живѣе и ярче становились слѣды той неумолимой судьбы которая обрушилась нынѣ на мусульманское населеніе. Стали попадаться на пути, между мертвыми, и живые еще переселенцы, отставшіе отъ своихъ семействъ. Вотъ женщина крѣпко обвившая руками телеграфный столбъ и плотно прижавшаяся къ нему; она еще дышетъ. Мы предлагаемъ ей хлѣба и вина. Она напрягаетъ послѣднія силы чтобы спрятать поглубже въ фату свое лицо, и съ усиліемъ отрываетъ руку отъ столба чтобъ отмахнуться отъ нашего хлѣба и вина. Она всецѣло отдалась судьбѣ и къ завтрему умретъ отъ голода или закоченѣетъ въ ночь у телеграфнаго столба. Тамъ, далѣе, мы видимъ среди труповъ, разломанныхъ телѣгъ, лошадиной падали, мальчугана лѣтъ трехъ или четырехъ. Онъ сидитъ одиноко, поджавъ ноги, и наклонился надъ остатками потухающаго костра; тутъ же около костра валяется трупъ старика въ чалмѣ; тощая собака обнюхиваетъ трупъ. Казакъ Кубанецъ подъѣзжаетъ къ мальчугану, и не спрашивая его согласія, беретъ его къ себѣ на сѣдло, завертываетъ въ бурку отъ холода и продолжаетъ путь. Наши казаки подобрали много брошенныхъ на дорогѣ малыхъ дѣтей. Принцъ Ольденбургскій нагрузилъ санитарныя фуры и обозы своей бригады сотнею подобранныхъ на пути старцевъ, дѣтей и женщинъ. Но эти голодные и умирающіе на дорогѣ мусульмане сами ни единымъ знакомъ, ни единымъ взглядомъ не молятъ о помощи и не ищутъ сострадания. Вчера они были тутъ господами, сегодня устилаютъ здѣсь путь своими трупами; но спокойно, безъ ропота отдаются они постигающему ихъ року.

Мы видимъ по временамъ партіи Болгаръ шныряющихъ между разломанными телѣгами. Болгары роются въ брошенномъ турецкомъ имуществѣ, выбираютъ себѣ годные куски; тащатъ одѣяла, посуду, одежды и навьючиваютъ этимъ добромъ воловъ и лошадей; увозятъ уцѣлѣвшія телѣги. Минутами насъ возмущаетъ эта картина. Мы подъѣзжаемъ къ Болгарамъ съ угрозой, приказываемъ бросить награбленныя вещи. Но Болгаринъ, всегда застѣнчивый и пугливый, обнаруживаетъ внезапно энергію, увѣренность. «То мое!» отвѣчаетъ онъ твердо на наше приказаніе, «то отняли у меня Турки.»

Еще далѣе по дорогѣ попадаются цѣлыя группы еле передвигающихъ ноги старцевъ, женщинъ съ грудными дѣтьми за спиной; они дѣлаютъ пять шаговъ впередъ и присаживаются въ изнеможеніи на землю. Еще далѣе группы становятся многочисленнѣе; все восточные типы, пестрые цвѣта, все усталыя, убитыя лица. Разбѣжавшись въ первую минуту нашего появленія за Филиппополемъ, они мало-по-малу собираются снова близь Адріанополя и выходятъ на дорогу чтобы продолжать свой путь на Истамбулъ. За Германлы мы нагоняемъ уже цѣлый движущійся обозъ: арбы и телѣги скрипятъ, въ нихъ лежатъ больные и слабые; остальное идетъ по бокамъ пѣшкомъ; женщины отворачиваются отъ насъ, прячутъ свои лица въ фату или просто обращаются къ намъ спиной. Чѣмъ дальше тѣмъ обозъ становится многочисленнѣе: арбы двигаются въ четыре, пять и шесть рядовъ подъ рядъ, народу идутъ массы, словно рѣка колыхающаяся разноцвѣтными, пестрыми волнами. Эта рѣка течетъ не обращая на насъ вниманія, занятая лишь своимъ собственнымъ теченіемъ, не смѣшиваясь съ нами, не обращаясь къ намъ. Это—переселеніе народа, нечаянно застигнутое нами. Оно

продолжаетъ на глазахъ у насъ свое отдѣльное теченіе. Его волны уже нахлынули въ Константинополь. Дальнѣйшій ихъ путь еще неизвѣстенъ. Мы застали на своей дорогѣ только слѣды этого отлива мусульманскаго міра изъ его прежняго ложа.

Гурко прибылъ 12 января въ Германлы, гдѣ остановился на ночлегъ. Отъ Филиппополя до Германлы Турки сожгли всѣ мосты на желѣзной дорогѣ, и поѣзды могутъ двигаться къ Адріанополю только начиная съ Германлы. На станціи желѣзной дороги оказалось нѣсколько вагоновъ и локомотивовъ, и 13-го Гурко продолжалъ путь къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ. Послѣ многихъ дней проведенныхъ на просторѣ и непрерывной верховой ѣзды, вагонъ кажется намъ тѣснымъ и душнымъ ящикомъ, въ которомъ насъ заперли на нѣсколько часовъ. Изъ оконъ вагона мы видимъ съ одной стороны холмистую мѣстность, переходящую вдали въ высокія горы, съ другой тянется влажная низменность, поросшая рощами кипарисовыхъ деревьевъ. По ней шумитъ Марица зеленоватыми волнами, то пропадая за деревьями, то вновь выходя на просторъ. День стоитъ солнечный, теплый. На всемъ лежитъ золотистый блескъ. Мелькаютъ на шоссе фуры, зарядные ящики, орудія, обозы, казачьи сотни, солдаты идущіе въ колоннахъ по-ротно, по-баталіонно, съ ружьями на плечахъ, словно движутся правильные, сѣрые квадраты ощетинившіеся тысячами штыковъ. У полотна желѣзной дороги течетъ все та же тѣсно сплоченная пестрая масса переселенцевъ. Вотъ промелькнули грозныя укрѣпленія возведенныя Турками на естественныхъ и искусственно насыпанныхъ холмахъ. Раздаются звуки военной музыки, барабанный бой. Почетный караулъ на станціи отдаетъ честь подъѣзжающему генералу Гурко. Поѣздъ остановился.

Генералъ Скобелевъ встрѣчаетъ Гурко на станціи; они обмѣниваются привѣтствіемъ, и мы направляемся всѣ чрезъ минуту верхомъ въ городъ. До города три-четыре версты. Мечеть «Султанъ Селимъ» высится своими четырьмя минаретами и подавляетъ своею громадой остальныя постройки. Вотъ и узкія улицы, и дома съ навѣсами. Толпа любопытныхъ смѣшанной національности: Грековъ, Болгаръ, Армянъ, Евреевъ, нѣсколько Турокъ, наполняетъ улицы, раздвигается и тѣснится чтобы дать дорогу. Изъ оконъ выглядываютъ женщины. Всѣ смотрятъ на Гурко. «Гурко, Гурко,» слышится постоянно въ толпѣ. Гурко останавливается на минуту, чтобы выслушать привѣтствіе и короткую молитву, произносимую то болгарскимъ епископомъ, то армянскимъ, то еврейскимъ раввиномъ, наконецъ греческимъ митрополитомъ Діонисіемъ. Этотъ Діонисій, извѣстный туркофилъ, благословившій не такъ давно турецкія войска шедшія на войну съ Сербіей, теперь благословляетъ насъ.

Адріанополь былъ занятъ отрядомъ генерала Скобелева безъ выстрѣла, хотя Турки и приготовили вокругъ Адріанополя 72 укрѣпленныя позиціи для встрѣчи Русскихъ перекрестнымъ огнемъ. Эти позиціи были разчитаны на помѣщеніе въ нихъ 150-ти тысячной арміи, но армія эта, какъ извѣстно, не дошла до Адріанополя. Часть ея положила оружіе на Шипкѣ, часть уничтожилъ Гурко у Филиппополя. Небольшой гарнизонъ Адріанополя, въ шесть тысячъ человѣкъ солдатъ, покинулъ городъ 6 января, едва только услыхалъ о пораженіи Весселя и Сулеймана пашей. Вали адріанопольскій, Джемиль-паша, со всѣми гражданскими властями уѣхалъ въ Константинополь тоже 6 января, вечеромъ. Гарнизонъ и власти скрылись изъ Адріанополя до того поспѣшно что бросили на станціи же-

лѣзной дороги 26 орудій, воображая что Русскіе уже близко и что орудія не поспѣютъ увезти. По отъѣздѣ властей, городъ остался на попеченіи иностранныхъ консуловъ. Въ городѣ началась тревога. Никто изъ жителей не проводилъ ночи спокойно у себя дома. Хотя пять шестыхъ мусульманскаго населенія и покинули Адріанополь, въ городѣ еще оставались вооруженные мусульмане; множество переселенцевъ проходили мимо города, могли ворваться въ городъ Черкесы и баши-бузуки. Джемиль-паша оставилъ, по требованію консуловъ, 72 солдата для охраненія Адріанополя. Эти солдаты держали патрули въ городѣ, но ихъ было слишкомъ мало. Жители вооружались сами и проводили тревожные часы въ страхѣ возможнаго нашествія баши-бузуковъ или Черкесовъ. Русскихъ они ждали съ нетерпѣніемъ и рѣшили выслать депутацію на встрѣчу Русскимъ. Депутація эта дошла до мѣстечка Мустафа-Паша, куда вступала въ то время кавалерія подъ начальствомъ генерала Струкова, составлявшая авангардъ отряда Скобелева. Депутація поднесла Струкову хлѣбъ-соль и ключи, какъ символъ сдачи Адріанополя, и просила Струкова поспѣшить занятіемъ города,—это было 8 января. 10-го вошелъ въ городъ Скобелевъ; 13-го пріѣхалъ Гурко.

14 января, въ Адріанополь прибылъ Его Высочество Великій Князь Главнокомандующій и совершилъ свое вступленіе въ древнѣйшую столицу Турціи.

Станція желѣзной дороги разукрашена флагами. Блестящіе мундиры военныхъ тѣснятся на платформѣ. Великій Князь выходитъ изъ вагона, здоровается, обнимаетъ Гурко и Нагловскаго. Говоритъ тому и другому привѣтливыя слова. Садится верхомъ. По всей дорогѣ шпалерами выстроены войска. *Ура* гремитъ и перекатывается по всей

линіи войскъ, сливаясь съ барабаннымъ боемъ и звуками военной музыки. Въ воздухѣ стоитъ цѣлый хоръ оглушающихъ звуковъ *ура*, барабанный бой и музыка сопровождаютъ Великаго Князя всю дорогу до города. У входа въ городъ воздвигнута тріумфальная арка изъ мирта и лавра; на ея верху, окаймленный лавровымъ вѣнкомъ, портретъ Государя Императора. Развѣваются хоругви; блестятъ иконы и кресты, ризы духовенства. Звучитъ церковное пѣніе. Женщины поднимаютъ на рукахъ дѣтей, протягивающихъ маленькими ручонками букеты цвѣтовъ побѣдителю. Улицы Адріанополя затоплены народомъ. Балконы и окна домовъ разукрашены флагами, переполнены женщинами. Оттуда сыплется цѣлый дождь зеленыхъ вѣтокъ лавра и мирта. Красивая, стройная фигура Великаго Князя двигается одна впереди, надъ шумящею и гудящею толпой. За Великимъ Княземъ, плотнымъ строемъ, подвигаются блестящіе мундиры военныхъ, среди тѣсно столпившихся по сторонамъ красныхъ фесокъ, тюрбановъ, восточныхъ лицъ, тысячъ народа махающаго платками, шапками, кричащаго привѣтствія каждый на своемъ языкѣ.

Адріанополь,
16 января 1878 года.

2007099218